

ФЕДЕРАЛЬНОЕ ГОСУДАРСТВЕННОЕ БЮДЖЕТНОЕ УЧРЕЖДЕНИЕ
НАУКИ
ИНСТИТУТ МИРОВОЙ ЛИТЕРАТУРЫ ИМ. А.М. ГОРЬКОГО
РОССИЙСКОЙ АКАДЕМИИ НАУК

На правах рукописи

Служаева Ольга Олеговна

**ТВОРЧЕСТВО А.М. ДОБРОЛЮБОВА 1903–1911 ГГ.:
ГЕНЕЗИС, ПОЭТИКА, ПРОБЛЕМЫ АТРИБУЦИИ**

Специальность 5.9.1. — Русская литература и литературы народов
Российской Федерации

Диссертация на соискание ученой степени
кандидата филологических наук

Научный руководитель:
член-корреспондент РАН,
доктор филологических наук,
главный научный сотрудник
ИМЛИ РАН
А.Л. Топорков

Москва

2025

Оглавление

ВВЕДЕНИЕ	3
ГЛАВА 1. ТВОРЧЕСТВО А.М. ДОБРОЛЮБОВА 1890-Х–1900-Х ГГ. И ОСОБЕННОСТИ ЕГО РЕЛИГИОЗНЫХ ВЗГЛЯДОВ	24
1.1. Биографическая канва жизни А.М. Добролюбова в 1890-х–1900-х гг.	24
1.2. Религиозно-философские идеи А.М. Добролюбова. История общины добролюбовцев	40
1.3. Образ поэта в рецепции современников	64
ГЛАВА 2. ГЕНЕЗИС И ПОЭТИКА СБОРНИКА «ИЗ КНИГИ НЕВИДИМОЙ»	76
2.1. Творческая история «Из книги невидимой».....	76
2.2. Литературные источники третьей книги А.М. Добролюбова	101
2.3. Жанровая структура сборника	132
2.4. Образ книги в третьем сборнике А. Добролюбова	156
ГЛАВА 3. ДУХОВНЫЕ ПЕСНИ АЛЕКСАНДРА ДОБРОЛЮБОВА: ИСТОЧНИКИ И ВОПРОСЫ АТТРИБУЦИИ	179
3.1. Круг песнопений добролюбовцев.....	179
3.2. Проблема авторства духовных песен добролюбовцев	188
3.3. Структура духовных песен.....	228
3.4. Лирический сюжет и субъектно-объектная организация духовных песен А.М. Добролюбова	230
3.5. Художественный язык духовных песен.....	239
ЗАКЛЮЧЕНИЕ.....	259
ПРИЛОЖЕНИЯ	270
Список публикуемых текстов	272
ПРИЛОЖЕНИЕ 1. ДУХОВНЫЕ ПЕСНИ АЛЕКСАНДРА ДОБРОЛЮБОВА	274
ПРИЛОЖЕНИЕ 2. ДУХОВНЫЕ ПЕСНИ ЛЕОНИДА СЕМЕНОВА.....	337
ПРИЛОЖЕНИЕ 3. ДУХОВНЫЕ ПЕСНИ АЛЕКСЕЯ УСКОВА И ГРИГОРИЯ МИРОНОВА	344
БИБЛИОГРАФИЯ.....	350

Введение

При жизни поэта-символиста Александра Добролюбова (1876–1945 гг.) были изданы три сборника его произведений: «Natura naturans. Natura naturata» (1895 г.), «Собрание стихов» (1900 г.), «Из книги невидимой» (1905 г.). Репринты его книг и стихотворений, опубликованных в журнале «Северные цветы», вышли в двух выпусках журнала «Modern Russian literature and culture: studies and texts» в Беркли — в 1981 и 1983 гг. В России единственное переиздание произведений Добролюбова с включением в него ранее не опубликованных текстов было осуществлено А.А. Кобринским в книге «Ранние символисты: Н. Минский, А. Добролюбов. Стихотворения и поэмы» в 2005 г. С первых научных работ, посвященных писателю, исследователи выделяли сборник «Из книги невидимой», рассматривая его в качестве нового этапа литературного творчества Добролюбова. Написание третьей книги было во многом связано с изменившимися обстоятельствами жизни поэта — формированием собственных религиозных взглядов, странствиями по землям Российской империи, сближением с крестьянами, созданием общины верующих, переходом от написания стихов к сочинению духовных песен.

О поэтике сборника «Из книги невидимой» писали К.М. Азадовский, Е.В. Иванова, А.А. Кобринский, Ю.Б. Орлицкий, однако монографических работ, посвященных его анализу, прежде не было. Рассмотрению духовных песен добролюбовцев в контексте влияния хлыстовского распева на их образную структуру посвящен небольшой раздел в книге А. Эткинда «Хлыст»^{*}. Работ, связанных с установлением авторства духовных песен, анализом фольклорных и библейских мотивов в них, в настоящее время нет. Основные направления научных работ о творчестве Добролюбова были связаны с биографическими разысканиями о нем, изучением теоретических

^{*} 18+ А.М. Эткинд признан Минюстом РФ иностранным агентом.

аспектов, касающихся жанровой системы его произведений, его роли в реформации стиха, ученые отмечали влияния фольклора на поэтику его произведений.

Необходимостью исследовать произведения А.М. Добролюбова 1903–1911 гг. и включить духовные песни в литературоведческий оборот для воссоздания более целостного облика писателя продиктована **актуальность нашего исследования.**

Объект диссертации — корпус текстов Добролюбова, созданных им в период между 1903 и 1911 гг.

Предмет исследования — поэтика, литературные и фольклорные источники творчества Добролюбова 1903–1911 гг.

В качестве **материала** использовались опубликованные произведения Добролюбова и его современников (писателей, мыслителей, религиозных деятелей), литература о русском символизме и религиозных течениях начала XX в. В значительной мере диссертация основана на архивных материалах, которые впервые вводятся в научный оборот. Ценными источниками стали письма последователей Добролюбова: П. Картушина — И. Книжник-Ветрову¹, Н. Суцкого — С. Дурылину². Множество сведений о религиозных воззрениях Добролюбова и жизненном укладе добролюбовцев зафиксировал в своей работе «Какими я их знаю. Рассказы о "брате Александре" Добролюбове, его друзьях и последователях»³ И.П. Ярков. Рапорты епархиального миссионера о создании Добролюбовым секты в Самарской губернии, хранящиеся в Самарском областном государственном архиве социально-политической истории⁴ и в Российском государственном историческом архиве⁵, демонстрируют отношение представителей православной церкви к неофициальным религиозным течениям и

¹ Картушин П.П. Письма И.С. Книжник-Ветрову // ОР РНБ. Ф. 352. Ед. хр. 1846.

² Письма Суцкого Н.Г. Дурылину С.Н. // РГАЛИ. Ф. 2980. Оп. 1. Ед. хр. 824.

³ Ярков И.П. Какими я их знаю. Рассказы о «брате Александре» Добролюбове, его друзьях и последователях // ОР РГБ. Ф. 218. К. 1394. Ед. хр. 2.

⁴ О появлении в селе Семеновки последователей секты «Квакари» // ЦГАСО. Ф. 1. Оп. 1. Д. 5564.

⁵ Рапорт епархиального миссионера проповедника Михаила Алексеева (копия) / Дело отделения Департамента духовных дел Министерства Внутренних Дел. Секта квакеров // РГИА. Ф. 821. Ед.хр. 318.

предоставляют ценную информацию, полученную в ходе общения миссионера с последователями Добролюбова. Кроме того, религиозно-философские взгляды Добролюбова были выражены в его произведениях, созданных во время его духовных поисков: «Из книги невидимой» и «Мои вечные спутники», а также в размышлениях Добролюбова о религии, отразившихся в его письмах и небольших прозаических текстах, сохранившихся в архиве Сергея Дурылина в записи П. Картушина⁶.

Хронологические границы периода, рассматриваемого в диссертации, определяются тем, что, с одной стороны, основные произведения Добролюбова, включенные в его сборник «Из книги невидимой», создавались в 1903–1904 гг., а с другой — большинство духовных песен, которые ему приписываются, уже были написаны к 1911 г.

Научная новизна диссертационного исследования обусловлена тем, что в нем впервые всесторонне исследован сборник Добролюбова «Из книги невидимой», осуществлена атрибуция текстов духовных песен добролюбовцев на основе всех сохранившихся рукописных источников, в том числе прежде не использовавшихся. В Приложении к диссертации впервые представлены варианты духовных песен добролюбовцев на основании трех списков (А.К. Чертковой, С.Н. Дурылина, И.П. Яркова) с указанием разночтений в них; публикуются также архивные тексты духовных песен Л. Семенова и последователей Добролюбова — А. Ускова и Г. Миронова, помогающие лучше понять круг песнопений добролюбовцев. Кроме того, в работе впервые подробно рассматриваются религиозные идеи Добролюбова.

Цель настоящей работы — установить литературные и фольклорные источники произведений Добролюбова, созданных с 1903 по 1911 гг., проанализировать связь произведений Добролюбова с его религиозными взглядами и практиками общины добролюбовцев, выявить символическую

⁶ Записная книжка с выписками из письма В.В. Розанова С.Н. Дурылину (лето 1918), записями о религиозно-нравственном учении Л.Н. Толстого, о педагогике и др. На л. 1–28 записи П.П. Картушина стихотворений и высказываний А.М. Добролюбова // РГАЛИ. Ф. 2980. Оп. 1. Ед. хр. 288.

структуру его сборника «Из книги невидимой» и корпуса духовных песен.

Для достижения поставленных целей необходимо решить следующие **задачи**:

1. Исследовать источники, поэтику и жанровое своеобразие сборника Добролюбова «Из книги невидимой»; проанализировать концепт невидимой книги.
2. В корпусе песен добролюбовцев выявить тексты, которые можно с наибольшей уверенностью атрибутировать Добролюбову; провести сравнение трех списков духовных песен добролюбовцев.
3. Проанализировать фольклорные и книжные источники духовных песен добролюбовцев, уделив особое внимание влиянию хлыстовских распевцев.

Теоретико-методологической основой диссертационного исследования стали труды С.Н. Дурылина, К.М. Азадовского, А.А. Кобринского, Е.В. Ивановой, Р.Д. Тименчика, посвященные русскому символизму и месту Добролюбова в нем; рассматривающие проблему авторства в аспекте мифопоэтики: А.А. Ханзен-Леве, З.Г. Минц, Д.Е. Максимова, Д.М. Магомедовой, В.В. Полонского, Ю.М. Лотмана; посвященные поэтике художественного текста: А.Н. Веселовского, М.Л. Гаспарова, Ю.Б. Орлицкого, Н.А. Богомолова; общие работы по мифологии: Е.М. Мелетинского, В.В. Топорова, А.Ф. Лосева, В.Я. Проппа. Мы опирались также на научные труды, в которых рассматривается связь сектантской поэзии, духовного стиха и символизма: А.М. Эткинда*, А.Л. Топоркова, Т.Л. Никольской; посвященные духовному стиху и сектантским песнопениям: А.И. Кирпичникова, Ф.И. Буслаева, С.Е. Никитиной, Г.П. Федотова, Н.С. Серегиной, Н.С. Мурашовой, Н.А. Федоровской; работы по истории сектантства И.М. Добротворского, П.И. Мельникова, Д.Г. Коновалова, А.С. Пругавина, А.А. Панченко. Привлекались также труды Д.С. Лихачева, В.В. Виноградова, С.А. Рейсера по вопросам текстологии и атрибуции текстов.

* 18+ А.М. Эткинд признан Минюстом РФ иностранным агентом

При работе с материалом использовался широкий набор научных методов: биографический, историко-литературный, текстологический, источниковедческий, мотивный, нарратологический, структурно-семиотический, сравнительный, комплексный, мифопоэтический. Жизненный путь Добролюбова, особенности понимания вопросов искусства и веры исследовались с помощью биографического метода. Историко-литературный метод составлял основу изучения связи творчества Добролюбова с художественными и религиозными взглядами его предшественников и современников. Текстологический и источниковедческий методы применялись нами при работе с архивными материалами, атрибуции духовных песен Добролюбову, установлении литературных источников некоторых произведений поэта. Основные лейтмотивы, объединяющие разные авторские тексты, рассматривались с помощью мотивного метода. Взаимодействие автора, нарратора и читателя исследовалось посредством нарратологического метода. Взаимодействие образов, сюжетов и мотивов рассматривали, опираясь на структурно-семиотический метод. Для установления связи произведений Добролюбова с фольклорной традицией мы использовали методы сравнительного, комплексного и мифопоэтического анализа.

Практическая значимость исследования состоит в том, что собранные автором материалы и полученные результаты могут быть использованы для подготовки учебных программ, посвященных литературе русского символизма и проблеме взаимодействия литературы и фольклора, для студентов и аспирантов гуманитарных специальностей, для подготовки трудов по истории русской литературы XX в., составления поэтических антологий и подготовки научных комментариев к ним.

Степень изученности проблемы

Первое литературоведческое осмысление творчества Александра Добролюбова появляется в статьях Ив. Коневского и В. Брюсова, предваряющих его книгу «Собрание стихов», изданную в 1900 г. В статье «К

исследованию личности Александра Добролюбова» Иван Коневской указал на жанровую неопределенность произведений поэта, отметив, что отдельные его тексты представляют собой «нечто вполне среднее между красотой образных настроений и красотой умственных рассуждений и обобщений, нечто, указывающее на чистое единство между мыслью и чувством, наукой и искусством, безличностью и личностью»⁷. В. Брюсов высказал наблюдение о том, что размер стихотворений Добролюбова перекликается со свободным стихом французских символистов, а также заметил, что «он (как то видно из его первого сборника) любовно и внимательно изучал и русские народные стихи»⁸. Примечательно, что уже в первых статьях о поэзии Добролюбова, представляющих осмысление символистами творчества их соратника, был задан вектор дальнейших исследований — о пограничном состоянии его лирики, о новаторских экспериментах в области стиха, истоки которых обнаруживаются во французской поэзии и народном творчестве.

В 1914 г. в издании «Русская литература XX века» о Добролюбове и его произведениях вышли две статьи. Первая — редакционная, написанная С.А. Венгеровым, вторая была написана его другом, одноклассником, тоже в прошлом поэтом-символистом В. Гиппиусом. О сборнике «Из книги невидимой» Венгеров писал: «Попадающиеся в книге стихи непоэтичны и напоминают квакерские гимны, но в прозе есть проблески дарования и хороший, оригинально-народный язык»⁹. Упомянув об общине Добролюбова, Венгеров указал, что «точных сведений об учении секты, кажется, нет»¹⁰. В статье Гиппиуса раскрывались литературные пристрастия Добролюбова, упоминалось о его увлечении народным стилем и знании «едва не наизусть»¹¹ произведений фольклора из сборника «Песни, собранные П.Н. Рыбниковым». Кроме того, Гиппиус указывал на стремление Добролюбова к музыкальности произведений, певучести стихотворений. Он

⁷ Коневской И.И. К исследованию личности Александра Добролюбова // Добролюбов А.М. Собрание стихов. М., 1900. С. 6.

⁸ Брюсов В.Я. О русском стихосложении // Добролюбов А.М. Собрание стихов. М., 1900. С. 14.

⁹ Венгеров С.А. Александр Добролюбов // Русская литература XX века 1890–1910 г. М., 2004. С. 162.

¹⁰ Там же. С. 162.

¹¹ Гиппиус В.В. Александр Добролюбов // Русская литература XX века 1890–1910 г. М., 2004. С. 169.

считал это стремление характерным для всего декадентского движения, ставящего своим идеалом музыку¹².

Следующая серьезная работа о Добролюбове была написана С.Н. Дурылиным в 1926 г., однако издана была лишь в 2014 г. Дурылин высоко оценил значение, которое оказали произведения Добролюбова на литературный процесс. Рассматривая сборник «Natura naturans. Natura naturata», он отмечал, что Добролюбов представил в своих символистских произведениях «новый подход к народной поэзии, указывая на нее, как на могучий источник обновления русской лирики»¹³. Продолжателями этой традиции он называет Ив. Коневского, А. Ремизова, С. Городецкого, Вяч. Иванова¹⁴. Дурылин называл Добролюбова «подлинным "зачинателем" новой полосы русской поэзии»¹⁵, создателем новой формы «словесной сюиты» (написание литературного текста по законам музыкальной композиции), которую позднее развил в симфонических романах А. Белый¹⁶. «Отмечая в книге Добролюбова влияния и научения, идущие от французской поэзии и из мира русского народного творчества, нужно отметить на Добролюбове [...] легкий налет влияния Фета»¹⁷, — писал Дурылин. Первый сборник он называл «начальной книгой целого периода русской поэзии, во многом предуглавшей его течения и его основные направления»¹⁸. Случившийся позже духовный перелом, переход к сочинению духовных песен и художественных произведений, проникнутых народной культурой и библейскими образами, по мысли Дурылина, присутствовал «в зерне и зачатке его первой символистской книги»¹⁹. Сборник «Из книги невидимой» Дурылин считал лучшей книгой Добролюбова²⁰: «Ни в одной из своих книг Добролюбов-поэт не дал таких высоких, таких прекрасных созданий, как в

¹² Там же. С. 167.

¹³ Дурылин С.Н. Александр Добролюбов // Дурылин С.Н. Статьи и исследования 1900–1920 годов. СПб., 2014. С. 688.

¹⁴ Там же. С. 689.

¹⁵ Там же. С. 696.

¹⁶ Там же. С. 695–697.

¹⁷ Там же. С. 697.

¹⁸ Там же. С. 699.

¹⁹ Там же. С. 719.

²⁰ Там же. С. 723.

этой книге, которая не писалась, как книга, а записывалась как летопись своего духовного пути, человеком, отрицавшим поэзию и все искусства, кроме музыки. [...] Язык Добролюбова достигает тут той прекрасной ясности и нежной простоты, не лишаящей слово мужественности, — которая достигается лишь редчайшими художниками. Есть страницы в этой книге, которые запоминаются сразу и навсегда, как какие-то конечные речевые воплощения, как неприкосновенные и драгоценные самоцветы русской речи. Народный стих Добролюбова делался в этой книге таким, что он действительно перешел в народ: его песни распеваются тысячами его последователей и выходят дальше, за круги этих людей. Добролюбов-поэт словно омылся в чистейших родниках [...] народной речи и поэзии; он смыл с себя все наносное и чуждое, — и прекрасным благоуханием повеяло от его подлинного лица, от лика поэта»²¹.

В уходе Добролюбова Дурылин видел предтечу пути поколения символистов — уход в мистику и религию Дм. Мережковского, З. Гиппиус, А. Белого и др.²². Но в отличие от них, отмечал исследователь, Добролюбов «ушел не в установленные твердо формы религиозного бытия, как православие и католичество, не в узко определенные сферы мистического сознания и практики, а в творчество новых форм религиозной практики и мистического воззрения, при чем творчество это оказалось способно удовлетворить некую действительную жизнь и потребу русского крестьянства»²³.

Отмечая влияние фольклорного дискурса на литературу символизма, Д.П. Святополк-Мирский в начале 1920-х гг. писал: «"Иностранный" элемент навсегда остался одной из составляющих символизма, но у него была и "славянофильская" душа. Развитие символизма шло от иностранных образцов обратно к национальной традиции»²⁴. Литературовед причислял

²¹ Там же. С. 723.

²² Там же. С. 732.

²³ Там же. С. 732–733.

²⁴ Святополк-Мирский Д.П. История русской литературы с древнейших времен по 1925 год / пер. с англ. Р. Зерновой. Новосибирск, 2005. С. 726.

Добролюбова, а также З. Гиппиус и Ив. Коневского к «поэтам-метафизикам», «славянофилам символизма»²⁵.

Некоторые исследователи не считали произведения Добролюбова литературой. Такое мнение высказывалось еще при жизни поэта. В. Брюсов дискутировал об этом с П.П. Перцовым в письме 1895 г.: «Нет, прежде чем отказывать в имени поэта Маллармэ, Добролюбову, Емельяну Коханскому, — попробуем поискать такой формулы, которая заключала бы в себе и их творчество. [...] Если Ваша душа недостаточно гибка, она не подчинится многим; вот почему мы не хотим считать поэтами Маллармэ и Добролюбова, — но поэзия шире, чем мы ее воображаем: есть много форм, еще не предчувствуемых нами. Будущее еще бесконечно»²⁶. На особое положение сборника «Из книги невидимой» в истории литературы указывал Д.П. Святополк-Мирский в письме к П.П. Сувчинскому в 1923 г.: «[...] Книга невидимая все-таки, при всей своей (местами) гениальности стоит отчасти вне литературы, т.е. вне интеллигентско-дворянской литературы»²⁷. В 1953 г. была опубликована небольшая статья К.В. Мочульского, посвященная Добролюбову. В ней он рассказывает о биографии поэта, делая акцент на поиске причин, побудивших его к уходу, — творческие неудачи, переход российских декадентов к религиозной мистике²⁸. Он также считал, что творчество Добролюбова находилось вне границ художественного: «Стихи Добролюбова вне литературы. Их тяжелое косноязычие — бормотанье юродивого. Автор с мучительным напряжением ворочает глыбы слов, пытается найти выражение своим бредовым душевным состояниям. Что-то необычное, таинственное и темное упорно рвется к свету сознания. Душевное расплавлено, сожжено, принесено в жертву какой-то новой духовности; но и она поражена роковой немотой, погружена в тьму»²⁹.

²⁵ Там же. С. 736–737.

²⁶ Письма В.Я. Брюсова к П.П. Перцову. 1894–1896: (К истории раннего символизма). М., 1927. С. 47–48.

²⁷ Письмо Д.П. Мирского к П.П. Сувчинскому от 12 декабря 1923 // Smith G.S. The Letters of D.P. Mirsky to P.P. Suvchinskii, 1922–1931. [Birmingham, 1995]. P. 23 (Цит. по: Богомолов Н. А. От Пушкина до Кибирова: Статьи о русской литературе, преимущественно о поэзии. М., 2004. С. 520).

²⁸ Мочульский К.В. Александр Добролюбов // Новый журнал. Нью-Йорк, 1953. № 32. С. 137–148.

²⁹ Там же. С. 140.

Схожим с Брюсовым образом о поэзии Добролюбова, которую еще предстоит осмыслить, рассуждал Р.Д. Тименчик: «О Добролюбове не раз говорилось весьма просвещенными критиками (от З.Н. Гиппиус до К.В. Мочульского), что его стихи — вне литературы. Но границы литературы, когда-то проклятой Александром Михайловичем Добролюбовым, меняются — за прошедшее столетие она присоединила уже много сопредельных территорий. "Прекрасная корявость Коневского и серафическая легкость "Книги невидимой" еще могут пригодиться", — замечал в 1923 г. Д.П. Святополк-Мирский. В этом прогнозе нет оснований сомневаться и сегодня»³⁰.

Наиболее обширные сведения о религиозных взглядах Добролюбова, его последователях и жизни поэта после ухода из Петербурга были представлены в работах исследователя российских неофициальных религиозных течений А.С. Пругавина. Он был хорошо знаком с разнообразием верований Поволжья, где основал свою общину Добролюбов: неоднократно бывал в Самаре, подолгу жил в окрестных деревнях, общаясь с представителями различных религиозных групп и фиксируя свои наблюдения, в 1881 г. и в конце 90-х гг. XIX в. Эти заметки легли в основу статей, вошедших в сборник «О Льве Толстом и толстовцах» (1911 г.), книгу «Бунт против природы. (О хлыстах и хлыстовщине)» (1917 г.).

Пругавин долгое время собирал сведения о Добролюбове и добролюбовцах. Его статьи, раскрывающие некоторые детали учения Александра Добролюбова, были опубликованы в газетах «Русские ведомости»³¹ и «Речь»³², а позже вошли в его книгу очерков «Неприемлющие

³⁰ Тименчик Р.Д. Александр Добролюбов // Родник. Рига. № 9. С. 40.; Д.П. Святополк-Мирский написал в предисловии к изданию антологии «Русской лирики» в 1924 г. в Париже: «Из старших символистов, если бы я руководствовался только расчетом на собственное удовольствие, я бы, может быть, скорее чем Бальмонта и Брюсова, включил Коневского и А. Добролюбова, но пока я их оставляю в моем резерве: прекрасная корявость Коневского и серафическая легкость Книги Невидимой еще могут пригодиться» (Русская лирика: маленькая антология от Ломоносова до Пастернака / сост. Д. Святополк-Мирский; вступ. ст. Г.П. Струве. New York, 1979. С. 12).

³¹ Пругавин А.С. Декадент-сектант // Русские ведомости. 1912, 7 декабря. С. 2 (1–2 части); 13 декабря. С. 2 (3 часть).

³² Пругавин А.С. Новая секта (Из области религиозных исканий) // Речь. 1913. № 3, 4, янв.

мира»³³. В своей книге «Раскол вверху: Очерки религиозных исканий в привилегированной среде» автор сообщал о близости идей Добролюбова к толстовству, с акцентом на мистическую сторону познания высшего откровения³⁴.

А.К. Черткова также представила краткую характеристику вероучения Добролюбова и его духовных песен в статье «Псалмы "добролюбовцев"»³⁵, предваряющей первое издание его духовных песен. Она отмечала в учении Добролюбова два догмата: «молчания [...], необходимого [...] для спасения души» и «отречения от своей воли вместе с признанием, что человек сам своими силами спастись не может»³⁶. Черткова указывала на аскетичную жизнь последователей Добролюбова, их отказ от мирских радостей, негативное отношение ко всем книгам, за исключением сборника «Из книги невидимой». Духовные песни добролюбовцев Черткова называла «высокопарными и бездарными», напевы, по ее словам, были «все заимствованы [...] или от сектантов, или из народных песен, или же переделаны из каких-то светских мотивов»³⁷.

В советские годы изучением творчества Добролюбова, уточнением биографических данных о нем, собиранием его произведений и писем занимался Илья Петрович Ярков (26 июля 1892 — 21 марта 1980). Он в юном возрасте увлекся идеями Льва Толстого, сблизился с толстовцами из Самарской губернии. За отказ от воинской службы по религиозным убеждениям в 1915 г. был арестован, в 1941 г. его приговорили к расстрелу, но приговор отменили после его кассационной жалобы.

После 1917 г. Ярков познакомился с добролюбовцами и был впечатлен личностью Александра Добролюбова, хотя знал о нем лишь по устным

³³ Пругавин А.С. А.М. Добролюбов и его последователи (Декадент-сектант. Молчальники. Подвижники) // Неприемлющие мира. Очерки религиозных исканий. М., 1918. С. 143–180.

³⁴ Пругавин А.С. Раскол вверху: Очерки религиозных исканий в привилегированной среде. СПб., 1909. С. 45–46.

³⁵ Черткова А.К. Псалмы «Добролюбовцев» // Черткова А.К. Что поют русские сектанты. Сборник сектантских напевов с текстом слов. Выпуск третий: Отдел III. Духовные стихи и распевы разных сект. М., 1912. С. 13–15.

³⁶ Там же. С. 13.

³⁷ Там же. С. 14.

преданиям и никогда не встречался-лично. С тех пор Ярков начал собирать и записывать духовные песни поэта, устные рассказы о нем, биографические сведения и рукописные материалы, связанные с ним (письма, автографы произведений). В 1947 г. он отправил письмо Ирине Михайловне Святловской, сестре Александра Добролюбова, в котором сообщил о смерти ее брата в Азербайджане³⁸. О смерти поэта он, вероятно, узнал от общих знакомых.

И. Ярков написал подробную биографию поэта, которая была изъята сотрудниками МГБ вместе с частью архива при обыске в 1951 г. В том же году Ярков был осужден по ложному обвинению как руководитель «сектантской группировки» по ст. 58. В апреле 1951 г. Яркова отправили на принудительное психиатрическое лечение. Он находился на лечении в клиниках Нижнего Новгорода, Казани, Чистополя. Вышел на свободу в 1954 г. Яркову так и не удалось вернуть изъятые документы, поэтому он предпринял работу по восстановлению книги, посвященной биографии Добролюбова. Машинопись книги Яркова «Какими я их знаю. Рассказы о "брате Александре" Добролюбове, его друзьях и последователях»³⁹ с 1974 г. хранилась в фондах ОР РГБ. Предположительно, эта рукопись послужила источником для статьи Е.В. Ивановой, посвященной Александру Добролюбову⁴⁰.

Автобиографию Яркова «Моя жизнь» не приняли в фонды РГБ, рукопись была возвращена автору — Илья Петрович незадолго до смерти передал ее М. Поповскому, который вывез ее в США. Машинопись книги находится в архиве Гумеровского института. Отдельные материалы рукописи «Моя жизнь» были опубликованы в книгах: А. Эткинда «Хлыст»⁴¹, «Стихотворения» Л. Семенова⁴².

³⁸ Святловский Г.Е. «...И путь держу на твой магнит»: (Последний поиск по следам Александра Добролюбова) // Вопросы литературы. 2004. № 4. С. 221.

³⁹ Ярков И.П. Какими я их знаю ...

⁴⁰ Иванова Е.В. Один из «темных» визитеров // Прометей. Вып. 12. М., 1980. С. 303–313.

⁴¹ Эткинд А.М. Хлыст: Секты, литература и революция. Изд. 2-е, сокр. М., 2013 (18+ А.М. Эткинд признан Минюстом РФ иностранным агентом).

⁴² Семенов Л.Д. Стихотворения. Проза / Подгот. В.С. Баевский. М., 2008.

Во второй половине XX в. у литературоведов вновь возник интерес к творчеству Добролюбова. В 1979 г. К.М. Азадовским была опубликована статья⁴³ о поэте. Уточняя и восполняя пробелы в биографических сведениях о Добролюбове, привлекая неизвестные ранее архивные источники и воспоминания современников, Азадовский рассматривал его творчество и жизнь в контексте романтического двоемирия⁴⁴, символистского житнетворчества, движения от индивидуализма к народничеству, боготворчеству, осознаваемому как обновление мира. Азадовский впервые указал на жанровое многообразие третьего сборника Добролюбова, отметив, что в нем присутствуют «псалмы и молитвы, притчи и проповеди, откровения и "покаяния"»⁴⁵. Также он писал, что в сборнике «Из книги невидимой» Добролюбов приблизился к «фольклору, находившемуся, как казалось, за пределами литературы и созданному коллективно»⁴⁶. О влиянии фольклорной традиции на сборник «Из книги невидимой» также писала в своей статье американская исследовательница Дж. Гроссман⁴⁷.

Примерно в то же время выходят первые научные статьи о Добролюбове Е.В. Ивановой. В них она также уточняет и дополняет биографические сведения о поэте, рассматривая миф о нем в соотношении с идеалами символизма. Иванова справедливо отмечала, что миф о поэте затмевал его творчество, отчего «его книги так и остались непрочитанными»⁴⁸. Иванова, опираясь на письма Н.Г. Сутковского Л.Н. Толстому и работу И.П. Яркова, описала некоторые принципы вероучения Добролюбова и особенности его взаимодействия с последователями в

⁴³ Азадовский К.М. Путь Александра Добролюбова // Творчество А.А. Блока и русская культура XX века: Блоковский сборник III. Тарту, 1979. С. 121–146 (Уч. зап. Тартусского гос. ун-та. Вып. 459).

⁴⁴ О влиянии немецкого романтизма на российский символизм, наличие в нем мистической составляющей и, в частности, на сборник А. Добролюбова «Из книги невидимой» писал В. Жирмунский (Жирмунский В. Немецкий романтизм и современная мистика. СПб., 1914. С. 198).

⁴⁵ Азадовский К.М. Путь Александра Добролюбова // Азадовский К.М. Серебряный век. Имена и события: Избранные работы. СПб., 2015. С. 31.

⁴⁶ Там же. С. 32.

⁴⁷ Grossman J.D. Aleksandr Dobroljubov and the Invisible Book // Добролюбов А.М. Из книги Невидимой. Berkeley, 1983 (Modern Russian Literature and Culture. Studies and Texts. Vol. 11). P. 19.

⁴⁸ Иванова Е.В. Александр Добролюбов – загадка своего времени // Новое литературное обозрение. №27. 1997. С. 193.

качестве их наставника⁴⁹. При этом художественные особенности поэтики Добролюбова, помимо лейтмотивных связей в произведении первой книги⁵⁰, подробно не рассматривались исследовательницей, о сборниках было сказано, что «три выпущенных в течение жизни книги стихов практически не имеют между собой ничего общего, словно их и впрямь писали три разных человека»⁵¹. Направления, к которым были приближены ранние произведения Добролюбова, Е. Иванова охарактеризовала как импрессионизм⁵² и моментализм⁵³.

В 2000–е годы работу по уточнению биографических сведений о Добролюбове продолжил А.А. Кобринский. Совместно с племянником поэта Г.Е. Святловским ему удалось восстановить хронологию событий его жизни в 1930–е годы, которая протекала преимущественно в различных районах Азербайджана, где Добролюбов работал печником и маляром, занимался строительными работами, а также установить дату его смерти — 1945 г.⁵⁴ Не менее ценными становятся сведения о неизданных прежде произведениях поэта, которые, как видно из опубликованных писем Александра Добролюбова к членам семьи Святловских, Н. Брюсовой, В. Вересаеву, Б. Пастернаку В. Вересаеву и личным воспоминаниям Г. Святловского⁵⁵, Добролюбов хотел издать. Кроме того, Добролюбов хотел переиздать свои прежние произведения с внесенными им в 1938 г. правками, в том числе сборник «Из книги невидимой», ощущая свою обязанность «оставить какое-то слово будущим поколениям»⁵⁶.

А. Кобринский вслед за К. Азадовским и Е. Ивановой продолжил деконструировать миф о Добролюбове, существовавший в литературной среде начала XX века, указывая на то, что основой для этого восприятия

⁴⁹ Иванова Е.В. Один из «темных» визитеров ... С. 303–313.

⁵⁰ Иванова Е.В. Александр Добролюбов – загадка своего времени... С. 208.

⁵¹ Там же. С. 207.

⁵² Там же. С. 209.

⁵³ Там же. С. 210.

⁵⁴ Кобринский А.А. Разговор через мертвое пространство: Александр Добролюбов в конце 1930–х – начале 1940–х годов // Вопросы литературы. 2004. № 4. С. 198–217.

⁵⁵ Святловский Г.Е. «...И путь держу на твой магнит» ... С. 221.

⁵⁶ Письмо А.М. Добролюбова М. Святловскому из архива Г.Е. Святловского (Цит. по: Письма и произведения / публ. и коммент. А. Кобринского // Вопросы литературы. 2004. № 4. С. 242).

поэта современниками стал миф о святом страннике⁵⁷, искупающем общие интеллигентские грехи и всегда незримо присутствующем рядом⁵⁸. Помимо биографии Добролюбова, А. Кобринский при публикации (многие произведения были изданы им впервые по рукописным текстам) и републикации его произведений подробно рассмотрел историю издания сборников, влияние произведений Добролюбова на поэтику других авторов, таких как А. Блок, В. Брюсов, З. Гиппиус, А. Белый, Ф. Сологуб, О. Мандельштам, В. Хлебников, Н. Заболоцкий и др.⁵⁹

Художественный метод его первой книги Кобринский, перефразируя Иванову, называет «мерцанием реальности», что проявилось «в виде импрессионистических зарисовок»⁶⁰. В сборнике «Собрание стихов», как отмечает исследователь, мерцание «превращается в переживание равенства человека всему миру и принципиальной связи всего со всем»⁶¹. Таким образом, Кобринский отмечает переход от работы со словом и образами к усложнению субъектной структуры, что выражено им в формуле: «Я = X»⁶². По мнению А. Кобринского, второй сборник становится промежуточным явлением между дьяволическим символизмом и новой религиозностью⁶³. Он также отмечает влияние фольклора на произведения Добролюбова⁶⁴. Третий сборник Кобринский называет первым выразителем идей францисканства в России⁶⁵. Исследователь отмечает влияние творчества Добролюбова на развитие российской поэзии и вводит в научный оборот духовные песни поэта, часть из которых была опубликована впервые по рукописям из архива С.Н. Дурылина.

⁵⁷ Кобринский А.А. Разговор через мертвое пространство ... С. 202.

⁵⁸ Кобринский А.А. «Жил на свете рыцарь бедный...»: (Александр Добролюбов: слово и молчание) // Ранние символисты: Н. Минский, А. Добролюбов. Стихотворения и поэмы / Вступ. ст., подг. текста, состав, примеч. А.А. Кобринского (А.М. Добролюбов) и С.В. Сапожкова (Н. Минский). СПб., 2005. С. 444–445, 452–455.

⁵⁹ Там же. С. 444–445, 450–451.

⁶⁰ Там же. С. 444.

⁶¹ Там же.

⁶² Там же.

⁶³ Там же. С. 445.

⁶⁴ Кобринский А.А. «Жил на свете рыцарь бедный...» ... С. 446.

⁶⁵ Там же. С. 450.

Особенности поэтики Добролюбова рассматривал в своих работах Ю.Б. Орлицкий. Исследователь отмечал стремление Добролюбова к созданию целостных книг, а не отдельных стихотворений. Для этого единства поэт использует циклизацию, нумерацию произведений, рамочные компоненты. Также Орлицкий обратил внимание на полиметричность книг Добролюбова, включение тоники, верлибра, вакуумного стиха (страница без текста стихотворения, либо пустота внутри текста) и прозы одновременно с традиционными поэтическими формами⁶⁶. «При этом верлибра у Добролюбова оказывается существенно больше, чем у его французских предшественников, а сам свободный стих русского поэта выглядит более раскованным, чем его французский аналог тех же лет»⁶⁷, — писал Орлицкий. Он указывал, что обращение к малой прозе в рамках книги стихов с использованием традиционных и версейных строф в России впервые было осуществлено Добролюбовым⁶⁸. Наличием вакуумных текстов в его первом сборнике, по мнению Орлицкого, он опередил поэтические опыты французского авангарда⁶⁹. Кроме того, новаторство Добролюбова состояло в том, что он обратился к «традиции так называемой народной веры с соответствующей опорой на традицию народного извода русского молитвословного стиха»⁷⁰, и «решительном размывании Добролюбовым границ художественности»⁷¹.

Также Орлицкий отмечал прозиметричность сборника «Из книги невидимой», в который были включены поэтические и прозаические тексты⁷². Он указывает на то, что верлибры Добролюбова восходят к «славянской традиции молитвословного стиха, предполагающего, прежде всего, определенный музыкальный тип его исполнения»⁷³, а белый стих — к

⁶⁶ Орлицкий Ю.Б. Стих и проза в русской литературе. М., 2002. С. 313.

⁶⁷ Там же. С. 313.

⁶⁸ Там же. С. 314.

⁶⁹ Там же.

⁷⁰ Там же.

⁷¹ Там же.

⁷² Там же. С. 491–497.

⁷³ Там же. С. 497.

русскому народному, также «ориентированный для песенного исполнения»⁷⁴. В третьем сборнике Добролюбов отдает «предпочтение стихам, похожим на прозу, и прозе, похожей на стихи»⁷⁵, — писал Орлицкий. Исследователь отмечал, что сборник «Из книги невидимой» занимает «особое место в истории нашей словесности, демонстрируя одну из возможностей творческого переосмысления взаимоотношений стиха и прозы в рамках единого структурно целостного образования»⁷⁶.

В ракурсе стиховедения рассматривал поэзию Добролюбова М.Л. Гаспаров. В статье, написанной в 1974 г., он указывал, что «подражания А.М. Добролюбова духовным стихам стоят на грани тактовика и молитвословного стиха и поэтому требуют особого рассмотрения»⁷⁷, намечая перспективность стиховедческих исследований поэзии Добролюбова. Позже он определил одно из его стихотворений как верлибр, отметив, что стих с параллелизмом и анафорой «был разработан и в переводах и подражаниях библейским псалмам, часто употребляется в богослужебных текстах и носит особое название молитвословный стих (термин не общепринятый)»⁷⁸.

К рассмотрению жанровой специфики сборника «Из книги невидимой» обращался Н.А. Богомолов: «В едином потоке откровений пророка или проповедника преодолеваются все жанровые грани, поскольку они противоречили бы духу единства, означенного в самом заглавии: "Из книги невидимой" подразумевает существование цельной и потенциально существующей "Книги невидимой", написанной кем-то высшим поэтом, из которой ему может открыться лишь некоторая часть»⁷⁹. Богомолову принадлежит вывод о том, что книга стала для символистов и, в частности, для Добролюбова самостоятельным жанром⁸⁰.

⁷⁴ Там же.

⁷⁵ Там же. С. 500.

⁷⁶ Там же. С. 501.

⁷⁷ Гаспаров М.Л. Русский народный стих и его литературные имитации // Гаспаров М.Л. Избранные труды, т. I. О поэтах. М., 1997. С. 123.

⁷⁸ Гаспаров М.Л. Русский стих начала XX века в комментариях. М., 2004. С. 166.

⁷⁹ Богомолов Н.А. Жанровая система русского символизма: некоторые констатации и выводы // Вокруг «серебряного века»: Статьи и материалы. М., 2010. С. 21.

⁸⁰ Там же. С. 23.

По мнению А. Ханзен-Леве, в сборнике «Из книги невидимой» Александра Добролюбова происходит переход от диаволического этапа символизма к мифопоэтическому⁸¹. Также А. Ханзен-Леве и А. Эткинд исследовали влияние хлыстовской песни на произведения третьей книги Добролюбова⁸². Опираясь на хранящуюся в Гуверовском архиве рукопись книги И.П. Яркова «Моя жизнь», Эткинд* описывает уклад в общине добролюбовцев, отмечает связь на концептуальном и языковом уровнях некоторых произведений «Из книги невидимой» и духовных песен добролюбовцев с хлыстовскими распевцами. Ханзен-Леве отмечал, что в третьем сборнике Добролюбова «сложная метрика ранней символистской лирики заменяется [...] неопрimitивистским синтаксисом, грубыми параллелизмами и молитвенными формами, заимствованными у сектантов»⁸³. О влиянии духовных стихов о «Голубиной книге» и о Егории Храбром на поэтику сборника «Из книги невидимой» упоминал в своей статье А.Л. Топорков⁸⁴.

В 2004 и в 2009 гг. были защищены диссертации на материале первых сборников Добролюбова. С.А. Петрова систематизировала творчество Добролюбова и выделила в нем три этапа: период «декадентской веры» (1892–1897 гг.), период «нового богословия» (1897–1899 гг.), натурфилософский период (1897–1898 гг. – середина 1930-х гг.). Также она ввела термин «семантический стереофонизм», обозначающий интермедиальные связи и синтез искусств, что нашло отражение в произведениях Добролюбова⁸⁵.

Работа И.А. Гунина была написана с привлечением архивных

⁸¹ Ханзен-Леве А.А. Русский символизм. Система поэтических мотивов. Ранний символизм. СПб., 1999. С. 179, 398; Ханзен-Леве А.А. Русский символизм. Система поэтических мотивов. Мифопоэтический символизм. Космическая символика. СПб., 2003.

⁸² Ханзен-Леве А.А. Русское сектантство и его отражение в литературе русского модернизма // Русская литература и религия. Новосибирск, 1997. С. 153–226; Эткинд А.М. Хлыст ... С. 246–263 (18+ А.М. Эткинд признан Минюстом РФ иностранным агентом).

* 18+ А.М. Эткинд признан Минюстом РФ иностранным агентом

⁸³ Там же. С. 192.

⁸⁴ Топорков А.Л. Духовные стихи в русской литературе первой трети XX века // Русская литература. 2015. С. 15–17.

⁸⁵ Петрова С.А. Поэзия Александра Добролюбова (к проблеме творческой индивидуальности): дис. ... канд. филол. наук: 10.01.01 / С.А. Петрова. СПб., 2008.

материалов, неопубликованных отзывов о ранних произведениях Добролюбова. В одном из выводов исследования говорилось, что «раннее творчество Добролюбова явило художественный синтез новейших европейских художественных поисков и национального фольклорно-архаического, глубоко традиционного начала»⁸⁶.

Как видно из приведенного обзора, постепенно происходило переосмысление роли Добролюбова в истории литературы. С работ Брюсова, Коневского и далее исследователи отмечали его ключевую роль в развитии декадентства и символизма, новаторство в области стиха, стремление к музыкальности поэтической формы, свободной образности, тяготение к фольклорным жанрам.

При этом исследователи прежде не выявляли влияние фольклора на жанровую структуру сборника «Из книги невидимой», подробно не рассматривали аллюзии на другие произведения, присутствующие в сборнике, не обращались к проблеме атрибуции духовных песен поэта, не анализировали их структуру, связь с хлыстовским распевцем, не выявляли фольклорные и книжные источники в них.

Структура работы обусловлена ее содержанием. Диссертация содержит введение, три главы, заключение, список литературы и приложения.

В первой главе рассматривается биография А. Добролюбова, его религиозно-философские взгляды, приводятся сведения об общине его последователей, анализируются мифы, сложившиеся вокруг него среди символистов и единомышленников из народной среды.

Во второй главе представлена история создания сборника «Из книги невидимой», рассматриваются интертекстуальные связи его книги с произведениями других авторов, проводится анализ жанрового своеобразия сборника «Из книги невидимой», концепта книги, представленного в нем.

⁸⁶ Гунин И.А. А.М. Добролюбов в 1890-е годы. Жизнь и творчество в контексте раннего русского символизма: дис. ... канд. филол. наук: 10.01.01 / И.А. Гунин. Нижний Новгород, 2009. С. 13.

Третья глава посвящена проблеме атрибуции духовных песен добролюбовцев, выявлению фольклорных и книжных источников его песен, связи с хлыстовским распевцем.

В Приложении приводятся духовные песни А.М. Добролюбова, песни Л. Семенова, песни последователей Добролюбова А. Ускова и Г. Миронова с указанием разночтений.

Положения, выносимые на защиту:

1. Сборник Добролюбова «Из книги невидимой» имеет сложную полижанровую структуру. В нем представлены такие жанры как исповедь, проповедь, молитва, притча, духовный стих, духовная песня, тяготеющая к хлыстовскому распевцу, видение, заговор. Многие произведения сборника, обладающие признаками незавершенного текста, относятся к наджанровой категории фрагмента.
2. Сборник Добролюбова «Из книги невидимой» обладает формальными, структурными, концептуальными, языковыми чертами символистской книги, однако жанровое своеобразие сборника и отрицание лирическим субъектом современного искусства не позволяют однозначно причислить сборник к корпусу символистских книг.
3. Несмотря на то что в сборнике «Из книги невидимой» Добролюбов выступает с позиции отрицания литературы, его тексты насыщены интертекстуальными связями. Среди источников третьей книги Добролюбова — произведение Ф. Ницше «Так говорил Заратустра», «Гимн брату Солнцу» Франциска Ассизского, «Цветочки Франциска Ассизского», «Откровенные рассказы странника духовному своему отцу», «Сокровище смиренных» М. Метерлинка. Автор обращается к Псалтири, Пятикнижию Моисея, пророческим книгам Библии (Исайи, Иезекииля, Захарии, Иона, Михея, Амоса, Варуха). Из книг Нового Завета для Добролюбова наиболее значимыми оказываются послания апостола Павла и Откровение Иоанна Богослова.

4. В третьем сборнике Добролюбова первостепенной ценностью наделяется образ невидимой книги, который имеет множественные источники: книга за семью печатями из Откровения Иоанна Богослова, «Стих о Голубиной книге», апокриф «Беседа трех Святителей», образ «Животной книги» духоборов, проект идеальной книги С. Маллармэ.
5. Исследование трех сохранившихся списков духовных песен добролюбовцев (архив С.Н. Дурылина, сборник А.К. Чертковой «О чем поют русские сектанты», машинопись книги И.П. Яркова «Какими я их знаю. Рассказы о "брате Александре" Добролюбове, его друзьях и последователях») позволил выдвинуть гипотезу о том, что автором 26 из них является Добролюбов. С наибольшей уверенностью авторству Добролюбова можно приписать 10 песен, которые встречаются во всех трех источниках. С определенной долей уверенности можно также атрибутировать Добролюбову 16 песен, имеющих в двух источниках.
6. Духовные песни, гипотетически приписываемые Добролюбову, включают множество цитат из текстов Ветхого и Нового Завета; все художественные образы так или иначе имеют книжные источники, но с добавлением символики хлыстовских распевцев.

Апробация результатов исследования. Основные положения диссертации были представлены в докладах на конференциях: «Дергачевские чтения» (Екатеринбург, 2016), Международная конференции молодых ученых в Тартуском университете (2017), Международная конференции молодых ученых и аспирантов «(Авто)биографический миф в литературе и искусстве» (ИМЛИ РАН, 2017), «Проблемы текстологии и эдиции в литературоведении и фольклористике (к 300-летию Российской академии наук)» (ИМЛИ РАН, 2024), «Религиозные движения в синодальный период» (ПСТГУ, 2024), на семинаре Отдела фольклора ИМЛИ РАН (2024). Диссертация прошла обсуждение на заседании Отдела русской литературы конца XIX – начала XX века ИМЛИ РАН 13 января 2025 г.

Глава 1. Творчество А.М. Добролюбова 1890-х–1900-х гг. и особенности его религиозных взглядов

1.1. Биографическая канва жизни А.М. Добролюбова в 1890-х–1900-х гг.

Александр Добролюбов (1876–1945) с 1891 г. жил в Петербурге, переехав из Варшавы, где прежде служил его отец. В 1895 г. он окончил гимназию № 6 и поступил в Санкт-Петербургский университет на историко-филологический факультет, где проучился до третьего курса, после чего зимой 1897–1898 гг. отправился в Олонецкую губернию, объясняя это желанием «пожить в деревне, в избе»⁸⁷. Среди ученых, у которых учился Добролюбов, были преподаватель русской словесности, специалист по древнерусскому искусству И.А. Шляпкин, преподаватель философии профессор А.И. Введенский, преподаватели классической филологии профессора Ф.Ф. Зелинский, В.К. Енштедт, И.В. Помяловский, П.В. Никитин, преподаватель русской истории профессор С.Ф. Платонов, преподаватели всеобщей истории профессора В.Г. Василевский, И.И. Кареев, преподаватель славянской филологии профессор В.И. Ламанский⁸⁸.

Отец Добролюбова Михаил Александрович был статским советником, членом Варшавского присутствия по крестьянским делам⁸⁹. Он умер в 1891 г., «надорвавшись на работе, к которой он относился идеалистически, потому что это было "крестьянское дело"»⁹⁰. Он оказал сильное влияние на Александра Добролюбова, близко воспринявшего его «народнические» идеалы и тяжело переживавшего его смерть.⁹¹

В семье Добролюбовых было восемь детей, которые остались на попечении матери Марии Генриховны, польки по происхождению. Самой

⁸⁷ Гиппиус В.В. Александр Добролюбов ... С. 171.

⁸⁸ Обзор преподавания наук в императорском С.-Петербургском университете на осеннее и весеннее полугодия 1895–1896 года. СПб., 1895; Обзор преподавания наук в императорском С.-Петербургском университете на осеннее и весеннее полугодия 1896–1897 года. СПб., 1896; Обзор преподавания наук в императорском С.-Петербургском университете на осеннее и весеннее полугодия 1897–1898 года. СПб., 1897; Список профессоров и преподавателей историко-филологического факультета имп. бывшего Петербургского, ныне Петроградского университета с 1819 года. Пг., 1916.

⁸⁹ Кобринский А.А. «Жил на свете рыцарь бедный...» ... С. 429.

⁹⁰ Гиппиус В.В. Александр Добролюбов ... С. 164.

⁹¹ Гиппиус В.В. Указ. соч. С. 165.

известной из них, помимо Александра, была его сестра Мария Добролюбова (1880–1906). Знакомые называли ее «сестра Маша». После окончания Смольного института она организовала в Петербурге школу для бедных и беспризорных детей, в 1903 г. поступила в Женский Медицинский институт, но в 1904 г., после начала русско-японской войны, оставила учебу и отправилась на фронт сестрой милосердия. По возвращении сблизилась с эсерами, в 1905 г. участвовала в митингах, ездила в Тульскую губернию для организации помощи голодающим, учила там детей. За политическую агитационную деятельность в 1906 г. была арестована и несколько месяцев провела в тюрьме. 11 декабря скончалась у себя дома. По одной из версий — от остановки сердца, по другой — ей выпал жребий совершить убийство, с чем она не смогла примириться и покончила с собой. Мария Добролюбова была широко известна в Петербурге своей подвижнической деятельностью. В нее был влюблен поэт Леонид Семенов, А. Блок посвящал ей стихи⁹².

Во время обучения в гимназии Добролюбов подружился со своим одноклассником Владимиром Гиппиусом, который тоже интересовался литературой и писал стихи, а впоследствии учился на одном факультете с Добролюбовым. С.А. Венгеров в редакционной статье «А. Добролюбов» для издания «Русская литература XX века», ссылаясь на слова какого-то неназванного человека, хорошо знавшего Добролюбова, писал, что «в 7-м классе гимназии он [Добролюбов. — О.С.] уже хорошо знаком не только с Пушкиным, Тургеневым, В. Гюго, писателями, которых он больше всего любил, но и с Бодлером, Верленом, Малларме, Метерлинком, Эдгаром По и начал писать стихи, называвшиеся тогда с крайним пренебрежением декадентскими»⁹³. Владимир Гиппиус так вспоминал о гимназических годах:

«Мы оба много читали — "все знали" и обо всем судили резко и неопровержимо. Добролюбов читал и по-русски, и по-французски, меньше

⁹² См.: Святловский Г.Е. «...Сестра Петербурга»: (Крупницы жизни Марии Добролюбовой). СПб., 2002.

⁹³ Венгеров С.А. Александр Добролюбов ... С. 159.

по-немецки, по-английски он выучился позднее; вкусы его были неясны, но в них была не определенная еще для него самого широта, стремление оправдать все направления — и Пушкина, и Белинского, и Писарева, и Барбье, и Ламартина, и Виктора Гюго»⁹⁴.

Добролюбов был хорошо знаком с современной французской литературой, выписывал книги из Парижа, о чем позже его мать рассказывала В. Брюсову: «Деньгам он совсем цены не знал! В один карман положит, из другого вылетит, раздаст, накупит сластей. Вдруг мне прислали счет от переплетчика на 8 р., или выпишет книг из Парижа от Дейбнера, счет на 18 р.! Я говорю, что не могу платить, у меня вас восьмеро! И этого одного достаточно, чтобы он не говорил со мной неделю»⁹⁵.

Известно и об интересе Добролюбова к российской классической литературе. Например, писательница Л.Я. Гуревич, лично знавшая Добролюбова (он бывал у нее на субботних вечерах, где собирались писатели), отмечала у него «любовь и зрелое отношение к русским классикам»⁹⁶. В. Гиппиус вспоминал:

«Для нас ожила новой жизнью, прежде всего, русская литература, не в том смысле, чтобы мы стали искать повсюду символизм, как это делал Мережковский, но во имя острого сознания "художественности", как всегда говорил Добролюбов, будь это Пушкин, Фет, Некрасов, сам Решетников⁹⁷. Русских поэтов мы перечли и переоценили всех, откапывая самых неизвестных. Перед Пушкиным мы неизменно благоговели, к Лермонтову были холоднее, Тютчевым и Фетом зачитывались, Баратынского возвеличивали, Некрасова реабилитировали; среди современников искали

⁹⁴ Гиппиус В.В. Александр Добролюбов ... С. 164.

⁹⁵ Брюсов В.Я. Дневники 1891–1910 / Подгот. к печати И.М. Брюсова; примеч. Н.С. Ашукина. М., 1927. С. 87.

⁹⁶ Гуревич Л.Я. История «Северного вестника» // Русская литература XX века. 1890–1910 г. / под ред. С.А. Венгеровой, послесл. А.Н. Николюкина. М., 2004. С. 153.

⁹⁷ Ф.М. Решетников (1841–1871) — писатель-народник. Писал рассказы, этнографические очерки, романы, героями которых становились простые люди — крестьяне, мелкие чиновники и др.

близких, выуживали во всех журналах Мережковского и Минского [...]. Когда вышли книжка Бальмонта ("Под северным небом") и первый выпуск "Русских символистов", мы решили, что мы — не одни, и согласились ехать в Москву к Брюсову — познакомиться и примкнуть к нему»⁹⁸.

Александр Добролюбов начал публичную литературную деятельность с издания в 1895 г. книги «Natura naturans. Natura naturata». Этот сборник был выполнен в рамках декадентской эстетики и вызвал негодование и насмешки у рецензентов, не понявших авангардных приемов автора. Годом ранее Валерий Брюсов начал издавать альманах «Русские символисты», а в июне 1895 г. состоялось его знакомство с Александром Добролюбовым и его другом Владимиром Гиппиусом. В том же году вышла книга стихов Брюсова «Chefs d'oeuvre». С этих изданий и сборника стихов Д.С. Мережковского «Символы», опубликованного в 1892 г., началось развитие символизма в России. О творчестве Брюсова и Добролюбова именно как о целостном явлении нового искусства высказывались в своих рецензиях литературные критики (А. Волынский, Пл. Краснов, Л. Медведев, А. Амфитеатров). П. Перцов и А. Волынский даже приписывали авторству Добролюбова моностих Брюсова «О закрой свои бледные ноги». Современники Добролюбова и Брюсова однозначно связывали зарождение символизма и декадентства в России с их именами. «В своей поэзии — Добролюбов первый символист, если символистами мы вправе называть Брюсова, Бальмонта, Блока, А. Белого, Вяч. Иванова — в его первом сборнике есть в зачаточном виде почти все, из чего выросла и в чем выявилась поэзия этих символистов»⁹⁹, — писал о творчестве Добролюбова С.Н. Дурылин. Годами позже Брюсов вспоминал о Добролюбове:

⁹⁸ Гиппиус В.В. Александр Добролюбов ... С. 165–166.

⁹⁹ Дурылин С.Н. Александр Добролюбов ... С. 702.

«Он был тогда крайним "эстетом" и самым широким образом был начитан в той "новой поэзии" (французской), из которой я, в сущности, знал лишь обрывки. Малларме, Рембо, Лафорг, Вьеле-Гриффен, не говоря о Верлене и о предшественниках "нового искусства", как Бодлер, Теофиль Готье и другие парнасцы, были ему знакомы "от доски до доски". Он был пропитан самым духом декадентства и, так сказать, открыл передо мной тот мир идей, вкусов, суждений, который изображен Гюисмансом в его "А rebours". Истинную любовь к слову как к слову, к стиху как к стиху показал мне именно Добролюбов. Его влиянию и его урокам я обязан тем, что более или менее искусно мог сыграть навязанную мне роль "вождя" русских символистов»¹⁰⁰.

Если Брюсов продолжил литературную деятельность в контексте символистского течения, то Добролюбов вскоре после издания первого сборника сосредоточился на деятельности, направленной на преодоление символизма, фактически отказавшись от литературного творчества, перейдя к сочинению духовных песен для своих религиозных единомышленников.

По словам В. Гиппиуса, относящимся к первому году обучения в университете (1895–1896 гг.), Добролюбов редко посещал занятия и не был погружен в учебный процесс: «Что делал Добролюбов в университете? Это был последний год, когда я его еще близко знал. Мы оба совсем не занимались в этот год университетом: мы его открыто презирали, как раньше гимназию, как вообще все окружающее, как все, что было не наше, к науке склонны были относиться как к "пошлости". Добролюбов совсем не ходил на лекции, как будто и не был студентом, и никогда не говорил ни о чем студенческом. Когда настала весна, он отложил все зачетные экзамены до следующей весны»¹⁰¹.

На третьем курсе Добролюбов стал жить отдельно от семьи в квартире

¹⁰⁰ Брюсов В.Я. Автобиография // Русская литература XX века. 1890–1910 г. / под ред. С.А. Венгерова, послесл. А.Н. Николюкина. М., 2004. С. 70.

¹⁰¹ Гиппиус В.В. Александр Добролюбов ... С. 168–169.

на Васильевском острове. В. Гиппиус писал, что в этот год он «ходил в университет, занимался египетской архитектурой и греческой философией, но в нем прежний Добролюбов выродился, замер»¹⁰².

В Добролюбове произошел внутренний перелом, на который обратил внимание В. Гиппиус, и через несколько лет после издания в 1895 г. своего первого декадентского сборника «*Natura naturans. Natura naturata*» поэт покинул петербургское общество, удалившись в странствия, поддавшись религиозному поиску. Вдохновленный примером товарища Валерий Брюсов писал:

«Мы требуем от поэта, чтобы он неустанно приносил свои "священные жертвы" не только стихами, но каждым часом своей жизни [...]. Пусть поэт творит не свои книги, а свою жизнь. Пусть хранит он алтарный пламень неугасимым, как огонь Весты, пусть разожжет его в великий костер, не боясь, что на нем сгорит и его жизнь. На алтарь нашего божества мы бросаем самих себя. Только жреческий нож, рассекающий грудь, дает право на имя поэта»¹⁰³.

Религиозные искания Добролюбова находились в ряду других исканий интеллигенции рубежа веков¹⁰⁴. Идеи объединения христиан (православных, протестантов, католиков) во вселенскую церковь разрабатывались В. Соловьевым в рамках его софиологического учения. Широкое распространение как среди интеллигенции, так и среди крестьян получило учение Льва Толстого.

На религиозно-философских собраниях в Петербурге 1901–1903 гг., организованных Д. Мережковским и З. Гиппиус, проповедовавшими концепцию Трех заветов (завет Отца, Сына и Богородицы) и новой церкви,

¹⁰² Там же. С. 171.

¹⁰³ Брюсов В.Я. Священная жертва // Весы, 1905. № 1. С. 29.

¹⁰⁴ Подробнее об этом: Богомолов Н.А. Русская литература начала XX века и оккультизм. М., 1999; Кувакин В.А. Религиозная философия в России: Нач. XX века. М., 1980; Полонский В.В. Между традицией и модернизмом. Русская литература рубежа XX–XXI веков: история, поэтика, контекст. М., 2011. С. 52–85, 251–266, 355–392.

присутствовали В. Розанов, Н. Бердяев и др.

В начале XX века многие писатели также проявляли интерес к сектантству. С. Городецкий и А. Блок общались с хлыстами, Дм. Мережковский, З. Гиппиус, А. Ремизов также интересовались мистическими сектами, В. Розанов¹⁰⁵ посещал собрания хлыстов и староверов. Н. Клюев сам вышел из сектантской среды, был хорошо знаком с творчеством старообрядцев и хлыстов. А. Белый описал хлыстовскую общину в романе «Серебряный голубь»¹⁰⁶.

Цель, с которой Добролюбов уходил к народу, очевидно, не была окончательно определена. Об этом можно судить по воспоминаниям современников. Яснее просматривалась искренняя увлеченность Добролюбова фольклором и песенной традицией.

Брюсов писал в своем дневнике, что Добролюбов рассказывал ему о своем желании, еще до ухода, участвовать в политическом заговоре: «Их цель была преобразовать Россию на народный лад, даже и в мелочах, как в одежде, но и в существенном — так вернуть народу его песни, которые тот забывает»¹⁰⁷. Известно также о сильном увлечении Добролюбова в пору первых поэтических опытов народным стилем и народной поэзией, записанной П.Н. Рыбниковым¹⁰⁸.

География странствий Добролюбова подробно описана А. Кобринским в статье «Жил на свете рыцарь бедный...»¹⁰⁹. В 1897–1898 гг. Добролюбов побывал в Олонецкой губернии, Белозерском крае, Финляндии. «Весной он уехал в Олонецкую губернию [...]. Осенью он вернулся уж странником, теперь уж он переродился!»¹¹⁰, — вспоминал Гиппиус. К.М. Азадовский отмечал, что Добролюбов записал «былины известного олонецкого сказителя Федора Конашкова, в избе которого (в деревне Шала Пудожского уезда) он

¹⁰⁵ В. Розанов описал свою поездку к хлыстам в очерке: Розанов В.В. Апокалипсическая секта: (хлысты и скопцы). СПб., 1914.

¹⁰⁶ Подробнее см.: Эткинд А.М. Хлыст ... С. 357–410 (18+ А.М. Эткинд признан Минюстом РФ иностранным агентом).

¹⁰⁷ Брюсов В.Я. Дневники 1891–1910 ... С. 44.

¹⁰⁸ Гиппиус В.В. Указ. соч. С. 169.

¹⁰⁹ Кобринский А.А. «Жил на свете рыцарь бедный...» ... С. 429–463.

¹¹⁰ Гиппиус В.В. Указ. соч. С. 171.

некоторое время жил»¹¹¹. О том, что Добролюбов в Олонецком крае собирал былины, упоминал также А.С. Пругавин¹¹².

Затем Добролюбов вернулся в Петербург, где общался с Иоанном Кронштадским, заезжал в Москву, встречался с В. Брюсовым, его женой и сестрой. «Живя там [в Олонецкой губернии. — О.С.], — записал Брюсов в своем дневнике 27 июля 1898 г. после встречи с Добролюбовым, — он пользовался случаем и собирал народные песни, сказки, заговоры, причитания. Он знал их наизусть много-много, совсем неизвестных, никем не записанных. Кое-что у него было и записано, напр., как он называл: "русский Боккачо" — рассказы о попах. Попалась ему еще старинная рукопись "разговор о душе". Собирал он "указы" Козакова, которые тот читал на свадьбах, — это народный сатирик»¹¹³. Также Брюсов обратил внимание на изменившуюся речь Добролюбова: «Как в стихах, так и в разговоре он говорил только русским языком, русскими словами, зная множество простых выражений, умело пользуясь ими. Например, мелодию он называл прогласица»¹¹⁴. В 1898 г. Добролюбов отправляется в Соловецкий монастырь, где живет в качестве трудника. В июле 1899 г. он вновь возвращается в Петербург, прощается в письме с Брюсовым, его сестрой, Надеждой Яковлевной, и женой, Иоанной Матвеевной, и уходит в странствия по Руси. В 1900 г. Добролюбов оказывается в тюрьме, а в июле 1901 г. в городе Троицк Оренбургской области он был осужден на шесть месяцев заключения. Причина ареста состояла в том, что он отговорил казаков Орлова и Неклюдова из Верхотурского уезда, у которых работал, носить оружие, поскольку убийство — грех. Матери Добролюбова Марии Генриховне удалось перевести сына из тюрьмы в Преображенскую психиатрическую больницу в Петербурге, так как у нее имелась справка, выданная в 1898 г., в самом начале духовных исканий Добролюбова,

¹¹¹ Недатированное письмо В.М. Добролюбова В.В. Гиппиусу // РО ИРЛИ. Ф. 77. Оп. 1. Ед. хр. 12 (Цит. по: Азадовский К.М. Путь Александра Добролюбова ... С. 53).

¹¹² Пругавин А.С. Декадент-сектант // Пругавин А.С. Неприемлющие мира. Очерки религиозных исканий. М., 1918. С. 157.

¹¹³ Брюсов В.Я. Дневники 1891–1910 ... С. 42.

¹¹⁴ Там же. С. 45.

«приват-доцентом Военно-медицинской академии доктором Розенбахом», о том, что у Добролюбова религиозное помешательство и ему необходима госпитализация¹¹⁵. В больнице он пробыл до конца 1901 г., потом вновь вернулся на Урал и поселился в Верхнеуральске Оренбургской области. Но уже через месяц его вновь арестовали за оскорбление «святости и величества»¹¹⁶ и выслали в Петербург. Брюсов записал в дневнике, что Добролюбов «дома тоже перебил иконы. Ему грозит каторга»¹¹⁷. Мать Добролюбова Мария Генриховна вновь поместила его в психиатрическую больницу, получив, как указывает Кобринский, «за определенную мзду»¹¹⁸, справку о его психическом расстройстве, избавив этим его от суда по уголовному делу. Весной 1902 г. опекуном стал его брат Георгий. В декабре Брюсов навещал его в больнице. Свои впечатления от встречи он сохранил в дневнике:

«Ездили к Добролюбову. Он в сумасшедшем доме. Но уже и доктора согласны, что он здоров. Добролюбов рассказывал мне свою жизнь за последние года. [...] Д. намерен вернуться в жизнь интеллигенции. Осталось от всего лишь опыт и уверенность, что все "разными языками говорят одно" ... Еще Добролюбов мне рассказывал, что его первоначально очень томил "бес сладострастия". Но после это прошло. А еще после опять вернулось. И он стал размышлять. Почему соитие с одной женщиной не блуд, а со многими блуд? Ибо все — одно, телесность, множественность тел — призрак. И пришел к убеждению, что соитие со многими не грех. Отсюда началось его разочарование в своем учении»¹¹⁹.

7 февраля 1903 г. Брюсов вместе с женой вновь посетил Добролюбова, он вернулся к прежним взглядам: «Та же трезвая проповедь любви и мира.

¹¹⁵ Кобринский А.А. «Жил на свете рыцарь бедный...» ... С. 441.

¹¹⁶ Брюсов В.Я. Дневники 1891–1910 ... С. 116.

¹¹⁷ Там же. С. 116.

¹¹⁸ Кобринский А.А. «Жил на свете рыцарь бедный...» ... С. 443.

¹¹⁹ Брюсов В. Дневники ... С. 126.

Читал он нам свои новые стихи и рассказы — в старом стиле, немного разве проще. Стоило ли уходить в Соловецкий монастырь и на Урал, чтобы через 5 лет прийти к старому»¹²⁰. Иоанна Матвеевна также описала эту встречу в письме к Н. Брюсовой:

«Говорит он просто, и, вообще, он такой, как до Соловецкого монастыря у нас был в первый раз. "А как вы, сестра, про это разумеете". Говорит, как он хочет устроиться, когда выйдет отсюда. Он все-таки опять уйдет туда, где у него друзья из народа. Так он хочет устроиться "на земле". Мирным поселком. Ему бы хотелось устроить несколько таких мирных общин [...]. А для аренды земли для первой, для начала общины, он написал несколько рассказов, просил В. [Валерия Брюсова. — О.С.] их издать, и на деньги, которые будут от распродажи, арендует землю. Он пояснял это, что иначе теперь ничего нельзя. Писал стихи за последнее время. Валя говорит, что не стоило приходить ко всему этому такими дальними путями»¹²¹.

В 1903 г. Добролюбов покинул больницу, окончательно ушел из Петербурга и надолго обосновался в Самарской губернии.

В 1900 г. был издан сборник его стихотворений «Собрание стихов» с предисловиями В. Брюсова и Ив. Коневского. В примечании В. Брюсов перечисляет хранителей рукописей произведений Добролюбова и указывает, что «у В. Г-а (Вл. Гиппиуса) и Л. П-ва (Л. Постриганьева¹²²) хранятся рукописи с народными произведениями, записанными Добролюбовым»¹²³. Кроме того, во вступительной статье к «Собранию стихов» Брюсов писал: «[...] стоит обратить внимание, что он (как то видно из его первого сборника) любовно и внимательно изучал русские народные стихи»¹²⁴.

¹²⁰ Там же. С. 130.

¹²¹ Брюсова И.М. Письма к Брюсовой Н.Я. // ОР РГБ. Ф. 386. Оп. 145. Ед. хр. 33. Лл. 20–20 об.

¹²² Кобринский А.А. Примечания // Ранние символисты: Н. Минский, А. Добролюбов. Стихотворения и поэмы / Вступит. ст., подгот. текста, состав, примеч. А.А. Кобринского и С.В. Сапожкова. СПб., 2005. С. 615.

¹²³ Брюсов В.Я. Примечания // Добролюбов А.М. Собрание стихов. М., 1900. С. 68.

¹²⁴ Брюсов В.Я. О русском стихосложении ... С. 14.

В 1900 г. брат Добролюбова Григорий хотел издать его собрание сочинений, включив в него, помимо прочего, «записи народных произведений»¹²⁵. Этот проект так и не был реализован, но, судя по всему, добролюбовское собрание фольклорных текстов было значительным.

Отдельные художественные произведения Добролюбова продолжали публиковаться, несмотря на его разрыв с «обществом образованных». В 1901 г. в альманахе «Северные цветы», учредителем и редактором которого был Валерий Брюсов, было опубликовано стихотворение «Отодвиганье смерти»¹²⁶. В номере за 1902 г. было издано 10 стихотворений в прозе под общим заглавием цикла «Образы»¹²⁷. В альманахе за 1903 г. опубликованы два прозаических очерка в цикле «Рисунки из сумасшедшего дома» и цикл «Из неправильных песен», состоящий из стихотворений «Песнь из земли» и «Восстановление прав плоти»¹²⁸.

Впрочем, в издании сборников «Собрание стихов» (1900 г.) и «Из книги невидимой» (1905 г.), так же, как и произведений в альманахе, автор не принимал деятельного участия, книги выпускаются стараниями В. Брюсова, его жены Иоанны Матвеевны и сестры Надежды Яковлевны¹²⁹. Здесь важно отметить, что в этот период Добролюбов стал как бы частью семьи Брюсовых. Его имя так или иначе постоянно возникает в семейной переписке. Даже подолгу отсутствуя в Москве, он незримо присутствует в их жизни. Например, в июне 1900 г. Иоанна Брюсова писала Надежде Брюсовой: «В часы, когда Валя переводит Энеиду, я переписываю и разбираю бумаги А.Д. [Александр Добролюбов. — О.С.] Есть вещи, писанные в последнее время, — хорошие. Жаль, что много остается не прочитанным»¹³⁰. Влияние страннического образа жизни Добролюбова на Надежду Брюсову угадывается в ее постоянных путешествиях по Руси. Так,

¹²⁵ Брюсов В.Я. Письма к Добролюбову Г.М. // ОР РГБ. Ф. 386. К. 71. Ед. хр. 8; К. 85. Ед. хр. 19. (Цит. по Кобринский А.А. «Жил на свете рыцарь бедный...» ... С. 430).

¹²⁶ Северные цветы на 1901 год, собранные книгоиздательством «Скорпион». М., 1901. С. 75.

¹²⁷ Северные цветы на 1902 год, собранные книгоиздательством «Скорпион». М., 1902. С. 89–96.

¹²⁸ Северные цветы. Третий альманах книгоиздательства Скорпион. М., 1903. С. 109–114.

¹²⁹ Подробнее об истории издания «Собрания стихов» см.: Кобринский А.А. Примечания ... С. 608–617.

¹³⁰ Брюсова И.М. Письма к Брюсовой Н.Я. // ОР РГБ. Ф. 386. Оп. 145. Ед. хр. 33. Лл. 4–4 об.

например, несколько раз она подолгу бывала в Олонецкой губернии, жила в Соловецком монастыре, навещала Добролюбова в деревне Росташа, а в 1911–1912 гг. около года прожила в Каргополе, наслаждаясь уединением и общением с простыми людьми. Этот опыт был связан и с ее личным желанием ухода, и с духовными поисками, и с личностью самого Добролюбова. Она писала Иоанне Брюсовой в октябре 1911 г.:

«Как все медленно приходит! Я только теперь начинаю чувствовать особенности житья одной, вне фактов, вне событий (по крайней мере, вне текущих событий — когда они ко мне приходят, они уже для всех становятся прошлым). Это, конечно, самая большая особенность в жизни одной. И я хочу ее испытать до конца. Это, если хотите, добролюбовство, правда, — но это тот Добролюбов, о котором написано предисловие Коневского к стихам в издании Скорпион. Это желание найти все движение в себе самом — но все, а не кусочек, отделенный от целого»¹³¹.

В дальнейшем Надежда Брюсова часто возвращалась в своих воспоминаниях к словам, сказанным Добролюбовым, и к периоду их духовной близости в целом, что отражено, например, в одном из писем 1911 г. из Каргополя жене Брюсова. Представленные в нем рассуждения она назвала «историческим обзором»:

«В те, давние времена было нечто, и очень большое, что было общим мне и вам. И это не было создано ни Достоевским, которого мы тогда читали, ни Добролюбовым, ни Вале́й [Валерий Брюсов. — О.С.], — это было наше собственное, наше общее, и Валя, и Добролюбов, и мы — были частью его, мы, может быть, гораздо меньшего, чем они, но это было все равно (по моей аксиоме часть всегда равна целому). Я не обманываюсь, когда говорю, что это было наше общее. Так было, правда, это не было моим детским

¹³¹ Брюсова Н.Я. Письма к Брюсовой И.М. // ОР РГБ. Ф. 386. Оп. 147. Ед. хр. 10. Лл. 32 об.–33.

воображением того времени. Но Валя ушел (по-моему — не ушел все же!). Добролюбов тоже ушел (гораздо больше, чем Валя!). [...]

Вы скажете, что для Вали и Добролюбова это была только маленькая часть [...] в их пути, и только мне, остановившейся там и словно приросшей к земле, это кажется единственно справедливым. [...]

Для меня, как тогда, так и теперь, то, что было тогда близко нам всем, — единственно истинное. Когда оно со мной — мне не нужно ничего другого, когда нет — я не могу искать ничего другого. Добролюбов давно покинул то. В том, тогда, он не отвергал ничего из мира — весь мир был с нами тогда. Мы с вами ничего не делали из нашего знания и не пробовали ничего делать, но знали мы так же, как и те, мудрые»¹³².

В 1903¹³³–1915 гг. Добролюбов жил в деревне Росташи Самарской губернии (ныне — деревня Трофимовка Нефтегорского района Самарской области). Добролюбов считал Росташи своим основным местом жительства в те годы. Она фигурирует в письмах в качестве его действующего адреса. Здесь в разное время бывали Н.Г. Сутковой, Л.Д. Семенов, сестры Лидия и Надежда Брюсовы, сестры Добролюбова — Ирина и Мария¹³⁴. После ухода из самарской общины Александр Добролюбов продолжал навещать своих братьев и сестер по вере и не прекращал переписку с ними. Периодически Добролюбов оставлял свою общину и отправлялся странствовать.

Его биограф Ярков вспоминает, что «особенно волновала "братков", а некоторых и прямо возмущала та ничем не оправданная внезапность, с которой он либо появлялся в каком-нибудь знакомом селе, либо, наоборот, исчезал.

¹³² Брюсова Н.Я. Письма к Брюсовой И.М. // ОР РГБ. Ф. 286. Оп. 147. Ед. хр. 10. Лл. 18–19 об.

¹³³ И.П. Ярков указывает 1902 г. началом жизни Добролюбова в Самарской губернии (Ярков И.П. Какими я их знаю ... Л. 180), но это не соотносится с данными, приведенными А. Кобринским в статье (Кобринский А.А. «Жил на свете рыцарь бедный...» ... С. 446), где он писал без ссылки на источник, что Добролюбов покинул психиатрическую лечебницу в 1903 г., и с информацией из рапорта Самарской Духовной Консистории в Самарское Губернское правление, в котором 1903 г. отмечен как год появления секты квакеров под руководством Александра Добролюбова в Самарской губернии (О появлении в селе Семеновки последователей секты «Квакари» // ЦГАСО. Ф. 1. Оп. 1. Д. 5564. Л. 7).

¹³⁴ Ярков И.П. Какими я их знаю ... Л. 198.

— Где брат Александр?

— Да он только сейчас был у брата Пахома...

Начинались поиски. А брат Александр в это время уже шагал где-нибудь по затерянным в степях проселочным дорогам, переходя в другое село»¹³⁵.

Частая смена места жительства и вызванное этим ощущение его вездесущести нашли отражение в воспоминаниях современников. Д. Маковицкий приводит в дневнике запись разговора от 20 мая 1906 г. с А. Офицеровым, сторонником Добролюбова в вопросах веры: «На вопрос, где живет Добролюбов [...], отвечал: "Везде, а плотью в деревне Самарской губернии"»¹³⁶. О месте пребывания Добролюбова зачастую не было точной информации, что порождало слухи. В 1909 г. Л. Семенов рассказал Л. Толстому, что Добролюбов находится «больше чем полгода где-то далеко за Ташкентом, на китайской границе, в уединении»¹³⁷. В апреле 1910 г. Толстому передавали, что Добролюбов «на пути в Сибирь внезапно скончался»¹³⁸.

По свидетельству Яркова, в 1915 г. Добролюбов покидает братьев и отправляется в Сибирь¹³⁹. Насколько это сведение достоверно, нам не удалось установить, известно лишь, что в 1919 г. Добролюбов просил Надежду Брюсову писать ему в Самару, а позже сообщал, что «от ясно наступавшего в Поволжье голода пришлось бежать в начале 20-го»¹⁴⁰.

В черновиках своей работы о добролюбовцах исследователь сектантства А.С. Пругавин записывает, что «с лета 1914 г., с самого начала войны, прекращаются всякие известия от Александра Михайловича Добролюбова. Ни родные, ни знакомые не имеют о нем никаких

¹³⁵ Ярков И.П. Какими я их знаю ... Лл. 235–236.

¹³⁶ Толстой Л.Н. Полное собрание сочинений / под общ. ред. В.Г. Черткова. М.; Л., 1937. Т. 55. С. 547.

¹³⁷ Маковицкий Д.П. У Толстого, 1904–1910: «Яснополянские записки» Д.П. Маковицкого: в 4 кн. Кн. 4. 1909–1910. М., 1979. С. 90.

¹³⁸ Там же. С. 216.

¹³⁹ Ярков И.П. Какими я их знаю... Л. 236.

¹⁴⁰ Добролюбов А.М. Письма к Брюсовой Н.Я. // ОР РГБ. Ф. 386. К. 148. Ед. хр. 41. Л. 14 (Цит. по: Письма А.М. Добролюбова / Публ. и коммент. А.А. Кобринского // Вопросы литературы. № 4. 2004. С. 232).

сведений»¹⁴¹. Позже он добавляет: «Адрес Добролюбова в 1915 году: Астраханская губерния, Царевский уезд, Николаевская слобода»¹⁴².

К периоду проживания в Росташах относятся опубликованный сборник произведений Добролюбова «Из книги невидимой» (1905 г.), книга «Мои вечные спутники. Сборник чистых слов, избранные слова из всех народов, из священных писаний, из книг искателей познания», представляющая собой сборник цитат философов и религиозных мыслителей, частично опубликованная¹⁴³ на страницах газеты «Новая земля» в 1911 г., и духовные песни, частично изданные в 1912 г. А.К. Чертковой в сборнике «Что поют русские сектанты»¹⁴⁴. У Добролюбова были последователи и в других регионах страны, но именно из этого наиболее оформленного сообщества верующих до наших дней дошел основной корпус духовных текстов поэта. Несмотря на то что некоторые песни могли быть написаны поэтом до его прихода в Самарскую губернию, можно утверждать, что носителями песенной традиции Добролюбова стали именно его последователи из самарских деревень.

Ярков отмечал, что Добролюбов неоднократно изъявлял желание, чтобы его духовные стихи «как-нибудь не проникли в печать»¹⁴⁵. Последователь Добролюбова Петр Картушин в своем письме от 6 января 1911 г. отказал И.С. Книжник-Ветрову, историку и публицисту, увлекавшемуся идеями толстовства, также в переиздании «Из книги невидимой» и издании неопубликованных произведений, объяснив это несвоевременностью замысла:

«[...] Я с ними ["добролюбовцами". — О.С.] только что имел разговор о переиздании книги брата Александра "Из книги невидимой" и изданий "Мои вечные спутники", и они безусловно против этого, ибо сам брат Александр

¹⁴¹ Пругавин А.С. Заметки (разрозненные черновики). «Добролюбовцы» // РГАЛИ. Ф. 2167. Оп. 1. Ед. хр. 147. Л. 4.

¹⁴² Там же. Л. 8.

¹⁴³ Добролюбов А. Мои вечные спутники // Новая земля. М., 1911. № 7. С. 15–16; № 11. С. 20; № 14. С. 18.

¹⁴⁴ Черткова А.К. Указ. соч. С. 53–59.

¹⁴⁵ Ярков И.П. Моя жизнь // ОР Самарского литературного музея им. А.М. Горького. Л. 236.

считает, это еще преждевременно. И я, зная, что они прекрасно помнят о других, подчинился. Относительно же других их писаний, то и речи не могло быть об издании. Между прочим, я посетил одного из них, Леонида Семенова, который сидит в заключении за отказ от воинской повинности, и он говорил, как он боится, чтобы что-либо не попало в печать о нем, не говоря уже об Александре Добролюбове. Я их вполне понимаю, ибо их путь чужд современным путям: печати, газетам, и особенно тем формам мысли, в которые облекается истина, выражаемая ими. Но они, в конце концов, ждут времени, когда почувствуют себя свободными выступить печатно, но облекая истину в форму совершенно отличную от современного языка образованных людей. Поэтому я и от себя, и от имени здешних людей, и от лица сильных духом добролюбовских братьев прошу вас ничего не писать о них. От себя скажу, что как мне бывает тяжело читать статьи о них, ибо человек, глубоко проникшийся духом учения брата Александра, не станет ничего писать, ибо слова так ничтожны, а особенно язык современных образованных людей так необыкновенно сух и рассудочен, а человек, не постигший всю глубину этого учения, не уяснит, а только затемнит и пред собой, и пред другими то, что так просто и легко»¹⁴⁶.

Все же в 1911 г., как мы уже отметили выше, были изданы фрагменты книги «Мои вечные спутники», а в 1912 г. в сборнике под редакцией А. Чертковой «Что поют русские сектанты» были изданы духовные песни добролюбовцев¹⁴⁷, записанные сторонником Добролюбова Павлом Безверхим, просмотренные и дополненные его последователем Николаем Сутковым. Отношение Добролюбова к этим публикациям неизвестно. С 1903 г. религиозные идеи Добролюбова становятся более оформленными и завершенными. Эти идеи стали основой для объединения вокруг него людей, которых называли «добролюбовцы», по фамилии их вероучителя. Специфика

¹⁴⁶ Картушин П.П. Письма И.С. Книжник-Ветрову // ОР РНБ. Ф. 352. Ед. хр. 1846. Лл. 9–10 об.

¹⁴⁷ Черткова А.К. Указ. соч. С. 53–59.

его религиозных взглядов и особенности жизни членов общины будут рассмотрены в следующем параграфе.

1.2. Религиозно-философские идеи А.М. Добролюбова. История общины добролюбовцев

При рассмотрении вопроса о религиозных идеях Александра Добролюбова мы будем опираться на воспоминания современников и архивные материалы¹⁴⁸. Особенности религиозных взглядов Добролюбова отмечали писатели-символисты, близко знакомые с поэтом (В. Брюсов, Дм. Мережковский, А. Белый, З. Гиппиус, Вл. Гиппиус). Также о вопросе веры добролюбовцев и их наставника писали исследователи сектантства, такие как А. Пругавин¹⁴⁹, А. Черткова¹⁵⁰. Не менее ценным источником стали письма его последователей: П. Картушина — И. Книжник-Ветрову¹⁵¹, Н. Суткового — С. Дурылину¹⁵². Множество сведений о религиозных воззрениях Добролюбова и жизненном укладе добролюбовцев зафиксировал в своей работе «Какими я их знаю. Рассказы о "брате Александре" Добролюбове, его друзьях и последователях»¹⁵³ И.П. Ярков. Рапорты епархиального миссионера о создании Добролюбовым секты в Самарской губернии, хранящиеся в Самарском областном государственном архиве социально-политической истории¹⁵⁴ и в Российском государственном историческом

¹⁴⁸ Материалы данного раздела опубликованы в статье: Служаева О.О. Александр Добролюбов на пути к всевышнему братству, или что значит не быть Львом Толстым // Вопросы литературы. 2018. № 2. С. 127–156.

¹⁴⁹ Статьи Пругавина, раскрывающие некоторые детали учения Добролюбова, в частности, исследования вопроса генезиса молчания были опубликованы в газете «Русские ведомости» в 1912 г. (Пругавин А.С. Декадент-сектант // Русские ведомости. 1912, 7 дек. С. 2 (ч. 1–2); 13 дек. С.2 (ч. 3)) и позже вошли в его книгу очерков «Неприемлющие мира» (Пругавин А.С. Неприемлющие мира. Очерки религиозных исканий. М., 1918). В своей книге «Раскол вверху: Очерки религиозных исканий в привилегированной среде» автор сообщал о близости идей Добролюбова к толстовству, но с акцентом на мистическую сторону познания мистического откровения (Пругавин А.С. Раскол вверху: Очерки религиозных исканий в привилегированной среде. СПб., 1909. С. 45–46).

¹⁵⁰ Черткова А.К. Указ. соч. С. 13–14.

¹⁵¹ Картушин П.П. Письма И.С. Книжник-Ветрову // ОР РНБ. Ф. 352. Ед. хр. 1846.

¹⁵² Письма Суткового Н.Г. Дурылину С.Н. ...

¹⁵³ Ярков И.П. Какими я их знаю ...

¹⁵⁴ О появлении в селе Семеновки последователей секты «Квакари» ...

архиве¹⁵⁵, демонстрируют отношение представителей православной церкви к неофициальным религиозным течениям и предоставляют ценную информацию, полученную в ходе общения миссионера с последователями Добролюбова. Кроме того, религиозно-философские взгляды Добролюбова были выражены в его произведениях, созданных во время его духовных поисков: «Из книги невидимой» и «Мои вечные спутники»¹⁵⁶, а также в размышлениях Добролюбова о религии, которые были отражены в его письмах и небольших прозаических текстах, сохранившихся в архиве Сергея Дурылина в записи Петра Картушина¹⁵⁷.

Община добролюбовцев, людей, разделявших религиозные воззрения Александра Добролюбова, находилась в Самарской губернии, неподалеку от бывшего имения Льва Толстого, в котором писатель неоднократно бывал вместе с семьей. Впервые Толстой побывал в Самарской губернии в 1862 г., когда по настоянию врачей отправился на кумысолечение. Он жил в 130 верстах от Самары, в степи, в одной из войлочных кибиток башкирских кочевников на реке Каралык. В следующий раз он вернулся в эту местность в 1871 г. и приобрел 2500 десятин земли, хутор в районе сел Патровки и Гавриловки в Бузулукском уезде Самарской губернии (сейчас это села Патровка и Гавриловка Алексеевского района Самарской области). В последний раз Толстой побывал в Самарской усадьбе в 1883 г. Во время своих визитов Лев Толстой много общался с крестьянами Патровки и Гавриловки. Связи Толстого с самарскими крестьянами не прерывались и в дальнейшем. Например, во время голода в Поволжье в 1891–1892 гг. Л.Н. Толстой пожертвовал нуждающимся 30 тысяч рублей, а его сын Лев устроил две бесплатных столовых для голодающих.

Неожиданно возникшее в начале XX века объединение крестьян привлекало внимание современников, прежде всего, в связи с наставником

¹⁵⁵ Рапорт епархиального миссионера проповедника Михаила Алексеева (копия) ...

¹⁵⁶ Добролюбов А.М. Мои вечные спутники. Собрание чистых слов, избранные слова из всех народов, из священных писаний и из книг искателей познания // ОР РГБ. Ф. 386. К. 128. Ед. хр. 21.

¹⁵⁷ Записная книжка ...

общины, братом Александром, как его теперь называли крестьяне. Религиозное учение воспринималось современниками как нечто второстепенное, главный интерес вызывали образ Добролюбова и перемены, произошедшие в его поведении и образе мыслей после ухода. По этой причине неудивительно, что даже близкие друзья поэта не интересовались его учением как таковым, а видели в нем подражание духоборам¹⁵⁸ или сближение с учением Льва Толстого¹⁵⁹ — подражание вере, но не ее источник. Наиболее достоверное описание представлений людей из «общества образованных» о последователях Добролюбова приводит в своих воспоминаниях Зинаида Гиппиус: «Что это была за секта — никто путем не знал. Говорили только, что там "все сидят поникши"¹⁶⁰. И что "учеников" у Добролюбова было очень много»¹⁶¹.

А.С. Пругавин в статье 1912 г. отмечал, что «число последователей Добролюбова быстро растет»: «Особенно много их в Самарской и Оренбургской губерниях. В 1909 г. в газетах было напечатано письмо, полученное Д.С. Мережковским от одного молоканина с Урала, который сообщал, что Добролюбов "отколол в свою веру от собрания нашего (т.е. молоканского) около 900 душ"»¹⁶². При этом в комментарии Пругавин указывает, что впоследствии факт перехода молокан в учение Добролюбова не подтвердился. 7 июня 1907 г. Д.П. Маковицкий записал слова Толстого: «Вот добролюбовцы, их около ста человек, высоконравственной жизни, но не могли воздержаться от обособленности, выделились кучкой праведников»¹⁶³.

¹⁵⁸ Брюсов В.Я. Дневники 1891–1910 ... С. 126. О близости духоборам «в буддическом смысле» также писал С.А. Венгеров (Венгеров С.А. Указ. соч. С. 160).

¹⁵⁹ Белый А. Начало века / Подгот. текста и коммент. А.В. Лаврова. М., 1990. С. 398.

¹⁶⁰ Друг Добролюбова Владимир Гиппиус также упоминает «об очень мрачном характере его новой "веры"» (Гиппиус В.В. Указ. соч. С. 172).

¹⁶¹ Гиппиус З. Об Александре Добролюбове // Воспоминания о серебряном веке / Сост., авт. предисл. и коммент. В. Крейд. М., 1993. С. 20.

¹⁶² Пругавин А.С. Подвижники // Пругавин А.С. Неприемлющие мира. Очерки религиозных исканий. М., 1918. С. 175.

¹⁶³ Маковицкий Д.П. У Толстого, 1904–1910: «Яснополянские записки» Д.П. Маковицкого: в 4 кн. Кн. 2. 1906–1907. М., 1979. С. 448.

Пругавин отмечал, что наибольший отклик идеи Добролюбова вызывали «среди молокан, хлыстов и других сектантов»¹⁶⁴, а «почти все более активные последователи Добролюбова из интеллигенции ранее были толстовцами»¹⁶⁵.

По своему социальному статусу состав последователей Добролюбова не был однородным. Его учение привлекало не только крестьян, но и образованных людей. Приведем имена и краткие биографии самых известных последователей Добролюбова из интеллигентской среды.

Поэт Леонид Дмитриевич Семенов (1880–1917) — внук географа, ботаника, путешественника и государственного деятеля П.П. Семенова-Тян-Шанского. Леонид Семенов окончил немецкую гимназию Катеринешуле в Петербурге. С 1900 г. учился на историко-филологическом факультете Петербургского университета, но, увлекшись политической деятельностью, вступил в РСДРП, не стал сдавать выпускные экзамены. Близко общался с сестрой А. Добролюбова Марией Добролюбовой. Семенов неоднократно подвергался арестам, за отказ от воинской службы в 1910 г. был помещен в психиатрическую лечебницу. Он общался с Л.Н. Толстым, посещал его в Ясной поляне, состоял в переписке с ним. Приблизительно с 1907 г. был последователем Добролюбова. С 1914 г. жил в своем имении в окрестностях деревни Гремячка Рязанской губернии, занимался крестьянской работой, перешел в православие. В декабре 1917 г. был убит местными крестьянами. В литературном творчестве был близок символистам. В 1905 г. вышла его книга «Собрание стихотворений». Его произведения публиковались в изданиях «Новый путь», «Северные цветы ассирийские», «Трудовой путь», «Шиповник», «Вестник Европы». Семенов — автор незавершенных автобиографических записок «Грешный грешным». В.С. Баевский, основываясь на материалах работы И.П. Яркова, машинопись которой находится в Стэнфордском университете, писал, что Леонид Семенов с

¹⁶⁴ Там же.

¹⁶⁵ Там же.

августа 1908 г. по январь 1909 г. жил в Самарской губернии, где сблизился с А.М. Добролюбовым и его последователями¹⁶⁶. Семенов также сочинял духовные песни. Ярков отмечал, что из-за «стихов для народа с религиозным содержанием» между поэтами (им и Добролюбовым) началось соперничество. «Браткам» больше нравились произведения Леонида Семенова: «Многие из добролюбовцев это высказывали открыто и на собраниях отдавали предпочтение пению стихов "брата Леонида"»¹⁶⁷.

Петр Прокофьевич Картушин (1879–1916) был казаком станицы Раздорской Области Войска Донского. В юности был близок к революционным кругам, но постепенно проникся учением Л.Н. Толстого. В 1906–1907 гг. финансировал издательство «Обновление», общался с Толстым. В 1910 г., познакомившись с учением Александра Добролюбова, стал его последователем, перешел к христианскому мистицизму. Финансировал литературные проекты издательства «Мусагет» и других издательств, выпускавших произведения мистического толка. Во время Первой мировой войны работал в Земском союзе, был на фронте. В 1916 г., работая на фронте в санитарной части, застрелился¹⁶⁸.

Николай Григорьевич Сутковой (1872–1933) родился в Харькове, в дворянской семье, окончил юридический факультет Санкт-Петербургского университета. Состоял во главе книгоиздательства «Обновление», которое печатало работы Льва Толстого¹⁶⁹. Познакомился с общиной Добролюбова в апреле 1907 г., когда по поручению Толстого приехал в Поволжье организовать на деньги, присланные канадскими духоборами, помощь голодающим Самарской губернии¹⁷⁰. В 1933 г. был арестован в городе Майкопе Дагестанской республики по обвинению в «участии в церковно-

¹⁶⁶ Баевский В.С. Жизнестроитель и поэт // Леонид Семенов. Стихотворения. Проза. М., 2007. С. 491–492.

¹⁶⁷ Ярков И.П. Какими я их знаю ... Лл. 230–231.

¹⁶⁸ См.: Дурылин С.Н. В своем углу: из старых тетрадей. М., 1991. С. 23–26.; Толстой Л.Н. Полн. собр. соч. Т. 77. С. 56.

¹⁶⁹ Молочников В.А. Свет и тени. Воспоминания о моем приближении к Толстому // Толстой и о Толстом: Новые материалы / Главнаука Наркомпроса; Труды Толстовского музея. М., 1927. Сб. 3. С. 62.

¹⁷⁰ Толстой Л.Н. Полн. собр. соч. Т. 77. С. 98.

монархической контрреволюционной организации "Южно-Русский Синод"» и приговорен к расстрелу.

Алексей Яковлевич Колесниченко (1886–1920) — сын чиновника, в 1905 г. стал студентом Военно-медицинской академии, но, познакомившись с идеями Л.Н. Толстого, в 1907 г. оставил учебу. Несколько раз приезжал в Ясную Поляну, общался и переписывался с Львом Толстым. Примерно с 1907 г. стал последователем Добролюбова¹⁷¹. С ним была знакома Надежда Брюсова, она бывала у него в гостях в Гатчине¹⁷². П. Картушин о Леониде Семенове и Алексее Колесниченко писал И.С. Книжник-Ветрову: «[...] мы [последователи Добролюбова. — О.С.] очень ценим и дорожим указаниями этих братьев, которых считаем старшими»¹⁷³.

Владимир Иванович Скороходов (1861–1924) — землевладелец Кубанской области, состоял в толстовских общинах¹⁷⁴.

Павел Федорович Безверхий (1885–1927) — сын чиновника железной дороги, до 1905 г. работал телеграфистом на железной дороге в Ашхабаде. В этом же году лично познакомился с Л.Н. Толстым, отказался от воинской повинности и был арестован. В заключении он подвергался побоям, и его психическое здоровье пошатнулось. В 1907 г. его перевели из тюрьмы в психиатрическую клинику. Выйдя из нее, он проживал в земледельческих общинах. Некоторое время был сторонником Добролюбова¹⁷⁵.

В число ближайших последователей Добролюбова входили братья Алексей и Николай Усковы. Они были крестьянами Самарской губернии, занимались сельским хозяйством. В первые годы после революции последователи Добролюбова почувствовали себя свободнее. Массовое освобождение из тюрем верующих, отбывавших срок за отказ от воинской службы, и перспективы получить в свободное пользование землю для

¹⁷¹ См.: Толстой Л.Н. Полн. собр. соч. Т. 77. С. 58.

¹⁷² Надежда Брюсова писала И. Брюсовой 17 августа 1917 г.: «Собираюсь сегодня поехать в Гатчину к Колесниченко (добролюбовцу, которого вы однажды приняли за Добролюбова)» (Брюсова Н.Я. Письма к Брюсовой И.М. // ОР РГБ. Ф. 386. Оп. 147. Ед. хр. 12. Л. 19).

¹⁷³ Картушин П.П. Письма И.С. Книжник-Ветрову... Л. 11.

¹⁷⁴ Толстой Л.Н. Полн. собр. соч. Т. 71. С. 511.

¹⁷⁵ Толстой Л.Н. Полн. собр. соч. М.; Л., 1928–1958. Т. 77. С. 139.

хозяйства воодушевили членов общины. В 1919 г. добролюбовцы создали артель «Всемирное братство». Привыкшие к тяжелому ручному труду крестьяне занимались сельским хозяйством, производством и продажей муки, отчего довольно быстро стали богатеть. По свидетельству Яркова, в этот период многие добролюбовцы в отсутствие наставника стали предаваться грехам прелюбодеяния и стяжательства, а сестры вслед за хлыстами включили в песнопение пляску. За существовавшее материальное неравенство среди членов артели Добролюбов критиковал братьев в письмах, требуя уничтожить «дух кулачества»¹⁷⁶. Добролюбов приезжал в Самарскую область лишь однажды, в начале 1920-х гг., в остальное же время находился преимущественно в Сибири и Таджикистане. Кроме того, известно намерение Добролюбова посетить братьев в середине 1920-х гг. и в 1930 г., после освобождения из тюремного заключения¹⁷⁷, но, по всей вероятности, обе поездки не состоялись.

В 1928–1930 гг. большая часть жителей поселка подверглась раскулачиванию. Главной претензией представителей власти стало использование наемных сезонных работников, что в 1920-е гг. стало признаком эксплуатации труда¹⁷⁸. Алексей Кузьмич Усков, автор некоторых

¹⁷⁶ Ярков И.П. Какими я их знаю ... Лл. 352–357.

¹⁷⁷ Из письма к Ирине Святловской, датированного 1926 или 1927 г.: «Все-таки к Рождеству надеюсь вырваться в Самарскую губернию» (Архив Г.Е. Святловского. Цит. по: Кобринский А.А. Разговор через мертвое пространство... С. 230). Второе письмо Добролюбова, отправленное сестре, относится к сентябрю 1930 г.: «В общем выехать я желаю сам в направлении на Самару» (Архив Г.Е. Святловского. Цит. по: Кобринский А.А. Разговор через мертвое пространство... С. 231).

¹⁷⁸ В 1927 г. братья Шнякины, в землянке которых на краю деревни Росташа Добролюбов впервые остановился, вероятно, в 1903 г. (Ярков И.П. Какими... Л. 180), желая разделять труд с самыми бедными крестьянами. Впоследствии Шнякины были лишены избирательного голоса в связи с применением в своем хозяйстве труда наемных рабочих. В выписке из протокола заседания пленума Кравцевского сельского районного комитета от 4 мая 1930 г. № 12 о Макаре Сергеевиче Шнякине сказано: «Имел ¼ часть механической мельницы, ¼ молотилки и прочий с/хоз. инвентарь и орудия. В 1929 г. был восстановлен Сельизбиркомом, но в 30 г. снова лишен за те же действия и выслан из пределов края». Его брат, Савелий Сергеевич, 20 октября 1930 г. был лишен избирательных прав «за применение наемного труда, за совладение одной четвертой механической мельницы. Наемный труд применял до 1929 г. постоянный и сезонный» (Шнякины Макар Сергеевич, Савелий Сергеевич // ЦГАСО. Ф. Р854. Оп. 5. Д. 28). Иван Лукьянович Белоусов был лишен избирательного голоса «за эксплуатацию наемного труда, закабаление населения сложными машинами и ростовщичество» (Белоусов Иван Лукьянович // ЦГАСО. Ф. 56. Оп. 43. Д. 158. Л. 4). Филипп Иванович Манаков в 1930 г. в возрасте 55 лет был осужден по обвинению в наличии кулацкого хозяйства, арендованной земли, использовании наемного труда с целью извлечения прибыли и сокрытии хлеба. Дети, жена и брат были лишены избирательных прав (Дело о лишении избирательных прав – Манаков Филипп Иванович (Манакова Арина – жена, Манакова Марфа Филипповна – дочь, Манаков Александр Филиппович – сын, Манаков Гаврил Филиппович – сын) // ЦГАСО. Ф. Р1555. Оп. 3. Д. 213).

духовных песен, как и многие другие dobroлюбовцы, в 1930 г. был раскулачен, а его хозяйство экспроприровано¹⁷⁹. Многие члены братства после раскулачивания были сосланы на север. По словам Яркова, из ссылки по прошествии срока заключения живыми вернулись лишь некоторые верующие¹⁸⁰. Оставшиеся братья переселились в поселок «Братки», находившийся в составе колхоза им. Жданова. В настоящее время некоторые потомки dobroлюбовцев проживают в деревне Богдановка Самарской области.

К моменту окончательного ухода поэта-декадента Александра Добролюбова в религиозные странствия идеи Льва Толстого были хорошо известны образованному обществу и некоторым крестьянам. По этой причине неудивительно, что отказ Добролюбова от литературного творчества и шире — искусства — настраивал современников на сравнения с Львом Толстым. Добролюбов после религиозного перелома несколько раз посещал Л. Толстого в Ясной Поляне (5, 6 сентября 1903 г.¹⁸¹, 21 июля 1906 г.¹⁸², 8 мая 1907 г.¹⁸³) и состоял в переписке с ним. Некоторые последователи Добролюбова одновременно считали себя толстовцами и с легкостью переходили из одного христианского учения в другое. Среди них, как мы уже отмечали, были П. Картушин, Л. Семенов, Н. Сутковой, А. Колесниченко и др.

Петр Картушин и Николай Сутковой организовали толстовскую колонию на Верхней Мацесте, неподалеку от Сочи Черноморской губернии¹⁸⁴. Поселение существовало с 1908 по 1912 гг.¹⁸⁵ В нем числились восемь человек, в том числе А. Колесниченко и Н. Сутковой¹⁸⁶. В 1911 г. Картушин сообщал в письме И.С. Книжник-Ветрову об их быте: «Живу я с

¹⁷⁹ Усков Алексей Кузьмич // ЦГАСО. Ф. Р56. Оп. 43. Д. 2679.

¹⁸⁰ Ярков И.П. Какими я их знаю ... Л. 359.

¹⁸¹ Толстой Л.Н. Полн. собр. соч. М.; Л., 1928–1958. Т. 54. С. 191.

¹⁸² Маковицкий Д.П. У Толстого, 1904–1910: «Яснополянские записки» Д.П. Маковицкого: в 4 кн. Кн. 2. 1906–1907. М., 1979. С. 181.

¹⁸³ Толстой Л.Н. Полн. собр. соч. М.; Л., 1928–1958. Т. 56. С. 31.

¹⁸⁴ Агарин Е.В. Толстовство и толстовские земледельческие колонии в дореволюционной России: дис. ... канд. истор. наук. Нижний Новгород, 2016. С. 188.

¹⁸⁵ Там же. С. 189.

¹⁸⁶ Там же. С. 353–354.

Ник. Григ. [Н.Г. Сутковым. — О.С.] в горах, на земле, работаем и почти привыкаем к физическому труду. О внутренней работе трудно сказать кратко — идем в сторону мистики: "чистое дело, чистое слово, чистые мысли — молитва неизреченная"¹⁸⁷ — вот наша краткая формула. Читаем мало, интересуемся теософией»¹⁸⁸. И в следующем письме:

«Брат Ник. Григ. ушел странствовать, так как ему предстоит долгое сидение в тюрьме за издание брошюр Л. Н-ча. [Толстого. — О.С.]. Поселились мы в 12 в.[ерстах] от города Сочи, в горах. Земли у нас 25 дес., из них сада 7 дес. еще молодого, небольшой огород. Предпочитаем образовать ядро из нескольких по духу близких людей, причем главное внимание устремлять на усиление внутренней связи, для чего, между прочим, предполагаем построить "храм молчания"¹⁸⁹, т.е. такую избушку, в которую возможно входить лишь при полном чистом возвышенном состоянии духа, как для одиночного, так и для совместного единения и молитвы. Я лично по своим воззрениям близок, так и брат Николай, хотя мы различествуем в путях, ко брату Александру Добролюбову»¹⁹⁰.

На известие о смерти Льва Толстого Петр Картушин в письме к А.К. Чертковой отреагировал цитатой из духовной песни А. Добролюбова «Споем, братья, песню пред пищей земной»¹⁹¹: «Получил от вас известие, а потом и из газет узнал все о Л. Н-че. Вспомнились мне слова Алекс. Добролюбова:

Весь видимый мир та же книга тебе,

¹⁸⁷ Цитата из молитвы «Среди книг» А. Добролюбова: «Дай мне чистое слово, чистое дело, чистые мысли, молитву неизреченную» (ИЖН 144).

¹⁸⁸ Картушин П.П. Письма И.С. Книжник-Ветрову ... Л. 1.

¹⁸⁹ Цитата из духовной песни Леонида Семенова: «Поселимся же в храме Молчанья» (См. Приложение 2, № 1).

¹⁹⁰ Картушин П.П. Письма И.С. Книжник-Ветрову ... Лл. 1 об.—2.

¹⁹¹ См. Прил. 1, № 20.

Притча глубокая скрыта везде»¹⁹².

А.К. Черткова в предисловии к сборнику сектантских песен «Псалмы "Добролюбовцев"» также писала, что знакомство с Л.Н. Толстым повлияло на Добролюбова, «пробудив в нем пиетистические наклонности [...], пробудив в нем жизненные вопросы, практическое разрешение которых [...] совпадает с взглядами Толстого»¹⁹³. Далее она указывает на увлечение Добролюбова мистикой, оккультизмом и догмат молчания как отличные от учения Толстого черты.

Известно также, что брошюры с произведениями Толстого читали добролюбовцы¹⁹⁴, а многие братья (Л.Д. Семенов, Н.Г. Сутковой, А.Я. Колесниченко, П.П. Картушин, П.Ф. Безверхий, В.И. Скороходов, Г.И. Миронов, С.С. Шнякин) переписывались или встречались с писателем. Д.П. Маковицкий записал в дневнике 16 мая 1908 г.: «Вечером приехали Плюснин, Кузьмины, "брат Сергей" и "брат Данила" — добролюбовцы из Патровки и Гавриловки Самарской губернии»¹⁹⁵. Беседа Льва Толстого с крестьянином Андреем Кудриным произвела на писателя такое сильное впечатление, что по его настоянию рассказ Кудрина об отказе от воинской сужбы был записан, а позже Толстой рекомендовал посетившему его князю П. Долгорукову издать его. История, изложенная Кудриным, была напечатана в Берлине в 1921 г.¹⁹⁶ В ней Кудрин сообщал, что находился под влиянием религиозных идей Добролюбова, а на одном из собраний в 1905 г. с участием Добролюбова и его единомышленников из крестьянской среды, они

¹⁹² Картушин П.П. Письма А.К. Чертковой // РГАЛИ. Ф. 552. Оп. 1. Ед. хр. 3444. Л. 12.

¹⁹³ Черткова А. Указ. соч. С. 13–14.

¹⁹⁴ 12 июня 1914 г. были произведены обыски в домах последователей Добролюбова в селах Семеновка и Ромашкино Бузулукского уезда Самарской губернии. Среди прочих документов были изъяты брошюры Толстого — «Не убий», «О значении русской революции», «Христианство и патриотизм», «Патриотизм и правительство», «Солдатская памятка», «Офицерская памятка». Тексты Толстого были крайне популярны в описываемой нами крестьянской среде.

¹⁹⁵ Маковицкий Д.П. У Толстого, 1904–1910: «Яснополянские записки» Д.П. Маковицкого: в 4 кн. Кн. 3. 1908–1909. М., 1979. С. 89.

¹⁹⁶ Кудрин А.И. Что Андрей Иванович Кудрин рассказал Толстому / С предисл. князя П.Д. Долгорукова. Berlin, 1921.

решили «не участвовать, вообще, в военном учении»¹⁹⁷, Кудрин и другой крестьянин, Савелий Шнякин, решили отказаться от воинской повинности¹⁹⁸. Поэт Л. Семенов в 1908–1909 гг. жил в общине Добролюбова, но одновременно переписывался с Толстым и разделял его взгляды¹⁹⁹. Это свидетельствует о том, что различия в понимании вопросов веры между Львом Толстым и Александром Добролюбовым не были существенными и не противоречили общим морально-нравственным установкам верующих.

Литературоведы также неоднократно отмечали общность религиозных воззрений писателей²⁰⁰. Современники Толстого и Добролюбова сопоставляли их пути веры и находили сходства даже в мелочах. Так, Осип Дымов делится воспоминанием об отказниках от воинской службы в г. Троицке, принявших такое решение под впечатлением от учения Добролюбова: «Интересно отметить, что имена "бунтовщиков" были Орлов и... Неклюдов — излюбленное имя в произведениях Толстого»²⁰¹. А.С. Пругавин передавал слова неназванного собеседника о Добролюбове, лично знавшего его в период декадентского творчества: «Страшное, невероятное самомнение [...] Достаточно сказать, что в спорах Добролюбов иногда приводил такую триаду "Он, Толстой и Бог"»²⁰².

Добролюбов обвинял Толстого в нежелании изучать тайны невидимого мира: «Второе мое обвиненье. Вы и Толстой запрещаете много исследовать о невидимом мире, о конце мира, о всех тайнах. Вы хотели освободиться от современного неверующего общества, от яда неверующего образования, но

¹⁹⁷ Там же. С. 12.

¹⁹⁸ Там же.

¹⁹⁹ «С августа 1908 г. по январь 1909 года жил в Самарской губернии, особенно сблизился с А.М. Добролюбовым [...] и весь этот год провел у него в колонии его последователей, сектантов-добролюбовцев. Однако [...] из-за возникшего между Добролюбовым и Семеновым соперничества Семенову пришлось уйти» (цит. по: Баевский В.С. Жизнестроитель и поэт // Леонид Семенов. Стихотворения. Проза. М., 2007. С. 491–492).

²⁰⁰ См.: Дурылин С.Н. Александр Добролюбов ... С. 685–735; Азадовский К.М. Путь Александра Добролюбова ... С. 121–146; Иванова Е.В. Один из «темных» визитеров ... С. 303–313; Тушев А.Н. Л.Н. Толстой и А.М. Добролюбов как критики цивилизации и искусства // Уч. зап. Казанского ун-та. Сер. Гуманитарные науки. 2016. № 1. С. 183–189.

²⁰¹ Дымов О. Александр Михайлович Добролюбов // Воспоминания о серебряном веке / Сост., авт. предисл. и коммент. В. Крейд. М., 1993. С. 23.

²⁰² Пругавин А.С. Декадент-сектант... С. 154.

вы не освободились» (ИКН 180)²⁰³. Толстой говорил о необходимости осознанной веры в противовес суеверию и обряду, к которому также относил совместное молчание: «Сознание — вот что нужно, сознание своей божественности. [...] Потому что суеверие не только в причастии, а и в том, чтобы собраться вместе и молчать или молиться. Нужна не вера, а нужно сознание»²⁰⁴.

И. Ярков видел суть различия религиозных идей писателей в главных для них словах — «любовь» (для Толстого) и «свобода» (для Добролюбова) — и называл Добролюбова главным конкурентом Толстого в народной среде:

«Пожалуй, у каждого из "вероучителей", основателей сект и ересей (не исключая древних), есть, если поискать, такое особенное, определительное, заветное слово, в котором, как в фокусе, раскрывается весь внутренний облик "вероучителя", все его ведущее настроение, вся его духовная устремленность. И вот если к этой категории «вероучителей» условно причислить и Толстого, то для него таким заветным словом будет "любовь". Для наиболее же сильного из его "конкурентов" в народе — поэта-мистика Александра Добролюбова такого рода словом было "свобода"»²⁰⁵.

А. Пругавин писал, что толстовское учение о непротивлении злу насилием привело к возросшему числу отказов от военной службы. В антимилитаризме сходились взгляды писателей — последователи Добролюбова тоже часто отказывались от воинской повинности. Хотя во многих других вопросах их убеждения расходились, Добролюбов «увлек за собой многих "толстовцев", и — что особенно удивительно, увлек из числа тех, которые считались наиболее цельными и последовательными сторонниками идей великого моралиста»²⁰⁶. В июне 1910 г. Маковицкий

²⁰³ Список сокращений приведен на с. 218.

²⁰⁴ Гольденвейзер А.Б. Вблизи Толстого. Записи за пятнадцать лет. Т. 2. М., Петроград, 1923. С. 99.

²⁰⁵ Ярков И.П. Моя жизнь ... Л. 235.

²⁰⁶ Пругавин А.С. Декадент-сектант ... С. 160.

записал в дневнике историю о Добролюбове, рассказанную одним из посетителей Л.Н. Толстого: «Где-то в Сибири копали колодезь. После узнали, что он нужен для военных целей. Добролюбов приказал сжечь деньги, полученные за эту работу»²⁰⁷.

Учение Добролюбова с толстовством объединяли вегетарианство, прославление физического труда, работы на земле, жизни в единении с людьми, животными и природой, пацифизм, выражавшийся в отказе от воинской службы, аскетизм, сакральное отношение к крестьянам, «у которых мы только можем учиться»²⁰⁸, «потому что в истинно великих людях глубочайшее смирение» (ИКН 3). Кроме того, добролюбовцы, как и толстовцы, отрицали церковные обряды, иконы, сам Александр Добролюбов отрицал даже портреты²⁰⁹: «Мы и так тяжелы, и так обременены этим телом. Зачем еще обременять себя изображениями» (ИКН 86).

Отличительными чертами учения Добролюбова стали догмат молчания, необходимость чтения внутренней книги, погруженность во внутреннее созерцание, декларированный отказ от науки, искусства как всего искусственного, символическое толкование текстов Писания, вера в озарение и возможность непосредственного общения с Богом, сочинение духовных песен, содержащих основы учения, для исполнения на собраниях.

Основной практикой в учении Добролюбова было молчание. С ним связано чтение внутренней книги, то есть своей души. Только погрузившись в молчание, согласно идеям Добролюбова, можно ощутить связь с Богом: «Пустыня, телесный пост и молчанье — вот тебе первые ступени храма. И разве ты не знал этого? Это известно даже младенцам» (ИКН 110).

Тем, кто достиг более высоких ступеней познания, доступны озарения — непосредственное общение с Богом через внутреннее слово. Молчание практиковали квакеры, буддисты, символистский писатель М. Метерлинк

²⁰⁷ Маковицкий Д.П. У Толстого, 1904–1910: «Яснополянские записки» Д.П. Маковицкого: в 4 кн. Кн. 4. 1909–1910. М., 1979. С. 287.

²⁰⁸ Толстой Л.Н. Полн. собр. соч. М.; Л., 1928–1958. Т. 86. С. 156.

²⁰⁹ Пругавин А.С. Подвижники ... С. 173.

тоже проповедовал молчание в своих произведениях, например, в сборнике «Сокровище смиренных». Арабская пословица, которую Добролюбов включил в книгу «Мои вечные спутники», гласит: «Если ты хочешь говорить, то слово твое должно быть лучше молчания» (МВС Л. 39 об.) Молчание также входило в религиозную практику исихастов, квакеров. К.М. Азадовский указывал, что созерцание для Добролюбова — «метод общения с духовным началом»²¹⁰, формой которого является молчание. Исследователь связывал эти практики с буддизмом, хотя в данном случае невозможно говорить об одном источнике «обрядов».

Добролюбов, как и Толстой, не признавал Троицу, считая Иисуса обычным человеком, которого преобразила вера. Об этом сохранились слова Добролюбова:

«Тайна вся, вся полнота мудрости в одном вечном Слове — Дух Святой, который сходит в плоть человека, во всех Распинаемый, во всех Воскресающий, Единый, Древний Иегова. Он сам приходит в верное сердце и приводит с собою весь мир во внутреннем озарении, во внутреннюю постланную горницу. Он посылает всех избранных ангелов своих и отрока своего Иисуса.

Живые законы, живые ангелы пусть живут в сердцах людей. И имя Его едино, и лицо Его едино. Нет конца именам Его. Как разум человека един, так и Бог един. Он не двухличен, не трехличен.

Иисус Христос был простой добрый человек и брат наш и свет Света, он исполнял не свою волю, но волю Отца и услышан был за благоговение²¹¹. Его учение об Отце, о воле Отца во всякой свободе и правде Духа, любви и чистом разуме. Иисус Христос — великий света Ангел²¹², который теперь

²¹⁰ Азадовский К.М. Путь Александра Добролюбова...С. 139.

²¹¹ «Он, во дни плоти Своей, с сильным воплем и со слезами принёс молитвы и моления Могущему спасти Его от смерти; и услышан был за Своё благоговение» (Послание к Евреям 5:7).

²¹² См.: «И неудивительно: потому что сам сатана принимает вид Ангела света» (2-е посл. Кор. 11:14).

вознесен на престол самого Отца²¹³, превыше всех небес²¹⁴, как один из [нрзб.] Серафимов»²¹⁵.

О возможности получения откровения Добролюбов беседовал с Толстым. На это Толстой якобы отвечал: «Я не знаю, что это за Жар-птица такая — откровение. [...] Может быть, эта Жар-птица на кого-то слетала, но на меня она никогда не садилась...»²¹⁶. Пругавин записал диалог со слов сторонника Добролюбова, присутствовавшего при этой беседе. Добролюбов три раза посещал Л.Н. Толстого, во время встреч они общались, о чем сохранились записи Толстого в дневнике. Одна беседа Добролюбова с Л. Толстым о браке и возможности его расторжения 21 июля 1906 г. была записана Д.П. Маковицким²¹⁷.

Добролюбовцы практиковали молчание и внутреннее созерцание, мистическая сторона познания божественного начала играла важную роль в учении Добролюбова. Призыв «вступать в книгу Жизни» (ИКН 202) показателен своим модернистским восприятием мира как текста, а жизни — как художественного действия. При этом речь идет именно о внутренней книге, дарующей жизнь в единстве с Богом. Таким образом, Добролюбов призывает вступать в жизнь духовную, читая внутреннюю книгу, дарованную Творцом. Один из прозаических отрывков, опубликованный в сборнике «Из книги невидимой», озаглавлен как «Страница из исповеди, из книги жизни моей» (ИКН 73).

Крестьянин Г.И. Миронов, последователь Добролюбова, писал Льву Толстому 30 апреля 1907 г. о различиях между ним и добролюбовцами: «Они [сторонники Добролюбова. — О.С.] считают, что бога можно видеть только

²¹³ Неточная цитата из Библии: «[...] выберите лучшего и достойнейшего из сыновей государя своего, и посадите на престол отца его, и воюйте за дом государя своего (4-я Цар. 10:3).

²¹⁴ См.: «Нисшедший, Он же есть и восшедший превыше всех небес, дабы наполнить всё» (Посл. к Еф. 4:10).

²¹⁵ См.: «Тогда прилетел ко мне один из Серафимов, и в руке у него горящий уголь, который он взял клещами с жертвенника» (Ис. 6:6); Записная книжка ... Лл. 4.–5 об.

²¹⁶ Пругавин А. Подвижники ... С. 172.

²¹⁷ Маковицкий Д.П. У Толстого, 1904–1910: «Яснополянские записки» Д.П. Маковицкого: в 4 кн. Кн. 2. 1906–1907. М., 1979. С. 181.

во время опьянения, а он [Миронов. — О.С.] отвергал это»²¹⁸. Толстой отвечал: «Опьянение всякое нехорошо просто само по себе. Человеку надо стараться всегда быть в полном разуме. Видеть же бога никому никогда ни в коем случае нельзя. И тот, кто говорит о видении бога, не знает бога, потому что бог есть дух, есть любовь»²¹⁹. Лев Толстой относился скептически к мистическому наполнению религии. Д.П. Маковицкий записывал в дневнике в июне 1910 г., что Толстой «по поводу мистицизма в добролюбовском движении неодобрительно отзывался»²²⁰. Оппозиция рационального и чувственного подходов в восприятии истинно христианской жизни была одним из отличий религиозных идей Добролюбова и Толстого.

Также Добролюбов противопоставлял авторитету Толстого — «искренний путь» свой, равенство слова и дела²²¹.

В октябре 1914 г. в села Семеновка, Ромашкино и на мельницу, где проживал один из последователей Добролюбова — Будаев, — был отправлен епархиальный миссионер, протоирей Алексеев. Последний проводил беседы с сектантами и выяснял особенности учения «квакарей», как он их называл. При чтении записей бесед важно учитывать, что «миссионерские исследования сектантов интересуются исключительно изобличением ересей и утеснением сектантов»²²². Тем не менее это важный источник для ознакомления с некоторыми деталями вероучения Добролюбова, дающий также представление о том, как само учение понималось его последователями²²³.

²¹⁸ Толстой Л.Н. Полн. собр. соч. М.; Л., 1928–1958. Т. 77. С. 109.

²¹⁹ Там же.

²²⁰ Маковицкий Д.П. У Толстого, 1904–1910: «Яснополянские записки» Д.П. Маковицкого: в 4 кн. Кн. 4. 1909–1910. М., 1979. С. 287.

²²¹ См. письмо Добролюбова Толстому от 10 сентября 1903 г.: «Ты близок к смерти [...] пока на видимой земле [...] разъясни свою ошибку в отдаче имения [...] что ты не вышел из барского дома [...] что ты признаешь ошибкой, когда оставлял телесный труд» (Толстой Л.Н. Полн. собр. соч. М.; Л., 1928–1958. Т. 54. С. 532).

²²² Бердяев Н.А. Духовное христианство и сектантство в России // Типы религиозной мысли в России. Собр. соч. Т. 3. Париж, 1989. С. 447.

²²³ Фрагменты из беседы протоиерея Алексеева (в статье его называют Самарским епархиальным миссионером С. Пряхиным) с крестьянами были также опубликованы в журнале «Миссионерское обозрение» (Смирнов Вс. Сектантство // Миссионерское обозрение. 1915. № 9. С. 126–137).

Приведем некоторые выдержки из рапорта в Самарское губернское правление от 19 ноября 1914 г., позволяющие более подробно ознакомиться с особенностями понимания вероучения последователями Добролюбова:

«Лица, собирающиеся на собрания [...], именуют себя "братцами" и "сестрицами"; они вегетарианцы — не едят мяса и не пьют вина; всех животных считают своими братьями; не признают боговдохновенности Св. Писания; отвергают историческую достоверность чудес; не признают Спасителя Богом; учат о перевоплощении; не признают приснодевства Божьей Матери; не признают священства, отвергают бытие ангелов и злых духов; отвергают таинства церковные, праздники и всю обрядовую сторону богослужения; не верят в будущую загробную жизнь; учат о переселении душ; не признают светское начальство; отвергают присягу, военную службу и войну²²⁴ [...].

Все писание заключается в одном слове — любовь. [...] О Лице Господа нашего Иисуса Христа Мотин²²⁵ выразился так: "Христос не Бог, а только сын Божий, имеющий невесту — свободу. Он родился естественным образом от Иосифа и Марии²²⁶. Христос был сначала грешником, как и все люди, но потом победил плоть и сделался святым человеком. [...] он был в пустыне — это значит, что он был пустой человек, не имеющий добрых дел. Сначала Христос был слабым человеком, боялся мучений и молился отцу: "Отче, да мимо идет чаша сия" [...] Ангел являлся Ему и укреплял Его. Воскрес Христос духом, так как дух бесконечен, а плоть Его, жившая 33 года, осталась на земле и сгнила, так как он был взят от земли и должен был идти в землю [...] Христос исцелял слепых; это значит, что ослепленных грехами

²²⁴ А. Белый писал, что Добролюбов «учил крестьян [...] отказу от денег, имущества, икон, попов, нанимался по деревням в батраки; работал хозяевам за пищу, одежду и кров — то в одной, то в другой деревушке» (Белый А. Начало века ... С. 398).

О реинкарнации Добролюбов писал: «И даже плотская память переселений затеряна у преданных ревниво струям земли» (ИКН 172).

²²⁵ Дмитрий Евграфов Мотин — крестьянин села Семеновка Ромашкинской волости Бузулукского уезда Самарской губернии, последователь А. Добролюбова.

²²⁶ По словам Брюсова, Добролюбов осенью 1903 г. высказывал подобные мысли о небожественной сущности Христа: «О ком ты говоришь? Если о сыне Марии, я о нем ничего не знаю» (Брюсов В.Я. Дневники 1891–1910 ... С. 133).

заставлял жить добродетельно. Исцелял хромых — это значит, что людей [...] приводил к истинной вере²²⁷. Воскрешал из мертвых — значит, погруженных в бездну греха и не знавших истинного Бога выводил из греховной тьмы в чудный свет. И мы, говорит Мотин, были мертвы и находились в бездне греха, когда были православными, но теперь воскресли от мертвых дел. Христос претворил воду в вино, которое пили; это вино и ныне пьют, когда делают добрые дела. И в настоящее время есть христы, которые так же творят чудеса: воскрешают мертвых, исцеляют слепых, хромых, ибо "Иисус Христос и вчера, и сегодня, и навеки Тот же". Демьян Музалев²²⁸ называл себя сыном Божиим и говорил, что придет время, когда и он вознесется на небо с горы, которая находится на пути к с. Гришкино [...]

Семеновские крестьяне передавали, что Мотин и Музалев перерубили икону пополам: из одной половины сделали клин, который забили в мотовой камень на мельнице, а другую часть разрубили на части и сожгли в самоваре. Моци, говорил Музалев, — это выдумка попов для обирательства простого народа²²⁹ [...] Он, Мотин, крестится духом святым, когда творит добрые дела. Христос всю жизнь крестился, Его жизнь была крестоношение. Крещение есть страдание, а вода не спасет [...]

[...] каждый должен причащаться добрыми делами; вся жизнь в делах. Чаша есть страдание, и больше им никакого причащения не нужно²³⁰ [...] В Писании сказано: "Оставь там дар свой пред жертвенником и пойдешь, прежде примиришься с братом своим и тогда приди и принеси дар твой". "Жертвенник"

²²⁷ Подобная аллегория характерна и для творчества Добролюбова. В «Песне брака» читаем: «Но Он сказал: "Красота Моя — друзья Мои, жизнь Моя в глазах друзей Моих. Истинно более жизни Своей возлюбил Я их".

И повязка спала с глаз моих» (ИКН 33).

²²⁸ Демьян Степанович Музалев — крестьянин села Семеновка Ромашкинской волости Бузулукского уезда Самарской губернии, последователь А. Добролюбова.

²²⁹ Известно, что Добролюбов выступал противником церковных обрядов и идолопоклонничества. Об иконоборчестве Добролюбова см.: Кобринский А.А. «Жил на свете рыцарь бедный...» ... С. 441–442.

²³⁰ Сравним с текстом «Из книги невидимой» Добролюбова: «Да, братья, рабство любви есть тайна свободы. Всемирная скорбь есть сердце всемирного торжества. Сострадание, сожаление есть тайна и корень сорадования. Распятие и воскресенье — все есть едино.

Скорбь о всех уже есть торжество и вечно-новое воскресенье во всех и чудо и исцеленье. Кто никогда не страдал, тот никогда не будет и радоваться» (ИКН 84).

— книга, "дар" — слово: если он плохо сделал, то должен наградить того, кому сделал плохо, как приказывает писание — книга²³¹.

[...] Все — священники и цари; кто просвещает свою душу, тот и священник. Ангелы, по мнению Музалева, — это — мысли на добрые дела, а дьяволы — мысли на худые дела. Относительно существования загробной жизни, Страшного суда, ада и рая Музалев высказал такое суждение: "Никакого Страшного суда не жди, здесь на земле ищи ад и рай"²³². [...] По смерти человека душа его переходит в другие живые существа, не исключая животных. Рассказывали, что когда у Филиппа Манакова²³³ умер отец, то православные спросили Манакова: "Ну, а если в то время, когда умер твой отец, родилась собака?" — "Тогда душа моего отца должна идти в собаку", — ответил Манаков. [...]

Не нужно им, по мнению Музалева, никакого начальства, потому что они, по Писанию, "все цари и священники". Все должны жить воедино, как братья. В Писании сказано: "Наша брань не против крови и плоти, но против начальств, против властей, мироправителей тьмы века сего"²³⁴. [...].

На своих собраниях они читают Евангелие и толкуют его в сектантском духе, поют стихи [...]. Сектанты сами себя любят называть "братьями", а иногда называют "квакерами". Жена Демьяна Музалева при народе говорила, что ее муж "квакер". Секта квакеров впервые в Самарской епархии появилась в 1903 году в с. Богдановке Николаевского уезда, на границе с Бузулукским уездом»²³⁵.

²³¹ Все слова, высказанные и записанные, становятся в понимании Добролюбова и его последователей даром Богу — словом (даром), принесенным на жертвенник, то есть опубликованным в книге или произнесенным: «Не только вы пьете из чаши истинной крови Моей, но Я принимаю рыбу, которую приносишь ты на твой жертвенник из земли. Не только ты читаешь в писании Моем, но Я открываю книгу твою, вечно читаю ее — всерадостную, вечнорадостную для очей Моих» (ИКН 33).

²³² Сравним с отрывками из псалмов добролюбовцев: «Достиженны и рай, и ад на земле»; «Если здесь не устроим, нигде не найдем» (Прил. 1, № 2); «Если здесь не отыщешь / нигде не найдешь» (Ярков И.П. Моя жизнь ... Л. 20)

²³³ Филипп Григорьевич Манаков — крестьянин села Семеновка Ромашкинской волости Бузулукского уезда Самарской губернии, последователь А. Добролюбова.

²³⁴ Еф. 6:12.

²³⁵ О появлении в селе Семеновки последователей секты «Квакари» ... Лл. 1–7.

Во время обысков 11 и 12 июня 1914 г. в доме Василия Мотина, помимо книг и брошюр о религии, произведений Л. Толстого, были обнаружены и изъяты письма Добролюбова, полученные им в 1912 г. от родных, «тетрадь с духовными стихами и разные записки, из которых три с духовными стихами, написанными, видимо, Александром Добролюбовым»²³⁶.

Протоирей Алексеев на основании бесед с верующими приходит к выводу, что учение Добролюбова представляет собой одну из «разновидностей хлыстовщины с добавлением большой доли толстовства»²³⁷:

«По рассмотрении всего собранного материала и по сравнении его с литературными источниками о сектантстве можно предположить, что основателем секты явился известный поэт Александр Добролюбов, оставивший мир и ушедший к хлыстам, перу которого принадлежат многие хлыстовские гимны и "распевцы", выяснить место жительства которого в настоящее время не представляется возможным»²³⁸.

Вера в живых христов отсылает прежде всего к учению хлыстовства, традиция молчания и устремленность к поиску веры внутри себя — основа квакерского учения, веру в реинкарнацию разделяли как некоторые древнегреческие философы, так и буддисты, индуисты, даосисты, последователи каббалы и многие другие. Поскольку религиозные воззрения Добролюбова являли собой синтез различных вероучений, что отразилось в книге «Мои вечные спутники»²³⁹, составленной из цитат из духовных текстов различных верований²⁴⁰, то говорить о каком-то едином первоисточнике его учения было бы некорректно. Тем более некорректно классифицировать

²³⁶ Там же. Л. 2. Указанные рукописи не сохранились.

²³⁷ Там же.

²³⁸ Там же.

²³⁹ В сборнике при этом отсутствуют цитаты из сочинений Л. Толстого.

²⁴⁰ Кобринский А.А. «Жил на свете рыцарь бедный...» ... С. 449.

учение Добролюбова как разновидность толстовства. Объединение различных религиозных направлений было закономерно при провозглашенном Добролюбовым желании создать «всемирное братство».

Религиозные идеи Добролюбова быстро распространялись. В 1911 г. при публикации фрагментов из книги «Мои вечные спутники» в предваряющей публикацию аннотации Добролюбова называют «заволжским апостолом» и представляют его как «основателя своеобразного религиозного движения, имеющего массу последователей в заволжских губерниях»²⁴¹. Точное число последователей, как уже отмечалось выше, невозможно установить, так как данные разнятся. В июне 1907 г. сестры Надежда и Лидия Брюсовы приезжали в Росташи к Добролюбову. Надежда Яковлевна так описывала общину в письме к Иоанне Брюсовой:

«Все же, если когда-то захотите ехать в дикую страну, то поезжайте туда. Есть там люди и в самом деле очень хорошие, — немного, не все, — но такие хорошие, что по самой сущности может быть гораздо выше Добролюбова. [...] Но только этих людей немного, совсем, 4, 5 человек, и то не все из Росташей, а и из Богдановки, и из Каралыка, — я их видела, потому что они приезжали в Росташи. Некоторых из близких друзей Добролюбова я не видала, — один уехал к Савелию Шнякину²⁴² в Полтаву, один живет в другой деревне, далеко, — некоторые уехали в Омск»²⁴³.

С.Н. Дурылин уже в 1920-е гг. писал, что «с годами вокруг Добролюбова собрались тысячи последователей, почти исключительно из крестьян-земледельцев, разбросанных по разным областям России, до Сибири и Кавказа включительно»²⁴⁴. Скорее всего, это преувеличение, Дурылин мог лишь предполагать число добролюбовцев, но общался он лишь

²⁴¹ Из области религиозных движений. От редакции // Новая земля. М. 1911. № 7. С. 15.

²⁴² Братья Макар и Савелий Шнякины — последователи Александра Добролюбова из Самарской губернии.

²⁴³ Брюсова Н.Я. Письма к Брюсовой И.М. // ОР РГБ. Ф. 386. Оп. 78. Ед. хр. 43. Лл. 7 об.–10 об.

²⁴⁴ Дурылин С.Н. Александр Добролюбов... С. 720.

с несколькими из них. Мы считаем, что число последователей Добролюбова было минимум 100 человек и не превышало 1000 человек. При этом людей, слышавших о его учении, было значительно больше.

В этом отношении интерес представляют воспоминания человека, непосредственно принимавшего участие в жизни общины, — И. Яркова:

«[...] интереснее, свободомысленнее, [...] чем [...] "добролюбовцы", еще не встречал. Добролюбовцы как бы вобрали в себя все лучшее в сектантстве, весь его аромат.

Добролюбовцы, или, как сами они предпочитали себя называть, "братья" или "братки", удивили меня необычайной в сектантах широтой и свободой в понимании и трактовке многих вопросов веры; широтой социальных стремлений: подавай им, также, как духоборам, ни много ни мало, а — "всемирное братство" [...].

Всех людей — и добрых, и злых — добролюбовцы одинаково называли братьями [...] Легендарного евангельского Иисуса [...] они запросто и, так сказать, дружески называли — "брат Иисус". Различий между сектами, между религиозными взглядами никаких не клали. Для них все "ищущие" и "стремящие" были равно близки и дороги как "искатели света" [...]:

"Все народы, все секты, айдате в наш храм!

храм любви всемирной есть единственный храм..."»²⁴⁵.

Как уже было отмечено, последователи Добролюбова интересовались теософией. Вера в мистическое соприкосновение с божественной сущностью и единство всех религий сближали с теософией религиозные взгляды Добролюбова. В 1911 г. А. Каменская в статье «Теософия и ее веяние в России», опубликованной под псевдонимом Alba в «Вестнике Теософии»,

²⁴⁵ Ярков И.П. Какими я их знаю... Л. 234; Прил. 1, № 29.

причислила Добролюбова к третьей волне народничества в России²⁴⁶ и отметила в сборнике «Из книги невидимой» выражение теософской мысли:

«[...] Теософические учения уже нашли себе родной проводник в народную массу [...]. В разобранный нами книге мы не встречаем строго разработанной философии; но все основы Теософии как вселенского научно-религиозного синтеза уже налицо. Вдохновенным русским бардом они облечены в поэтическую форму и дышат той непосредственной красотой и силой, которые рождаются от просветленного сердца. В этой книге мы имеем уже настоящее народное творчество, почерпнувшее, несомненно, свое вдохновение в Теософии [...]. Теософия в России имеет уже своих трубадуров. Когда идея воспевается поэтами и вдохновляет искусство, то она уже живет в душе народа, а то, что живет в душе народа, то пустило глубокие корни и имеет великое будущее»²⁴⁷.

Отметим также, что близость воззрений Добролюбова к манихейству как раннему прообразу теософии, отразившаяся в произведениях «Из книги невидимой», уже рассматривалась С. Петровой²⁴⁸. Исследовательница указывала на сходство в репрезентации двойственности бытия, схожую с дуализмом в манихействе, бережное отношение лирического субъекта к природе, ее одушевление, мотив освобождения от зла, совмещение в рамках одной концепции различных религиозных идей.

Кроме того, Пругавин отмечал уклон Добролюбова в сторону «созерцательного пантеизма»²⁴⁹. Также в черновике своей статьи, посвященной добролюбовцам, он писал, что поэт отказался от общения с интеллигентными людьми, а исключение делал только для тех, кто разделял его взгляды²⁵⁰. Вероятно, это наблюдение относится к периоду после 1905 г.,

²⁴⁶ Каменская А. Теософия и ее веяние в России // Вестник теософии. 1911. № 1. С.1–11. С. 2.

²⁴⁷ Там же. С. 11.

²⁴⁸ Петрова С.Е. Поэзия Александра Добролюбова ... С. 143–147.

²⁴⁹ Пругавин А.С. Заметки ... Л. 4 об.

²⁵⁰ Там же. Л. 6.

поскольку до того он общался с В. Брюсовым, А. Белым, Д. Мережковским. Эти черты не были присущи учению Толстого.

Религиоведы конца XIX в. делили сектантские учения на рационалистические и мистические. К рациональным вероучениям относили духоборов и молокан, к мистическим — хлыстов и скопцов. При этом четкого разграничения между неправославными течениями не существовало. С. Инникова, например, отмечает, что в XVIII в. не было разделения на духоборов и молокан, а духовенство и тех, и других называло «квакерской ересью», как тогда называли хлыстов²⁵¹. А. Панченко выделил следующие критерии христиан-мистиков: «Специфика христовщины и скопчества — в упомянутой экстатической ритуалистике, сравнительно малой ориентации на религиозную книжность, особой значимости эсхатологических ожиданий и верований. Кроме того, хлысты и скопцы, в отличие от других сектантов, не порывали с традиционными формами православного религиозного обихода»²⁵².

Как отмечал Ярков, Добролюбов «завербовал в свое время (в начале 1900-х годов) довольно обширное число последователей, друзей, единомышленников, особенно из среды так называемых молокан (духовных христиан)»²⁵³.

Пругавин утверждал, что Добролюбов в народной среде «пользуется огромным уважением, особенно среди молокан, хлыстов и других сектантов»²⁵⁴. Также Пругавин писал о своих переживаниях, связанных с тем, что Добролюбов может увлечься хлыстовщиной, поскольку склонность к мистике сближает их способы верования, однако этого не произошло²⁵⁵. Добролюбов не только интересовался, но и общался с представителями различных неофициальных религиозных течений, жил в их среде.

²⁵¹ Инникова С.А. Тамбовские духоборцы в 60-е годы XVII века // Вестник ТГУ, вып. 1. 1997. С. 39, 42.

²⁵² Панченко А.А. Христовщина и скопчество: фольклор и традиционная культура русских мистических сект. М., 2004. С. 2–3.

²⁵³ Ярков И.П. Какими я их знаю ... Л. 178.

²⁵⁴ Пругавин А.С. Подвижники ... С. 175.

²⁵⁵ Там же. С. 175.

Христианский мистицизм, к которому перешел Добролюбов в начале XX века, сочетал в себе черты различных религиозных учений — буддизма, православия, квакерства, толстовства, даосизма, хлыстовства, молоканства, индуизма, последователей каббалы и др., концепций древнегреческих философов. Основу его взглядов составляло христианское учение. При этом интерпретация Священного Писания была близка учению хлыстов, многие идеи были сходны с толстовством, а обряд молчания находит параллели в квакерстве и буддизме. Подобная эклектика религиозных идей сближала религиозные идеи Добролюбова с теософией.

Перемены в жизни поэта, вызванные религиозными исканиями, становились предметом осмысления как среди писателей-символистов, так и среди крестьян. Следующий параграф будет посвящен рассмотрению мифов, сложившихся о Добролюбове после его ухода.

1.3. Образ поэта в рецепции современников

После начала Добролюбовым религиозных странствий символисты примеряли на себя возможность ухода. В 1904 г. В. Брюсов писал А. Белому: «И я думаю, что у Добролюбова нет этих криков "зачем"! [...] Нам было два пути: к распятию и под маленькие хлысты; мы предпочли второй»²⁵⁶.

Идея «ухода», который осуществил Добролюбов, нашла продолжение в судьбе его друга В. Гиппиуса. Решив порвать с литературным творчеством, он писал в 1900 г. З. Гиппиус и Дм. Мережковскому об усталости на пути, о необходимости «выйти от Бога к жизни», «чтобы жизнью стал Бог»²⁵⁷.

С.Н. Дурылин приводит запись из дневника Е.А. Нерсеровой о диалоге З. Гиппиус и Дм. Мережковского, состоявшемся в 1906 г., в котором последний говорит: «А мне кажется, что мы все же кончим полушубком,

²⁵⁶ Переписка с Андреем Белым 1902–1912 / Вступ. ст., публ. и коммент. С.С. Гречишкина, А.В. Лаврова // Литературное наследство. Т. 85. Валерий Брюсов. М., 1976. С. 378–379.

²⁵⁷ Рыкунина Ю.А. «Вы всегда шли от жизни к Богу»: из черновых записей Владимира Гиппиуса // Литературный факт. 2017. № 4. С. 206.

пойдем в народ — нас интеллигенция не сможет понять», а Зинаида Гиппиус отвечает ему: «Пойдем»²⁵⁸.

В недатированном черновике письма, написанном, по всей видимости, в 1905 г. Иоанна Брюсова, жена В. Брюсова, также сообщает Добролюбову о своем желании покинуть Москву и уйти в его общину:

«Брат Александр, только про одно могу я тебе сказать, это то, что я хочу уйти. Пока я буду здесь как до сих пор жила, я не могу ни молиться, ни думать о Боге. Теперь я могу только плакать неразумно и бесцельно. Брат, мне бы хотелось уйти, я здесь лишняя. Я часто думаю, брат, что ты можешь мне указать тот внешний путь, по которому я могу и должна идти. Ах, как трудно жить среди постоянной лжи. Не знаю, поймешь ли меня, брат мой. Других трудно понимать. Если я буду до конца, совсем искренняя, я скажу тебе, что Бог от меня отвернулся. Я чувствую Бога, но, как я пыталась говорить тебе, я его не знаю. Я чувствую в себе душу дикаря, которая только боится Бога. Если бы я знала Бога, разве я могла бы так печалиться? Тому я не печалюсь, что я не знаю Бога, а печалюсь, что мне тяжело. Уйти хочу не потому, что надеюсь найти его. Знаю, тебе тяжело, брат мой, будет читать эти мои слова. Но это правда. Если я уйду, буду Его искать, я наверное знаю, что буду. Ты мне говорил, брат, что есть сестры близкие тебе. Если бы я могла, я бы ушла к ним, но я теперь недостойна. Мой крик о помощи к тебе, брат мой, — крик отчаяния. Я знаю, что внешностях ты меньше всего можешь.

Сестра твоя Иоанна»²⁵⁹.

Андрей Белый сравнивал Добролюбова с некрасовским Власом: «[...]

²⁵⁸ Дурьин С.Н. Александр Добролюбов ... С. 725–726, 734.

²⁵⁹ Брюсова И. М. Письма к Добролюбову А.М. // ОР РГБ. Ф. 386. Оп. 145. Ед. хр. 62. Лл. 3–4. Фигура Добролюбова появляется в связи с желанием уйти и в другом недатированном черновике письма Иоанны Матвеевны к Надежде Брюсовой: «Теперь Валя [В. Брюсов. — О.С.] предается разврату в самых утонченных формах. Это то, что я хочу кричать. Слышите меня, Надя. Это та ложь, от которой ушел Добролюбов. Я не смогу больше жить во лжи, вы мне помогите уйти. Я не смею здесь больше жить. Это грех. Надя! Надя! Хорошая, чистая. Будьте всегда чистой. [...]» (Брюсова И.М. Письма к Брюсовой Н.Я. // ОР РГБ. Ф. 386. Оп. 145. Ед. хр. 37. Л. 2).

уже семь лет вместе с Власом идет он к "светлому граду новой жизни". Этот одинокий образ русского символиста, поборовшего нашу трагедию, не может не волновать нас: мы тоже пойдем, мы не можем топтаться на месте: но... — куда пойдем мы, куда?»²⁶⁰ И позже: «[...] ведь ушел же Добролюбов, ушел к Добролюбову светский студент Л.Д. Семенов через два с лишком года после этого, ушел сам Лев Толстой, пришел оттуда, из молитвенных чащ и молелен севера, к нам сюда Николай Клюев [...]»²⁶¹. Клюев в 1909–1910 гг. тоже пробовал вслед за Александром Добролюбовым и Леонидом Семеновым перейти от литературного творчества к созерцательному молчанию²⁶², но впоследствии отказался от этой идеи.

Среди писателей-символистов Петербурга и Москвы перемена, произошедшая в образе жизни Александра Добролюбова, коррелировала с сюжетом их религиозных чаяний о раскаявшемся грешнике, единственном из многих решившемся встать на путь искупления индивидуальных и всеобщих грехов интеллигенции (А. Белый, А. Блок, Д. Мережковский, З. Гиппиус, Вл. Гиппиус, Н. Минский и др.). А. Кобринский отмечал, что «миф о Добролюбове представляет собой литературный извод мифа о святом страннике, само существование которого служит упреком людям, живущим одновременно с ним, но — мимоюлетной, пустой, суетной жизнью»²⁶³.

Миф о Добролюбове-страннике на протяжении многих лет оставался живым в литературной среде. В начале 1926 г. С.Н. Дурылин записал в дневнике: «Где-то бродит в полях Александр Добролюбов, где-то "старик", плетя сети, "сказывает" про Добрыню Никитича, где-то верблюд жуёт жвачку, шагая медленно, как при Аврааме, где-то строят памятники Ленину, где-то плачет колокол перед заутреней, где-то поют дети "Интернационал", где-то постригают в схиму... И все это — Россия! Все — одно слово»²⁶⁴.

²⁶⁰ Белый А. Настоящее и будущее русской литературы // Весы. 1909. № 2. С. 68.

²⁶¹ Письма Н.А. Клюева к А. Блоку / Вступ. ст., публ. и коммент. К.М. Азадовского // Александр Блок. Новые материалы и исследования. Кн. 4. Литературное наследство. Т. 92. М., 1982. С. 458.

²⁶² Там же. С. 441.

²⁶³ Кобринский А.А. «Жил на свете рыцарь бедный...» ... С. 454–455.

²⁶⁴ Дурылин С.Н. В своем углу: к 120-летию С.Н. Дурылина, 1886–1954. М., 2006. С. 182.

В крестьянской среде о Добролюбове, брате Александре — святом праведнике, — оставившем богатство и славу ради духовного поиска, единения с миром, Богом и народом, слагали другие легенды²⁶⁵. Исследователь биографии и творчества Александра Добролюбова, И.П. Ярков писал уже в 1970-е гг.:

«В жизни сектантских масс б. [бывшей. — О.С.] Самарской губернии Александр Добролюбов, несмотря на сравнительно короткое время своего пребывания в степях, оставил глубокий, неизгладимый свет. Обаяние его в народе было столь велико, что о нем складывались легенды. [...] "Не знаю, ангел божий прошел, не знаю кто..." — слышал я такой отзыв о Добролюбове из уст одной из сестер, настроенной далеко не мистически. Имя его сектанты и по сей час произносят с большим уважением; люди, знавшие его лично, гордятся знакомством с ним, его песни до сих пор не утратили своего влияния на народные низы»²⁶⁶.

Последователи Добролюбова не были знакомы с его ранними произведениями, но они по-своему ценили его религиозный порыв. Как писал И.П. Ярков, «весь пафос легенд, сложившихся вокруг имени Александра Добролюбова, не в каких-либо его героических подвигах [...]. Это такие же легенды, какие некогда складывались вокруг имени Франциска Ассизского»²⁶⁷. Мы приведем несколько легенд, записанных Ярковым, по его словам, в 1965 г.²⁶⁸, поскольку они, безусловно, отражают восприятие образа Александра Добролюбова его сторонниками в вопросах веры, сложившегося в народной среде, и, что показательно, ничего не сообщают о литературных или проповеднических талантах поэта-символиста. Эти истории относятся к области фольклора, но они ценны как свидетельство обретения

²⁶⁵ См.: Иванова Е.В. Один из «темных» визитеров ... С. 303–313.

²⁶⁶ Ярков И.П. Какими я их знаю... Л. 177

²⁶⁷ Там же. Л. 205.

²⁶⁸ Ярков И.П. Моя жизнь ... Л. 5.

Добролюбовым в глазах его религиозных сторонников магических черт сказочного героя. Под влиянием личности учителя последователи складывали устные предания о чудесах, происходивших с ним:

«Идет брат Александр лесом. Навстречу ему заяц.

— Остановись, брат зайчик!

Заяц повиновался.

— Куда бежишь, брат зайчик?

Неизвестно, что именно и на каком языке ответил брату Александру "брат зайчик", но только брат Александр сказал ему:

— Ну, беги-беги по своим делам!

И они мирно расстались»²⁶⁹.

Приведенная легенда записана Ярковым со слов «"сестры Анюты" Сабаевой»²⁷⁰, одной из последовательниц Добролюбова в Самарской области. Время записи неизвестно. В легенде рассказывается об умении Добролюбова понимать язык животных, общаться с ними. Франциск Ассизский также вступал в диалог с братом львом и братом волком. Легенды о жизни Франциска Ассизского и его «Гимн брату Солнцу» Добролюбов включил в книгу «Мои вечные спутники» (МВС Лл. 18 об.–24 об.) Отметим также, что подобные легенды существовали и в российской традиции. Сюжеты, связанные с разговором святых с животными, со способностью святых направлять животных силой духовной власти, их умении ладить с хищными

²⁶⁹ Там же. Л. 207.

В стихотворении А.М. Добролюбова «Ответ людям во времена сомненья» лирический субъект сообщает об обретении им единого языка, понятного людям и природе:

И в ручьях, и в людях есть другой язык,
Есть один язык всеобъемлющий, проникающий,
Как любовь как жизнь как бессмертие опьяняющий.
Отвечали мне звери дикие,
Открывались мне люди низкие,
Объясняли мне люди мудрые,
Нашептали мне родники придорожные:
Ты ищи языка всеобъемлющего
От востока небес и до запада! (ИКН 59).

²⁷⁰ Ярков И.П. Какими ... Л. 207.

зверьями присутствуют в житиях святых²⁷¹. В легендах о Серафиме Саровском и Сергии Радонежском рассказывается о дружбе святых с медведем. С животными также разговаривали святой мученик Мамант, преподобный Еллий, святой Герасим Иорданский, святой старец Паисий Афонский, пророк Илия, святой Павел Обнорский.

Следующая легенда также была записана в Самарской области от последователей Добролюбова, но имя рассказчика и время записи не были указаны. В тексте описана сила магического взгляда брата Александра:

«[...] брат Александр обладал [...] способностью не бояться и утихомиривать самых злых цепных псов, которые бесновались от ярости, видя, как он подходит к их конуре.

Бывало, войдет во двор такого именно богача, где на цепи уже беснуется и хрипит от ярости подобный "брат пес" в образе здорового волкодава.

— Брат Александр! Осторожно! Остановись! Он укусит! Он злой! — кричали вслед ему с крылечка встревоженные хозяева пса. Но на "укротителя" это не действовало.

Бесстрашно подойдет к нему и, стоит только собаке встретиться глазами с глазами брата Александра, как пес тотчас же успокаивается, мгновенно превращаясь в некоторое подобие кроткой овечки, а брат Александр, как ни в чем не бывало, кладет ему руку на голову и дружески успокаивает.

Такова была сила лучезарного взгляда брата Александра»²⁷².

Образ сторожевого пса заметно гиперболизирован, в легенде он предстает «здоровенным волкодавом», олицетворяющим зло богатства. Тем значительнее выглядит подвиг нищего странника. В духовном стихе «О двух

²⁷¹ Подробнее об этом см.: Животные рядом со святыми / авт.-сост. прот. Константин Буфеев. М., 2012.

²⁷² Ярков И.П. Какими я их знаю ... Лл. 207–208.

Лазарях» два лютых пса богатого Лазаря кормят и лечат его брата, Лазаря убогого:

«Были у богатого а два лютые псы,
Да псы по подстолию да и хаживали,
А уронены мелки крошечки собиравали,
Ко убогому Лазарю принашивали,
Да те его душеньку и пропитавали,
Все скорби и болезни зализывали»²⁷³.

Слова духовного стиха восходят к Евангелию от Луки: «Был также некоторый нищий, именем Лазарь, который лежал у ворот его [богатого человека. — О.С.] в струпьях и желал напитаться крошками, падающими со стола богача, и псы, приходя, лизали струпья его» (Лк. 16:20–21).

Трогательная сцена описана в житии Прокопия Устюжского. Во время сильного мороза святой, одетый в одно лишь рубище, зашел в пустое здание и, увидев спящих псов, прилег к ним, чтобы согреться, но они убежали от него²⁷⁴.

Ярков точно определяет пересечение сюжета легенды с текстом Добролюбова «Восхваление нищего жития»²⁷⁵ из сборника Добролюбова «Из книги невидимой»:

«Богатство земное — это видимый идол, и еще издали я замечаю его, как только подхожу к избе с высокими воротами, с железными цепями, со стаей злых собак. Я говорю им: мир, младшие братья мои, мир, братья псы, вы видите — по заповеди посоха нет у меня, чтоб не гневить вас, чтоб говорить мир и псам. Но кто успокоит голодных собак богача?» (ИКН 83).

²⁷³ Бессонов П.А. Калеки перехожие: сборник стихов и исследование П. Бессонова: ч. 1–2. Ч. 1, вып. 1. М., 1861. С. 52.

²⁷⁴ Житие святого праведного Прокопия Христа ради юродивого Устюжского чудотворца. М., 1881. С. 22–23.

²⁷⁵ «[...] Но кто успокоит голодных собак богача? — спрашивал Добролюбов в своей "Из книги невидимой"» (И.П. Ярков. Какими я их знаю... Л. 207).

Часть прозаического текста Добролюбова «О союзе со зверями» (ИКН 135–137) «Медведи и волки обходили мой путь в лесах» Ярков называл легендой, которую «записал о себе сам брат Александр»²⁷⁶.

Следующая легенда сообщает о магической силе взгляда Александра Добролюбова, предотвратившей нападение разбойников:

«[...] рассказ по местности относится к Южному Уралу. Происходило это где-то близ Златоуста или Челябинска.

Шел брат Александр горами. Путь лежал через лес. Одет он был, как всегда, хотя и опрятно, но более чем скромно — в одежду странника.

Тем не менее и на эту его одежду польстились какие-то темные люди, которых легенда называет "разбойниками".

Напали на него в лесу разбойники. Денег потребовали.

— Денег у меня, братья, нет, — сказал брат Александр. — Я живу и обхожусь без денег.

— Раздевайся! Скидай одежду! — потребовали разбойники.

Брат Александр без сопротивления [...], как-то особенно кротко, с улыбкой, подчинился приказу разбойников. Разделся донага и сложил на пенек все свое немудрое одеяние.

В этот момент произошло событие само по себе незначительное, но возымевшее решающее действие: разбойники нечаянно или как — взглянули в глаза брата Александра. Из его глаз исходил такой свет, такое нестерпимое сияние, что разбойники пришли в смятение.

— Это святой! — решили они. — Это человек божий.

И тут же посоветовавшись ("пошептавшись", как говорит легенда), вернули брату Александру все его одеяние.

— Прости нас, брат, что мы тебя обидели. Оденься и иди своим путем...

²⁷⁶ Ярков И.П. Какими я их знаю ... Л. 206.

Так кротость и сияние глаз брата Александра совершили переворот в душах разбойников [...]»²⁷⁷.

Описание чудесного взгляда святых присутствует и в православной традиции. Например, в рассказе о Серафиме Саровском Н.А. Мотовилов восклицает: «Не могу, батюшка, смотреть, потому что из глаз ваших молнии сыпятся. Лицо ваше сделалось светлее солнца, и у меня глаза ломит от боли»²⁷⁸.

Брат Александр, согласно догмату толстовства, не противится злу насилием и одерживает победу. В этой легенде Добролюбов предстает «божьим человеком». О силе взгляда Добролюбова вспоминали многие его современники. Например, Мережковский, которого навещил Добролюбов в конце 1904 или в самом начале 1905 г.: «Он поднял на меня опущенные глаза с длинными ресницами и посмотрел пристально с тихой улыбкой. Я никогда не забуду этого взгляда: если бы мертвый воскрес, он должен бы так смотреть. [...] В самом деле, за пять веков христианства, кто третий между этими двумя — св. Франциском Ассизским и Александром Добролюбовым?»²⁷⁹ Легендарные мотивы о Добролюбове были известны не только в народе, но и в среде символистов.

Легенды о Добролюбове также сохранились в Рапорте епархиального миссионера проповедника Михаила Алексеева, который готовил отчет о деятельности секты квакеров в Самарской губернии (потому что «сектанты [последователи А. Добролюбова. — О.С.] сами себя любят называть

²⁷⁷ Ярков И.П. Там же. Лл. 208–210. О взоре Александра Добролюбова неоднократно писали современники: «Вдруг, нас обвеяв своим зорким, вспыхнувшим сине-сапфировым взглядом, с глубоким поклоном – в дверь»; «[...] исподлобья смотрел на нас синим, лучистым огнем своих глаз: никакого экстаза! Спокойствие» (Белый А. Начало века ... С. 399). О взгляде Добролюбова пишет С.Н. Дурылин, рассказывая о встрече с ним в издательстве «Посредник» летом 1905 г.: «И вдруг он останавливал на говорившем свои большие, прекрасные глаза с нежной твердостью и тихо предлагал:

– Помолчим, брат. [...] Он окидывал своими огромными лучистыми глазами, и легкая тень улыбки туманила его лицо с какою-то слегка болезненной нежностью» (Дурылин С.Н. Александр Добролюбов ... С. 734–735).

²⁷⁸ Преподобный Серафим Саровский: житие, наставления / ред. Плюсин А.И. М., 2014. С. 110.

²⁷⁹ Мережковский Д.С. Не мир, но меч. К будущей критике христианства / Полн. собр. соч. Т. 13. М., 1914. С. 86.

"братьями", а иногда называют "квакерами"»²⁸⁰) для Департамента духовных дел, с копией которого нам удалось ознакомиться. Приведем их ниже.

«Однажды при насыпке хлеба крестьянин заметил в амбаре мышь и хотел убить ее. "Брат" [А.М. Добролюбов. — О.С.], случайно бывший при этом, удержал крестьянина и, обращаясь к мыши, сказал: "Иди, братец, иди"»²⁸¹.

Эта легенда, как мы видим, перекликается с легендой о брате зайце. В ней также проявлен принцип ненасилия, который распространялся в учении Добролюбова на всю живую природу. Это убеждение нашло отражение в его произведениях:

«Прости меня, всякая тварь, и звери, и скот, свободные птицы, горы, и вечные холмы земли, небеса спокойно сияющие, простите меня, сестры травки, когда я лежал в июньские дни среди вашего храма, вас обижая. Тяжелыми благовоньями дышит степь, а моя привычная ко злу рука неизвестно зачем обрывает ваши тихие листики» (ИКН 5).

Второе предание связано с жизнью Добролюбова до начала странствий. Сведения, представленные в нем, помимо того, что он не был «сыном князя», соответствуют действительности:

«В народе про "брата Александра" говорят, что он сын князя, с университетским образованием, хороший знаток Св. Писания, имеет речь тихую и вкрадчивую, благодаря чему крестьяне слушают его с удовольствием и прямо-таки считают его за святого человека; одевается он очень бедно: на ногах носит опорки, и куда бы ни позвали, он идет и везде проповедует слово Божие»²⁸².

²⁸⁰ О появлении в селе Семеновки последователей секты «Квакари» ... Л. 7.

²⁸¹ Рапорт епархиального миссионера проповедника Михаила Алексеева (копия) ... Л. 28.

²⁸² Там же. Л. 27.

Историю о прошлом поэта в устном народном предании также приводит Ярков:

«Особенно поразило воображение народа, что брат Александр оставил в Петербурге семью (отец его к тому времени уже умер), большой, длинный, "во весь квартал" дом, в котором жила его семья и сам он до ухода, — "целый дворец", роскошные условия жизни. И всем этим "брат Александр" пренебрег, ушел и пустился в народные низы»²⁸³.

Если легенда миссионера была записана не позже 1905–1907 гг., то сведения, приведенные Ярковым, записаны не раньше 1920 г. Мы видим в ней другие акценты: дом Добролюбова обретает черты сказочного дворца. В обеих историях его прошлое изменено (он не был сыном князя, не окончил университет), что придает его уходу еще большую значимость. При этом настоящая жизнь бедного странника передана правдиво, но схематично, без дополнительных деталей, в отличие от яркого описания фантазийного прошлого. Сюжет, связанный с отказом от богатства ради жизни праведника, был характерен и для российской литературной традиции. В духовном стихе «Об Алексие, человеке Божиим» главный герой оставляет богатство и знатную семью, облачается в одежду нищего и проводит свои дни в молитвах на церковной паперти. В повести Л.Н. Толстого «Отец Сергей» князь Степан Касатский также оставляет состояние, службу, семью и невесту и удаляется в монастырь послушником.

Таким образом, вокруг фигуры Добролюбова сложилось два мифа. Первый — о святом страннике, отвергнувшем декадентство и достигшем идеалов символизма в реальной жизни. Второй миф о Добролюбове-страннике, наделенном магическими способностями, возник в среде его последователей.

²⁸³ Ярков И.П. Какими я их знаю ... Лл. 205–206.

Сборник «Из книги невидимой» создавался Добролюбовым после его «ухода». Книга стала результатом изучения им народного творчества и отразила обретенные им религиозные взгляды. В следующей главе мы рассмотрим историю возникновения третьей книги Добролюбова, литературные пересечения сборника с произведениями других авторов, его жанровую структуру, влияние фольклора на его поэтику, концепт «невидимой книги».

Глава 2. Генезис и поэтика сборника «Из книги невидимой»

2.1. Творческая история «Из книги невидимой»

После ухода из Петербурга Добролюбов продолжал поддерживать связь с семьей В.Я. Брюсова — присылал им письма, останавливался у них во время своего пребывания в Москве. Подготовкой к изданию третьего сборника Добролюбова «Из книги невидимой» в основном занималась сестра Валерия Яковлевича, Надежда.

О намерении Добролюбова издать свои произведения его близким стало известно в начале 1903 г. 11 марта его мать Мария Генриховна писала Валерию Брюсову:

«Простите, что обращаюсь к Вам с просьбой, узнала случайно (не знаю, верно ли это), что Вы хотите печатать рукописи Саши. По разным очень важным причинам надо подождать, сначала хотела бы с Вами переговорить, и мой сын Георгий²⁸⁴ тоже бы очень желал Вас видеть, когда Вы будете в Петербурге? Надеюсь, что Вы сообщите, еще раз Вас прошу пока ничего не печатать. Так как я знаю, что Вы истинный его друг и приятель, прошу не говорить моему сыну об этом, я желаю ему добра»²⁸⁵.

13 апреля того же года Иоанна Брюсова переслала В. Брюсову переписанное ею письмо Добролюбова. В нем Добролюбов сообщал о своем желании встретиться с ним: «[...] я вышел на плотскую свободу²⁸⁶ и на днях выхожу из Петербурга. Как мы увидимся? Не прибудешь ли ты сюда и тогда вместе доедем до Москвы? Только скорей. Или ты погодишь меня?». Также он писал ему об издательских планах, среди которых значилась его «книга

²⁸⁴ Брат Александра Добролюбова, Георгий, был назначен его опекуном после выхода из психиатрической лечебницы (См.: Кобринский А.А. «Жил на свете рыцарь бедный...» ... С. 443).

²⁸⁵ Добролюбова М.Г. Письма Брюсову В.Я. // ОР РГБ. Ф. 386. Оп. 85. Ед. хр. 20. Лл. 5–5 об.

²⁸⁶ Больше года он не мог оставить Петербург — пребывал по настоянию матери в психиатрических клиниках.

рассказов и стихов»²⁸⁷. Встреча Добролюбова и Брюсова не состоялась, и позже Добролюбов прислал ему еще одно не сохранившееся письмо, в котором сообщал о своем намерении приехать в Москву. 22 апреля 1903 г. Надежда Яковлевна писала Иоанне Матвеевне: «Я хотела написать Добролюбову, [...] что брата и вас нет в Москве, но что, если он будет в Москве, пусть придет к нам, — но я не знаю, по какому адресу послать письмо: из лечебницы он вышел, так, может быть, по адресу на имя Георгия Добролюбова?»²⁸⁸

Ранее Надежда Брюсова узнала, что Добролюбов писал ей, как и обещал, но отец был против их переписки. Об этом она рассказывала 7 апреля Иоанне Брюсовой:

«Слушайте, Иоанна, милая, хорошая, это все пустяки, а вот что важно, что мне рассказала случайно Броня сейчас. Мы с ней сейчас беседовали, и она мне в минуты откровенности рассказала, что ей говорила обо мне Женя [...]. И, между прочим, Женя рассказывала, что тогда в эту зиму после лета в Останкино пришло мне письмо от Добролюбова, а папа его послал назад вместе с каким-то ругательным письмом: "М. г., как вы смеее писать моей дочери". [...] Помните, ведь Добролюбов обещал мне написать и не написал. А значит написал. А я сегодня переписывала письма Добролюбова, только что перед разговором с Броней»²⁸⁹.

По всей видимости, у Брюсова хранились рукописи произведений Добролюбова, так как при подготовке книги последний просил вернуть ему их: «Черновики всех новых рукописей возврати мне сейчас, потому что у меня их нет, а я хочу вместить их в свой новый сборник»²⁹⁰. В это письмо также был включен текст, который впоследствии вошел в сборник «Из книги

²⁸⁷ Добролюбов А.М. Письма к Брюсову В.Я. // ОР РГБ. Ф. 386. Оп. 85. Ед. хр. 16. Л. 39; Брюсова Н.Я. Письма к Брюсову В.Я. // ОР РГБ. Ф. 386. Оп. 147. Ед. хр. 6. Л. 1 об.

²⁸⁸ Брюсова Н.Я. Письма к Брюсовой И.М. // ОР РГБ. Ф. 386. Оп. 147. Ед. хр. 7. Л. 50.

²⁸⁹ Брюсова Н.Я. Письма к Брюсовой И.М. // ОР РГБ. Ф. 386. Оп. 147. Ед. хр. 7. Лл. 42–43.

²⁹⁰ Добролюбов А.М. Письма к Брюсову В.Я. // ОР РГБ. Ф. 386. Оп. 85. Ед. хр. 16. Лл. 32–32. об.

невидимой» с небольшими изменениями: «Я никогда не думал, что буду опять писать и печатать. Несколько лет я жил с одной книгой жизни. Наконец я увидел, что книга — орудие новых народов и доходит до низкого как до высокого. Ужель отвергать новое только потому, что оно ново?»²⁹¹ В сборнике этот фрагмент стал частью прозаического текста «От детства песни рождались в сердце моем» (ИКН 9).

В другом недатированном письме Брюсову Добролюбов писал: «Да, я вспомнил одну малость про те вещи, которые я отдал вам для напечатанья. Если еще не напечатано, не печатайте "с этого дня полагаю я новое основание". Этот отрывок лучше войдет в полное собрание отрывков в роде дневника и там будет понятнее в связи»²⁹². Этот текст вошел в прозаический текст-молитву сборника «Господи, услышь меня»: «С этого дня я полагаю последнее бесконечное основание, с этого дня буду спрашивать Тебя постоянно, пусть назовут меня сумасшедшим все люди» (ИКН 107).

Осенью следующего года сборник был почти готов. В письме от 3 сентября 1904 г. Надежда Брюсова сообщала Иоанне Матвеевне:

«В воскресенье пошлю переписанного Добролюбова. Я его кончила вчера вечером. [...] Если случится, что Добролюбова будут до моего приезда отдавать в набор, перечитайте его, пожалуйста, Иоанна. У меня, вероятно, много нелепых ошибок при переписывании. [...] Спросите Валью [Валерий Брюсов. — О.С.] (хотя, впрочем, ведь я его уже спрашивала об этом), что с другой книгой Добролюбова "Сборник чистых слов"²⁹³, которую он хотел если не печатать отдельно, то поместить в этой книге, в разделе "Среди книг"²⁹⁴, — ничего не будут делать? Я не знаю, видел ли ее Валя? Там — отрывки из буддийских, браминских, ведийских, китайских книг, из

²⁹¹ Там же. Л. 32. об.

²⁹² Там же. Лл. 34–34 об.

²⁹³ Речь идет о неизданной книге А.М. Добролюбова «Мои вечные спутники. Собрание чистых слов, избранные слова из всех народов, из священных писаний и из книг искателей познания».

²⁹⁴ Произведения сборника «Мои вечные спутники» не были включены в этот раздел.

христианских писателей, — вообще из непривычных нам книг»²⁹⁵.

Сборник «Из книги невидимой» был издан позже, чем ожидал А. Добролюбов. Это видно из письма брата Александра Добролюбова Владимира от 23 февраля 1905 г. Он обращался к В. Брюсову с просьбой прислать ему изданный сборник, думая, что он уже напечатан: «Вот уже около 2-х месяц. тому назад, как брат мой Александр, давая мне прочесть несколько корректурных произведений, говорил, что оно печатается у Вас»²⁹⁶.

Зимой 1905 г. книга еще не была отдана в печать. В начале февраля Надежда Брюсова вместе с сестрой Лидией посещала Петербург. Иоанна Брюсова в те дни писала Надежде:

«Бранилась с Валею, с мамой. С мамой за Добролюбова. Она просила не посылать письма его вам, пусть, мол, она забудется, повеселится, а я каким-то евангельским тоном защищала А.М. [...] Письмо Добролюбова я позволила себе распечатать. Я думаю, что, может, Антонию через Мережковских послать? А Гапону через Чулкова?»²⁹⁷.

По всей видимости, Добролюбов просил Надежду Брюсову передать письма священнику Г.А. Гапону и митрополиту Санкт-Петербургскому и Ладожскому Антонию. Известно, что Антоний поддерживал инициативу проведения Религиозно-философских собраний Д.С. Мережковского и З.Н. Гиппиус, председателем которых был его викарий епископ Сергей, поэтому предложение обратиться к Мережковским было логичным. Известно, что Добролюбов писал письма и другим известным людям, например, М. Метерлинку²⁹⁸.

²⁹⁵ Брюсова Н.Я. Письма к Брюсовой И.М. // ОР РГБ. Ф. 386. Оп. 147. Ед. хр. 7. Лл. 58 об.–59 об.

²⁹⁶ Добролюбов В.М. Письмо к Брюсову В.Я. // ОР РГБ. Ф. 386. Оп. 85. Ед. хр. 18. Л. 1.

²⁹⁷ Брюсова И.М. Письма к Брюсовой Н.Я. // ОР РГБ. Ф. 386. Оп. 145. Ед. хр. 34. Лл. 8–8 об.

²⁹⁸ В. Брюсов писал 3 июля 1905 г. С.А. Венгерову: «Добролюбов эту зиму гостил у меня около месяца. [...] Написал он много писем разным видным людям: тому же Метерлинку, Льву Толстому, Мережковскому,

Иоанна Матвеевна переслала письма Добролюбова в Петербург, и Надежда Брюсова 4 февраля ей отвечала: «Милая Иоанна, хорошая, сейчас получила от вас письма Добролюбова. Что-нибудь сделаю. Хотя идти еще раз к Зиночке [Зинаиде Гиппиус. — О.С.] очень не хочется»²⁹⁹. И далее: «Но все же, несмотря на все веселье, я не забываю, не уйду ни от Добролюбова, ни от чего. Знаете, Иоанна, когда я смотрю на картины, на Христа, святых, Бога Отца, евангелистов, я как-то иначе вижу их, я как-то понимаю их через Добролюбова. Христос как-то соединился с Добролюбовым, и я смотрю на него не как на чуждого, далекого, а как на понятного, близкого. И почти никто, ни один художник не делает его таким, я вижу, что никто из них не знает его, все чувствуют его только как обязательного Бога»³⁰⁰.

Цензурное разрешение на издание «Из книги невидимой» было получено 11 декабря 1904 г. Сборник был издан в мае 1905 г. в издательстве «Скорпион» в Москве, тиражом 400 экземпляров³⁰¹. В пятом номере журнала «Весы» было напечатано объявление с уточнением, что в книге представлены «стихи и проза (1902–1905 г.)»³⁰². Сборник продавался за 1 р. 50 к., но для подписчиков «Весов» цена была снижена — 1 р. 27 к. вместе с пересылкой³⁰³.

В мае 1905 г. Вячеслав Иванов с женой недолгое время пробыли в Москве, он согласился просмотреть книгу Добролюбова и выявить в ней опечатки. Об этом 31 мая 1905 г. И. Брюсова сообщала в письме мужу: «Вячеслав Ив. беседовал с Надей об опечатках в Добролюбове. Он, Вячесл., берется их корректировать, и, таким образом, Надя может уехать³⁰⁴ в четверг»³⁰⁵. 4 июня Надежда Брюсова сообщала о своем маршруте путешествия Валерию Брюсову (Ярославль — Кострома — Рыбинск —

Минскому и т.д. Давал мне читать. В письмах все больше нравственные сентенции» (Литературное наследство. Т. 85: Валерий Брюсов. М., 1976. С. 678–679).

²⁹⁹ Брюсова Н.Я. Письма к Брюсовой И.М. // ОР РГБ. Ф. 386. Оп. 147. Ед. хр. 8. Л. 5.

³⁰⁰ Там же. Лл. 5–5 об.

³⁰¹ Тарасенков А.К. Русские поэты XX в. 1900–1955. Библиография. М., 1966. С. 127.

³⁰² Весы: ежемесячник искусств и литературы. М., 1905. № 5. С. 79.

³⁰³ Там же.

³⁰⁴ Н. Брюсова уезжала на несколько месяцев в Соловецкий монастырь.

³⁰⁵ Брюсова И.М. Письма к Брюсову В.Я. // ОР РГБ. Ф. 386. Оп. 69. Ед. хр. 11. Л. 25.

Белозерск) и писала об издательских делах: «Опечатки взялся печатать Вячеслав Иванов. У Мамонтова, п. ч. у В.И. нет ни одного шрифта с ударениями. За 5 р. на нашей бумаге»³⁰⁶. 5 июня Иоанна Матвеевна рассказывала в письме В. Брюсову о том, что 3 июня Надежда Брюсова уехала в Ярославль и что «на Добролюбова она [Надежда Брюсова. — О.С.] очень рассердилась. Вячесл. его бранит, и она очень со всем соглашается»³⁰⁷. Можно только догадываться о том, почему Надежда Брюсова и Вячеслав Иванов сердились на Добролюбова, возможно, это было связано с количеством ошибок, допущенных при издании книги. К книге был допечатан вкладыш с опечатками, но в дошедших до нас изданиях он не сохранился. Вероятно, от идеи вклейки листа отказались. Добролюбов, в свою очередь, тоже упрекал Надежду Брюсову за опечатки, что можно увидеть из письма, отправленного им в конце июня. Она была в это время в Соловецком монастыре, поэтому И. Брюсова частично передала его содержание в письме к ней. Полный текст письма Иоанна Матвеевна также переписала:

«Мир тебе, сестра Надежда. Как ты живешь? Как сестра Иоанна, брат Валерий, Соловьев, Мережковский, Розанов и все — ближние и дальние, правдивые ли, лживые ли?

А я буду искать правды без лжи. Если б ты знала, сестра, как ее трудно искать. Зато как она прекрасна! Я хочу поднять на земле все заповеди Творца — все маленькие и великие. Он откроет мне их все.

Напиши про книгу, которую вы напечатали. Послала ли ты ее везде — и в Якутск и духовоборам? Как другая книга³⁰⁸?

В напечатанной книге для меня есть несколько небольших, но очень тяжелых ран. Имя мое на обложке зачем напечатали большими буквами? Зачем не внесли исправлений? Исправленья эти были не без воли Его. Если

³⁰⁶ Брюсова Н.Я. Письма к Брюсову В.Я. // ОР РГБ.Ф. 386. Оп. 78. Ед. хр. 41. Л. 55 об.

³⁰⁷ Брюсова И.М. Письма к Брюсову В.Я. // ОР РГБ. Ф. 386. Оп. 69. Ед. хр. 11. Л. 29.

³⁰⁸ Речь идет об издании книги «Мои вечные спутники».

будете еще печатать, непременно исправьте. Но как удар меня поразило — в конце книги, где я отвергаю все прежнее, вы поместили объявление о прежних книгах моих, которые все без Него и против Него. Это уже просто неуважение ко мне. Ужели это ты допустила и сделала, сестра?

Я желал бы затратить деньги, но вырезать бы это объявление.

Если книга оплатит свои издержки, я требую, чтобы цену понизили до малейшей возможности. Это мое твердое требование.

Вышлите с десятков книг — Самарской губ. Бузулуцкий уезд, д. Трофимовка, Макару Шнякину. Эта деревня еще называется Росташи, но пишется Трофимовка, сестра Анна Велькина в ней. Письма пишите тоже на Макара.

Если можно еще, вышлите издание Посредника — Сулержицкий с духоборами³⁰⁹.

Мир.

Приветствую вас лобзанием уст.

Ваш друг А. Добролюбов»³¹⁰.

Еще одно письмо с просьбой «выслать два десятка книг на имя Тимофея Копылова Сам. губ. Алексеев. станция»³¹¹ Добролюбов отправил Валерию Брюсову.

27 июня Иоанна Матвеевна была в издательстве «Скорпион» и «дала распоряжение, чтобы Добр. выслали 20 экзempl.»³¹².

В недатированном черновике письма Иоанна Матвеевна пишет Добролюбову:

«Брат Александр, сестра Надя сейчас не в Москве, она на севере России.

³⁰⁹ Книга Л.А. Сулержицкого «В Америку с духоборами. Из записной книжки» была издана в 1905 г. в издательстве «Посредник».

³¹⁰ Брюсова И.М. Письма к Брюсовой Н.Я. // ОР РГБ. Ф. 386. Оп. 145. Ед. хр. 34. Лл. 10–10 об.

³¹¹ Добролюбов А.М. Письма к Брюсову В.Я. // ОР РГБ. Ф. 386. Оп. 85. Ед. хр. 16. Л. 30. об.

³¹² Брюсова И.М. Письма к Брюсовой Н.Я. // ОР РГБ. Ф. 386. Оп. 145. Ед. хр. 34. Л. 11.

Брат Валерий ~~в Финляндии~~ поехал побродить пешком один. Я жду его измененным. Во многом изменился он еще до отъезда, но я очень хочу надеяться, что он во всем изменится, он сознает, что нужно измениться. Мы с сестрой Н. [Надеждой Брюсовой. — О.С.] зимой совсем решили поехать вместе к сестре Велькиной³¹³ и повидать тебя. Но не поехали. Если быть совсем, совершенно правдивой, я не поехала, оттого что все еще осталась какой была, а такой трудно уехать: надо "домовничать, заботиться обо всех внешностях". Мы уговорились, если я не поеду, сестра Н., наверное, поедет. Ждала она только выхода "Из книги невидимой". О книге твоей она очень заботилась. Но как трудно было напечатать без ошибок. Отдать в типографию совершенно чужим людям»³¹⁴.

Изданная книга не привлекла большого внимания критиков и читателей. Об этом 3 июля 1905 г. В. Брюсов писал сестре: «О книге Добролюбова было несколько отзывов — в Вопр. Жизни³¹⁵ [Вопросы жизни. — О.С.], в Моск. Вед. [Московские Ведомости. — О.С.]³¹⁶, в Сын Отеч. [Сын Отечества. — О.С.]³¹⁷, еще где-то. Самую Книгу понемногу покупают, но именно понемногу. Опечатки напечатаны»³¹⁸. Позже Дурылин, напротив, отмечал, что «книга имела исключительное распространение: меньше чем в год она исчезла из продажи»³¹⁹.

Приблизительно в августе 1905 г., уже после издания сборника, Добролюбов писал Надежде Брюсовой о необходимости готовить к печати следующую книгу «Мои вечные спутники»:

³¹³ Анна Велькина — последовательница Добролюбова из д. Росташи Самарской губернии.

³¹⁴ Брюсова И. М. Письма к Добролюбову А.М. // ОР РГБ. Ф. 386. Оп. 145. Ед. хр. 62. Лл. 1–1 об.

³¹⁵ Кремнев Б. <Чулков Г.> Александр Добролюбов. Из книги невидимой. М., 1905; Александр Добролюбов. Собрание стихов. М., 1900 // Вопросы жизни. 1905. № 6. С. 242–248.

³¹⁶ В 1905 г. в газете «Московские ведомости» не публиковались рецензии на сборник «Из книги невидимой».

³¹⁷ В номерах газеты «Сын Отечества» за 1905 г. отсутствуют рецензии на книгу А. Добролюбова.

³¹⁸ Брюсов В.Я. Письма к Брюсовой Н.Я. // ОР РГБ. Ф. 386. Оп. 143. Ед. хр. 1. Л. 12 об.

³¹⁹ Дурылин С.Н. Александр Добролюбов ... С. 724.

«Исправки в напечатанной книге делать теперь уже поздно. А про книгу отрывков из разных книг я говорю — нельзя ли ее напечатать без цензуры, каждый отрывок можно напечатать на отдельной странице, тогда выйдет более 10 листов, может быть, некоторые отрывки (например, из Библии) ради властей выпустить, на обложке и в книге никаких объявлений про мои прежние книги и про чужие помещая, только про Книгу Невидимую можно помянуть. [...] Ошибки, сестра Надя, Бог простит, впредь не делайте. Я прощаю»³²⁰.

Московский цензурный Комитет запретил печать книги «Мои вечные спутники» 22 июня³²¹, и Добролюбов предлагал издать ее без разрешения цензурного ведомства после внесения небольших изменений в состав текстов.

Издание сборника цитат не было осуществлено, хотя в конце сентября 1905 г. Иоанна Матвеевна сообщала Надежде Брюсовой о том, что переписывает произведения Добролюбова в тетрадь: «Милая, хорошая Надя, хочется много писать, но спешу докончить Доброл., чтобы вы приехали когда, отдала бы вам тетрадь»³²². Возможно, в этом письме речь шла о произведениях книги «Мои вечные спутники», но наверняка это неизвестно, книга сохранилась лишь в авторском автографе в составе фонда В. Брюсова в ОР РГБ³²³. К.М. Азадовский, ориентируясь на сведения из биографической справки А. Добролюбова, выполненной К.С. Шохор-Троцким³²⁴ для собрания сочинений Л. Толстого, указывал, что в 1905 г. книга была «размножена гектографическим способом, но сразу же запрещена цензурой»³²⁵. Эти сведения нам не удалось подтвердить, в указанных исследователем архивных

³²⁰ Добролюбов А.М. Письма к Брюсовой И.М. // ОР РГБ. Ф. 386. Оп. 148. Ед. хр. 40. Лл. 3 об.—4 об.

³²¹ Добролюбов А.М. Мои вечные спутники, сборник чистых слов, избранные слова из всех народов. Из священных писаний и из книг мудрецов. Запрещено 22.VI. // ЦГАМ. Ф. 31. Оп. 2. Д. 674.

³²² Брюсова И.М. Письма к Брюсовой Н.Я. // ОР РГБ. Ф. 386. Оп. 145. Ед. хр. 34. Л. 25.

³²³ Добролюбов А.М. Мои вечные спутники ...

³²⁴ О «Моих вечных спутниках» К.С. Шохор-Троцкий писал: «Гектографированное издание, 1911 (?)» (Толстой Л.Н. Полн. собр. соч. М.; Л., 1928–1958. Т. 54. С. 531).

³²⁵ Дело Московского цензурного комитета о запрещении сборника А. Добролюбова «Мои вечные спутники» // ЦГАМ. Ф. 31. Оп. 2. Ед. хр. 674; Азадовский К.М. Путь Александра Добролюбова // Серебряный век. Имена и события: Избранные работы. СПб., 2015. С. 29.

материалах не содержится информации о подобном распространении книги. Сборник был известен его немногочисленным читателям лишь в рукописном виде, о чем сохранилось свидетельство С.Н. Дурылина³²⁶.

Рукопись сборника «Из книги невидимой» хранится в РГАЛИ в фонде Н.Я. Брюсовой³²⁷. В ней зафиксирована первоначальная версия книги. Структура изданного сборника, состоящего из шести разделов и множества циклов, полностью совпадает с рукописным вариантом. В авторской рукописи тексты распределены по разделам, присутствуют заглавия и эпиграфы, подчеркнуты отдельные предложения, которые Добролюбов считал необходимым выделить при печати.

Некоторые тексты не вошли в рукопись книги. Например, произведения «Еще скрижаль», «Письмо в редакцию "Весов"», из раздела «Жертвенник из земли», а также «Отрывок. Против Толстого и Ницше», «Задачи мистики», «Огненная колесница, или Меркаба...», «Сестрам Иоанне и Надежде Брюсовым», «Многие не знают, что есть тайна...», «Толстому и его последователям». Эти тексты также сохранились в архиве Н. Брюсовой в РГАЛИ³²⁸. Они не входили в рукописную тетрадь «Из книги невидимой» и в изданном сборнике стали дополнительными текстами к разделам: завершают подраздел «Времена сомненья», образуют циклы в разделе «Из исследований». При этом тексты не нарушают единства книги, поскольку в них наиболее полно раскрывается авторская позиция по ключевым темам, заявленным еще в первом разделе. В тексте-проповеди «Еще скрижаль» (ИKN 84) раскрывается тема рабства (служения Богу и другим людям) и духовной свободы. «Письмо в редакцию "Весов"» (ИKN 85–88) представляет собой манифест против светского искусства и общества образованных. Нарратор допускает лишь существование искусства музыки и песни. Рукопись произведений цикла «О плоти и духе» (ИKN 141–143) не

³²⁶ Дурылин С.Н. Александр Добролюбов ... С. 725.

³²⁷ Добролюбов А.М. «Из книги Невидимой». Сборник стихотворений, высказываний, притч и проповедей. 1903–1905 гг. // РГАЛИ. Ф. 2009. Оп. 2. Ед. хр. 10.

³²⁸ Брюсова Н.Я. А.М. Добролюбов. «Сестрам Иоанне и Надежде Брюсовым», «Многие не знают, что есть тайна...», «Отрывок против Толстого и Ницше», «Еще скрижаль» и др. заметки, высказывания, обращения // Ф. 2009. Оп. 2. Ед. хр. 11.

сохранилась и известна только в опубликованном варианте.

Как можно увидеть в авторской рукописи книги, первоначально в ней содержалось указание на жанровую природу включенных в нее произведений и временные рамки ее написания, но в самом издании эти сведения не были отражены: «"Из книги Невидимой". Сборник стихотворений, высказываний, притч и проповедей. 1903–1905 гг.»³²⁹.

В рукописи присутствовало обозначение источника духовных песен, восходящих к хлыстовским распевцам, «Ты светись, светись, Иисусе» (ИКН 36), «Благослови нас, отец наш» (ИКН 130) — «из народных песнопений духовных христиан»³³⁰, то есть молокан или хлыстов, которые именовали себя подобным образом. В изданном сборнике источник был обозначен «из народных песен».

Подраздел «Ты победил, Галилеянин! (весна 1903 года)» (ИКН 90) в авторской рукописи предварял фрагмент «из народных песнопений духовных христиан», не вошедший в издание:

«В райских обителях поют, восхваляют,
Животные реки текут,
А из наших глаз льются горькие слезы,
Возлюбленного ищет душа.
Знать, судьба наша такая,
Участь горькая до времени дана...»³³¹

Таким образом, в рукописи «Из книги невидимой» Добролюбов подчеркивал близость этих песен к сектантскому творчеству.

В авторской рукописи книги также присутствовал эпиграф, являющийся неточной цитатой из буддистского сборника наставлений, сформулированных в форме кратких высказываний (сутр) Буддой или его

³²⁹ Добролюбов А.М. «Из книги Невидимой». Сборник стихотворений ...

³³⁰ Там же. Л. 36, 133.

³³¹ Там же. Л. 83 об.

учениками «Дигха-никая», Маха-Судассана сутты «Великий Царь Царей»³³², не вошедший в издание:

«И в духе он неся любовью сквозь все места мира и весь мир бесконечный, и вдоль и ввысь и вширь и вглубь обнимал он любовью своей бесконечной.

И в духе он неся жалостью сквозь все места мира, и весь мир бесконечный — и вдоль и ввысь и вширь и вглубь обнимал он жалостью как мир бесконечной»³³³.

Этот фрагмент взят из описания высшего религиозного чувства, овладевшего Буддой после его вступления в покои Великой Сосредоточенности. Эпиграф настраивал читателей на прочтение книги, созданной автором в высшем религиозном порыве. Кроме того, в буддийских книгах сутры не отличаются единообразием: они могут существенно различаться по объему, быть стихотворными или прозаическими, что схоже со сборником Добролюбова. В Трипитаке (санскр. «три корзины») книги разделены тематически, в них отсутствует сюжетная логика. Любовь и сочувствие являются одними из основных качеств брахмавихары, возвышенного состояния ума, сопровождающего путь буддиста, наравне с сорадованием (сочувствием) и невозмутимостью. Сутра «Великий Царь Царей», из которой был взят указанный эпиграф, восходит, по мнению Рис-Дэвидса, к солярному мифу и является сказанием, источником которого стали ведические гимны³³⁴.

³³² Там же. Л. 1.

³³³ Приводим текст из издания, которым пользовался Добролюбов: «И в духе он неся Любовью к одной части Мира, и к другой, и третьей, и четвертой; и так весь Мир беспредельный, и ввысь, и вглубь, и вокруг, и в каждом месте, он обнимал Любовью, великою, всеобъемлющею, бесконечною, в ней же не малых следов ни Гнева, ни Злого Волнения. И в духе он неся Жалостью к одной части Мира, и к другой, и третьей, и четвертой; и так весь Мир беспредельный, и в высь, и в глубь, и вокруг, повсюду, он обнимал Жалостью, великою, всеобъемлющею, бесконечною, в ней же не малых следов, ни Гнева, ни Злого Волнения». (Буддийские сутты / В пер. с пали проф. Т.У. Рис-Дэвидса, с примеч. и вступ. ст.; Рус. пер. и предисл. Н.И. Герасимова. М., 1900. С. 198).

³³⁴ Рис-Дэвидс Т.У. Вступительная статья // Буддийские сутты / В пер. с пали проф. Рис-Дэвидса, с примеч. и вступ. ст.; Рус. пер. и предисл. Н.И. Герасимова. М., 1900. С. 85.

Второй текст цикла и финальный текст раздела «Толстому и его последователям» в авторской рукописи был составлен из трех частей, разделенных римскими цифрами. Непосредственно письмо Толстому, I часть, завершается словами, перефразирующими слова Апокалипсиса, — «Горе не только тому, кто прибавит что к Книге Невидимой, но и тому, кто убавит, что от ней»³³⁵ (ИКН 181). Далее следует II часть: «Наш мир — мир прибавляющих или убавляющих или отвергающих. Поэтому в нем нет торжества и бессмертия, но оно будет» (ИКН 181). Затем начинается III часть³³⁶.

В опубликованное произведение не вошел фрагмент текста из авторской рукописи, следующий после слов, завершающих абзац: «... как невеста связана с Женихом»:

«Душевное в человеке смертно — это низшая душа — и душа, и разум подвержены смерти. Но в каждом человеке есть два духа, бессмертный — Дух Божий, Безначальный и бессмертный дух человеческий, сотворенный Им и подобный Ему.

Весь грех вышел из духа человеческого, когда он отступился от Вечного Жениха и распял и Его, и себя, но Дух Божий никогда не грешил. Но и дух человеческий может быть подобным Ему, когда соединится с Ним навсегда.

Тут и вышла ваша опасность. Вы увидели, что дух человека больше всего видимого мира. И это истинно, потому что видимый мир сотворен только нами. Но мы только сыны.

Мы небезначальны. Безначален только тот, чье имя знают только немногие»³³⁷.

³³⁵ И я также свидетельствую всякому слышащему слова пророчества книги сей: если кто приложит что к ним, на того наложит Бог язвы, о которых написано в книге сей (Откр. 22:18).

³³⁶ Брюсова Н.Я. А.М. Добролюбов. «Сестрам Иоанне и Надежде Брюсовым», «Многие не знают, что есть тайна...», «Отрывок против Толстого и Ницше», «Еще скрижаль» и др. заметки, высказывания, обращения. Ф. 2009. Оп. 2. Ед. хр. 11. Л. 91. Эта правка также внесена в книгу из архива В. Брюсова в РГБ (Добролюбов А.М. Из книги невидимой // ОР РГБ. Ф. 386. К. Книги. Ед. хр. 857. Л. 181).

³³⁷ Брюсова Н.Я. А. М. Добролюбов. «Сестрам Иоанне и Надежде Брюсовым», «Многие не знают, что есть

В этом тексте Добролюбов более подробно пояснял причины своего несогласия с Львом Толстым.

В рукописи сборника также присутствовал фрагмент в финале «Письма сестрам Иоанне и Надежде Брюсовым», разъясняющий религиозные идеалы поэта:

«В новейшие времена приблизились ко всемирной любви в Англии называемые квакеры и еще более в России духоборцы. Толстовцы — я разумею, — много далее от истины. Даже много ближе их, конечно, частью, я разумею, люди, находящиеся в многих ужасных заблуждениях под многими покрывалами. Я говорю о тех, которые имеют в богослужении телесную пляску, о незабываемых хлыстах»³³⁸.

Опечатки, допущенные при публикации «Из книги невидимой», Добролюбов исправил в экземпляре своего последователя П. Картушина. Сравнивая правки с рукописью, видно, что в некоторых случаях текст был написан неразборчиво, поэтому допускал двойное прочтение. К такой правке относится, например, замена Добролюбовым слова «лесистых» на «лесистых» в сборнике Картушина³³⁹ (ИKN 118). Некоторые правки отличались от рукописного текста. Так, например, «Песня братьям» (ИKN 28) в экземпляре из фонда Брюсова имеет подзаголовок «При первой вести о духоборах»³⁴⁰. В авторской рукописи подзаголовок отсутствовал³⁴¹. Это дополнение внес Добролюбов в книгу П. Картушина. В дальнейшем по этому

тайна...», «Отрывок против Толстого и Ницше», «Еще скрижаль» и др. заметки, высказывания, обращения // РГАЛИ. Ф. 2009. Оп. 2. Ед. хр. 11. Лл. 8–9.

³³⁸ Добролюбов А.М. Из книги невидимой // ОР РГБ. Ф. 386. К. Книги. Ед. хр. 857. Этим отрывком первоначально оканчивалось письмо «Сестрам Иоанне и Надежде Брюсовым», однако в черновом варианте финал был зачеркнут и в книгу не вошел. (См.: Добролюбов А.М. «Сестрам Иоанне и Надежде Брюсовым» // РГАЛИ. Ф. 2009. Оп. 2. Ед. хр. 11. Л. 24 об.) Общину Хлыстов Александр Добролюбов называл «пляшущей церковью», поскольку радение сопровождалось кружениями и тряской (Ярков И.П. Моя жизнь ... Л. 21).

³³⁹ Добролюбов А.М. «Из книги невидимой». Сборник стихотворений ... Л. 112.

³⁴⁰ Добролюбов А.М. Из книги невидимой. М., 1905 // ОР РГБ. Ф. 386. К. Книги. Ед. хр. 857. Л. 14 об.

³⁴¹ Добролюбов А.М. «Из книги невидимой». Сборник стихотворений ... Л. 21.

сборнику И. Брюсова вносила черными чернилами правки в свой экземпляр книги. Эти правки коснулись и других экземпляров, так как в Музее книги РГБ также хранится еще один экземпляр сборника с подобными исправлениями. Сборник П. Картушина с исправлениями Добролюбова был известен среди людей, знавших поэта. Об этом можно судить и по тому, что годами позже С.Н. Дурылин упоминал в своей статье о рукописном предисловии в сборнике Картушина³⁴².

В 1938 г. взгляды Добролюбова переменились, он отошел от веры в Бога и, посещая в Москве Иоанну Брюсову, внес новые правки в изданный сборник карандашом. Какие-то произведения он зачеркивал полностью, где-то менял формулировку, но абзац о своем отношении к различным религиозным течениям он сохранил.

Поскольку, как видно из письма, приведенного выше, Добролюбов был недоволен указанием его авторства и упоминанием в изданном сборнике о своих прежних книгах, он уже после выхода книги исправил заглавие на некоторых экземплярах сборника («Записал Александр Добролюбов "Из книги невидимой"»³⁴³) и добавил предисловие к книге П. Картушина:

«Кто любит меня и верит мне, всех тех остерегаю от всего, что будут печатать или что печатали под моим именем, особенно из произведений первых лет моей жизни. Даже в произведениях более поздних, в письмах, например, могут существовать какие-нибудь временные покрывала или даже заблуждения, потому что я отклонялся раз или два даже тогда, когда начал уже идти на пути веры. Эти же 2 книги "Из книги невидимой" и "Мои вечные спутники", я знаю, написаны не по воле моей, а по неизбежному указанию Высшей Непостижимой Воли.

Ал. Добролюбов»³⁴⁴.

³⁴² Дурылин С.Н. Александр Добролюбов ... С. 725.

³⁴³ Там же ... С. 723.

³⁴⁴ Добролюбов А.М. Из книги невидимой // Ф. 386. К. Книги. Ед. хр. 857. Л. 1 об. Фрагмент этого предисловия также приводит в своей работе С.Н. Дурылин (Дурылин С.Н. Александр Добролюбов ... С. 725). В Музее книги РГБ тоже находится экземпляр сборника с рукописным авторским предисловием.

В 1930-е гг. Добролюбов изменил отношение и к религии, и к своим ранним произведениям — он желал переиздать их и больше не отказывался от ранних книг³⁴⁵. Видимо, по этой причине вписанное ранее предисловие казалось ему неуместным и было вычеркнуто.

Отдельно следует сказать о сборнике «Мои вечные спутники». Заглавие «Мои вечные спутники» соотносится с названием книги «Вечные спутники» Д.С. Мережковского, впервые изданной в 1897 г. Книга Добролюбова была готова уже к 1905 г. и 6 января была отправлена в Московский цензурный Комитет для получения разрешения на печать книги, а 22 июня того же года издание книги было запрещено³⁴⁶.

Книга была лишь частично опубликована в издаваемой в Москве литературной общественно-политической газете «Новая земля»³⁴⁷ в 1911 г. Тексты сборника вышли в трех номерах газеты, поэтому большая часть книги осталась неопубликованной. При издании фрагменты книги были пронумерованы, некоторые тексты объединены в циклы.

Авторская рукопись представляет собой тетрадь в картонном переплете, состоящую из 55 листов. Это беловой автограф, писанный Добролюбовым, в котором имеются лишь небольшие исправления — вставка или зачеркивание слов. В «Новой земле» было опубликовано менее половины книги.

В газете после заглавия «Мои вечные спутники» идет подзаголовок: «Сборник чистых слов, избранные слова из всех народов, из священных писаний и из книг учеников»³⁴⁸. Записал Ал. Добролюбов»³⁴⁹. Далее следуют три эпиграфа: «Из Зенд-Авесты», «Из книги невидимой», видимо, сочиненный А. Добролюбовым («И тогда я возрадовался и сказал: "И я

³⁴⁵ Подробнее об этом см.: Кобринский А.А. Разговор через мертвое пространство ... С. 198–217.

³⁴⁶ Добролюбов А.М. Мои вечные спутники, сборник чистых слов, избранные слова из всех народов. Из священных писаний и из книг мудрецов. Запрещено 22.VI. // ЦГАМ. Ф. 31. Оп. 2. Д. 674.

³⁴⁷ Добролюбов А.М. Мои вечные спутники // Новая земля. № 7, 11, 14. 1911.

³⁴⁸ В рукописи вместо «из книг учеников» – «из книг искателей познания» (Добролюбов А.М. Мои вечные спутники. Собрание чистых слов, избранные слова из всех народов, из священных писаний и из книг искателей познания // ОР РГБ. Ф. 386. К. 128. Ед. хр. 21. Л. 2).

³⁴⁹ Добролюбов А.М. Мои вечные спутники // Новая земля. № 7, 1911. С. 15.

радуюсь тебе, Сестра моя, книга Свободная, Явственное Писание"»), и «Из Корана Магомета». Затем следует авторское предисловие из библиотеки Брюсова, текст которого мы уже приводили ранее («Кто любит меня и верит мне, всех тех остерегаю от всего, что будут печатать ...»³⁵⁰).

Текст завершается повторным указанием имени автора. Все цитаты в газете пронумерованы. Как в издании, так и в рукописи во всех текстах (кроме эпиграфов к книге) указание источника предшествует тексту цитаты. В отдельных случаях указание на источник включено в заглавие текста, например: «О вечном Слове и Вечном Писании по священным книгам древнего индийского учения браминов»³⁵¹. Без нумерации представлен цикл «Проводы умершего, отрывки», который опубликован как единый текст, но в авторской рукописи состоял из трех — стихотворения-эпитафии в прозе и двух прозаических отрывков-проповедей.

Завершающей публикации цитатой стал текст «Из Китабе-Акдес "Священной книги" современных бабидов»³⁵², отсутствующий в авторской рукописи.

В авторскую рукопись книги включены прозаические и поэтические тексты из духовных книг разных верований («из Талмуда», «из священного писания браминов», «из Бхагавад-гиты», «из Даммапады, одной из книг буддийского священного писанья», «из священной книги царя Сикков Говинда», «из Августина» и др.), работ философов (Гераклита, Эмпидокла, Клеанта, Сократа, Плотина), писателя (В. Гюго, «из Буньяна»³⁵³). Несколько текстов представляют авторский пересказ о жизненных событиях известных лиц, что отражено в заглавии: «Из жизни Сковороды»³⁵⁴, «Из жизни Франциска»³⁵⁵.

Цикл образуют цитаты из одного источника («Из надписей

³⁵⁰ Добролюбов А.М. Из книги невидимой // Ф. 386. К. Книги. Ед. хр. 857. Л. 1 об.

³⁵¹ Там же. С. 16.

³⁵² Там же.

³⁵³ Джон Беньян — английский писатель, автор книги «Путешествие пилигрима в Небесную Страну».

³⁵⁴ Добролюбов А.М. Мои вечные спутники ... Л.25.

³⁵⁵ Там же. Л. 18 об.

буддийского царя Асока»³⁵⁶), либо из нескольких — когда авторы объединены по общему признаку («древнегреческие мудрецы», «братские письма»).

В «братских письмах»³⁵⁷ верующие сообщают автору сведения об их духовной жизни. В одно из писем включена духовная песня («Песня А.В., псалом заключенного»³⁵⁸). В сборнике много внимания уделяется жизни и творчеству Франциска Ассизского³⁵⁹: приводятся сведения о его жизни, предания о странствиях святого с «братом Львом», одним из ближайших учеников Святого Франциска, полный текст «Гимна брату Солнцу» в авторском переводе, тексты его посланий к святому Антонию и часть послания к министру, также, вероятнее всего, в авторском переводе. Прозаическое эссе «из подражания Христу»³⁶⁰ о могуществе человеческой любви — цитата из трактата Фомы Кемпийского «О подражании Христу»³⁶¹. Также в сборник были включены две духовные песни с подзаголовком «из народных песнопений русских духовных христиан»³⁶². Последний текст книги — неточная цитата из книги «Беседы» Эпиктета, из его рассуждений «О свободе»: «Я подчинил свою волю воле Бога. [...] Хочет Он, чтобы я умер, чтобы меня подвергли пытке. И я хочу умереть, хочу перенести пытку»³⁶³. В этой цитате речь идет о необходимости ввериться Богу и положиться на его волю.

В 1913 г. в Индии была издана книга «Братство религий» известного британского теософа Анни Безант³⁶⁴, полностью состоящая из цитат. Книга

³⁵⁶ Там же. Лл. 25 об.–26 об.

³⁵⁷ Там же. Лл. 13 об.–18.

³⁵⁸ Там же. Л. 15.

³⁵⁹ Там же. Лл. 18 об.–24 об.

³⁶⁰ Там же. Лл. 30 об.–31.

³⁶¹ Фома Кемпийский. О подражании Иисусу Христу четыре книги, или Фомы Кемпского Златое сочинение для христиан. М., 1784. С. 110–111.

³⁶² Добролюбов А.М. Мои вечные спутники ... Лл. 51 об.–52.

³⁶³ Там же. Л. 54. Эта цитата перекликается со словами Ренаты, сказанными ею Рупрехту в финале романа «Огненный ангел»: «Они меня мучили, они меня распинали, — ах! они и не знали, что это повелел им Иисус Христос! Кровь, кровь! я видела свою кровь, как хорошо, как сладко! Она омыла все мои грехи» (Брюсов В.Я. Огненный ангел: повесть в XVI главах. Изд. 2-е, испр. и доп. примеч. М., 1909. С. 311); «Да! Да! Я хочу пытки и огня! Сейчас я видела моего Мадизеля, и он сказал мне, что смертью я искуплю всю жизнь» (Там же. С. 312).

³⁶⁴ Besant A. The Brotherhood of Religions. Adyar, Madras: Theosophical Publishing House, 1919. First printed:

разделена на семь тематических разделов, основная тема которых иллюстрируется цитатами из священных книг разных народов с точным указанием источников.

Несмотря на сходство цитат, источников и общей идеи, книги весьма отличаются друг от друга. Сборник Анни Безант представляет собой выписки религиоведа, разделенные по тематическим блокам. Сборник Добролюбова — гораздо более сложное структурированное единство разножанровых текстов, включающее цитаты, письма, стихотворения в прозе, духовные песни. Финальный текст древнегреческого философа Эпиктета оказывается соотнесенным с авторским «я», письма, включенные в сборник, написаны автору книги его последователями. Такая форма свидетельствует о переосмыслении цитат, истин, открывшихся повествователю-наставнику. Поскольку книга Добролюбова не была издана, она не могла быть известна широкому кругу читателей — из современников упоминал о ней только С.Н. Дурылин в своей статье «Александр Добролюбов»³⁶⁵.

Сборник «Из книги невидимой», несмотря на небольшое количество рецензий и не слишком высокий спрос на книгу среди покупателей, стал значимым явлением для символистов и людей, близких к ним. Произведения книги оценивались в контексте пути богоискателя и странника.

Характерное для символистов понимание жизни как текста, как художественного действия нашло отражение в фигуре Добролюбова, перешедшего границу художественного и воссоздавшего в жизни идеалы символизма, связанные со стремлением к теургической эстетике бытия. Применительно к творчеству А. Белого А.В. Лавров писал: «"Текст жизни" [...] первичен, ценностен и совершенен, "текст искусства" — изначально ущербен, как несовершенная эманация конкретно переживаемого мифа»³⁶⁶. По этой причине для некоторых символистов книга Добролюбова также

February 1913.

³⁶⁵ Дурылин С.Н. Александр Добролюбов ... С. 725.

³⁶⁶ Лавров А.В. Мифотворчество «аргонавтов» // Миф — фольклор — литература / АН СССР, ИРЛИ; отв. ред. В.Г. Базанов. Л., 1978. С. 156.

имела почти сакральное значение. Как вспоминал Андрей Белый, «книга лежала у нас на столах; ее Брюсов ценил, сестры же Брюсова с почти благоговением встретили "брата", поэта и странника»³⁶⁷. Н.А. Богомоллов считал, что сюжет романа В. Брюсова «Огненный ангел» «в некоем мифологическом пространстве смыкал реально пережитые дни влюбленной успокоенности со священным для символизма духовным опытом Александра Добролюбова и с вымышленным собственным кризисом»³⁶⁸.

С.Н. Дурылин называл Добролюбова «искателем Невидимого Града»³⁶⁹ и связывал его просветленную жизнь в народной среде с легендой о Китеж-граде:

«[...] откуда-то издалека, из толщи народной жизни и веры, о которой мы ничего не знаем, он выносит нам свою прекрасную "Из книги невидимой", первую книгу всей русской литературы, дошедшую до народа и принятую им как книгу живую, — книгу, в течение пяти лет раскупленную мистиками, мужиками и интеллигентами у утонченного "Скорпиона". Стихи Добролюбова — не стихи, его отрывки — не афоризмы, его главы — не главы книги, его обращения — не проповедь: что же его книга? Первый, еще едва слышимый, но уже благовествующий лепет человека и художника, слышавших Китежский вечный звон»³⁷⁰.

Народное предание о граде Китеже повествовало о невидимом священном городе в Нижегородской губернии у озера Светлояр. Город якобы скрылся под водой при угрозе захвата и разорения ханом Батыем. По поверью считается, что, заглянув в озеро, можно увидеть, словно в зеркале отраженные, храмы этого невидимого города, услышать колокольный звон.

³⁶⁷ Белый А. Начало века ... С. 399.

³⁶⁸ Валерий Брюсов и Нина Петровская: биографическая канва к переписке // Брюсов В., Петровская Н. Переписка: 1904–1913 / Вступ. статьи, подгот. текста и комментарии Н.А. Богомоллова, А.В. Лаврова. М., 2007. С. 50–51.

³⁶⁹ Дурылин С.Н. Рихард Вагнер и Россия. Вагнер о будущих путях искусства. // Дурылин С. Н. Статьи и исследования 1900–1920 годов / Сост., вступ. статья и коммент. А.И. Резниченко, Т.Н. Резвых. СПб., 2014. С. 100.

³⁷⁰ Там же.

Доступно это видение было только праведным людям. Легенда о Китеж-граде стала широко известна благодаря роману П.И. Мельникова-Печерского «В лесах», который впервые вышел в журнале «Русский вестник» в 1871–1874 гг. В нем были описаны народные чаяния, связанные с поиском дороги к священному городу. К озеру приезжали З. Гиппиус, Д. Мережковский, М. Пришвин. Н.А. Римский-Корсаков написал в 1907 г. оперу «Сказание о невидимом граде Китеже и деде Февронии».

Поэт и теоретик символизма Лев Кобылинский (Эллис) считал книгу Добролюбова финальным этапом развития русского символизма, результатом поиска спасения в религии:

«Символизм последовательно наметил своим развитием ступени возврата к религии в обратном порядке нисхождения культуры нового времени. Так, французский символизм был возвратом к мистицизму, германский — преимущественно к символической мистерии, русский — к религиозному исканию. Избегая мертвого аллегоризма современной внешней церковности, от лирики Владимира Соловьева, через "Золото в лазури" Андрея Белого, "Стихи о Прекрасной Даме" А. Блока, "Цветы и ладан" С. Соловьева, и до "Cor ardens" В. Иванова, — русский символизм в Д. Мережковском становится вопросом о религиозном пути будущего; в славянской мессианистической концепции учения Ницше, в "Книге невидимой" А. Добролюбова, в более и более растущем интересе молодых поэтов к эпохе и жизни св. Франциска Ассизского и к русскому подвижничеству, русский символизм с каждым днем и часом все более и более становится подлинным, христианским искусством, горестным песнопением о падении человеческой души, молитвой об искуплении и песнью радостной о спасении»³⁷¹.

³⁷¹ Эллис. Vigilemus! // Эллис. Неизданное и несобранное / сост., подгот. текста А.В. Лаврова, Г.В. Нефедьева, С.Н. Мироненко. Томск, 2000. С. 282–283.

А. Черткова критично относилась к сборнику Добролюбова «Из книги невидимой»:

«Одна из характерных черт этой секты также та, что они отрицательно относятся не только к мирским песням, забавам и проч., но и к книгам каким бы то ни было, кроме только одной книжки самого Александра Добролюбова под заглавием "Из книги невидимой", состоящей из нескольких статей и стихотворений, по правде сказать, очень туманного содержания, в которых нет ни глубины, ни оригинальности мысли и в которых плохим вычурным языком трактуется о вере, о душе и общении с неведомым миром. При чтении их только удивляешься, как такие книжки могут иметь влияние на людей не только простых, неграмотных (которым очень часто импонируют туманность и высокопарность слога), но и на людей интеллигентных, очевидно, подпавших под обаяние Добролюбова. Несомненно, однако, что человек этот имеет в себе что-то сильное и привлекательное и, кажется, сам искренно верит в свою роль чрезвычайного посланника Всевышнего на нашу грешную землю»³⁷².

Лев Толстой также считал содержание книги недостаточно ясным: «Его [Добролюбова. — О.С.] деятельность ведь очень хорошая. Правда, у него есть какая-то искусственность... Вот опять эта его книга. Написать так, и написать после того, как он стал уже другим, это — я не знаю... Если хочешь писать, то пиши так, чтобы все могли понять тебя... Но что же делать, может быть, это свойство его натуры»³⁷³.

Леонид Семенов убеждал Льва Толстого в письме от 15 ноября 1909 г. в обратном: «Хочется, чтобы ты верил в этом нам — и верил бы напр. и тому,

³⁷² Черткова А.К. Псалмы «Добролюбовцев» ... С. 13–14.

³⁷³ Маковицкий Д.П. У Толстого, 1904–1910: «Яснополянские записки» Д.П. Маковицкого: в 4 кн. Кн. 2. 1906–1907. М., 1979. С. 372.

что и книга брата Александра Добролюбова не какая-нибудь выдумка, не красноречие, а живая и простая книга для нас, живущих как он»³⁷⁴.

Последователи Добролюбова считали книгу частью его учения. Например, Николай Сутковой писал об этом Сергею Дурылину, который проявлял интерес к религиозным идеям Добролюбова и его произведениям: «Я знал Добролюбова еще в 906 и 7 годах, но неверие и грубость почти совершенно скрыли от меня внутреннее существо его. Только мало-помалу я начинаю постигать высоту духа его благодаря общению с его друзьями, книге его³⁷⁵ и, наконец, теософии, окончательно разрушившей прежнее неверие мое. [...] "Из Книги Невидимой" ты понимаешь, наверно, не меньше нас, а своего света у нас нет»³⁷⁶.

Клюев писал в письме Блоку в мае 1908 г.: «Читать мне нечего — хочется, как в жару воды испить, прочитать книгу А. Добролюбова "Из книги Невидимой". Не можете ли снабдить меня и ею»³⁷⁷. Вл. Гиппиус, напротив, отмечал, что «изданная при его [Добролюбова. — О.С.] согласии, несмотря на произнесенное им отречение от литературы, последняя книга его стихов и прозы "Из книги Невидимой", отразившая его странничество, так же, как и его прежние, декадентские, литературно все так же талантлива, но бледна и беспомощна»³⁷⁸.

Если авторы критических статей на первые две книги поэта отзывались непониманием и насмешкой, то рецензии на сборник «Из книги невидимой» были более лояльны. Рецензенты отмечали достоинства сборника и фокусировали внимание читателей на разрыве поэта с литературой, уходом в народ и богоискательство, как характерной примете времени (Н. Минский, Р. Иванов-Разумник, Г Чулков, В. Львов).

³⁷⁴ Семенов Л.Д. Стихотворения. Проза ... С. 241.

³⁷⁵ Вероятнее всего, имеется в виду сборник «Из книги невидимой».

³⁷⁶ Письма Суткового Н.Г. Дурылину С.Н. // РГАЛИ. Ф. 2980. Оп. 1. Ед. хр. 824. Л. 1–2об. Цит. по: Служаева О.О. Книга как жанр ...

³⁷⁷ Цит. по: Письма Н.А. Клюева к А. Блоку ... С. 469.

³⁷⁸ Гиппиус В.В. Указ. соч. С. 172.

Р.В. Иванов-Разумник в своей статье причислял Добролюбова к истинным символистам и указывал на то, что большинство декадентов «смело вступило на новый путь — религиозный, апокалипсический»³⁷⁹.

Георгий Чулков писал, что «это книга вне литературы, но это еще не значит, что она вне искусства»³⁸⁰. Образ Добролюбова в его рецензии рифмовался со святым Франциском Ассизским: «[...] кто видел А. Добролюбова, должен понять, что он один из тех людей, вся жизнь которых — поэма. О таких людях слагаются легенды и песни — и, быть может, такое творчество непосредственно своей жизни и есть истинное искусство, святое и всецело чудесное»³⁸¹. В статье 1918 г., ставшей откликом на убийство Леонида Семенова крестьянами, он писал о Добролюбове: «[...] бывший декадент, а потом сектант, непротивленец, променявший ценности европейской культуры на "сестрицу Нищету", как выражался Франциск Ассизский»³⁸². О сходстве Александра Добролюбова и Франциска Ассизского писал И.С. Книжник-Ветров:

«На наших глазах Александр Добролюбов в своей "Книге невидимой" и в письмах к друзьям и, главное, в своей личной подвижнической жизни показал, что образ и пример св. Франциска возможен и в наше скептическое время. Знакомство с книгой о св. Франциске осветит читателю многое в последней книге Александра Добролюбова. В личном подвиге Александра Добролюбова и в некоторых его песнях, несомненно, сказывается влияние св. Франциска. В Добролюбове не так живо чувство Христа, меньше духовной радости и вовсе нет верности Церкви и повиновения даже недостойным ее служителям, но в этих уклонениях повинна только пережитая нами за шесть столетий (считая от св. Франциска) эволюция»³⁸³.

³⁷⁹ Иванов-Разумник Р.В. Русская литература XX в. (1890–1915 гг.) Петроград, 1920. С. 27.

³⁸⁰ Кремнев Б. <Чулков Г.> Александр Добролюбов // Вопросы жизни. 1905. № 6. С. 246.

³⁸¹ Чулков Г. Александр Добролюбов // Покрывало Изида. М., 1909. С. 96.

³⁸² Чулков Г. Хилая совесть // Русские ведомости. 1918. № 33. 10 марта.

³⁸³ Книжник И.С. Цветочки святого Франциска Ассизского. Перевод А.П. Печковского. Со вступительной статьей С.Н. Дурылина. М., 1913 // Русская мысль. 1913. № 12. С. 459–460.

Ник. Поярков отмечал, что «индивидуальность поэта более проявилась во внешней жизни, чем в словесном творчестве»³⁸⁴ и что «[...] он больше любит мир мечтаний и вольную жизнь бродяги, чем скучную работу над чеканкой стиля»³⁸⁵.

В. Львов увидел в книге унижение народного голоса: «Если Заратустра Ницше противопоставил морали рабов мораль господ, то "Странник" А. Добролюбова морали господ противопоставил мораль рабов как идеал для всех народов». И далее: «А. Добролюбов утверждает, что он в народе нашел свои "глубокие разумения", что он говорит словами народа. Так может мыслить и говорить только народ рабов, и было бы великим несчастьем, если бы таким народом был наш народ. Но напрасно господа новоявленные пророки берутся говорить от лица нашего народа. Русский народ был молчаливником, но не был рабом»³⁸⁶.

Статья Николая Минского была главным образом посвящена декадентскому прошлому Добролюбова, попыткам выстроить свою жизнь по символистским идеалам жизнотворчества:

«Нам было известно, что Добролюбов не только пишет на декадентские темы, но устраивает свою жизнь по-декадентски, и это соответствие слова с делом сразу окружило его ореолом, поставило его выше всех писателей [...]. Вокруг Добролюбова сразу создавалась легенда, и он стал героем своей собственной жизни. Рассказам о нем не было конца. Говорили, что он комнату свою устроил как храм, что по ночам она превращается в искусственный рай гашиша и опиума, что там происходят языческие таинства и обряды. Сам Добролюбов этих разговоров не опровергал [...]»³⁸⁷.

³⁸⁴ Поярков Ник. Ал. Добролюбов // Поэты наших дней. М., 1907. С. 13.

³⁸⁵ Там же. С. 9.

³⁸⁶ Львов В. <Рогачевский В.Л.> Александр Добролюбов. Из книги невидимой // Образование. СПб., 1905. № 8. С. 92, 94.

³⁸⁷ Мин Н. <Минский Н.М.> Обращенный эстет // Рассвет. 1905. № 82. 31 мая.

Н. Минский предполагал, что Добролюбов первоначально мог пожелать уйти в монастырь, вдохновившись опытом Гюисманса, который уходил на несколько лет к католическим монахам траппистам, а затем вернулся к прежней жизни. «В этом столкновении между избалованным декадентом и бедной русской деревней, между автором "Natura naturans" и вологодским пахарем, между самым изысканным и самым простым, самым изломанным и самым правдивым победа оказалась на стороне деревни»³⁸⁸, — писал Минский. Критик считал, что в содержании сборника отражены «новый религиозный завет чистоты, смирения и святости», «духовная жизнь и подвиг Добролюбова»³⁸⁹.

Сборник «Из книги невидимой» воспринимался двояко в зависимости от читательской аудитории. Символисты видели в нем отражение биографии Добролюбова, его ухода, считая эти произведения этапом развития символизма как литературного направления. Последователи религиозного учения Добролюбова считали сборник священной книгой, в которой отражены религиозные взгляды их учителя. Для Добролюбова изданная книга стала способом полемики с символистами, Толстым и его последователями.

2.2. Литературные источники третьей книги А.М. Добролюбова

Н.А. Богомолов, считал, что книга Добролюбова «представляет собою явление жанрово неразложимое»³⁹⁰. Литературовед связывал появление новой формы функционирования книги как жанра с соединением в творчестве символистов художественной литературы с «внелитературными типами словесного творчества» и сочетании прозаических и поэтических текстов в ней³⁹¹.

³⁸⁸ Там же.

³⁸⁹ Там же.

³⁹⁰ Богомолов Н.А. Жанровая система русского символизма ... С. 25.

³⁹¹ Там же. С. 20.

Ю.Б. Орлицкий также отмечал в творчестве Добролюбова «стремление организовать книгу как особое сверхтекстовое единство», ее прозиметричность, характеризующуюся единством поэзии и прозы³⁹², и совмещением в ней художественных/нехудожественных текстов³⁹³.

Символистская книга стихов неоднократно становилась предметом внимания исследователей³⁹⁴. «Шаг, сделанный русской лирикой рубежа веков от единственного стихотворения к целостной "книге стихов", радикально преобразовал жанровую традицию: отдельные фрагменты вошли в объединяющий макросюжет сборника. Этот макросюжет зачастую, хотя и не всегда, представляет собой не что иное, как лирический дневник или вариант биографического повествования»³⁹⁵, — отмечала Д.М. Магомедова.

Как известно, впервые принципы построения символистской книги стихов сформулировал в 1903 г. В.Я. Брюсов в предисловии к «Urbi et orbi», где сравнил книгу стихов с романом, главы которого «нельзя переставлять произвольно»³⁹⁶. Схожим образом понимал книгу Андрей Белый, о чем писал в 1923 г. в предисловии к своему собранию избранных стихотворений:

«Лирическое творчество каждого поэта отпечатлевается не в ряде разрозненных и в замкнутых в себе самом произведений, а в модуляциях

³⁹² Орлицкий Ю.Б. Динамика стиха и прозы в русской словесности. М., 2008. С. 315, 322.

³⁹³ Там же. С. 323.

³⁹⁴ Гаспаров М.Л. Поэтика «серебряного века» // Русская поэзия серебряного века. 1890–1917. Антология. М., 1993. С. 5–44; Максимов Д.Е. Идея пути в поэтическом сознании Ал. Блока // Максимов Д.Е. Поэзия и проза Ал. Блока. Л., 1975. С. 6–143; Магомедова Д.М. Александр Блок «Нечаянная радость» (Источники заглавия и структура сборника) // А. Блок и основные тенденции развития литературы начала XX века: Блоковский сборник VII. Тарту, 1986. С. 48–61; Правдина И.С. Формирование лирической трилогии // Александр Блок. Новые материалы и исследования. Кн. 4. Литературное наследство. Т. 92. М., 1987. С. 620–635; Лекманов О.А. Книга стихов как «большая форма» в русской поэтической культуре начала XX века. О.Э. Мандельштам. «Камень» (1913): Автореф. дис.... канд. филологических наук. М., 1995 (18+ О.А. Лекманов признан Минюстом РФ иностранным агентом); Гинзбург Л.Я. О лирике. М., 1997; Мирошникова О.В. Итоговая книга в поэзии последней трети XIX века: архитекtonика и жанровая динамика. Омск, 2004; Лавров А.В. «Собрание стихотворений» — книга из архива Андрея Белого // Лавров А.В. Андрей Белый. Разыскания и этюды. М., 2007. С. 70–88; Богомолов Н.А. Жанровая система русского символизма ... С. 17–31; Лирическая книга в современной научной рецепции: коллективная монография. Омск, 2008; Лекманов О.А. Книга стихов как «большая форма» в русской поэтической культуре серебряного века // Самое главное: о русской литературе XX века. М., 2017. С. 37–53 (18+ О.А. Лекманов признан Минюстом РФ иностранным агентом).

³⁹⁵ Магомедова Д.М. Александр Блок. Биография и поэтика // Магомедова Д.М. Автобиографический миф в творчестве А. Блока. М., 1997. С. 8.

³⁹⁶ Брюсов В. Предисловие // Брюсов В. Urbi et orbi: Стихи 1900–1903 г. М., 1903.

немногих основных тем лирического волнения, запечатленных градацией в разное время написанных стихотворений; каждый лирик имеет за всеми лирическими отрывками свою ненаписанную лирическую поэму; и понимание, или непонимание действительного поэта зависит от умения или неумения нашего сложить из мозаических, им рассыпанных, кусочков целого картину, в которой каждый лирический отрывок связан с другим, как система оживальных арок рисует целое готического собора»³⁹⁷.

Рассуждая о сложной архетиктонике книги «Cor ardens» Вячеслава Иванова, В. Ходасевич прибегает к сравнению книги с Собором Святого Марка в Венеции³⁹⁸. Из этой аналогии видно, что книга ощущалась символистами как авторская репрезентация образа мира, выполненная посредством синтеза различных видов искусства. Сравнение книги стихов с собором стало настолько расхожим, что в предисловии к сборнику Н. Клюева «Сосен перезвон», первое издание которого состоялось в 1912 г., В. Брюсов, чтобы показать отличие книги стихов Клюева от символистских сборников, писал:

«Прекрасны гигантские готические соборы, строившиеся целый ряд столетий, по одному глубоко обдуманному плану. [...] Но прекрасен и дикий лес, разросшийся как попало, по полянам, по склонам, по оврагам. Ничего в нем не предусмотрено, не предрешено заранее, на каждом шагу ждет неожиданность — то причудливый пенёк, то давно повалившийся, обросший мохом ствол, то случайная луговина — но в нем есть сила и прелесть свободной жизни. [...]»³⁹⁹.

³⁹⁷ Белый А. Предисловие к собранию избранных стихотворений // Белый Андрей. Стихотворения. Берлин, 1923. С. 6.

³⁹⁸ Ходасевич В. Русская поэзия. Обзор // В.И. Иванов: pro et contra, антология. Т. 1. СПб., 2016. С. 292

³⁹⁹ Брюсов В. Предисловие // Николай Клюев. Сосен перезвон. 2-е изд. М., 1913. С. 5.

Возникшее уже в 1910-е годы отношение писателей-символистов к своему творчеству как к «роману в стихах» (А. Блок⁴⁰⁰, А. Белый⁴⁰¹, В. Брюсов⁴⁰²) и/или «трилогии вочеловечивания» (А. Блок⁴⁰³) свидетельствует об осознанном переходе к синтезу лиро-эпических жанров. Д.М. Магомедова замечала, что «каждый из этих сборников прочитывался и самим поэтом (если судить по его предисловиям), и его современниками как своего рода художественное целое с самостоятельной сюжетной логикой, характерной стилистикой и внутренней мифопоэтической концепцией»⁴⁰⁴. Таким образом, целостная книга становится внешней рамой жизнестроительного материала и приравнивается к жанру романа, так же как названия разделов и подразделов, а поэтическое творчество, представленное в ней, фиксирует чувства и мысли лирического субъекта в конкретный временной период.

Если В. Брюсов, А. Белый, А. Блок и В. Ходасевич, а вслед за ними и литературоведы, считали символистской книгой книгу стихов, то Добролюбов в сборнике «Из книги невидимой» представил разностилевое лиро-эпическое единство. Разумеется, подобные текстовые объединения с отказом от точного обозначения жанровой специфики в заголовке и подзаголовке литературного сборника существовали и прежде («*Natura naturans. Natura naturata*» (1895) А. Добролюбова, книги Ив. Коневского «Мечты и думы» (1900) и А. Белого «Золото в лазури»⁴⁰⁵ (1904), опыты французских символистов А. Рембо «Озарения» (1886), «Одно лето в аду» (1873) и др.⁴⁰⁶), но новаторство сборника Добролюбова выглядело более радикально — совмещение прозы и поэзии, публицистического и научного стилей, обширные эпиграфы. Учитывая отсутствие жанрового единства в третьей книге Добролюбова, мы должны признать, что автор сознательно

⁴⁰⁰ Блок А. Предисловие к собранию стихотворений // Собрание стихотворений / Александр Блок. М., 1911–1912. Кн. 1: Стихи о Прекрасной Даме: (1898–1904). 1911.

⁴⁰¹ Белый А. Предисловие к собранию избранных стихотворений ... С. 9.

⁴⁰² Брюсов В. Предисловие // Брюсов Валерий. *Urbi et orbi* ...

⁴⁰³ Письмо А. Блока А. Белому. 6 июня 1911 г. // Белый Андрей, Блок Александр. Переписка. 1903–1919 / Публ., предисл. и коммент. А.В. Лаврова. М., 2001. С. 406.

⁴⁰⁴ Магомедова Д.М. Александр Блок ... С.5.

⁴⁰⁵ Богомолов Н.А. Жанровая система русского символизма ... С. 20–21.

⁴⁰⁶ Орлицкий Ю.Б. Динамика стиха и прозы ... С. 318.

использует художественный язык прозы для того, чтобы ввести событийную составляющую, тяготеющую не к области выражения чувств, а к полному, насколько это возможно в отрывках и в произведениях малого объема, выражению своей позиции. По этой причине для обозначения субъекта повествования мы будем употреблять термины «лирический субъект» и «нарратор»/«повествователь» в зависимости от жанровой специфики отдельного текста. Термин лирический субъект мы будем использовать при рассмотрении духовных песен, стихотворений и стихотворений в прозе. По отношению к прозаическим текстам, тяготеющим к публицистическому и риторическому стилям, текстам в жанре эссе, очерка, письма или дневника, мы для описания субъектной организации воспользуемся термином нарратор или повествователь.

«Из книги невидимой» по своему замыслу (воссоздать автобиографический миф, описать события прошедших лет, подвести итоги духовного перелома и сформулировать новые принципы искусства), разветвленной структуре (обилие разделов и циклов) и формальным критериям (книга была издана в символистском издательстве «Скорпион», первые страницы разделов украшал орнамент, на страницах книги был отпечатан рисунок василька, выполненный Валерием Брюсовым) относится к символистской. Кроме того, общий сюжет книги, в котором лирический субъект становится медиатором двоемирия — мира христианского мифа и реального мира, — также можно охарактеризовать как символистский. В основе сборника — сверхидея об обновлении мира и становлении жизни на новых началах, создании утопии. Выраженные в произведениях сборника мистические, теософские и философские идеи также характерны для символизма. Тяготение художественного языка «Из книги невидимой» к народной литературе и фольклорные образы книги Добролюбова близки литературным опытам А. Ремизова, сборнику стихотворений «Пепел» Андрея Белого. К символистским книгам мы также относим книги стихов российских символистов, такие как, например, «Urbi et Orbi» В. Брюсова,

«Будем как солнце» К. Бальмонта, «Мечты и думы» Ив. Коневского, «Кормчие звезды» Вяч. Иванова, «Золото в лазури» А. Белого, «Стихи о Прекрасной Даме» А. Блока и др.

Отличает сборник «Из книги невидимой» от символистской книги отсутствие у лирического субъекта веры в способность искусства и личного творчества преобразовать мир: «Слова только одежда. И одежда может быть даже грубой, даже рваной, даже некрасивой, только бы крепко было тело и выносливо к жару и холоду. И можно так закрыть себя одеждой, что трудно будет ходить. Это делаете вы» (ИКН 86). Также отвергается индивидуализм как помеха на пути к «царству, где явится Бог» (ИКН 153; ИКН 4). Вслед за этим отвергаются эстетство и артистизм как манера поведения и как часть произведения искусства: «Все вымышленное, выдуманное в вашем искусстве, в ваших искусствах, все не бывшее, не случившееся в наружном мире ни в глубине — все это я отвергаю, а сколько такого у вас!» (ИКН 85).

Кроме того, в состав сборника включены публицистические тексты и личные письма, которые являют собой выражение позиции авторского «я» по вопросам философского характера, что не было характерно для символистской книги.

Таким образом, «Из книги невидимой» нельзя в полной мере отнести к символистской книге. Работая в поле символизма и апеллируя к нему, автор в то же время и отрицает его.

Далее мы рассмотрим литературные источники, оказавшие влияние на сборник «Из книги невидимой» А. Добролюбова.

Сборник «Из книги невидимой» имеет множество пересечений с книгой Ф. Ницше «Так говорил Заратустра». Один из циклов сборника озаглавлен «Отрывок. Против Толстого и Ницше», а первый текст назван «Ницше у порога храма» (ИКН 156). В прозаическом произведении, посвященном Ницше, повествователь сообщает о приближении философа к вере в Бога. Он также приводит слова из книги Ф. Ницше: «И вот пред последней борьбой, пред пораженьем он [Ницше. — О.С.] восклицает в

одной чистой песне, которая к братьям: "Разве вы не знаете, братья? Более, выше любви к людям ценю я любовь к вещам и мечтам"» (ИКН 156). Это неточная цитата из сочинения Ницше «Так говорил Заратустра»:

«Выше, чем любовь к ближним, стоит любовь к дальним и любовь к грядущим; еще выше, чем любовь к людям, кажется мне любовь к вещам и призракам»⁴⁰⁷.

На сюжетном уровне, подобно Заратустре, который провел десять лет в уединении в горах, повествователь «Из книги невидимой» провел несколько лет в уединении и молчании. Оба они решают выйти к обществу после многолетнего перерыва с проповедью открывшейся им истины, утверждают превосходство простых людей над миром образованных, критически относятся к «мудрецам». Заратустра также сочиняет песни и обращается с речами к своим братьям-последователям, общается с дикими животными. Оба странника, Заратустра и нарратор, воспевают свободу, восхождение по ступеням духа и отрицают современный город. Повествователь «Из книги невидимой» так же, как Заратустра, обладает даром пророка. Оба героя создают новое учение — один, принимая Бога, другой — отрицая. На композиционном уровне: в обе книги входят стихотворения в прозе и полемические тексты, заглавия которых содержат тему дальнейшего произведения («О чтении и письме»⁴⁰⁸, «О знаменитых мудрецах»⁴⁰⁹, «О видении и загадке»⁴¹⁰ и др.). Сближает произведения сборника с книгой Ф. Ницше обилие версейных, малых однофразовых урегулированных строф⁴¹¹ (ИКН 67–68, 84, 131, 132–135, 135–137, 145–148, 166, 167–168, 174–175, 189, 194–198, 198–200). Версейная организация строф присутствует и в Библии, однако, по мнению Ю.Б. Орлицкого, российские писатели «ориентировались

⁴⁰⁷ Ницше Ф. Так говорил Заратустра. Символическая поэма / Пер. с нем. Д. Борзаковского; под ред. А. Введенского. М., 1900. С. 63.

⁴⁰⁸ Там же. С. 39.

⁴⁰⁹ Там же. С. 106.

⁴¹⁰ Там же. С. 165.

⁴¹¹ Орлицкий Ю.Б. Стих и проза в русской литературе ... С. 180.

в своих опытах не столько на само Священное Писание, сколько на его литературных "посредников" [...] — прозаика Ф. Ницше и поэта У. Уитмена»⁴¹².

В научных работах, посвященных Добролюбову, неоднократно упоминалось влияние личности и творчества Франциска Ассизского как на произведения сборника «Из книги невидимой», так и на биографический образ поэта. В предыдущей главе мы уже упоминали о том, что Д.С. Мережковский сравнивал Добролюбова с Франциском Ассизским, Эллис отмечал интерес к подвигу католического святого среди писателей символизма, о сближении образов Добролюбова и Франциска писали литературные критики Г. Чулков⁴¹³ и И.С. Книжник-Ветров⁴¹⁴. Е.В. Иванова называла Добролюбова «одним из первых русских францисканцев начала XX века»⁴¹⁵, указывала на «братскую связь всего живого в его произведениях»⁴¹⁶. О «последовательном создании Добролюбовым линии русского францисканства»⁴¹⁷ в сборнике «Из книги невидимой» упоминал А. Кобринский. «В его поэтическом универсуме все равноценно и равновелико [...]. У Добролюбова братья — цветы, горы, трава, животные... Все это — Божье творение, как и человек, а все Божьи твари — братья и сестры»⁴¹⁸, — писал исследователь.

Традиции францисканства в жизни и творчестве Добролюбова посвящена статья Н.Ф. Федотовой. Исследовательница отмечала сходство в образе жизни Франциска и Добролюбова (странничество, занятие ручным трудом, прославление нищеты и скромности, сочинение гимнов, прославляющих Бога) и отражение идей францисканства в поэтике «Из книги невидимой»: стремление к примитивизму, способному передать

⁴¹² Там же. С. 182.

⁴¹³ Чулков Г. Александр Добролюбов ... С. 96; Чулков Г. Хилая совесть ...

⁴¹⁴ Книжник И.С. Цветочки святого Франциска Ассизского ... С. 459–460.

⁴¹⁵ Иванова Е.В. Неизвестный отзыв о стихах Александра Добролюбова // «Быть знаменитым некрасиво...»: Пастернаковские чтения. Вып. 1. М., 1992. С. 199.

⁴¹⁶ Там же. С. 200.

⁴¹⁷ Кобринский А.А. «Жил на свете рыцарь бедный...» ... С. 451.

⁴¹⁸ Там же.

искренность и наивность ощущений лирического субъекта, восприятие им мира как храма, его общение с животными, употребление слова «братцы»⁴¹⁹.

Е.В. Кузнецова также сопоставляла уход Добролюбова и его жизнь в народе с фактами биографии католического святого и отмечала связь «Из книги невидимой» с личностью и творчеством Франциска. В частности, сходным она называла мотив «обретения общего языка и особой душевной близости с природным миром (животными, растениями, стихиями)»⁴²⁰. Рассказ «В уединении я отделился от людей» (ИКН 98) и стихотворение «На пути из Нижнего в Балахну» (ИКН 96) Кузнецова называет вариациями «Гимна Солнцу»⁴²¹, сочиненного Франциском Ассизским. Безусловно, мотивы францискианства присутствуют во многих произведениях сборника, но эти тексты нельзя считать вариациями, а аллюзии на сочинение святого Франциска не исчерпываются приведенными примерами.

Франциск Ассизский был известен российским читателям благодаря обширной литературе о нем, издававшейся на рубеже веков⁴²². Например, жизнеописание Франциска Ассизского Е.П. Свешниковой в конце XIX в. переиздавалось пять раз. Добролюбову могли быть известны сочинение С.А. Котляревского об истории францискианства и об отношениях Франциска с католической церковью⁴²³, статья С.П. Шевырева, в которой рассматривалось влияние «Гимна Солнцу» святого Франциска на художественный язык «Божественной комедии» А. Данте⁴²⁴, работа А.Н. Веселовского «Данте и символическая поэзия католичества», в которой автор указывал на сентиментальное отношение Франциска к природе, передавшееся Данте⁴²⁵.

⁴¹⁹ Федотова Н.Ф. Франциск Ассизский и Александр Добролюбов, или опрощенство как культурная традиция // Известия высших учебных заведений. Серия: Гуманитарные науки. 2014. Т. 5. № 3. С. 198–199.

⁴²⁰ Кузнецова Е.В. Традиции францискианства и странничества в судьбе и творчестве А. Добролюбова // Верхневолжский филологический вестник. 2021. № 2 (25). С. 22.

⁴²¹ Там же. С. 24.

⁴²² См. издания: Свешникова Е.П. Франциск Ассизский / Рассказано Е. Свешниковой. М., 1886; Сабатье П. Жизнь Франциска Ассизского. Пер. с фр. М., 1895; Пименова Э.К. Франциск Ассизский. Его жизнь и общественная деятельность. СПб., 1896.

⁴²³ Котляревский С.А. Францискианский орден и римская курия в XIII–XIV веках. М., 1901.

⁴²⁴ Шевырев С.П. О первых поэтах Италии, предшествовавших Данту // Журнал Министерства Народного Просвещения. 1837. № 3.

⁴²⁵ Веселовский А.Н. Данте и символическая поэзия католичества // Данте Алигьери: pro et contra, антологии. Т. 2 / Сост., вступ. ст. М.С. Самариной, коммент. И.Ю. Шауба, М.С. Самариной, Е. Булучевской.

Образ св. Франциска присутствовал в творчестве Л.Н. Толстого, Ф.М. Достоевского, в работах философов В. Соловьева, Н. Бердяева. К образу Франциска Ассизского и его «Гимну солнцу» обращались многие символисты — Д.С. Мережковский, А.А. Блок, Вяч. Иванов, К.Д. Бальмонт, М.А. Кузмин, М. Волошин⁴²⁶.

Книгу «Цветочков» Добролюбов рекомендовал для чтения своим последователям. Как записал Д.П. Маковицкий, когда в 1907 г. А.Я. Колесниченко сказал об этом Толстому, тот ответил, что «жизнь Франциска Ассизского поучительная»⁴²⁷.

Впервые «Цветочки Франциска Ассизского» были изданы в России в журнале «Новый путь» в 1904 г.⁴²⁸ В сентябре 1904 г. авторская рукопись «Из книги невидимой» уже была готова, поэтому, если Добролюбов и был знаком с полным текстом легендарного повествования, то читал его на французском языке⁴²⁹. Также о содержании «Цветочков» было известно из пересказов в книгах о биографии св. Франциска⁴³⁰. Впоследствии текст «Цветочков» издавался отдельными книгами в 1911, 1912 гг. В 1913 г. книга «Цветочки Франциска Ассизского» вышла в издательстве «Мусагет»⁴³¹. Как позже вспоминал С. Дурылин, он «был посредником при издании книг, которые считал нужным видеть изданными сам Добролюбов, или близкие к нему, и которые издавались на средства, данные добролюбовцем-интеллигентом»⁴³²,

СПб., 2016. С. 612.

⁴²⁶ Лихачев Д.С. Сергей Радонежский и Франциск Ассизский // Наука и религия. 1992. № 1. С. 8–10; Арихимандрит Августин (Никитин). Франциск Ассизский и русские символисты // Нева. 2014. № 11. С. 227–245; Самарина М.С. Франциск Ассизский и его наследие. От истоков к современности. СПб., 2008; Образы св. Франциска в России. Антология. СПб., 2024.

⁴²⁷ Маковицкий Д.П. У Толстого, 1904–1910: «Яснополянские записки» Д.П. Маковицкого: в 4 кн. Кн. 2. 1906–1907. М., 1979. Кн. 2. С. 479.

⁴²⁸ Цветочки Франциска Ассизского (Fioretti). Легенды. Пер. с ит. О.С. // Новый путь. 1904. № 4. С. 145–173; № 5. С. 116–145.; № 6. С. 35–64; № 7. С. 68–87.

⁴²⁹ Например, он мог пользоваться этим изданием: *Fioretti ou Petites Fleurs de S. Francois d'Assises, traduites abbe A. Riche. Paris, 1847* (2-е изд. Paris, 1865).

⁴³⁰ См.: Пименова Э.К. Франциск Ассизский. Его жизнь и общественная деятельность. СПб., 1896. С. 59–65.

⁴³¹ Цветочки святого Франциска Ассизского / Пер. и предисл. А.П. Печковского; Вступ. ст. С.Н. Дурылина. М., 1913.

⁴³² Речь идет о П.П. Каргушине.

желавшим "избавиться от денег"»⁴³³. Одной из таких книг как раз были «Цветочки».

Имя автора (или авторов) «Цветочков» неизвестно. Основой для флорелегия, или антологии, стало собрание легенд о жизни Франциска Ассизского «Floretum», написанного его последователем, братом Уголино. Несомненно, Добролюбов был знаком с текстом этого произведения — образы цветочков, цветов, цветиков в сочетании со звездами из «Гимна солнцу» Франциска Ассизского указывают на интертекстуальную связь:

«Вы шепните мне, братцу вашему,
— Цветут цветики жарче солнышка —
Побеседуем, братцы цветики,
Вы о чем призадумались, затуманились?» (ИКН 22)

Лирический субъект сравнивает небесные звезды с земными цветами, а в отражении звезд в реке небо и земля соединяются. Также и лирическое «я» сливается с миром людей, превращаясь в «мы», с божественным миром, природой и светилами, созданными Творцом:

«Встретимся ли мы с тобою
Над чудной, над чудной рекой?
Там с неумолкаемой хвалою Иисусу мы будем служить.
Берега реки покрыты цветами,
И звезды небес дрожат в реке.
Там между струями и между звездами
Подымаются души к небесной стране.
Да, мы встретимся ...» (ИКН 42)

Франциск Ассизский и его братья разговаривают с Богом и Ангелами так же, как повествователь «Из книги невидимой». Дружба святого с братом Львом, обращение к ласточкам, проповедь сестричкам птицам (параллель в

⁴³³ Дурылин С.Н. Александр Добролюбов ... С. 722.

книге Добролюбова — «сестры птички в лесах привечали меня» (ИКН 64)), укрощение волка, разговор с голубями, проповедь ученика Франциска Ассизского святого Антония рыбам имеют аналоги как в произведениях сборника «Из книги невидимой», так и в легендах о Добролюбове, которые мы рассматривали в предыдущей главе.

Один из мотивов «Из книги невидимой» — поиск лирическим субъектом языка, который должен стать адекватной формой выражения его духовного состояния и быть понятен всем — и людям, и животным, и природе. Обретенный язык должен соединить лирического субъекта с божественным миром.

О кризисе современного языка писал последователь Добролюбова П.П. Картушин в письме 1912 г. к историку и публицисту И.С. Книжник-Ветрову, заинтересовавшемуся в начале 1910-х гг. движением толстовства и учением Добролюбова. Книжник-Ветров выражал желание переиздать сборник «Из книги невидимой» и написать статью о Добролюбове, но получил отказ от Картушина:

«[...] Я их [А. Добролюбова и Л. Семенова. — О.С.] вполне понимаю, ибо их путь чужд современным путям: печати, газетам, и особенно тем формам мысли, в которые облекается истина, выражаемая ими. Но они, в конце концов, ждут времени, когда почувствуют себя свободными выступить печатно, но облекая истину в форму совершенно отличную от современного языка образованных людей. Поэтому я и от себя, и от имени здешних людей, и от лица сильных духом добролюбовских братьев прошу вас ничего не писать о них. От себя скажу, что как мне бывает тяжело читать статьи о них, ибо человек, глубоко проникшийся духом учения брата Александра не станет ничего писать, ибо слова так ничтожны, а особенно язык современных образованных людей — так необыкновенно сух и рассудочен, а человек не

постигший всю глубину этого учения, не уяснит, а только затемнит и пред собой, и пред другими то, что так просто и легко»⁴³⁴.

Как видно из приведенного отрывка, кризис современного языка ощущался не только писателями — Добролюбовым, Семеновым, но и их последователями, жизнь которых не была связана с письмом. Поэт Леонид Семенов, друг и сторонник учения Добролюбова, в конце одного из писем Андрею Белому писал: «Вычеркнуты все ненужные, неискренние слова. Мне так трудно писать»⁴³⁵.

Проблема поиска языка является одним из мотивов книги. Рассмотрим, как в ее структуре реализуется этот поиск: в самом сюжете повествования лирического субъекта и в лексике.

Лирический субъект произведений Добролюбова, ориентированный на книжную культуру, находится в поиске аутентичного его переживаниям язык, искреннего слова. В произведениях сборника возникает даже фольклорный сюжет, связанный с поиском «добрым молодцем» (лирическим субъектом) утраченного аутентичного языка.

В первом тексте пролога «О языке без хитрых и ученых слов» (ИКН 3) повествователь рассказывает о молчаливых людях из народа, язык которых «может высказать все так же и еще лучше, чем сухие слова образованных». Поскольку повествователь решает вернуться к книгам, можно заключить, что он нашел подходящие языковые средства выражения, но в следующих произведениях «Из книги невидимой» оказывается, что объединяющий язык, вероятно, никогда так и не будет обретен («На каких языках человеческих расскажу я это?» (ИКН 93); «Хотя как высказать это на языке человеческом?»⁴³⁶ (ИКН 179); «На каком языке говорить вам, современные люди?» (ИКН 184); «Как высказать человеческим языком быстроту и блеск

⁴³⁴ Картушин П.П. Письма И.С. Книжник-Ветрову ... Лл. 9–10 об.

⁴³⁵ Цит. по: Лавров А.В. Леонид Семенов — корреспондент Андрея Белого // Символисты и другие. Статьи. Разыскания. Публикации. М., 2015. С. 446.

⁴³⁶ Аллюзия на стихотворение Ф. Тютчева «Silentium»: «Как сердцу высказать себя / Другому как понять тебя?»

света?» (ИКН 197)). Тихие реки не смогли ответить вопрошающему лирическому субъекту, каков единый язык, но описали экстатическое чувство, которое он вызывает у постигших его:

«Есть один язык всеобъемлющий, проникающий,
Как любовь, как жизнь, как бессмертие опьяняющий» (ИКН 59).

Добрый молодец задавал вопрос диким зверям, людям низким, людям мудрым, родникам придорожным, и они посоветовали ему искать всеобъемлющий язык:

«Ты ищи языка всеобъемлющего
От востока небес и до запада!
Чтоб от песни твоей содрогнулись леса,
Чтоб при песне твоей звери дикие устарились,
Чтоб лютую зиму победила весна!
Чтоб не стало конца этой вечной весны!» (ИКН 59).

Единственный, кому удалось обрести единый язык, по мнению нарратора, — Франциск Ассизский: «Франциск создал глубокий и вечный язык первой проповеди всем твореньям, первой любви к ним, он исполнил слово Иисуса: идите, проповедуйте всей твари» (ИКН 159); «Франциск знал это много лучше, чем тысячи написанных слов, когда однажды, радуясь, сказал своему телу: «Порадуйся со мной и ты, брат мой тело мое⁴³⁷» (ИКН 160).

Один из приемов, используемых Добролюбовым для создания всеобщего языка, — это органичное соединение библеизмов и разговорной речи в произведениях «Из книги невидимой». Например:

⁴³⁷ Цитата из «Второго жития Франциска Ассизского», составленного францисканцем Фомой Челанским: «E riolgendosi al corpo, comincio a dirgli tutto lieto: «Rallegrati, frate corpo, e perdonami: ecco, ora sono pronto a soddisfare i tuoi desideri, mi accingo volentieri a dare ascolto ai tuoi lamenti!» В пер. на рус.: «И, обратившись к телу, он радостно стал говорить ему: "Радуйся, брат тело, и прости меня: вот теперь я готов удовлетворить твои желания, я охотно готовлюсь выслушать твои жалобы"» (Thomas de Celano. Vita Secunda S. Francisci // Analecta Franciscana. Quaracchi, 1926. Т. X, fasc. II. P. 211).

«Начинаются, други, деньки строгие,
 Познобило ночесь в полях и последнюю ли былиночку,
 А вечер небо ясное кругом обкладывалось..
 Поимейте-ка, други, небо ясное, звезды чистые,
 Поимейте-ка, други, мысли ясные, очи строгие.
 С ними вместе войдем мы в тебя, рай высокий мысленный.

Там увидим все лицом к лицу Безначального Всеединого!
 Красота всех миров — слабый луч Его,
 Выше всякой любви даже край одежд Его,
 Праведность всех святых — только край одежд Его» (ИКН 97).

Подобное соединение разных стилей речи в рамках одного текста сближает язык автора «Из книги невидимой» с речью св. Франциска, представленной в «Цветочках» и других агиографических произведениях о нем. Эклектичность лексики отражала выраженное автором в прологе желание «соединения», обретение «простого глубокого языка», «истинно сердечного».

В книге автор разрабатывает новый язык художественного высказывания. В притче, предшествующей эпилогу, повествователь рассказывает о молчаливой беседе праведных: «И тогда он открыл уста свои, и неудержимая река жизни⁴³⁸ потекла из уст его, потому что любовь сияла меж ними, и во время молчанья они говорили на незнакомом языке, на языке, который открыт всем возрожденным — иссопу и мху, березкам, и кедром, и серафимам» (ИКН 200).

Таким образом, проблема поиска аутентичного языка в финале книги разрешается обретением в молчании нового языка, понятного деревьям и серафимам.

Следующим литературным источником «Из книги невидимой»

⁴³⁸ У хлыстов «река жизни» означает божественную благодать, исходящую с неба на человека, способного пророчествовать (Рождественский Т.С. Объяснительный словарь // Песни русских сектантов мистиков: сб., сост. Т.С. Рождественским и М. И. Успенским. СПб., 1912. С. 50).

послужила книга «Откровенные рассказы странника духовному своему отцу». Она была написана во второй половине XIX в. неуставленным автором. Как указывал в предисловии к одному из изданий Архимандрит Киприан, переписаны эти рассказы были «на Афоне настоятелем Чермисского монастыря Казанской епархии, игуменом Паисием, и им же изданы»⁴³⁹. Во время обучения Добролюбова в университете книга уже была опубликована, поэтому он, скорее всего, был с ней знаком⁴⁴⁰.

К вопросу влияния «Рассказов странника» на поэтику «Из книги невидимой» обращалась в своей статье Е.В. Кузнецова. Исследовательница указывала на мотивы странничества и внутренней молитвы, присутствующие в обоих произведениях, отмечала пересечения, связанные с сюжетом об искушении странника женской плотью, которое ему удалось побороть⁴⁴¹.

В названиях рассказов заявлена установка на честное, «откровенное» повествование и указывается на связь с библейским откровением. Так же и повествователь «Из книги невидимой» в эпиграфе к третьему разделу помещает призыв к такому повествованию: «Исповедуй откровенно все прошлые отступленья твои» (ИКН 46).

Повествователь «Откровенных рассказов странника» так описывает себя: «Я по милости Божией человек-христианин, по делам великий грешник, по званию бесприютный странник, самого низкого сословия, скитающийся с места на место. Имение мое следующее: за плечами сумка сухарей, да под пазухой Священная Библия; вот и все»⁴⁴². Повествователь «Из книги невидимой» также называет себя странником и описывает себя схожим образом: «шел без всякой котомки, даже без сменной рубахи» (ИКН 73); «мне приют был готов в самом низком народе» (ИКН 64); «на ночлегах я выискивал полезную книгу в хозяйской шкатулке или громко читал свой

⁴³⁹ Архим. Киприан. Предисловие к изданию 1948 года // Откровенные рассказы странника духовному своему отцу. М., 1991. С. 5.

⁴⁴⁰ Например, с изданием 1884 г.: Откровенные рассказы странника духовному своему отцу. Написанные слышавшим, по убеждению следующего изречения в слове божием: «Тайну царю добро есть храните, дела же божии открывать славно». Товит. XII, 7. 3-е изд., испр. и доп. Казань, 1884.

⁴⁴¹ Кузнецова Е.В. Традиции францисканства и странничества ... С. 25–27.

⁴⁴² Откровенные рассказы странника духовному своему отцу. М., 1991. С. 15.

новый завет; новый завет был неразлучно со мной» (ИКН 74–75).

Герой «Рассказов странника» хочет понять, что означают слова из Библии о необходимости непрестанно молиться, как это можно совмещать с другими жизненными делами, и отправляется странствовать в поисках ответа. Старец, схимонах из пустыни научил повествователя постоянной Иисусовой молитве, а также посоветовал читать Добротолубие, после чего он все больше стал стремиться к уединению: «Когда встретишься с кем-нибудь, то и говорить уже не охотно, и все хочется быть в уединении, да творить молитву»⁴⁴³. Повествователь «Из книги невидимой» также обращается к Богу с просьбой даровать молитву, непрестанно совершающуюся в душе: «Дай мне чистое слово, чистое дело, чистые мысли, молитву неизреченную» (ИКН 144). В наставлении другим он говорит о молитве и уединении как о первых этапах на пути к истинной вере: «Обе заповеди лежат человеку — сначала уединенье, молитва, пустыня, чтоб достигнуть реки, чтоб черпнуть из нее, чтоб беседовать с Ним» (ИКН 165). Описываемый Добролюбовым странник также идет по лесу с непрестанной молитвой о всех (ИКН 76).

Уединение и молчание привели странника из «Откровенных рассказов» к Иисусовой молитве: «Месяцев пять проведши уединенно в сем молитвенном занятии и наслаждении помянутыми ощущениями, я так привык к сердечной молитве, что упражнялся в ней беспрестанно и, наконец, почувствовал, что молитва уже сама собою, без всякого со стороны моего побуждения производится и изрекается в уме моем и сердце»⁴⁴⁴. После этого он, как и повествователь «Из книги невидимой», возвращается к людям.

«Благоразумно рассуждать и говорить с людьми — дело не очень трудное и возможное, ибо ум и сердце произошли прежде, нежели ученость и премудрость человеческая»⁴⁴⁵, — говорит странник барину. Схожую мысль высказывает повествователь «Из книги невидимой» в первом произведении

⁴⁴³ Откровенные рассказы странника ... С. 27.

⁴⁴⁴ Там же. С. 52.

⁴⁴⁵ Там же. С. 93.

книги: «Прежде я знал много языков, но не знал одного — истинно сердечного. Когда я встретился опять с тем обществом, которое называет себя образованным, и речи, и чувства, и книги их были мне тяжелы. И поистине глубоко паденье слова человеческого» (ИКН 3–4).

В «Откровенных рассказах» возникает сюжет об уходе в странствия богатого человека. Он нищенствует и ходит по Руси под вымышленным именем. Барин рассказывает о нем, что он «был так беден, что почти наг и бос, говорил мало и так просто, как бы степной мужик»⁴⁴⁶. Перед смертью он попросил бумагу и перо и написал завещание, которое хозяин дома должен был после его смерти отправить в Петербург его сыну. Оказалось, что в прошлом нищий был князем, но решил уйти странствовать, поскольку воспоминания о греховных поступках и видения людей, которым он причинил зло, начали преследовать его:

«Будучи в таком мучительном состоянии, я сознал мои беззакония, раскаялся, исповедался, дал свободу всем при мне служившим людям и заклил себя на всю жизнь мучить себя трудами в нищенском образе, дабы за беззакония мои быть последним служителем людей самого низкого класса. [...] Я чувствовал такую отраду и сладость от примирения с Богом, что не могу вполне сего изобразить. Вот здесь я также опытно узнал, что значит рай и каким образом разверзается царствие Божие внутри сердец наших. [...] И вот уже 15 лет, как я скитаюсь по всей Сибири. Иногда нанимался у мужиков в посильные работы, иногда Христовым именем прокармливал себя»⁴⁴⁷.

Это перекликается с судьбой Добролюбова, который также ушел к крестьянам в одежде странника, занимался ручным трудом и прославлял нищую жизнь, в легендах его тоже называли князем.

⁴⁴⁶ Там же. С. 94.

⁴⁴⁷ Откровенные рассказы странника ... С. 95–96.

Неоднократно в книге упоминается необходимость молчания как условие для внутренней молитвы. Странник находит близкими себе слова «добрая речь — серебро, а молчание — чистое золото»⁴⁴⁸. О непрестанной внутренней молитве герой «Откровенных рассказов странника» узнал из посланий апостола Павла (1 Сол. (Фес.) 5:17; Еф. 6:18; 1 Тим. 2:8).

Все учение о сердечной молитве, по словам повествователя «Откровенных рассказов», изложено в «Добротолюбии». Эту книгу он читает сам, а затем начинает читать ее вслух встречным людям. Этот книжный сюжет соотносится с «невидимой книгой», которую повествователь «Из книги невидимой» сначала учится читать сам, а позже рассказывает об этом чтении другим.

Источником «Откровенных рассказов» стала книга «Добротолюбие». Это собрание духовных текстов христианских подвижников IV–XV вв., составленное митрополитом Коринфским Макарием и афонским монахом святым Никодимом Святогорцем. На греческом языке «Добротолюбие» было впервые опубликовано в 1782 г. в Венеции. В России книга с сокращениями увидела свет в 1793 г. В произведениях святых отцов, вошедших в «Добротолюбие», отразилась тема духовного самосовершенствования на пути аскетической жизни. Многие тексты связаны с духовной практикой исихазма, направленной на обожение, соединение с Богом посредством деятельной борьбы с плотскими желаниями и грехом, молчания, созерцания и непрестанного чтения Иисусовой молитвы.

В приложении к рассказам под названием «Три ключа ко внутренней молитвенной сокровищнице»⁴⁴⁹ автор разделяет наставления святых отцов о внутренней молитве на три ряда («Ряд первый», «Второй ряд», «Многополезное слово об Авве Филимоне»), что соотносится с рассуждением Добролюбова об авторах, приближенных к Богу и далеких от него, в письме «Сестрам Иоанне и Надежде Брюсовой» (ИКН 154–160). В

⁴⁴⁸ Там же. С. 100–101.

⁴⁴⁹ Там же. С. 119–181.

указанном приложении к рассказам повествователь разделяет наружную молитву Господу и внутреннюю молитву в сердце⁴⁵⁰, что также соотносится с антитезой внешнее/наружное-внутреннее, представленной в третьей книге Добролюбова. По всей видимости, Добролюбов черпал из «Откровенных рассказов» сведения о православной мистике и внутренней молитве. Эта книга стала для него текстом-посредником с «Добротолюбием».

Еще одним автором, оказавшим влияние на поэтику произведений Добролюбова, был бельгийский писатель-символист М. Метерлинк. В письме «Сестрам Иоанне и Надежде Брюсовым» повествователь отмечает, что Метерлинк «ближе всех современных к Богу» (ИКН 160). С.Н. Дурылин писал, что в 1911 г. Добролюбов «через одного из своих последователей передал мне свое желание видеть изданной в дешевом народном издании книгу Метерлинка "Сокровище смиренных"»⁴⁵¹. Ранее, в августе 1907 г., последователь Добролюбова А.Я. Колесниченко при своем первом посещении Л. Толстого прочитал ему список книг, рекомендуемых Добролюбовым для чтения своим сторонникам. Среди них были «сочинения Метерлинка (особенно "Сокровище смиренных")»⁴⁵². А. Пругавин считал, что догмат молчания и мистицизм Добролюбова были навеяны ему чтением Метерлинка⁴⁵³: «И недаром в некоторых петербургских кружках последователей Добролюбова считают "метерлинковцами"»⁴⁵⁴.

Скрытое указание на название сборника М. Метерлинка «Сокровище смиренных» можно видеть в первом тексте «Из книги невидимой»:

«Даже я увидел, что настоящее *сокровище* еще более скрыто, чем думают, потому что в истинно великих людях глубочайшее *смиренье*» (ИКН 3).

⁴⁵⁰ Там же. С. 180.

⁴⁵¹ Дурылин С.Н. Александр Добролюбов ... С. 691.

⁴⁵² Маковицкий Д.П. У Толстого, 1904–1910: «Яснополянские записки» Д.П. Маковицкого: в 4 кн. Кн. 2. 1906–1907. М., 1979. С. 479.

⁴⁵³ Пругавин А.С. Декадент-сектант ... С. 151–153; Пругавин А.С. Молчальники ... С. 162–167; Пругавин А.С. Подвижники ... С. 171.

⁴⁵⁴ Пругавин А.С. Подвижники ... С. 171.

Глава «Рюисбрек Удивительный» в «Сокровище смиренных» наполнена эссеистическими рассуждениями о древнегреческих философах и религиозных течениях (близких и Добролюбову):

«Я мог бы цитировать целые страницы из Платона, Плотина, Порфира, из книг Зенд, из гностиков и каббалы, божественное содержание которых всецело повторено в писаниях скромного фламандского священника⁴⁵⁵.

Встречаются странные совпадения и тождественность мыслей почти пугающая. Более того: временами кажется, будто он писал в точном предположении почти всех его неизвестных предшественников. Равным образом, как Плотин начинает свое суровое странствие с того распутия, где устрешенный Платон остановился»⁴⁵⁶.

Схожее по форме рассуждение об авторах книг, философах и религиозных течениях присутствует в письме Добролюбова «Сестрам Иоанне и Надежде Брюсовой» (ИКН 158–160).

Молчание, согласно Метерлинку, становится главной добродетелью, ценностью и способом получать мистические откровения:

«Инстинкт сверхчеловеческих истин, которым мы все наделены, предостерегает нас, что молчать с кем-нибудь, кого не хочешь знать или кого не любишь — опасно, ибо сказанное проходит между людьми, молчание же, если оно хотя бы одно мгновение было деятельным, не исчезнет никогда. А истинная жизнь, единственная, оставляющая какой-либо след, создана из молчания»⁴⁵⁷.

⁴⁵⁵ Ян Ван Рейсбрук (1293–1381) — католический мистик, фламандский священник.

⁴⁵⁶ Метерлинк М. Блаженство души. (Сокровище смиренных) / Под ред. и с предисл. Н. Минского, пер. Л. Вилькиной. СПб., 1901. С. 99.

⁴⁵⁷ Там же. С. 6.

Прославление молчания, вера в озарения, духовное преобразование человека и общение с невидимым миром — мотивы, объединяющие книги Метерлинка и Добролюбова:

«Наступает минута, когда малейшее зло, которое мы желаем совершить, падает к нашим ногам, как свинцовый шар на бронзовый диск и когда почти все без нашего ведома превращается в красоту, истину и любовь. Но эта атмосфера окружает лишь тех, кто достаточно часто проветривал свою жизнь, открывая двери в другой мир. Только поблизости от этих дверей мы видим. Только поблизости от этих дверей мы любим»⁴⁵⁸.

Главной же книгой, ставшей источником цитат, парафразов и аллюзий в сборнике «Из книги невидимой», была Библия. Отметим, что Добролюбов пользовался Синодальным переводом Библии, появившимся в 1876 г., что нашло отражение в цитатах сборника. В произведениях сборника повествователь утверждал преимущество Нового Завета над Ветхим:

«Но я разумею — нигде так неудержимо не открывалась сила Божия, как в крови древнего иудейства, это древняя секта Авраамова и Зороастра. В стране Зороастра тоже не было изображений. Иона, Аввакум, Михей, Амос, Захария, Исая, Иезекииль, Давид, беседовали с Ним как с другом. Несмотря на многие покрывала ветхозаветного жестокосердия и обряда, несмотря на ужасные недоразумения, я предпочитаю Библию всем лучшим книгам всех народов. [...]

Но без всякого покрывала воссияла истина только в человеке Иисусе и его апостолах» (ИКН 160).

В приведенном отрывке из письма «Сестрам Иоанне и Надежде Брюсовым» повествователь перечисляет пророческие книги Ветхого Завета, относя их к Библейским сочинениям. О близости авторскому «я» Нового Завета также упоминается в другом отрывке: «На ночлегах я выискивал

⁴⁵⁸ Там же. С. 242–243.

полезную книгу в хозяйской шкатулке или громко читал свой новый завет; новый завет был неразлучно со мной» (ИКН 74–75). В приведенной цитате Добролюбов, вероятнее всего, имеет в виду Новый Завет как часть Библии, поскольку о чтении своих писаний людям он не упоминает в других произведениях сборника.

Нарратор в первом и последнем текстах «Из книги невидимой» указывает на закон Моисея, который «мал перед благодатью» (ИКН 4, 202), и сравнивает свою книгу с делами Моисея («Все это написанное я разумею так же малым, как мал закон Моисея пред благодатью» (ИКН 202)). Моисей освободил народ Израиля и дал людям закон, заповеди, полученные им от Бога. Повествователь сопоставляет себя с Моисеем, поскольку в его книге также приводятся нравственные правила существования людей. Закон Моисея в Новом Завете, с приходом Иисуса Христа, заменяется благодатью.

Одним из ключевых текстов Библии для сборника «Из книги невидимой» являются послания апостола Павла. С жанром послания можно соотнести многие прозаические произведения третьей книги Добролюбова. Например, «Письмо в редакцию "Весов"», «Сестрам Иоанне и Надежде Брюсовым», «Еще отрывок», «Третий отрывок»⁴⁵⁹. Ниже мы приведем примеры некоторых пересечений произведений Добролюбова с текстами посланий апостола Павла.

Сопоставление безумия — мудрости:

«Никто не обольщай самого себя. Если кто из вас думает быть *мудрым* в веке сём, тот будь *безумным*, чтобы быть *мудрым*» (1 Кор. 3:18).

⁴⁵⁹ Надежда Брюсова отмечала сходства писем Добролюбова с посланием апостола Павла, о чем писала 22 сентября 1907 г. Иоанне Брюсовой: «Я стала читать библию, послания Апостолов, и удивляюсь, как Добролюбов и добролюбовцы (а я — не добролюбовка) подражают этим письмам апостолов. А я не могу поверить, чтобы искреннее, вновь рожденное, могло быть выражено не в новом, первый раз создавшемся виде. И подражания эти — не в духе писем, а во внешнем приеме. И устройство церкви добролюбовцев пытается вестись по образцу того, как апостолы устраивали свои церкви в различных городах и странах. Но далеко добролюбовцам до силы и до мудрости апостола Павла» (Брюсова Н.Я. Письма к Брюсовой И.М. // ОР РГБ. Ф. 386. Оп. 78. Ед. хр. 43. Л. 19).

«Вы товарищи безумные, // Вы мудрей прегордой мудрости» (ИКН 20).

Мотив обретения свободы в служении Богу:

«Ибо раб, призванный в Господе, есть свободный Господа; равно и призванный свободным есть раб Христов» (1 Кор. 7:22).

«Ужели рабство есть тайна свободы?

Да, братья, рабство любви есть тайна свободы.

[...]

Сам Господь, Сам Царь мира есть раб всех. Он всем помогает даже в телесном.

[...]

Рабами всех будут только свободные» (ИКН 84).

Объединяет с посланиями апостола Павла произведения Добролюбова сюжет, связанный с разговором верующих между собой на незнакомом языке и пророчеством:

«Ибо кто говорит на незнакомом языке, тот говорит не людям, а Богу; потому что никто не понимает его, он тайны говорит духом;

а кто пророчествует, тот говорит людям в назидание, увещание и утешение.

Кто говорит на незнакомом языке, тот назидает себя; а кто пророчествует, тот назидает церковь» (1 Кор. 14:2–4).

«И тогда он открыл уста свои, и неудержимая река жизни потекла из уст его, потому что любовь сияла меж ними, и во время молчанья они говорили на незнакомом языке, на языке, который открыт всем возрожденным — иссопу и мху, березкам и кедром, и серафимам» (ИКН 200).

Образ ветхозаветного покрывала на лице Моисея также присутствует в сборнике «Из книги невидимой»:

«Но умы их ослеплены: ибо то же самое *покрывало* донныне остаётся неснятым при чтении Ветхого Завета, потому что оно *снимается Христом*.

Донныне, когда они *читают Моисея*, *покрывало* лежит на сердце их; но когда обращаются к *Господу*, тогда это *покрывало снимается*» (2 Кор. 3:14–16).

«Хотя я распинал Его и все хотел наложить на Него покрывало, как *Моисей покрывалом ветхого завета закрывал лицо свое*, но *Дух Божий воскресал* во мне и тогда, несмотря на распятие Свое» (ИКН 51).

Так же как апостол Павел, Добролюбов использует противопоставление видимого и невидимого миров:

«Ибо кратковременное лёгкое страдание наше производит в безмерном преизбытке вечную славу, когда мы смотрим не на видимое, но на невидимое: ибо видимое временно, а *невидимое вечно*» (2 Кор. 4:17–18).

«Разве *невидимый* огонь не *сильней видимого*? разве не наш дух в грехопадении устроил весь заблужденный путь мира?» (ИКН 135);

Апостол Павел во «Втором послании к Коринфянам» объясняет цель своего письма. То же делает и повествователь «Из книги невидимой»:

«Итак, если я писал к вам, то не ради оскорбителя и не ради оскорблённого, но чтобы вам открылось попечение наше о вас пред Богом» (2 Кор. 7:12).

«Я писал все эти страницы на видимой бумаге не ради себя и даже не ради любви. Все это я написал даже против воли моей — только ради того, чтоб исполнить обязанность, ради того, чтоб засвидетельствовать осуждение всему прежде написанному мной» (ИКН 202).

«Из книги невидимой» во многом соотносится с апокалиптическими жанрами и восходит к Откровению Иоанна Богослова.

Нарратор, как и Иоанн Богослов, записывает Откровение, получает

наставление от Ангела писать. Повествователь по велению свыше создает свой вариант Откровения, который по авторскому замыслу должен стать современным орудием борьбы с мертвыми словами образованных. Иоанн Богослов также по велению Христа должен написать Ангелам семи церквей: «Итак, напиши, что ты видел, и что есть, и что будет после сего» (Откр. 1:19).

В сборнике Добролюбова присутствует множество образов, восходящих к Апокалипсису. «В этом мире [художественном. — О.С.] Апокалипсис поется, а не пророчится. Конец Света уже произошел, или происходит все время», — писал Александр Эткинд о сборнике «Из книги невидимой»⁴⁶⁰. Перечислим некоторые образы «Из книги невидимой», восходящие к Апокалипсису: «новая земля» (Откр. 21:1; ИКН 35, 86, 162), «имя новое на челе» (Откр. 17:5; ИКН 44), «уста праведников без лукавства» (Откр. 14:5; ИКН 120, 81–82), «новая песнь спасенных» (Откр. 14:3; ИКН 60, 72, 86, 92, 113) «имя написанное, которого никто не знал, кроме Его Самого» (Откр. 19:12; ИКН 26), жатва (Откр. 14:15; ИКН 198), не запирающиеся ворота (Откр. 21:25; ИКН 82), серпом (Откр. 14:16–19), «брачная вечеря Агнца» (Откр. 19:9; ИКН 192–193). Рассуждения о прибавляющих и убавляющих от божественных истин также неоднократно возникают в текстах сборника («Есть не только закваска фарисейская, закваска прибавляющих к слову веры мертвые части и тесные храмы свои, — есть и закваска садукейская, закваска убавляющих, обрезающих Божью силу или вовсе отвергающих ее» (ИКН 176)), что соотносится со словами последней главы Апокалипсиса (Откр. 22:18–19), в которой Иоанн Богослов предостерегает людей от прибавления и убавления слов пророчеств, записанных в его книге по велению Ангела и Христа (Откр. 22:18–19). Господь обращается к повествователю со словами: «Но мой ты должен быть только камнем, Я положу его, Я обтешу, Я украшу» (ИКН 109). Повествователь становится библейским краеугольным камнем (то есть человеком крепкой веры), который будет положен в основание новой земли

⁴⁶⁰ Эткинд А.М. Хлыст ... С. 255 (18+ А.М. Эткинд признан Минюстом РФ иностранным агентом).

(всемирной церкви), Мессией: «Но мой ты должен быть только камнем, Я положу его, Я обтешу, Я украшу. Завет и брак, и союз заключу Я с ним» (ИКН 109); «Нужно создавать новый мир, новую землю» (ИКН 86).

«Из книги невидимой» повествователь писал не по своей воле, как и пророк Апокалипсиса, а ради долга и свидетельства (ИКН 202; Откр. 22:16). В финальном тексте он провозглашает возвращение к невидимой книге: «Оставляю навсегда все видимые книги, чтоб принять часть только в книге Твоей» (ИКН 202). Это следует понимать и как возвращение к сочинению духовных песен, что опять же сближает книгу с текстом Откровения, так как в нем было сказано, что немногочисленные спасенные после Апокалипсиса будут славить Бога в псалмах (Откр. 14:3). Повествователь обретает спасение в Боге, оказываясь в позиции вневсечности, — «и над миром, и в мире» (ИКН 140).

В книге Добролюбова присутствуют цитаты и на ветхозаветные апокалиптические книги — использует цитату из книги пророка Захарии, которой Добролюбов открывает текст «И Ты показал мне» (ИКН 127), входящий в цикл «Три псалма»: «Подобно камням в венце, они воссияют на земле его» (Зах. 9:16); аллюзию на цитату из Иезекииля (Иез. 28:13; ИКН 79).

В произведениях Добролюбова встречаются аллюзии на Евангелия от Марка, от Матфея. Например, версе «Блаженны робкие» (ИКН 14) повторяет по структуре текст из Евангелия от Матфея (Мф. 5:3–12). В данной работе мы не ставили задачу обозреть все аллюзии на тексты Библии — Добролюбов использует множество цитат как из Ветхого, так и из Нового Заветов. Подводя итоги, скажем, что из книг Ветхого Завета автор наиболее часто обращается к Псалтири, Пятикнижию Моисея, пророческим книгам (Исайи, Иезекииля, Захарии, Иона, Михея, Амоса, Варуха). В Новом Завете для автора наиболее значимыми оказываются послания апостола Павла, Откровение Иоанна Богослова.

Произведения «Из книги невидимой» и сами стали литературным источником для других авторов. Прежде всего, для поэта Николая Клюева.

В прозаическом тексте Добролюбова «О союзе со зверями» говорится: «Я пришел к вам послом от медведя, истинно хочет примириться он с вами» (ИКН 137). Пастухи на время выпаса скота с помощью «отпуска» заключали договор с лешим, чтобы медведь не трогал скотину. В приведенной цитате повествователь также выступает в роли пастуха. У Н. Клюева есть стихотворение «Посол от медведя», написанное в 1918–1919 гг., входящее в цикл «Ленин», которое начинается словами: «Я — посол от медведя»⁴⁶¹. В автобиографической повести «Гагарья судьбина» Клюев также называет себя «послом от медведя», цитируя Добролюбова: «На подмостках, покрытых малиновым штофом, стоял я в грубых мужицких сапогах [...] — питомец овина, от медведя посол»⁴⁶².

Стихотворение в прозе Добролюбова «Он пришел на поля мои весной» (ИКН 36) предваряется цитатой «Из народных песен»⁴⁶³, видимо, взятой из какого-то хлыстовского распевца:

«Ты светись, светись, Иисусе,
Ровно звезды в небесах,
Ты восстани и воскресни
Во нетленных телесах» (ИКН 36).

Этот же эпиграф в 1912 г. при первой публикации «Братской песни» использует Николаев Клюев⁴⁶⁴ и позже, в 1919 г., включает эту цитату в свое эссе «Самоцветная кровь»⁴⁶⁵. Также в эпиграфе к «Братской песне»⁴⁶⁶ он использует цитату из пророка Захарии, которой Добролюбов открывает текст «И Ты показал мне» (ИКН 127), входящий в цикл «Три псалма»: «Подобно

⁴⁶¹ Клюев Н.А. Песнослов. Кн. 2. Петроград, 1919. С. 248.

⁴⁶² Азадовский К.М. «Гагарья судьбина» Н. Клюева. СПб., 2004. С. 108–109.

⁴⁶³ «Светись, светись, Иисусе» – традиционное начало литургических песен.

⁴⁶⁴ Клюев Н.А. Братская песня // Новая Земля, 1912, № 1–2. С. 3.

⁴⁶⁵ Клюев Н. Сочинения / Под ред. Г.П. Струве и Б.А. Филиппова. Мюнхен, 1969. С. 364. Впервые опубли.: Записки Передвижного Общедоступного театра. № 22–23. Петроград, 1919. С. 3–4.

⁴⁶⁶ Клюев Н.А. Братская песня ... С. 3.

камням в венце, они воссияют на земле его» (Зах. 9:16). Эту же цитату Клюев приведет в надписи в альбоме А. Ширяевца в 1923 г.⁴⁶⁷

Эпиграф к тексту Добролюбова «Я радуюсь в конце этого дня» взят, по его словам, «из песнопений древней греческой церкви»: «К недоуменному устремимся уму» (ИКН 126). Эта цитата также приводится в автобиографическом тексте Клюева «Из записей 1919 года»⁴⁶⁸.

В 1914 г. Клюев написал стихотворение в прозе «За столом его»⁴⁶⁹, представляющее собой центон из произведений «Из книги невидимой». Стихотворение Клюева открывается поэтическим текстом, в котором воспроизводятся вторая строфа и два стиха третьей строфы из песни Добролюбова «Бодрую ночь пред тобой» (ИКН 39). Далее следует цитата из отрывка «Я говорил тебе, плоть»: «Я хочу любить тебя, сестра, любовью нежной и могущественной [...]. Змеиное все в тебе отвергаю, [...] потому что я знаю — ангелом ты была. Как одежда лучами в драгоценных камнях ты сияла. Бедная, бросаема бурей, позабытая, с этого дня глаз мой на тебе, но не ради теперешнего унижения, не ради грехопадений твоих» (ИКН 142).

Далее следует финальное предложение указанного текста, но с заменой местоимения «Он» на слово «дух»: «Он вложил в меня бесконечное сожаленье к тебе» (ИКН 142).

Следующая цитата из прозаического текста «Слышите ли вы, друзья», где слово «зала» заменено Клюевым на «горницу», местоимение «вы» на «мы», «ваши» на «наши»: «Я видел сегодня залу, залитую огнем, где все вы сидели за столом Его. Цветущая весна одевала звездами черемухи ваши золотистые кудри, вечная спускалась на все члены ваши» (ИКН 30).

Затем следует цитата из текста «Песня друзьям», в котором слова «тогда Он скажет» заменены на «он сказал нам»: «Друзья, Я отдаю вам

⁴⁶⁷ «Брат Александр — мир тебе и любовь! И подобно камням в венце Воссияете на Земле Его. Николай Клюев. 1923 г. Октябрь» (Земсков В., Хомчук Н. Есенин и Ширяевец // Русская литература, 1962. № 3, с. 174).

⁴⁶⁸ Клюев Н.А. Словесное древо. Проза / Вступ. ст. А.И. Михайлова; сост., подготовка текста В.П. Гарнина. СПб. С. 30.

⁴⁶⁹ Клюев Н.А. Сочинения ... С. 357–358. Впервые опубли.: Клюев Н.А. За столом его // Солнечный путь. Южный альманах. Кн. 1. Одесса: Полигимния, 1914.

царство Свое, отказываюсь от венца Своего» (ИКН 31). Цитата продолжается словами из той же песни Добролюбова, где местоимение «Его» заменено на «Мои», фраза «будет рыдать он» на «так рыдаю я»: «В бесконечной любви как любовник пред первой невестой своей как сын пред отцом, [...] как женщина, отиравшая ноги Его волосами и покрывавшая их лобзаньем святым, так будет рыдать Он в любви бесконечной, в ужасе за прошлые вечные заблужденья друзей Своих» (ИКН 31).

Клюев использует продолжение того же текста, но открывает новую цитату: «[...] во всем искушен Он как мы, только чист. Часто, часто глядел в бездну греха скорбный взор Его, даже смерть едва не победила Его. Ибо однажды ради друзей Он спустился в долины земли» (ИКН 32). «Он как мы» меняет на «я как вы», «Его» на «Мой», «Меня», «Он» на «я».

Союз «но» заменен на «и»: «Но я как ослепленный отвечал: Но я не могу любить, наверно, никого после красоты Твоей. Я жил сегодня с Тобой, [...] слышал бесконечное биенье сердца в груди Твоей. Но Он сказал» (ИКН 33). После приводится цитата из вышестоящего текста, в которой отсутствует частица «не»: «Радуйтесь! Я, Я радуюсь о вас. Не только вы пьете из чаши истинной крови Моей» (ИКН 33). Прямая речь продолжается цитатой из «Песни брака»: «В те дни совершится написанное: "и будут священниками и царями даже Богу своему"» (ИКН 32). Цитата прерывается словами лирического субъекта: «Тогда я пал на снег и закричал». Далее цитата продолжается: «Боже, как я взойду на престол Твой, в побеждающий свет Твой? Я боюсь, что умрет от радости дух мой. [...] Зачем так полюбил Ты меня неудержимой любовью?» (ИКН 32). Текст Клюева продолжается самостоятельным отрывком: «И вновь я вошел в тело и огляделся вокруг. Было уже под вечер, когда я пришел домой. Самовар кипел на припечке, синяя муть заволакивала теплую, тихую кухню. "Тебе опять письмо, Миколенька", — сказала мне мама. Это было твое последнее письмо, сестра»⁴⁷⁰. Завершается стихотворение Клюева финальными словами «Песни

⁴⁷⁰ Клюев Н.А. Сочинения ... С. 358.

брака»: «И повязка спала с глаз моих» (ИКН 33).

Как видно из приведенного отрывка, лирический субъект в стихотворении Клюева также описывает видение трапезы с Иисусом, но, в отличие от произведений Добролюбова, сам становится ее участником. Образ грешной плоти заменяется образом сестры, от которой он в конце получает письмо, благодаря чему возникает двоемирие — мир сакральный и реальный.

Клюев высоко оценивал творчество и праведную жизнь А. Добролюбова, о чем писал А. Ширяевцу в том же 1914 г., 28 июня:

«[...] Всемирное, бесконечное сожаление⁴⁷¹ — вот единственная программа общежития. Вере же в человека нужно поучиться, напр[имер], у духоборов или у хлыстов-бельцов, а также у скопцов. Вот, братик мой, с кем надо тебе сойтись, если ты искренне ищешь Вечного и Жизни настоящей. Александр Добролюбов и Леонид Семенов, два настоящих современных поэта, ушли к этим людям — бросив и прокляв так наз[ываемое] искусство, живут в бедности и в трудах земельных (сами дети вельмож), их молитвами спасемся и мы [...]»⁴⁷².

Ю.Б. Орлицкий отмечал, что произведения Добролюбова оказали влияние на поэтику литературных произведений поэта и художницы Е. Гуро, что выражено в обилии прозиметрических текстов в ее произведениях, отсутствии заглавий у прозаических миниатюр⁴⁷³. Особенно это влияние заметно в произведениях «Небесные верблюжата» и «Рыцарь бедный». Е. Бобринская также отмечала связь натурфилософии в произведениях Елены Гуро с идеями Добролюбова.⁴⁷⁴ Известно, что Гуро читала Добролюбова⁴⁷⁵,

⁴⁷¹ Цитата из произведения А. Добролюбова «Толстому и его последователям» (ИКН 180): «[...] а язык сынов Божьих есть язык всемирной любви, язык всемирного бесконечного сожаленья и неизреченного всемогущества».

⁴⁷² Цит. по: Александр Ширяевец: из переписки 1912–1917 годов / Публ. Ю. Орлицкого, Б. Соколова, С. Субботина // De Visu. 1993. № 3. С. 22.

⁴⁷³ Орлицкий Ю.Б. Стих и проза в русской литературе ... С. 496–501.

⁴⁷⁴ Бобринская Е.А. Натурфилософские мотивы в творчестве Елены Гуро // Русский авангард: истоки и метаморфозы: [Сборник статей]. М., 2003. С. 140–163.

отмечая сближение его произведений с фольклорными жанрами: «Читаю былины и песни, оказались чудными и хорошо уясняющие народное стихосложение. Зачитываюсь прямо по вечерам, когда ничего уже нельзя делать. Сличаю с Добролюбовым, и, кажется, начинает мне что-то мерещиться, может, найду путь к этому стихосложению?»⁴⁷⁶.

Таким образом, произведения Н. Клюева и Е. Гуро имеют интертекстуальные связи с текстами, включенными в третью книгу Добролюбова. В следующем разделе будут рассмотрены жанровые особенности произведений «Из книги невидимой».

2.3. Жанровая структура сборника

Книга Александра Добролюбова состоит из шести разделов: «О прежнем», «Из книги невидимой», «Жертвенник из земли», «Дела и дни», «Из исследований», «Последние слова». «Жертвенник из земли» состоит из двух частей: «Времена сомненья» и «Ты победил, Галилеянин!». Заглавия разделов подразумевают передачу истории лирического субъекта о своем прошлом, о сомнениях на пути веры и их преодолении, о трудовых днях, рассуждения и выводы. Второе и последнее произведение первого раздела-пролога носит название «Как исповедь, примите, братья, это слово» (ИКН 5). Наличие обозначения эпистолярного жанра письма в заглавиях произведений (ИКН 51, 85, 123, 176) указывает на автобиографическую основу сочинений, а жанр духовной песни преобладает в книге, что также видно из заглавий («Три псалма», «Песня друзьям», «Песня брака» и др.)

Магистральный сюжет, соединяющий разножанровые тексты, можно обозначить как духовный путь лирического субъекта. Д.Е. Максимов в статье «Идея пути в поэтическом мире Ал. Блока» писал о теме авторского пути в литературе: «В одном случае можно говорить о пути писателя, прежде всего,

⁴⁷⁵ Матюшин М. Русские кубофутуристы // Русский футуризм: Стихи. Статьи. Воспоминания / Сост. В.Н. Терёхина, А. П. Зименков. СПб., 2009. С. 487.

⁴⁷⁶ Цит. по: Бобринская Е.А. Указ. соч. С. 145.

как о его позиции, в другом, включающем и первый случай, — как о его развитии. [...] При этом у некоторых писателей их эволюция становится особым, неудержимо влекущим их объектом наблюдения, реализующегося в теме пути»⁴⁷⁷.

Своеобразие сборника «Из книги невидимой» заключается в том, что тема позиции, обретенная на пути духовного становления, является не менее значительной, что выражено в полемических произведениях, большинство которых было включено в раздел «Из исследований».

Также Максимов указывает, что «существенным фактором, который способствовал возникновению темы пути, являлись ориентация на личность автора, атмосфера лиризма и в какой-то мере совпадающая с нею тенденция к автобиографизму»⁴⁷⁸. Исследователь указывает на исповедальные тенденции в творчестве писателей, чьей темой является изменение авторского «я»: Л.Н. Толстой, А. Блок и др.

В сборнике А.М. Добролюбова «Из книги невидимой» **исповедь** была одним из внешних жанрообразующих элементов, на что неоднократно автор обращает внимание читателей: во втором тексте сборника — «Как исповедь примите, братья, это слово» (ИКН 5); в эпиграфе к третьему разделу — «Исповедуй откровенно все прошлые отступленья твои» (ИКН 46); в заглавии к одному из произведений — «Страница из исповеди, из книги жизни моей» (ИКН 73). Именно с жанром исповеди связан автобиографизм — «искренний путь мой» (ИКН 3).

Вторым жанром, оказавшим существенное влияние на организацию сборника, стал жанр **проповеди**, как это уже отмечал Н.А. Богомолов⁴⁷⁹. Р. Тименчик также писал, что в книгу Добролюбова включены «гимны и проповеди нового учения, сложенные в традиции церковнославянского стиха, — стиховая речь предельно "книжного" поэта стала народной

⁴⁷⁷ Максимов Д.Е. Идея пути в поэтическом мире Ал. Блока // Поэзия и проза Александра Блока. Л., 1981. С. 10, 13.

⁴⁷⁸ Там же. С. 17.

⁴⁷⁹ Богомолов Н.А. Жанровая система русского символизма ... С. 21.

песней»⁴⁸⁰. Этот жанр был известен еще в Древней Руси. Например, «Слово о Законе и Благодати» митрополита Иллариона. Добролюбов завершает книгу объяснением причин, побудивших его к сочинению, используя традиционный для агиографических произведений зачин⁴⁸¹: «Я писал все эти страницы на видимой бумаге не ради себя и даже не ради любви. Все это я написал даже против воли моей — только ради того, чтоб исполнить обязанность, ради того, чтоб засвидетельствовать осуждение всему прежде написанному мной, когда я был еще на путях неверья, и искусственности, и всякого заблуждения» (ИКН 200). И как мы уже отмечали, автор в дальнейшем редактирует текст, помещая зачин с похожим содержанием в авторское предисловие. Интерпретируя священные тексты и личные откровения, нарратор обращается к читателям с побудительными религиозными текстами, в которых регламентируются правила поведения:

«Но ты низок еще, человек. Не жди океана, довольно пока и реки тебе. И даже Дух Божий, который в тебе, еще закрыт от тебя, потому что ты распинаешь Его. [...]

Обратись сначала к тому, что совершенно твое. Он создал свободным тебя и дал тебе дух человеческий. Он может идти вместе с Духом Святым, но может идти и раздельно. Как ручей пред рекой, так твой дух пред Распятым в тебе» (ИКН 139).

Следующий жанр, представленный в текстах сборника, — **молитва**. Этот жанр можно также соотнести со стихотворением в прозе, так как в ней выражено лирическое начало. Молитва предстает как в виде отдельных текстов (ИКН 144, 172–173), так и включается в произведения других жанров в виде цитаты: «Только тот может идти путем правды, кто постоянно возвращается к Отцу с молитвой: "Господи, не дай мне ничего прибавлять к направлению Твоему, не дай мне ничего убавлять от истины Твоей"» (ИКН 176).

⁴⁸⁰ Тименчик Р.Д. Александр Добролюбов ... С. 39.

⁴⁸¹ Робинсон А.М. Аввакум и Епифаний. К истории общения двух писателей // Труды отдела древнерусской литературы. М., Л., 1958. С. 391.

Еще один жанр, присутствующий в сборнике, — **притча**⁴⁸². Прозаический текст «Драгоценная льдинка» (ИКН 78) имеет подзаголовок «Притча». Также притча используется в качестве вставки в прозаическом тексте «О последнем огне» (ИКН 132–135).

Повествователь идет с путником и беседует с ним о вере, затем рассказывает притчу, в которой тень становится аллегорией духовного тела:

«"Брат, я расскажу тебе притчами. Я видел одного безумного.

"Он здоровался и говорил с теньями, а не видел тел и людей.

"Это древняя чистая притча, ребенок поймет ее.

"Никто не видит духовного тела, одежду телом почитают они.

"Когда выйдет внутренний человек в красоте своей, зачем звенят цепи его?"» (ИКН 133).

Кроме того, притчей становится прозаический текст «Один из сынов Иеговы», хотя его жанровая принадлежность не отмечена в заголовке. Книжник-портной пришел к работающим на жаре братьям Иеговы. Книжник начал задавать вопросы одному из братьев, но тот молчал, так как в его сердце не было слов. Книжник разозлился, тогда один из юношей сказал о ценности молчания. Портной ушел. Затем другой юноша сказал:

«И только тогда придет царство Божие, когда разрушится этот всемирный дух книжничества, и многословья, и совопросничества, когда будут спрашивать и говорить только то, что угодно Ему, все полагать сначала пред лицом Его».

После к ним приходят другие путники, которые ценят молчание «и во время молчанья они говорили на незнакомом языке, на языке, который открыт всем возрожденным — иссопу и мху, березкам и кедром, и серафимам» (ИКН 198–200).

Из притчи Соломона Добролюбов берет эпиграф к прозаическому тексту-исповеди: «Не злословь никого даже в доме твоём, ибо птица

⁴⁸² Под притчей мы понимаем «эпический жанр, представляющий собой краткий назидательный рассказ в аллегорической иносказательной топики» (Гладкова О.В. Притча // Литературная энциклопедия терминов и понятий / Под ред. А.Н. Николюкина. М., 2001. С. 808).

небесная перенесет голос твой» (ИКН 5)⁴⁸³. В тексте «Я ткал, вдруг дверь открылась» нарратор рассказывает о притче, которую ему послал Бог из своей книги Жизни. Перед ним возникла аллегория душевной тюрьмы (ИКН 103).

В первой духовной песне под общим заглавием «Три псалма» (ИКН 113) лирический субъект, используя аллюзию на слова из Евангелия от Матфея («Всё сие Иисус говорил народу притчами, и без притчи не говорил им» (Мф. 13:34)), указывает на то, что слова Иисуса — почти всегда притча:

«И возвел Он на гору Свою учеников Своих,
Последний раз говорил с ними не притчами» (ИКН 113).

Другим самостоятельным жанровым явлением сборника, существующим на границе книжной и фольклорной, лирической и эпической традиций, становится **духовная песня, восходящая к хлыстовскому распевцу**. Близость песен Добролюбова хлыстовскому распевцу отмечали в своих работах А. Эткинд⁴⁸⁴, А. Ханзен-Леве⁴⁸⁵. К образам из поэзии хлыстов восходит именование Бога Батюшкой: «Там я буду с Батюшкой лицом к лицу беседовать» (ИКН 44); «Благослови нас, Царь наш Батюшка» (ИКН 66) и др.

Корабль, как символ общины верующих, распространенный в песнопениях хлыстов, встречаем у Добролюбова: «[...] всех друзей моих, я встречал каждый день как корабль из-за моря, как драгоценный корабль с драгоценностями» (ИКН 71–72). В стихотворении в прозе «Я не поверил вам, пловцы» возникают образы житейской бури, волн, обретения веры, путешествия на корабле лирического субъекта:

«Я верил кораблю — младенцу моему. Я сам вскормил его, я знал его, но я не знал пути.

⁴⁸³ «Даже и в мыслях твоих не злословь царя, и в спальном комнате твоей не злословь богатого; потому что птица небесная может перенести слово твое, и крылатая — пересказать речь твою» (Еккл. 10:20).

⁴⁸⁴ Эткинд А.М. Хлыст ... С. 256–263 (18+ А.М. Эткинд признан Минюстом РФ иностранным агентом).

⁴⁸⁵ Ханзен-Леве А.А. Русское сектантство и его отражение в литературе русского модернизма // Русская литература и религия. Новосибирск, 1997. С. 192.

[...]

Я бодрствовал в туманы, в бури, в ночи.. Корабль носился по волнам [...], я выгрузил весь груз в морскую глубину. [...]

Теперь я верю вам, могучие товарищи, прекрасные бойцы, исследователи мира! Я встретил много скал подводных, о них читал я в книгах ваших, но чрез пролив — опасный, узкий, мимо гребней подводных гор я выплыл в бесконечный океан, на однобойке-душегубке стрелой я вылетел в свободный вечный океан» (ИКН 52).

Мотив путешествия на корабле неоднократно встречается в хлыстовских распевцах. Например:

«Кораблик заливает морскими волнами,
Сверху грозят тучи, стоячи над нами,
Заставили скудных, бедных страдать под волнами»⁴⁸⁶.

Образ реки как символ священного учения также присутствует в произведениях Добролюбова: «Не жди океана, довольно пока и реки тебе. [...] Как ручей пред рекой, так твой дух пред Распятым в тебе» (ИКН 139). В хлыстовском распевце:

«Из-под той было Сион-горы,
Протекала быстра реченька;
У ней бережки серебряные,
Глубина сей тайной реченьки
Никому непостижимая,
Окроме царя небесного»⁴⁸⁷.

Эсхатологические мотивы и пророчества в произведениях Добролюбова также соотносятся с хлыстовскими распевцами, в которых традиционно много внимания уделяется апокалиптическим угрозам.

⁴⁸⁶ Песни русских сектантов мистиков / Сост. Т.С. Рождественским и М.И. Успенским. СПб., 1912. С. 268.

⁴⁸⁷ Барсов Н.И. Духовные стихи (распевцы) секты людей божьих. СПб., 1870. С. 107.

К хлыстовской песне восходит образ горницы, символизирующий собрание верующих (ИКН 116, 117, 196). В распевце:

«Среди его широкого двора
Поставлена нова горница,
Стоговая светла светлица.
Уж во той ли новой горнице,
Во столовой светлой светлице
Собиралися верны праведные»⁴⁸⁸.

Ключ, символизирующий божественную благодать, встречаем в песне Добролюбова: «Вы с Богом и в Боге живые ключи» (ИКН 115). Подобная символика соотносится с хлыстовским творчеством, в котором «ключ» означает Иисуса Христа или божественную благодать, сошедшую на верующих⁴⁸⁹. Отметим, что живая вода в Новом Завете символизирует учение Иисуса Христа. Например: «Если бы вы знали дар Божий и Кто есть Тот, Кто просит у вас пить, то попросили бы Его, и Он дал бы вам воду живую» (Иоан. 4:10). Сравним с распевцем:

«Во той во церкви пробил быстрой ключ,
Растворилися двери, река протекла»⁴⁹⁰.

Стремление лирического субъекта к обретению рая в граде Иерусалиме, на Сионской горе — также один из мотивов сборника (ИКН 12, 16):

«Из мира наружной тьмы в мир невидимый Твой уведи
К чистым рекам, водам живым Твоим.
Горы Твои — судьбы Божьи!
Там Сион, гора гор земли и небес!» (ИКН 12)

⁴⁸⁸ Там же. С. 77–78.

⁴⁸⁹ Рождественский Т.С. Объяснительный словарь ... С. 33.

⁴⁹⁰ Барсов Н.И. Духовные стихи ... С. 24.

В хлыстовской духовной песне:

«Поплывемте все
До Сион–горы,
Там ликует наш
Вседержитель-царь»⁴⁹¹.

К хлыстовской песне можно отнести мотив воскрешения в Боге при жизни в песне «Радуйтесь, дети, Адам воскрес»:

«Радуйтесь, дети, Адам воскрес:
Отец сошел на землю нашу,
А Сын на небеса вознесся
И Дух все наполняет — Земное и небесное,
Видимое и невидимое» (ИКН 13).

В распевце:

«Я на путь Божий явился —
Дух в утробе взвеселился,
К нам Спаситель сам явился,
День спасения настал!»⁴⁹²

Мотив тайного знания присутствует как в произведениях Добролюбова («Многие познают, что есть Тайна — Прекрасная Неизреченная Недостижимая разумением» (ИКН 177)), так и в распевцах хлыстов:

«О, тайна непостижима!
Глубина неудобозрима!
Никакой высокий разум

⁴⁹¹ Там же. С. 127.

⁴⁹² Там же. С. 140.

Не может тебя понять»⁴⁹³.

О влиянии **духовного стиха** на третий сборник Добролюбова писал А. Топорков⁴⁹⁴. Он отмечал связь произведений Добролюбова со «Стихом о Голубиной книге», «большим» «Стихом о Егории Храбром», а нарратив ухода связывал с сюжетом из «Стиха о царевице Иосаафе и Пустыне»⁴⁹⁵.

Мотив слез и плача повествователя в прозаических текстах и духовных стихах (ИКН 74, 75, 76, 147) связан с духовными стихами «Плач Адама», «Плач Каина», «Плач Иосифа». «Стих о Голубиной книге» фигурирует в названии прозаического текста «Части человека». В произведении повествователь пересказывает ту часть стиха, в которой говорится о происхождении человека (ИКН 174–175).

А.М. Добролюбов «Части человека»	Стих о Голубиной книге
Древняя русская народная песня о Голубиной Книге говорит, что <i>наши кости от гор земли, а наша кровь от железа-руды</i> . И истинно в человеке есть части всех тварей. Тысячи раз уже переходили они многие ступени и опять возвращались.	— У нас ум-разум самого Христа, — Самого Христа, царя небесного; — Наши помыслы от облац небесных; — У нас мир-народ от Адамия; — <i>Кости крепкие от камня;</i> — Телеса наши от сырой земли; — <i>Кровь-руда наша от черна моря</i> ⁴⁹⁶ .

В.Н. Мочульский отмечал, что эта часть «Стиха о Голубиной книге» восходит к апокрифу «От скольких частей создан был Адам»⁴⁹⁷.

В песнях «Вы шепните мне, братцу вашему» и «Мир вам, о горы» присутствует диалогическая структура, свойственная многим духовным стихам — «О вознесении», «О страшном суде», «О Грешной душе», «Лазарь

⁴⁹³ Песни русских сектантов мистиков... С. 673.

⁴⁹⁴ Топорков А.Л. Духовные стихи в русской литературе ... С. 15.

⁴⁹⁵ Там же. С. 15–17.

⁴⁹⁶ Бессонов П.А. Калеки перехожие: сборник стихов и исследование П. Бессонова: ч. 1-2. Ч. 1, вып. 2. М., 1861. С. 301. Варианты этих стихов представлены на с. 318, 356.

⁴⁹⁷ Мочульский В.Н. Историко-литературный анализ стиха о Голубиной книге. Исследование. Варшава, 1887. С. 74–90.

убогий» и др. Образ пустыни, символизирующей духовную чистоту, аскетизм, место соприкосновения с Богом («Пустыня, телесный пост и молчанье — вот тебе первые ступени храма» (ИКН 110)) восходит к «Стиху о Иосаафе и пустыне» и другим стихам, в которых встречается образ одухотворенной великой пустыни, например, в «Стихе об Алексии божьем человеке». В этом стихе главный герой оставляет княжескую семью, богатство, город Рим, и, следуя вере, отправляется в пустыню, а затем в образе нищего возвращается обратно, но ни отец, ни мать, ни невеста не узнают его, принимая за странника. Он рассказывает, что знал их сына Алексия. Его отец строит ему келью рядом со своими палатами. Алексей живет не узнанным, в молитвах и лишениях, и записывает историю жизни, в которой открывает тайну своего происхождения. Эту рукопись после его смерти в Риме читают патриарх и родственники. Они причитают, спрашивают, почему он не открылся им раньше. Его святые мощи хоронят в Риме с почестями. В.П. Адрианова-Перетц отмечала, что «Стих об Алексии божьем человеке» из житийных стихов был наиболее популярен на Руси: его пели и сказители былин, и молодые люди на посиделках, и хлысты⁴⁹⁸.

Мотивы ухода, внешних и внутренних перемен, возвращения из пустыни, общения с близкими в новом статусе верующего нищего странника и написания своего жития, несомненно, отражены в сюжете сборника «Из книги невидимой». Об уходе повествователь сообщает в самом начале сборника, представляет читателю себя в образе странника. Далее он неоднократно описывает свою жизнь среди «трудящего народа». Пребывание в пустыне, «телесный пост и молчание» (ИКН 110) повествователь называет «первой ступенью храма». Написание книги также становится новым этапом в его жизни, разделяющим время отсутствия веры и обретенную жизнь с Богом.

⁴⁹⁸ Адрианова В.П. Житие Алексея человека Божия в древней русской литературе и народной словесности. Пг., 1917. С. 229.

Эсхатологические мотивы сборника также отсылают нас к духовному стиху и хлыстовским распевцам.

Описание тюремного заключения, присутствующее в сборнике «Из книги невидимой», в некоторых произведениях становится метафорой духовной тюрьмы (ИКН 22, 103, 103–104). В духовном стихе «Богородице» также описано, как душа заключается в темницу за грехи после смерти.

Повествователь неоднократно рассуждает о взаимоотношениях с плотью. Например, в тексте «Памятка — письмо брату по плоти пред его путешествием на войну» (ИКН 123–125) он пишет о необходимости господствовать над плотью, относиться к ней как к младшему брату, заставить плоть подчиниться духу. Ту же мысль нарратор развивает в отрывках из исследования «О плоти и духе» (ИКН 141–143), говоря о необходимости примирения с плотью. В духовном стихе «О плоти» лирический субъект хочет подчинить плоть духу и обращается к телу, повествуя о страхе душевной гибели. В стихах Добролюбова («Не унывай, не унывай, душа моя, / Уповай, уповай на Вечного» (ИКН 21)), восходящих к покаянному стиху, содержится аллюзия на псалом: «Что унываешь ты, душа моя, и что смущаешься? Уповай на Бога, ибо я буду еще славить Его, Спасителя моего и Бога моего» (Пс 41:6). Эта же цитата присутствует в духовном стихе «К плоти»: «Не унывай, душе моя, многогрешная, / Уповай, душе моя, на Господа». Кроме того, песня имеет пересечения с псалмом духоборов, опубликованным В.Д. Бонч-Бруевичем в «Животной книге духоборцев»:

А.М. Добролюбов	Псалом 247
<i>Не унывай, не унывай, душа моя, Уповай, уповай на Вечного. Ты видишь, Господин, печаль мою, Ты кого приишлешь утешить меня — Иль ангела, иль архангелов? Иль Сам сойдешь, Владыка мой?</i>	<i>Владыко мой свет Господи, поведай Бог печаль мою, печаль мою великую. Печалюсь я тебе, Господи, кого сошлешь в помощники: ангела или архангела? Али сам, Господь, с небес сойдешь к нам? Речет Господь и глаголет: не унывай, душа моя, уповай на</i>

	<i>Господа, на царя небесного, на мать Божью, Пресвятую Богородицу, на всех святых его</i> ⁴⁹⁹ .
--	---

В прозаическом тексте Добролюбова «Господи, услышь меня» читаем:

«И тогда Он воскликнул:

Пустыня, пустыня, вот что сначала Он послал мне сказать тебе. Чтоб ты оставил заботы о духовных и душевных одеждах и пищах твоих!» (ИКН 109).

В духовном стихе «О, прекрасная пустыня», восходящем к покаянному стиху, лирический субъект также восхваляет уединение в пустыне, как в месте, угодном Богу:

«О, прекрасная пустыня!

Наш Господь пустыню похвалит.

Отцы в пустыне скитают,

Ангелы отцем помогают»⁵⁰⁰.

Разговоры лирического субъекта с ангелами, Иисусом Христом, Богом также находят параллели в духовных стихах.

Следующим жанром, активно представленным в сборнике, становится жанр средневековой и, в частности, древнерусской литературы, восходящий к библейским текстам и часто встречающийся в духовных стихах и хлыстовских распевцах, — **видение**. А.В. Пигин вслед за Б.И. Ярхо относит видения к дидактическим жанрам, и с этим связывает частое использование их в полемических целях на политические и религиозные темы в средние века⁵⁰¹. Следует отметить, что Пигин пишет о сюжетных видениях потустороннего мира, тогда как в произведениях Добролюбова речь идет о видениях сверхъестественных сил, например, ангела. При этом их

⁴⁹⁹ Животная книга духоборцев / Записал и собр. Владимир Бонч-Бруевич. СПб., 1909. С. 207.

⁵⁰⁰ Варенцов В.Г. Сборник русских духовных стихов. СПб., 1860. С. 190.

⁵⁰¹ Там же. С. 553.

дидактическая роль совпадает. Видения в сборнике «Из книги невидимой» также часто выступают аргументом, подкрепляющим позицию нарратора. Повествователь «Из книги невидимой» описывает различные типы видений. В основном он передает свои разговоры с ангелами, посланниками небес, во время их встречи. Например, в прозаическом тексте «Еще скрижаль» повествователь встречает рабов, но их разговор не приводится:

«Рабами всех будут только свободные. Так мне сказали рабы на пламенной колеснице серафимов.

Я видел их и среди улицы современного города.

Но быстро унеслись они в степи к рабам — вечным друзьям моим, ко всемирному братству рабов» (ИКН 84).

В произведении «Я видел, друзья, сегодня эту великую тайну искупленья» описывается искупление грехов человечества Иисусом Христом: его жизнь, смерть и воскресение:

«Я видел, друзья, сегодня эту великую тайну искупленья, о которой не напрасно говорят среди наших народов. [...] Я видел, как Он уподобился человеку, чтоб человек мог понять его. И Он спустился с небес на землю мою, и пролил на ней Свою кровь, и в самый миг смерти воскрес и озарил все, даже плоть мою. Я видел, как Он сходил в этот мир, в сердце каждой песчинки, проповедовал и зверям, и растениям, даже в преисподнюю, даже в пустыни ужаса бездны и к гордому духу, врагу Своему, принес Он жертву — неудержимую любовь Свою» (ИКН 168–169).

В некоторых видениях присутствуют образы библейских текстов. Например, образ восхождения по небесной лестнице:

«И *лестницу бесконечную* видел я. И все члены мои, все малейшие части мои — каждая стояла на ступени своей. И на самом *верху* моей *лестницы* видел я, как *возвышался над бездной бессмертный дух мой*, немного робко, но постоянно и неизменно подымался он» (ИКН 142).

Это неточная цитата из книги Бытия:

«И увидел во сне: вот лестница стоит на земле, а верх ее касается неба; и вот Ангелы Божии восходят и нисходят по ней» (Быт. 28:12).

Повествователь, приводя многочисленные примеры сошедших на него откровений, говорит о пророческой силе своих первых видений, ретроспективно описывая их:

«Это было много лет тому, когда я еще был в сильной тьме, но свет и во тьме светит, он сильнее тьмы⁵⁰² — и в первом, истинно пророческом озарении я воскликнул совсем нечистыми устами: Есть Неизбежимое. Не избежать. Не избежать Неизбежимого Света» (ИКН 128).

Или:

«Тогда я первый раз увидел Господа, хотя за покрывалом, потому что я начал очищать путь.

Тогда Господь приблизился ко мне без покрывала, и я видел Его лицом к лицу, я забыл о вине всех видимых книг всего мира»⁵⁰³ (ИКН 183).

Видения могут сопровождаться экстатическим состоянием, сравнимым с опьянением:

«И мы слышали звук серебряной трубы⁵⁰⁴.

И я говорил:

"И сейчас уже труба призывает нас".

"Которые встанут, исчезнут из глаз остальных"⁵⁰⁵.

⁵⁰² «народ, сидящий во тьме, увидел свет великий, и сидящим в стране и тени смертной воссиял свет» (Мф.4:16). 16). См. также: Ис. 60:1–3; Ис. 9:2; Мих. 7:8).

⁵⁰³ Аллюзия на сюжет о встрече Моисея с Богом на горе Синайской (Ис. 19:18–20).

⁵⁰⁴ «И седьмой Ангел вострубил, и раздались на небе громкие голоса, говорящие: царство мира соделалось царством Господа нашего и Христа Его, и будет царствовать во веки веков» (Откр. 11:15).

И прекрасная жена склонилась над нами с небес и налила нам полные чаши вина и всем тварям, и мы пили вместе с былинками» (ИКН 134).

В последнем предложении из процитированного отрывка Добролюбов контаминирует две цитаты из Апокалипсиса: «И явилось на небе великое знамение: жена, облечённая в солнце; под ногами её луна, и на главе её венец из двенадцати звёзд» (Откр. 12:1); «И когда Он взял книгу, тогда четыре животных и двадцать четыре старца пали пред Агнцем, имея каждый гусли и золотые чаши, полные фимиама, которые суть молитвы святых» (Откр. 5:8).

Видения становятся дополнительной опорой для повествователя на его духовном пути, они также оказывают поддержку в противостоянии с обществом образованных.

Также в книге присутствуют фольклорные жанры. Прежде всего, необходимо отметить стихотворение «Жалоба березки на Троицын день» (ИКН 38), восходящее к причитанию, заплачке. В песне описан церковный праздник Троицы. «Основа троичской обрядности — культ растительности [...]. У русских это вылилось в культ березки, ставшей символом русской природы»⁵⁰⁶, — отмечала В. Соколова. В праздничный день срубленными березками и ветвями украшали дома, дворы, улицы. Главным обрядом на Троицу стало «завивание (заламывание) березы и заплетание венков»⁵⁰⁷. Этот «аграрный магический обряд»⁵⁰⁸ был призван принести урожай и здоровье людям и скоту. Связанная с Троицей традиция заламывания березы описана в произведении Добролюбова. В песне происходит олицетворение березы, представлена ее прямая речь. Стих «Принесли меня в жертву богу неведомому» является аллюзией на Деяния апостолов: греки сказали Павлу, что у них есть храм «богу неведомому» (Деян: 17:23). Эта цитата показывает незнание людей, участвующих в гуляниях, истинного Бога. Они лишь

⁵⁰⁵ «И услышали они с неба громкий голос, говоривший им: взойдите сюда. И они взошли на небо на облаке; и смотрели на них враги их» (Откр. 11:12).

⁵⁰⁶ Соколова В.К. Весенне-летние календарные обряды русских, украинцев и белорусов XIX – начало XX в. М., 1979. С. 188.

⁵⁰⁷ Там же. С. 190.

⁵⁰⁸ Там же. С. 206.

предчувствуют его существование.

Кроме того, сюжет заламывания березы находит параллель в рассказе Льва Толстого «Три смерти», в котором герой произведения, Серега, срубает березу, чтобы сделать из нее крест на могиле ямщика. Обрядовая сторона праздника, связанная с отламыванием березовых ветвей, описана в стихотворении Леонида Семенова «В Троицын день они гуляли»⁵⁰⁹:

«В Троицын день они гуляли.
На всех были платья розовые.
Все весело в лес бежали,
ломали ветки березовые
и с ними в церкви стояли.
После обедни все смеялись.
Болтал диакон с молельницами,
и выйдя, все улыбались
высокому солнцу над мельницами...
В Троицын день они целовались».

Последний стих отсылает к обряду «кумления», или посестримства. Девушки надевали венок на березовую ветвь и целовались через него, после чего для закрепления родства могли также обмениваться предметами одежды. После этого обряда девушки становились кумами. Во время кумления исполнялись песни.

В сборник включены **заговоры**. Например, в духовной песне «О примиренье с землей и зверями» находим имитацию пастушеского заговора: «Вот, медведи, вам мирный заговор: / Вы не трогайте жеребеночка, / Пощадите крестьянскую животинушку... / Ай вы, змеи ползучие подколотные! / Вы не жальте нас на родных полях, / Недосуг болеть да крестьянствовать в пашню жаркую. / Все примите мир — слово крепкое: / Чтоб отныне ли даже до веку / С нами праздновать воскресение!» (ИКН 60).

⁵⁰⁹ Семенов Л.Д. Собрание стихотворений. СПб., 1905. С. 40.

В прозаическом тексте «О союзе со зверями» пастушеский заговор описан уже более подробно:

«Вспомните обычаи северных губерний, когда медведь начинает обижать скотину.

Вся деревня собирается к берлоге, пастух, который во все время пастьбы не прикасается к женщине, выступает к приготовленному котлу.

Там соль, и земля, и уголь с золою из печки, но не в них сила заговора его.

Громко читает он заговор, упрашивает лесового царя не обижать более скот — милый крестьянский живот.

Он призывает на помощь святых, умоляет и медведя, и горы открыть ему, где вчерашняя белонюшка:

"Вы не скрали ли ю, пути не смутили ли, дорожки не скрыли ли?

"Если вы скрыли, отдайте ю», — повторяет вся деревня — ребяташки, бабы и мужики.

Говорят, после этих заговоров редко трогает медведь скотину, но разве сила в словах заговора?

Он видит из берлоги своей, как мирны они, он видит, что великая беда пришла на них. Вместо гнева и ружей просьбу приносят они!» (ИКН 135–136).

В этом отрывке представлен обряд, направленный на возвращение пропавшей коровы Белонюшки. Добролюбов описывает обряд, который совершается, если скотина ушла в лес и не вернулась. Такой обряд обычно совершает «знающий человек», который обращается за помощью к лесному царю (лешему). В представленном тексте Добролюбов объединяет два обряда: коллективный обряд «отпуска» скота, который совершается пастухом в присутствии сельской общины при первом выгоне скота на пастбище и обряд, который совершается «знающим человеком» при пропаже скота.

Участники действия обращаются к лесовому царю, святым, медведю и горам с просьбой найти корову. Такая эклектика в обращениях характерна для заговоров. Н.Н. Харузин, описывая заговоры в Олонецкой губернии, писал, что «будучи по существу добрым, этот лесной царь наносит немало

вреда местным жителям, похищая у них скот, либо сам для себя, либо насылая дикого медведя на стадо»⁵¹⁰.

При сравнении заговоров, включенных в произведения Добролюбова, с заговорами из рукописных источников XVII – первой половины XIX в., опубликованных А.Л. Топорковым⁵¹¹, мы не нашли точных совпадений в текстах. Наименование домашнего скота «милый крестьянский живот» встречается во многих формулировках: «милый живот крестьянско(й)»⁵¹², «с милым любимым животом крестьянским»⁵¹³, «и около скота моево, миловое, любимово христиансково живота»⁵¹⁴. Повествователь предваряет заговор предложением вспомнить «обычаи северных губерний». Как мы уже упоминали, Добролюбов бывал в Олонецкой губернии, Белозерске, откуда вернулся с записями фольклорных текстов. Вероятно, тексты заговоров были услышаны им в его странствиях либо были известны по публикациям, например, П.Н. Рыбникова⁵¹⁵ или Н.Н. Харузина⁵¹⁶. Сравним текст описания обряда у Добролюбова с заговором, распространенным в Олонецкой губернии в XIX веке, републикацию которого по рукописи Н.Н. Харузина осуществили А.Б. Ипполитова и Т. Ильина:

«Стану я, раб Божий, благословясь, выйду я, перекрестясь, из избы дверьми, из сеней воротами, в чистое поле, принимая милый скот, крестьянский живот, на свои на белые руки и пойду около своего скоту и около своего стада, и за тот ли железный тын, замкну тридевять замками, тридевять ключами и снесу эти ключи Пречистой Божией Матушке. Пречистая Божия Матушка, Пресвятая Богородица, закрой своей ризой нетленную мой милый скот и крестьянский живот от зверя широколапого, и кажись мой милый скот, крестьянский живот, дубьем-колодьем и серым

⁵¹⁰ Харузин Н.Н. Из материалов, собранных среди крестьян Пудожского уезда, Олонецкой губернии. М., 1889. С. 12.

⁵¹¹ Русские заговоры ... С. 114–116, 225–233, 476–482, 510–515, 592–595, 619–620.

⁵¹² Там же. С. 477.

⁵¹³ Там же. С. 479.

⁵¹⁴ Там же. С. 512.

⁵¹⁵ Рыбников П.Н. Песни, собранные П.Н. Рыбниковым. М., 1867. Ч. 4. С. 262–270.

⁵¹⁶ Харузин Н.Н. Из материалов ... С. 12–24.

каменьем, и как народ сходится, собирается в одну Божию Апостольскую Церковь, так, солнце, пойдя на запад, как весь милый скот и крестьянский живот, сходишь, собирайся к своему двору, и кто буде завидовать, осуждать, переговаривать, и тому лесы считать, и с лес хвоя вырубать, и в море воду вынимать, и около моря песок вызубать»⁵¹⁷.

В приведенном тексте пастух произносит отпуск скота перед выгоном на пастбище. Он обращается к Богородице с просьбой защитить «милый скот, крестьянский живот» от медведя.

В сборнике П.Н. Рыбникова пастух обращается к Богу и святым с мольбами оградить скот от напасти и сравнивает заговор и его силу с горами, устойчивыми и нерушимыми:

«[...] и сколь крепко стоит на месте и одержится в месте Синай-гора, и сколь крепко стоит на месте и одержится в месте Вертеп-гора, и столь (сколь) крепко стоит на месте и одержится в месте Афон-гора, и сколь крепко стоит на мест и одержится в месте Фавор-гора, и столь крепкой огород четыре горы и четыре страны: Палестинские и Иерусалимские, горы не рассыпаются и не раздвигаются, с места не подвигаются, и столь бы же крепко сей огород, и сей заговор кругом меня раба Божия, и кругом милого моего живота и крестьянского скота на сохранение и на бережение, на место, на случение, и милому животу и крестьянскому скоту на легость и на здравие, на Божию милость, на плод и на живот»⁵¹⁸.

Указание на обращение «знающего человека» в своем заговоре к горам в произведении Добролюбова могло иметь печатные источники.

Влияние фольклора на сборник «Из книги невидимой» также проявляется в использовании устойчивых эпитетов, среди которых можно

⁵¹⁷ Там же. С. 14–15.

⁵¹⁸ Рыбников П.Н. Песни, собранные П.Н. Рыбниковым. М., 1867. Ч. 4. С. 264.

выделить краткие эпитеты (*красно солнышко, други верны, часты звезды*) и эпитеты после определяемого слова (*небо ясное, звезды чистые, мысли ясные, звери дикие, реки чистые, змеи ползучие, волки прыткие, братцы милые, Батюшка Родимый, реки тихие*).

Среди эпитетов встречаются как устойчивые фольклорные словосочетания (*небо ясное, лютые звери, змеи ползучие, сырой земле, вольну волюшку, добрый молодец, рыкающий лев, волки прыткие, братцы милые, животные реки*⁵¹⁹, *милая сестра верная, слово крепкое, Родной Батюшка, росе серебряной*) так и индивидуальные эпитеты (*лоси глупые, брони могучие гиацинтовые, жизни каменной равнодушной, смертной осени, деньки строгие* (обозначает непростое время, связанное с жизненными неурядицами), *камни мирные придорожные молчаливые*).

Также влияние фольклора проявляется в использовании устойчивых фольклорных оборотов, единоначатия, лексического и синтаксического параллелизма:

«Что же не видать нашего красна солнышка?
Аль лучи его с врагами повстречались?
Аль ушел от нас невиданно Возлюбленный?
Аль одежды ваши, други, призапачкались?
Али красота ваша да приувянула?» (ИХН 188).

Схожая синтаксическая структура присутствует в цитате из песни «Царь Алексей Михайлович», опубликованной П.Н. Рыбниковым:

«Так отдать ли нам Смоленск, али не отдати,
"Али нам за Смоленск постояти,
"Али вам на Смоленск нанимати?»⁵²⁰

⁵¹⁹ В значении учения, исходящего от Бога, дарующее спасение (Рождественский Т.С. Объяснительный словарь ... С. 50) или «река жизни».

⁵²⁰ Рыбников П.Н. Песни, собранные П.Н. Рыбниковым. М., 1867. Ч. 2. С. 237.

Автор «Из книги невидимой» использует в произведениях диалектную, просторечную и архаическую лексику: *человеки, дозорцы, навечерье, изловляют, уловляют, жду ответа с тюрьм, отпашешься, глядь, кунава*⁵²¹, *понуканье, спать раскрыткой, сымать*⁵²², *сейчаснее, крестьянский живот, расстилалися, раскликалися, познобило ночесь, сотворивый, вечор, сымаю, призапачкалися, кирьга*⁵²³, *пуцай, высевок*⁵²⁴.

Один из ключевых образов произведений сборника — образ матери-земли — также восходит к народной культуре: «С комля сок как слеза бежал, // К матери сырой земле бежал» (ИКН 38).

Земля описана как женщина, дающая жизнь, с ней также соотносится образ бездны:

«Вечером тоже только выпрягут, завалятся и не встанут, даже солнцу иной раз долго не разбудить припавших к грудям земли» (ИКН 71).

Голод ассоциируется с родами земли, мучающейся от бесплодия:

«Выслушайте несколько слов о том, как я проходил по голодным местам.

С ужасом проходил я по этим местам. Это было на самом севере Олонецкого краю. [...] Но имел ли я право идти по этой стране, где сама мать-земля и кричала, и мучилась в муках бесплодия, в муках рождения? Это крик невыносимый — крик всей земли, особенно если сверху сияет такое спокойное чистое небо.

Эта земля жгла мои ноги. Мне страшно было глядеть на поля, страшно было входить и в селенья» (ИКН 73).

Образ матери-земли был широко востребован в культуре второй половины XIX — начала XX в. (не только народной). Он присутствует в

⁵²¹ В значении «кувшинка».

⁵²² То же, что «снимать» (Куликовский Г.И. Словарь областного олонецкого наречия в его бытовом и этнографическом применении / Собрал на месте и составил Герман Куликовский. СПб., 1898. С. 117).

⁵²³ То же, что кирка, инструмент для земляных работ (Словарь говоров Русского Севера / Ур. гос. ун-т им. А.М. Горького; под ред. А.К. Матвеева. Т. 5. Екатеринбург, 2011. С. 145).

⁵²⁴ «Высевок — отходы, оставшиеся после просеивания зерна, муки» (Словарь говоров Русского Севера... С. 250).

романах Ф.М. Достоевского «Бесы», «Братья Карамазовы», его рассматривают Д.С. Мережковский в работе «Л. Толстой и Достоевский»⁵²⁵, Н.А. Бердяев в статье «О новом религиозном сознании»⁵²⁶. О связи образа матери-земли с Богородицей в духовных стихах писал Г.П. Федотов⁵²⁷.

Говоря о жанровой и композиционной структуре сборника Добролюбова, необходимо обратить внимание на наджанровую **категорию фрагмента**.

Фрагментарное письмо получило распространение в немецком романтизме (Новалис, Ф. Шлегель, Г. Гейне), фрагментарность использовали в своих произведениях Ф. Ницше⁵²⁸, Ш. Бодлер. В русской литературе фрагментарностью отличалась лирика Тютчева⁵²⁹, известно фрагментарное письмо И.С. Тургенева, В. Розанова⁵³⁰.

В работе мы будем опираться на определение фрагмента, предложенное А.Е. Маховым: «Фрагмент — произведение, имеющее признаки неполноты или незавершенности. К фрагменту относятся: 1) произведения, сохранившиеся частично [...]; 2) произведения, не завершённые авторами [...]; 3) произведения, изначально задуманные авторами как фрагмент»⁵³¹.

Добролюбов неоднократно указывает в заглавиях на то, что он представляет читателю лишь часть произведения: «Первый отрывок» (ИКН 138); «Отрывок. Против Толстого и Ницше» (ИКН 156); «Страница из исповеди, из книги жизни моей» (ИКН 73); «Из письма» (ИКН 176); «Из исследований» (ИКН 129); «Из книги невидимой» (ИКН 7)), в эпитафиях («из отрывков Гераклита» (ИКН 161); «из народных песен» (ИКН 107); «из Буньяна» (ИКН 113).

⁵²⁵ Мережковский Д.С. Л. Толстой и Достоевский. Т. 2. СПб., 1903. 277–278, 243–244.

⁵²⁶ Бердяев Н.А. О новом религиозном сознании // Вопросы жизни, 1905. № 9. С. 150–167.

⁵²⁷ Федотов Г.П. Стихи духовные (русская народная вера по духовным стихам). М., 1991. С. 65–78.

⁵²⁸ Бланшо М. Ницше и фрагментарное письмо // Новое литературное обозрение. М., 2003. № 3 (61). С. 12–29.

⁵²⁹ Лейбов Р. «Лирический фрагмент» Тютчева: жанр и контекст. Тарту, 2000. С. 13–58.

⁵³⁰ Кукулин И.В. Машины зашумевшего времени: как советский монтаж стал методом неофициальной культуры. М., 2015.

⁵³¹ Махов А.Е. Фрагмент // Литературная энциклопедия терминов и понятий / Под ред. А.Н. Николюкина. М., 2001. С. 1152.

Фрагментом в сборнике «Из книги невидимой» может стать любое произведение вне зависимости от его жанровой и стилистической принадлежности. Фрагменты представляют не только авторские тексты, но и цитаты, выступающие в качестве эпитафий, обозначенные как отрывки, части целого, либо сохранившиеся части отсутствующего целого. З.Г. Минц, отмечая стремление авторов символизма к широкому использованию цитат, объясняла это «металитературной направленностью "нового искусства", его стремлением стать "искусством об искусстве", "литературой о литературе" и осмыслением задач модернизма как попыток реализовать идеи мирового культурного синтеза»⁵³².

Объединенные в циклы фрагменты выражают, прежде всего, единое чувство лирического субъекта и имеют лейтмотивную связь, несмотря на то что Добролюбов неоднократно обращает внимание читателя на отрывочность своих произведений. В силу того, что фрагмент относится к наджанровой категории, мы можем говорить лишь об общей тенденции его текстов, тяготеющих к фрагменту.

Подводя итоги рассмотрения жанровой специфики произведений, входящих в состав сборника «Из книги невидимой», можно сделать вывод о том, что основными жанрами становятся духовные песни, восходящие к сектантской, преимущественно хлыстовской, песне, прозаические проповеди-видения, большую часть которых можно охарактеризовать как стихотворения в прозе, исповедь и притча. Во многих случаях обозначение жанра включено в название произведения — «Воскресная песня» (ИКН 13); «Прощальная песня» (ИКН 16); «Из древнегреческих церковных песен» (ИКН 24); «Песня братьям» (ИКН 28); «Песня друзьям» (ИКН 31); «Песня брака» (ИКН 32); «Песня на работе 1901 года» (ИКН 66); «Ответ людям во времена сомненья» (ИКН 57); «Пророчество» (ИКН 61); «Страница из исповеди, из книги жизни моей» (ИКН 73); «Письмо в редакцию "Весов"»

⁵³² Минц З.Г. «Забытая цитата» в поэтике русского постсимволизма // Поэтика русского символизма. СПб., 2004. С. 331.

(ИКН 85); «Памятка-письмо брату по плоти перед его путешествием на войну» (ИКН 128); «Из письма» (ИКН 176); «Псалом — первый день заключения» (ИКН 116); «Воскресный псалом» (ИКН 194); «Два отрывка» (ИКН 49); «Второй отрывок» (ИКН 51); «Первый отрывок» (ИКН 138); «Второй отрывок» (ИКН 139). Также встречается указание на жанр в подзаголовках — «Предупреждение к называемым образованным людям» (ИКН 3); «Несколько воспоминаний из рабочей жизни» (ИКН 69); «Притча» (ИКН 78); «Слово странника о нищете духовной и телесной» (ИКН 80); «Дневник заключенного 1904 года» (ИКН 99); «Три псалма» (ИКН 113); «Отрывки из одного исследования» (ИКН 141); «Из письма» (ИКН 51).

При этом сами тексты, обладая признаками фрагментарности, входят в книгу, которая также представляет собой часть целого, часть невидимой книги, становясь фрагментом во фрагменте.

Таким образом, мы можем говорить об общей жанровой направленности — исповедь, притча, молитва, видение и духовная песня.

Более общая категория, к которой приравниваются все произведения сборника, — фрагмент. Единство книги заключается в единстве лирического субъекта и его позиции, которая разворачивается в прозаических и поэтических текстах, совмещающих в себе черты публицистического, художественного и научного стилей. Произведения книги связаны между собой не внутренней хронологией событий, а личной хронологией лирического субъекта. Это не исключает значимости фиксации отдельных дат написания произведений, поскольку они свидетельствуют об их автобиографической основе. Не менее значимой является позиция лирического субъекта, которая выражена в полемических прозаических текстах. Значимость позиции подкреплена включением в тексты визионерских мотивов, разговоров с божественной сущностью, откровений.

Активно включая в сборник фольклорные жанры и жанровые элементы нарратор демонстрирует овладение всеобъемлющим «простым глубоким языком», в поисках которого он находится. Это живой язык, противостоящий

«сухим словам образованных». Именно эти произведения, идущие из глубины, от Бога, из Книги Невидимой, нарратор приносит в дар Богу. Его псалмы, гимны обращены к Творцу и, по авторскому замыслу, доступны для понимания каждого человека.

2.4. Образ книги в третьем сборнике А. Добролюбова

«Из книги невидимой» — символистская книга, но не книга стихов, поскольку лирика и даже, шире, стихотворения, не становятся единственными жанрообразующими элементами сборника⁵³³. По формальным критериям (строфическая организованность, малый размер, отсутствие заглавия, полиметрическая циклизация, наличие метра и рифмы⁵³⁴) многочисленные прозаические миниатюры-фрагменты можно отнести к жанру стихотворения в прозе, но наличие публицистических и полемических текстов не позволяет трактовать книгу в качестве сборника стихотворений в прозе. Более того, авторское понимание книги останавливает нас от этого уравнивания.

А. Добролюбов, начиная с заглавия, указывающего на наличие книги, из которой автор берет для публикации лишь часть⁵³⁵, предлагает воспринимать сборник произведений в качестве самостоятельного фрагмента целого. Далее мы обратимся к вопросу значений концептов «книга» и «книга невидимая» в сборнике, также рассмотрим книжный сюжет, заявленный в нем. Невидимая книга в сборнике Александра Добролюбова упоминается:

1. В заглавии.
2. В названии раздела.
3. В источнике эпиграфа.
4. В текстах произведений.

⁵³³ Материалы данного раздела опубликованы в статье: Служаева О.О. Книга как жанр (на материале сборника А.М. Добролюбова «Из книги невидимой») // Litera. 2020. № 7. С. 35–60.

⁵³⁴ Орлицкий Ю.Б. Стих и проза в русской литературе ... С. 45, 685.

⁵³⁵ Богомолов Н.А. Жанровая система русского символизма ... С. 21.

Второй раздел книги (ИКН 7), озаглавленный «Из книги невидимой», по сути, является первым, поскольку первый раздел «О прежнем» выполняет функцию авторского предисловия.

В первом тексте этого раздела нарратор, сообщая о своем недавнем прошлом, упоминает о книгах и противопоставляет жанр песни и книгу жизни написанной книге:

«Несколько лет я жил с одной книгой жизни жизнью веры и дела, и я пел все, что пел, только для самых близких братьев моих и для Бога, я никогда не подумал бы, что я напечатаю или даже запишу на бумаге, я никогда не предполагал возвратиться к писанию. Но теперь я возвращаюсь и к книгам и признаю вас [...]» (ИКН 9).

Невидимая книга, из которой благодаря повествователю читателю открываются лишь некоторые фрагменты, становится в произведениях Добролюбова многозначным символом. Большинство этих значений мы можем встретить непосредственно в текстах сборника. Так, эпиграфом к «Прощальной песне» взята цитата из «Книги Невидимой»: «Где один или два во имя Божье, там все братья наши — сейчас живущие и все прежде умершие» (ИКН 16). Эта цитата является парафразом текста Евангелия от Матфея: «Ибо, где двое или трое собраны во имя Мое, там Я посреди них» (Мф. 18:20). Подобное цитирование сближает невидимую книгу с Евангелием.

Слово «Евангелие» в греческом языке, как известно, означает благую весть о спасении человечества от греха. Кроме того, это книги, в которых рассказано о жизни и учении Иисуса Христа. Библия с греческого переводится как книга и, в свою очередь, представляет собой собрание книг Ветхого и Нового завета.

Опираясь на авторскую позицию, заявленную в сборнике, можно предположить, что текст Священного Писания приближается к невидимой книге как боговдохновенной книге, но не тождественен ей. Эвфемизмами

Библии, которую нарратор, по его признанию, предпочитает «всем лучшим книгам всех народов» (ИКН 160), становятся слова «буквальная книга» (ИКН 176, 182), «полезная книга» (ИКН 74), «видимая книга» (ИКН 104, 158, 182, 183), «наружная книга» (ИКН 103, 104). Наиболее близкими авторскому «я» оказываются книги Нового Завета («Но без всякого покрывала воссияла истина только в человеке Иисусе и его апостолах» (ИКН 160)). Основоположника зороастризма и героев Ветхого завета нарратор также восхваляет за отсутствие обрядов и близости к Богу, хотя, следует отметить, описание того, что они общались с Богом как с другом, является авторским преувеличением: «Но я разумею — нигде так неудержимо не открывалась сила Божья, как в крови древнего иудейства, это древняя секта Авраамова и Зороастра. В стране Зороастра тоже не было изображений. Иона, Аввакум, Михей, Амос, Захария, Исая, Иезекииль, Давид, беседовали с Ним как с другом» (ИКН 159).

Для авторского «я» в сборнике «Из книги невидимой» христианство не является единственной возможной религией: «И я воскликнул: О Ты, Чьим именам нет конца, Кого называют Иеговой, Брамой, Отцом, Христом, Буддой, Матерью и Невестой и Женихом! я видел тайну Твою» (ИКН 169). Мнение повествователя о том, что все религии поклоняются одному и тому же Богу под разными именами, сближает учение Добролюбова со стремлением теософов к созданию единой универсальной религии.

В сборнике Иисус Христос предстает обычным смертным человеком, наиболее приблизившимся в ходе внутренней работы к божественному свету, что соответствует представлениям хлыстов и скопцов⁵³⁶:

«Нет! мы не умрем как человеки
И не будем на земле князьями,
Но будем царями Богу,
С Богом будем богами» (ИКН 18–19).

⁵³⁶ Кутепов К.В. Секты хлыстов и скопцов. Казань, 1882. С. 277; Песни русских сектантов мистиков ... С. 19–20.

В приведенном четверостишии содержится аллюзия на Откровение Иоанна: «и соделал нас царями и священниками Богу нашему; и мы будем царствовать на земле» (Откр. 5:10). Верующие люди будут объявлены царями и священниками после наступления Царства Божьего на земле. В религиозной концепции Добролюбова праведный человек духовно воскресал для вечной жизни, которая начиналась на земле.

Хлысты также считали, что каждый человек, достигнув определенной степени духовности, может стать Христом при жизни и возглавить общину праведных, став Богочеловеком. Мотив следования принципам праведной жизни, усмирения плоти для достижения этого состояния присутствует во многих духовных песнях сборника.

Тайна невидимой книги открывается нарратору в непосредственном общении с Богом («Кроме того многие ваши [толстовцы. — О.С.] отвергают особенное таинственное приближение Господа к человеку» (ИКН 181)), а не в чтении священных книг, которые могут стать лишь ступенью в богопознании.

В стихотворении в прозе «Он говорит: в море Моем живи и покойся» (ИКН 189) лирический субъект разговаривает с Богом-Отцом («царем», «Батюшкой», «Господином»), от которого перенимает божественное учение («вино мое») и из житейского моря невзгод переходит в море безмятежной жизни с Богом. Главным итогом обретения веры, по мнению лирического субъекта, становится «склонение науки и книги под ноги Сидящего», когда деятельность человека становится боговдохновенной:

«Он говорит: в море Моем живи и покойся. И дам тебе все чистое, и все очистится, едва коснется рук твоих.

Не торопись туда, куда не знаешь сам. Принимай из рук Моих вино Мое.

Никогда душа моя не отдыхала, беспокойным, как на море, был полночный мой сон.

Принесу Ему псалмы мои, буду прославлять Его на органах.

Он натянул струны в груди моей.

Тысячи, тысячи жизней увидел я! Я прославлял Господина моего.

Тогда и наука, и книга склонятся под ноги Сидящего, красота и достоинство возвратятся ему.

Тогда и работа, и разум, и тело перестанут превозноситься над царем своим» (ИКН 189).

Лирический субъект выбирает для себя форму прославления Бога в псалмах или в духовных песнях. По этой причине раздел с духовными песнями озаглавлен так же, как и сборник, — «Из книги невидимой». Духовные песни и псалмы становятся итогом обретения веры и одним из главных жанров сборника.

В сборнике повествователь рефлексировал над историей книжной культуры, для него история человечества связана с книгами. Одним из ключевых конфликтов становится конфликт книг и учений, которые либо оказываются близкими авторскому «я», то есть боговдохновенными, либо отбрасываются им как не отвечающие духовным потребностям авторского «я» и ложные. Так, например, в сборник включено письмо «Сестре Иоанне и Надежде Брюсовым», в котором нарратор стремится преодолеть книжную культуру, рассуждая о книгах: «Сестры, вот последний раз оглядываюсь на видимые книги всех народов. И вот мое слово о всех ученьях и книгах» (ИКН 158). «Видимые книги» в тексте противопоставлены «книге невидимой», и, как уже было упомянуто, самой близкой видимой книгой для авторского «я» стала Библия.

Автор включает многочисленные цитаты «из книг» философов, религиозных мыслителей в качестве эпиграфов к своим произведениям, книга появляется и в заглавиях текстов, например, отрывка «Страница из исповеди, из книги жизни моей» (ИКН 73), подраздела «Среди книг» (ИКН 144), цикла «Ответы некоторым ученьям и книгам» (ИКН 151), стихотворения в прозе «Боже, я сидел с книгой среди мира» (ИКН 167).

Концепт «книги» становится частью ценностной иерархической системы, которую выстраивает автор на протяжении всего повествования. Все видимые книги оказываются менее значимыми по сравнению с невидимой книгой, поскольку только она приводит к свободе и спасению:

«Как малую часть разумею я все эти страницы, все науки, все книги земные — как свечу пред утренним блеском — пред Бесконечной Свободной Невидимейшей Книгой Твоей» (ИКН 144).

Сборник «Из книги невидимой» представлен в качестве самостоятельной книги. Он занимает второстепенное место для авторского «я» по отношению к той главной невидимой книге, из которой взяты произведения, включенные в него:

«Друг, я из тех людей, которые веруют слову: "горе тому, кто прибавит что к словам пророчества книги этой, и горе тому, кто отымет что от слов книги пророчества того". Не о буквальной книге я говорю, а о истине, о Писанье Невидимом, о Внутреннем Свитке, о Самом Боге-Слове, во всех распинаемом и во всех воскресающем. Но, брат, разве это все — оставить фарисейскую закваску надежд на обряды и обрезастья, и фимиамы, разве это все — узнать, что Слово Божье Бесконечное не может быть заключено ни в какой видимой книге?» (ИКН 176).

В текстах встречаются и другие именованья невидимой книги, такие как «Истинная Книга Очевидности» (ИКН 34), «Книга-Мать» (ИКН 34), «книга простоты» (ИКН 108), «бесконечная, свободная» книга (ИКН 144).

Повествователь, кроме того, указывает на близость книги жизни к книге невидимой и называет книгу совести ступенью к ним: «А что многие ошибаются в чтении Книги Невидимой, это только показывает великую трудность. Без книги совести не прочтешь и остальных книг жизни. Сильно и много ошибаются еще многие и в самом первом, как вы знаете, в познании и

истолковании законов совести. Книга жизни таинственной и трудней книги совести» (ИКН 180).

Если чтение книги совести напоминает грешнику о его непотребстве, то книга жизни — символ более многозначный. Согласно христианской традиции, книга жизни — это книга с именами спасённых (Откр. 3:5; Мал. 3:17; Откр. 21:27) или символическая запись на небе богоугодных дел, дающая возможность человеку получить спасение (Пс. 86:6). Добролюбов включает в этот символ дополнительное значение реально длящейся праведной жизни, связанной с отказом от собственной воли ради служения Создателю. Путь к спасению — различные ступени на пути к чтению книги невидимой. В учениях хлыстов и скопцов считалось, что достигнуть рая, то есть благочестия и жизни в соответствии с волей Бога, можно уже на земле, поэтому финальный призыв нарратора к читателям — «вступить в книгу жизни» (ИКН 202) — означает вступление на путь веры, чтение знаков невидимого мира, явленных в видимом и, как итог, воскрешение в Боге при жизни.

Книга жизни занимает важное место в иерархии книг, уступая лишь книге невидимой: «И вдруг в истинном озарении я уразумел, что это Бог опять послал мне притчу из книги Жизни Своей» (ИКН 103)). Здесь книга жизни сближается с книгой невидимой, божественным откровением. В притче вновь возникает мистико-христианская символика, согласно которой на земле воцарится царство небесное, а грешники будут находиться также на земле, рядом со всеми, но в духовной тюрьме и пустыне: «Потому что так будет в грядущих народах, преступник против закона будет все одно что в тюрьме, но не в телесной. Истинно в пустыне окажется он, ибо все будут бояться его. Но, несмотря на боязнь, лучшие, истинно начальствующие над вселенной придут к нему с кротостью и спросят его, довольно ли у него духовного хлеба» (ИКН 103).

Поэтому книга жизни здесь воспринимается буквально, как истинная духовная жизнь с обретенной верой в Бога.

Реальная жизнь тоже воспринимается нарратором в качестве книги, книги-притчи в окружении символов. При чтении ее знаков происходит тот самый прорыв от реального к реальнейшему, к которому стремились символисты. В книге жизни любой фрагмент всегда становится символом и выражением целого. Например, встреча рабочих с образом сверкающей льдинки (ИКН 79) превращается в притчу, поскольку эпизод с льдинкой вызывает в памяти присутствующих текст Писания:

«Вот два человека прорыли канавку⁵³⁷, продолжают ее. Сначала семают два слоя, на третьем блестит драгоценный камень — маленько продолговатый; в нем, в небольшом, заключена вся радуга, живые краски переливают всеми оттенками, переходят друг в друга.

Загляделись рабочие, какой жар пышет от этого камня! так вот отчего называется он драгоценным, даже в сердце суровых людей проникает его красота. Один осторожно ударил пешней, чтоб отломить, наверх всплыла муть, ее сняли лопатой, но не видно уже драгоценного камня.

Один опустился у самого края, засучил рукав до плеча и напрасно ищет в воде рукой, замочил все плечо: на месте самоцветного камня одно углубление от лома.

А второй из стоявших сказал: «Нет, обман не от льдинки. Всякий цветок прекрасен, пока он не знает, что он красив. Бог дает красоту тому, кто не заботится о одеждах и пищах своих⁵³⁸, кто не глядит на себя в зеркало. Мы обидели льдинку грубой рукой. А чем ее краски уступят драгоценным алмазам? Только люди тщеславятся ожерельями и рубинами, а земля украшается и алмазами, и травкой, и льдинкой, и всякой песчинкой полей»⁵³⁹.

Прозаический текст об ищущей гнездо с птенцами перепелке на покосе также переходит в христианскую притчу:

⁵³⁷ Образ рытья канавки присутствует в «Житии Серафима Саровского». Образ канавки имел символическое значение в его жизнеописании — защита будущего храма, вокруг которого она возникла, от Антихриста.

⁵³⁸ Аллюзия на цитату из Евангелия от Матфея: «Посему говорю вам: не заботьтесь для души вашей, что вам есть и что пить, ни для тела вашего, во что одеться. Душа не больше ли пищи, и тело одежды?» (Мф. 6:25).

⁵³⁹ Аллюзия на цитату из Иезекииля: «Ты находился в Едеме, в саду Божиим; твои одежды были украшены всякими драгоценными камнями; рубин, топаз и алмаз, хризолит, оникс, яспис, сапфир, карбункул и изумруд, и золото, все, искусно усаженное у тебя в гнездышках и нанизанное на тебе, приготовлено было в день сотворения твоего» (Иез. 28:13).

«Это не было мечтаньем, братья, я даже долго не знал, что Ангел прошел мимо меня.

Мы докашивали загон. Вдруг чьи-то быстрые крылья рассекли воздух, и почти перед нашими лицами в отчаянии металась перепелка. Я ясно видел, что все ее перья взъерошены. Тут где-то должно было быть гнездо ее. Петр и Андрей пошли и внимательно смотрели, но в то же время опасались раздавить птенцов. Не докосить загона нельзя было, трава была больно хороша, травы в этом году были плохие, и хозяин не поблагодарил бы нас.

Братья обошли всю межу, обыскивая руками все закоулки, но нигде ничего не было видно, ям не было видно, почва была тверда, как камень от зноев июля. Наконец, мы решили медленно подвигаться, постоянно внимательно осматриваясь и прислушиваясь. Мать в ужасе скрылась.

Вдруг я услышал чьи-то шаги от стана. Кто-то шел по равнине твердой и звучной радостной походкой, как очень высокий и сильный. Я удивился — ужели это Андреев отец, отчего так звучны шаги его? — и хотел оглянуться, но братья доканчивали делянку. Я прибавил ходу и нагнал их. Нигде не было слышно пisku, не было заметно ни комочков земли, ни ямки.

Я оглянулся. На равнине никого не было видно даже за станом в долине.

И сразу я уразумел. Это Бог послал ангела Своего перепелке, чтоб охранить ее птенцов среди наших лезвий, чтоб мы знали, что Он слышит молитву всех тварей и заботится о всех» (ИКН 171).

Книга в сборнике постоянно проявляет себя как действующая и организующая художественный мир структура.

Отношение между Богом и человеком также выстраиваются посредством взаимопрочтения. Праведный человек читает послание книги невидимой либо в своей душе (в видениях и озарениях), либо в книге самой жизни, а бог читает писание (душу) верующего («Не только ты читаешь в писании Моем, но Я открываю книгу твою, вечно читаю ее — всерадостную, вечнорадостную для очей Моих» (ИКН 33)).

Для нарратора книги современников пребывают на низшем уровне этой ценностной иерархии: «Сухие бесчувственные многотомные книги ваши —

ть без духа, и все когда-нибудь погибнут, и даже дети не коснутся их» (ИКН 86); «Все ваши книги, все ваши искусства, вся ваша наука, все ваше образование, все ваши города и обычаи — одна великая пустыня» (ИКН 87). Стоит отметить, что такие суждения применяются только к той литературе, в которой нет истинных божественных исканий. Например, поиски Ницше становятся родственными авторскому «я», так как философ в конце жизни был близок к постижению Бога (ИКН 156). Среди книг философов, ученых и писателей, посвященных духовному поиску божественного, выстраивается также заметная иерархия. Конфуций читал только из книг «совести и сердца» (ИКН 158), Фихте и Платона нарратор не признает совсем (ИКН 50, 158). Лао-цзы, Эпикур, Э. Ренан, Ф. Шеллинг, Дж. С. Милль, Дж. Рескин, Л. Толстой, Т. Карлейль немного приблизились к Богу (ИКН 158, 154–155, 153, 160). Коран, сочинения Гераклита, Сократа, Плотина, Порфирия, Франциска Ассизского, М. Метерлинка, В. Гюго (ИКН 153, 154–155, 158, 159) наиболее близко стоят к пониманию Бога. Повествователь отмечает, что Порфирий, ученик Плотина, видел Бога лишь однажды «на восьмидесятом году жизни» (ИКН 159), в книгу из фонда Брюсова внесена уточняющая авторская правка — «на 69-м»⁵⁴⁰.

Развитие представлений о книге и письме, а также книжные метафоры на обширном материале (начиная со времен Древней Греции и заканчивая произведениями Кальдерона) рассматривает в своей работе «Европейская литература и латинское Средневековье» Э.Р. Курциус. Метафору «книга сердца», встречающуюся в проповедях епископа Хильдеберта Лаваденского он связывает со словами апостола Павла⁵⁴¹: «Вы — наше письмо, написанное в сердцах наших, узнаваемое и читаемое всеми человеками; вы показываете собою, что вы — письмо Христово, через служение наше написанное не чернилами, но Духом Бога живаго, не на скрижалях каменных, но на плотяных скрижалях сердца» (2-е Кор. 3:2–3). Исследователь также приходит

⁵⁴⁰ Добролюбов А.М. Из книги невидимой ... Л. 80.

⁵⁴¹ Курциус Э.Р. Книга как символ // Европейская литература и латинское Средневековье. Т. 1. 2-е изд. М., 2021. С. 459.

к выводу, что «представление о мире или природе как о "книге" происходит из церковного ораторства; оттуда оно попало в мистико-философские спекуляции средневековых мыслителей, а затем — и в повседневную речь»⁵⁴².

Деление книг на «истинные» и «ложные» имеет древнюю традицию. Е.А. Мельникова отмечала, что подобное деление книг существовало на Руси еще до реформы патриарха Никона в XVII в. Статус «ложных» книг получали книги, признанные церковью еретическими и не входящие в канон. Напротив, после реформы православной церкви старообрядцы стали называть книги «никониан» «ложными»⁵⁴³. По этому критерию оценивалось и их содержание: «[...] писания объявляются "ложными" не потому, что в них внесены недопустимые исправления, а наоборот — их содержание считается неверным, потому что сами книги — "ложные"»⁵⁴⁴.

В тексте «Письмо в редакцию "Весов"» нарратор отвергает современные жанры — стихотворения⁵⁴⁵ и романы⁵⁴⁶, признавая лишь духовную песню: «Из всех ваших искусств частью понимаю и признаю я в храме только одно — музыку и песню, но даже не теперешнюю музыку и не теперешнюю песню. Эти легкие крылатые звуки ближе к бессмертному всенаполняющему невидимому миру» (ИКН 88).

В сборнике присутствует множество книжных аллюзий и цитат, как правило, неточных. Близкими авторскому «я» могут стать отрывок, цитата, песня, отдельные произведения какого-либо автора вне зависимости от жанра и времени его создания. Единственным критерием отбора становится приближение этих текстов к истинному божественному слову, к словам из книги невидимой.

⁵⁴² Там же. С. 463.

⁵⁴³ Мельникова Е.А. Указ. соч. ... С. 58–67.

⁵⁴⁴ Там же. С. 67.

⁵⁴⁵ В тексте с подзаголовком «Против стихов» сказано: «Чем более вы будете забывать об одежде стихов, о наружном размере ударений, о непрменном созвучии букв в конце каждой строки, только тогда совершится песня свободная неударжимая и место ее будет Церковь или Жизнь» (ИКН 86).

⁵⁴⁶ В прозаическом тексте с подзаголовком «Против романов» читаем: «Это просто длинные повести суеты, так называю я их» (ИКН 85).

Отношение повествователя к книгам, осмысление им книжной культуры — один из сквозных мотивов сборника. Добролюбов неоднократно объясняет свое решение вернуться к написанию книг:

«Но теперь я возвращаюсь и к книгам и признаю вас, мудрецы всех времен, священные чистые книги всех времен, всех народов! Я увидел, что и книга — одно из прекрасных, беспримерных, чудесно-таинственных орудий в новых народах, она достигает и низкого, и дрожащего, и высокого, и надменного» (ИКН 9).

Затем повествователь указывает на боговдохновенность своей книги:

«И Ангел подошел ко мне и показал книгу и велел писать, хотя я ничего не прочитал⁵⁴⁷. И тогда сказал мне: это книга простая, книга простоты. Без простоты я не покажу тебе ее тайн. Оставь, оставь свою волю!» (ИКН 108).

В тексте, озаглавленном «Покойному другу Якову Исаакиевичу Эрлиху⁵⁴⁸», возникает образ воображаемого читателя, который неоднократно появляется в тексте:

«Доканчивая последние страницы этой книги, я увидел тебя. Из какого мира донесся до меня твой глаз и голос твой? Я знаю — если бы ты был жив, ты, может быть, единственный среди людей теперешнего образования понял бы все слова мои в этой книге и не посмеялся бы над ними» (ИКН 187).

В сборнике «Из книги невидимой» заявлено три типа адресатов произведений. Первый — читатели, знакомые с предыдущими книгами автора, имеющие представление о его жизни и литературном творчестве, друзья прошлых лет. Этот предполагаемый адресат прямо связан с

⁵⁴⁷ Библейский сюжет из Апокалипсиса (Откр. 10:8–11). Этот сюжет известен в иконографии. Например, на иконе «Иоанн Богослов в молчании», хранящейся в Эрмитаже, ангел диктует Иоанну на ухо текст Откровения.

⁵⁴⁸ Яков Эрлих (1874–1902) был философом и музыкальным критиком, вместе с А. Добролюбовым и В. Гиппиусом учился в 6-й гимназии в Петербурге, затем на историко-филологическом факультете Санкт-Петербургского университета.

литературой символизма. Наиболее явно образ такого читателя предстает в полемическом «Письме в редакцию "Весов"» (ИКН 85), главного символистского журнала, основанного Валерием Брюсовым. Журнал выходил в книгоиздательстве «Скорпион», где также вышел сборник «Из книги невидимой». Повествователь обращается к обществу образованных с проповедью, обвинениями, называя читателей «братьями» и призывая их к спасению: «Печаль, братья, великая всемирная печаль о пустоте ваших знаний, о бесплодности их — она одна вошла в мое сердце и едва не умертвила всех пирующих во дворце моем с Возлюбленным моим» (ИКН 146). Он отвергает их образ жизни и указывает на то, что еще в детстве они были ему чужды («Ответ людям во времена сомненья» (ИКН 57)). Повествователь не верит в то, что его наставления изменят жизнь тех, к кому он обращается, и ожидает от читателей этого типа лишь критики в адрес своих произведений: «Долго удерживался я из боязни вас, образованные» (ИКН 137). Также он уверен, что его слова будут восприняты этими читателями как проявление безумия: «Братья, считайте безумцем меня, я говорю просто то, что заключено в глубинах моих» (ИКН 137). Безумие здесь следует воспринимать в контексте слов апостола Павла: «Ибо мудрость мира сего есть безумие пред Богом, как написано: уловляет мудрых в лукавстве их» (1 Кор. 3:19).

Второй тип воображаемого читателя — Лев Толстой и толстовцы. Этому читателю посвящено второе эссе в цикле произведений «Отрывок. Против Толстого и Ницше» — «Задача мистики или таинственного учения (против Толстого). О различии между свободой для разума и свободой для Духа Божьего» (ИКН 157). В полемическом произведении «Толстому и его последователям» повествователь излагает причины, по которым не согласен с религиозными взглядами писателя (ИКН 179–182). К читателю этого типа нарратор обращается со словами «брат Лев», «вы и Толстой».

Третий тип воображаемого читателя — люди из народа, с которыми повествователь духовно сблизился после ухода из города. Именно для них,

по словам нарратора, создается эта книга (ИКН 144), как оружие против других книг. Эти читатели также именуются «братьями», они знакомы с религиозным учением повествователя и в произведениях сборника фигурируют как предполагаемые идеальные читатели, к которым обращается лирический субъект: «Братья, примите меня. / Я вас искал и нашел» (ИКН 29). При этом стать идеальными читателями крестьяне в полной мере не могли, поскольку понимание некоторых произведений сборника предполагало наличие образования.

Последователи Добролюбова в основном были ориентированы на самоуглубление, чтение невидимой книги. Например, в одном из писем, включенном в книгу «Мои вечные спутники», последователь Добролюбова сообщает ему о принятии на собраниях общины печатной книги как об исключительном событии:

«Брат, извещаем тебя — в этот сегодняшний день мы у брата Степана все в духе Божьем и в духе совета усоветовали и разрешили для себя видимую книгу, и приняли ее только для свидетельства людям, которые вне невидимой книги»⁵⁴⁹.

По-настоящему идеальными адресатами произведений Добролюбова являлись люди, знакомые с двумя первыми сборниками автора, его биографией, литературой символизма, историей религии, философии и разделявшие его взгляды. Повествователь пытается выстроить в произведениях сборника образ такого читателя. Так, в книгу включено письмо «Сестрам Иоанне и Надежде Брюсовым» (ИКН 158–160) как обращение к идеальным читателям, предполагающее заинтересованность жены и сестры Брюсова в тонкостях его отношения к религиозным мыслителям, литераторам и философам. В то же время в письме «Покойному другу Якову Исааковичу Эрлиху» повествователь сообщает об отсутствии

⁵⁴⁹ Добролюбов А.М. Мои вечные спутники ... Л. 15 об.

этого настоящего идеального реципиента, поскольку единственный идеальный читатель ушел из жизни (ИКН 187).

Впоследствии реальными идеальными читателями сборника стали образованные последователи Добролюбова — Н.Г. Сутковой, А.Я. Колесниченко, П.П. Картушин, С.Н. Дурылин, Л.Д. Семенов и другие. Эти люди присоединились к учению Добролюбова несколькими годами позже выхода в печать сборника «Из книги невидимой», тексты которого имели для них большое значение, поскольку отражали сущность учения Добролюбова. Подобная рецепция отражена в письме, написанном в декабре 1911 г. Николаем Сутковым, разделявшим взгляды Александра Добролюбова, к Сергею Дурылину, который в те годы, работая секретарем в издательстве «Мусагет», заинтересовался религиозным учением поэта. Приведем отрывок из письма:

«[...] Д.[обролюбов] дорог мне не только как человек, освободившийся в свободу сынов Божиих, "съединенный с Отцом", озаренный свыше, но и как человек, способный положить начало обновлению вселенской Церкви. При огромной силе духа он соединяет полноту веры с отсутствием суеверий. Для человека слабого часто, может быть, и нужны таинства, обряды и вообще все то, что хоть иногда может привести в благоговейное настроение, но для него вся жизнь — великое Таинство и непрестанное Богослужение. Хотя он признает Евангелие величайшим откровением, но и оно не нужно ему, так как перед ним широко раскрыта Книга Жизни, каждое даже ничтожное явление которой хранит в себе глубочайшую мудрость для умеющего читать ее. Но он имеет еще доступ и к Невидимой книге, слышит Бога.

Он весь ушел во внутреннее Богопознание и друзей своих предостерегает от всего наружного. Я знаю несколько ближайших друзей его, достигших высокой степени духовности. И только поэтому я могу хоть слабо представить себе и высоту духа их учителя и могущество того пути, по

которому они идут. Высшего пути я не знаю и потому всеми силами стараюсь стать на него, хотя непрестанно сбиваюсь с него, падаю по ужасной духовной слабости своей.

Я верю, что все истинные Богоискатели неизбежно будут приведены на этот путь (или близкий к нему), и хотя сейчас эта зарождающаяся Церковь может быть состоит всего из Д.[обролюбова], его братьев и немногих других искателей Истины, рассеянных по разным странам и сектам, — но я думаю, что уже настало время для такой свободной церкви и она будет быстро расти: с одной стороны, видимо разрушается старая наука — твердыня неверия, захватившего в свою грубую ловушку лучших людей, а с другой — так же будут таять по мере роста духовного и все суеверия, которые так разделяют верующих и отдают их во власть князя мира сего. [...]»⁵⁵⁰.

В приведенном письме чтение Книги невидимой означает умение видеть Бога и разговаривать с ним. Сам сборник выступает в качестве священной книги, как репрезентация открывшегося автору божественного откровения.

В финальном тексте «Последние слова» повествователь приходит к отказу от книг и от отвергаемого общества, сообщая вновь о том, что он не по своей воле стал автором книги, и о переходе к книге Невидимой:

«Я писал все эти страницы на видимой бумаге не ради себя и даже не ради любви. Все это я написал даже против воли моей — только ради того, чтоб исполнить обязанность, ради того, чтоб засвидетельствовать осуждение всему прежде написанному мной, когда я был еще на путях неверья и искусственности и всякого заблуждения.

Оставляю навсегда все видимые книги, чтоб принять часть только в книге Твоей.

Все это написанное я разумею так же малым, как мал закон Моисея пред благодатью. На видимой бумаге никогда не выскажешь Главной Истины и Тайны. Вступайте в книгу Жизни!» (ИКН 202).

⁵⁵⁰ Письма Суткового Н.Г. Дурылину С.Н. ... Лл. 1–2об.

Повествователь предлагает вступать в книгу Жизни, символизирующую веру и жизнь с Богом. Книга невидимая сближается с божественным откровением, а сборник Добролюбова — с книгами Нового Завета.

У мистических христиан не существовало классического понимания Святой Троицы. Сыном Бога мог стать любой человек, достигший определенной ступени духовности, став Христом, то есть обретя божественный дух. Такого человека считали Христом, он становился руководителем общины, корабля. Ему открывалась живая или животная⁵⁵¹ книга судеб, в которой он видел настоящее, и будущее, и прошлое. В отдельных произведениях сборника «Из книги невидимой» нарратор сближается с фигурой Иисуса Христа.

По этой причине ему становятся доступны слова невидимой книги и общение с Богом. Книга совести и понимание символизма книги жизни представлены в сборнике как ступени перед вступлением в невидимый мир.

Таким образом, повествователь разделяет книги на видимые и невидимые. К видимым книгам он относит Ветхий Завет (который называет также «буквальная книга»⁵⁵², «наружная книга»⁵⁵³, «полезная книга»⁵⁵⁴) и некоторые печатные книги, близкие его позиции. Наиболее значимой книгой для нарратора является невидимая книга. Она сближается по значению с Евангелием. Ее наименования — «книга Мать», «книга простоты», «Истинная Книга Очевидности», «бесконечная, свободная книга». Сборник «Из книги невидимой» вторичен по отношению к главной книге.

⁵⁵¹ Животная, живая книга — у хлыстов это «воображаемая книга судеб, доступная для чтения взору радеющего пророка, для которого ясно и прошедшее, и будущее человека» (Рождественский Т.С. Объяснительный словарь ... С. 33).

⁵⁵² «Новое будто более духовное вино стояло предо мной — вино видимой книги и я выпил его, я уверовал во всю буквальную книгу, во всю букву ее. Тогда я первый раз увидел Господа, хотя за покрывалом, потому что я начал очищать путь» (ИКН 182–183).

⁵⁵³ «В мою наружную комнату вошел наружный невысокий человек и подарил мне на праздник наружную книгу. Так делает он по всей тюрьме каждый год и истинно его ведет дух любви, но он еще темен и печален, он под стражей ветхозаветного закона. [...] Так, братья, умеете читать и видимую книгу» (ИКН 103–104).

⁵⁵⁴ «На ночлегах я выискивал полезную книгу в хозяйской шкатулке или громко читал свой новый завет» (ИКН 74).

Основным прообразом книги невидимой стала книга из Апокалипсиса. В Откровении Иоанна Богослова неоднократно упоминается книга за семью печатями: «И видел я в деснице у Сидящего на престоле книгу, написанную внутри и отвне, запечатанную семью печатями. И видел я Ангела сильного, провозглашающего громким голосом: кто достоин раскрыть сию книгу и снять печати ее? И никто не мог, ни на небе, ни на земле, ни под землею, раскрыть сию книгу, ни посмотреть в нее» (Откр. 4:1–3). Название книги — «невидимая» — также содержит коннотацию книги, недоступной для взора. Книга в Апокалипсисе представляет собой божественный замысел, который был лишь частично открыт в книгах Ветхого Завета⁵⁵⁵.

Кроме того, эта книга рассматривается как книга судеб, книга жизни, документ, завет. В тексте Апокалипсиса упоминаются еще три книги помимо запечатанной — книга жизни, в которой записаны имена спасенных людей (Откр. 20:12, 15), книга людских деяний, которая также откроется в судный день (Откр. 20:12), и книга (Откр. 10:2), которую съел Иоанн Богослов, после чего получил способность пророчествовать: «И я пошел к Ангелу и сказал ему: дай мне книжку. Он сказал мне: возьми и съешь ее; она будет горька во чреве твоём, но в устах твоих будет сладка, как мед. И взял я книжку из руки Ангела, и съел ее; и она в устах моих была сладка, как мед; когда же съел ее, то горько стало во чреве моем. И сказал он мне: тебе надлежит опять пророчествовать о народах, и племенах, и языках, и царях многих» (Откр. 10: 9–11)⁵⁵⁶. В тексте «Из книги невидимой» Ангел показывает повествователю книгу и заставляет его писать, что перекликается с приведенной цитатой из Апокалипсиса:

«И Ангел подошел ко мне, и показал книгу, и велел писать, хотя я ничего не прочитал. И тогда сказал мне: это книга простая, книга простоты. Без простоты я не покажу тебе ее тайн. Оставь, оставь свою волю! Разве я не учил тебя этому все эти годы?

⁵⁵⁵ Андросова В.А. Небесные книги в Апокалипсисе Иоанна Богослова. М., 2013. С. 148.

⁵⁵⁶ Этот текст имеет прообразы в Ветхом завете. Иезекииль съедает свиток с надписью «плач, и стон, и горе» (Иез. 2:10).

Разве не пели этого с тобой друзья твои — помнишь? — среди зеленых полей пред прощаньем?» (ИКН 108).

Название книги — «невидимая» — также отсылает к священному Китеж-граду, который, согласно народному преданию, скрыт в глубинах озера Светлояр. К берегу этого озера в селе Владимирское (сейчас — Воскресенский район Нижегородской области) приходили искатели невидимого града, но, как говорит легенда, увидеть в воде Китеж, его улицы и церкви могли только праведные люди. С.Н. Дурылин в статье «Церковь невидимого града. Сказание о Граде Китеже» приводил еще две альтернативные версии истории города. Согласно второму преданию, Большой Китеж скрылся под землей. Местные жители, по словам Дурылина, молились «на эти холмы и бугры земные, таящие храмы небесные»⁵⁵⁷. Третья легенда гласит, что Китеж-град до сих пор возвышается на тех же холмах, но люди не могут видеть его из-за своей греховности: «Невидимая Церковь невидима нами лишь до тех пор, пока мы не знаем пути к ней, пока мы не пришли к ней [...] тропой подвига, послушания и религиозного опыта»⁵⁵⁸.

В эссе Александра Добролюбова «Части человека» упоминается также «Стих о Голубиной книге» (ИКН 174). В этом духовном стихе описывается упавшая с неба книга, очень большого размера, содержащая ответы на вопросы о сотворении мира:

«Великая книга голубиная!

В долину книга сорока локоть,

поперек книга тридцати локоть,

в толщину книга десяти локоть.

Не узнать нам, во книге что написано;

на руках держать нам книгу, не удержать будет,

умом нам сей книги не сосметити,

⁵⁵⁷ Дурылин С.Н. Церковь невидимого града. Сказание о Граде Китеже // Дурылин С.

Н. Статьи и исследования 1900–1920 годов / Сост., вступ. статья и коммент. А.И. Резниченко, Т.Н. Резвых. СПб., 2014. С. 116.

⁵⁵⁸ Там же. С. 117.

и очам нам книгу не обозрити [...]»⁵⁵⁹

В.Н. Мочульский называл источником «Стиха о Голубиной книге» апокриф «Беседа трех Святителей»⁵⁶⁰. Этот текст построен в форме вопросов и ответов «от имени трех виднейших иерархов православной церкви — Василия Великого, Григория Богослова и Иоанна Златоуста»⁵⁶¹.

Мочульский указывал, что название «"Глубина" нередко давалось Псалтыри»⁵⁶², поэтому он предположил, что «название "Глубина" применялось издавна к книгам каноническим, исполненным мудрости»⁵⁶³. Он полагал, что подобное наименование могло закрепиться и за «Беседой трех Святителей»⁵⁶⁴.

А.А. Архипов считал, что Голубиная книга «воспринималась или как Св. Писание, или как его представительная часть, или как текст, который отождествлялся со Св. Писанием, например, апокриф»⁵⁶⁵. Этой книгой-прообразом, по мнению Архипова, стало древнееврейское название Торы «sefer tora», которое в Древней Руси было прочитано как «sefer tor» и переводилось как «книга горлицы»⁵⁶⁶. Согласно этой гипотезе, Голубиная книга восходит к голубю, также ставшему символом Святого Духа в Троице.

Образ Голубиной книги стал для Добролюбова одним из источников невидимой книги, как книга глубинная, в противовес книге внешней, и как священная христианская книга в народном восприятии. На связь невидимой книги с Голубиной книгой указывал также литературовед А.А. Ханзен-Леве⁵⁶⁷.

⁵⁵⁹ Варенцов В.Г. Сборник русских духовных стихов ... С. 20–21.

⁵⁶⁰ Мочульский В.Н. Историко-литературный анализ стиха о Голубиной книге. Исследование. Варшава, 1887. С. 43.

⁵⁶¹ Лурье Я.С. Беседа трех святителей // Словарь книжников и книжности Древней Руси. Вторая половина XIV–XVI в. Л.: Наука, 1988. Ч. 1. Вып. 2. С. 89.

⁵⁶² Там же. С. 49.

⁵⁶³ Там же. С. 49.

⁵⁶⁴ Там же. С. 49.

⁵⁶⁵ Архипов А.А. К истолкованию названия «Голубиная книга» // Этнолингвистика текста. Семиотик малых форм фольклора. I. Тезисы и предварительные материалы к симпозиуму. М., 1988. С. 176.

⁵⁶⁶ Архипов А.А. «Голубиная книга» // По ту сторону Самбаттона: Этюды о русско-еврейских культурных, языковых и литературных контактах в X–XVI веках. Oakland (California), 1995. С. 106.

⁵⁶⁷ Ханзен-Леве А.А. Русское сектанство ... С. 192.

У духовоборов⁵⁶⁸ существует также «Животная книга» — сборник псалмов, передающихся устно. «"Напишите во сердцах, возвестите во устах", — говорят духовборцы, — "потому что не диво записать на бумаге, — прибавляют они, — а важно проникнуться в сердце своем правдой и истиной". И вот тот человек, который будет в достаточной мере сосредоточен в самом себе, тот человек, который познает "истинный дух Христа" — не будет нуждаться ни в чем писанном, ибо у него уже написано на сердце, и уста его возвестят правду, если он почувствует потребность высказаться»⁵⁶⁹, — писал в предисловии к изданию «Животной книги» В. Бонч-Бруевич.

Образ «невидимой книги» А. Добролюбова также сближается с пониманием духовборцами «Животной книги».

Кроме того, известен проект идеальной книги французского символиста С. Малларме. О нем Малларме писал в эссе 1895 г. «Книга, орудие духа»⁵⁷⁰:

«Скажу больше: я мечтаю о Книге, единственной на свете, [...], ее и никакую другую пытался создать, сам того не зная, каждый, кто брал в руки перо, не исключая Гениев. Она — орфическое истолкование Земли, в коем только и заключается подлинное призвание поэта и высшее предназначение литературного действия: в подобной книге всё — от ритма, безличного и живого, вплоть до нумерации страниц — должно соотноситься с требованием этой мечты, или Оды.

Созревшее во мне убеждение [...] состоит в том, что все в мире существует для того, чтобы завершиться некоей книгой.

Сирий среди сирых, я трепещу пред мыслью о достоинствах — а это прежде всего гениальность, — потребных для создания подобного творения; но это не должно останавливать; пусть такое произведение не будет иметь

⁵⁶⁸ В экземпляре, хранящемся в Музее книги РГБ и фонде В. Брюсова в ОР РГБ, «Песня братьям» имеет рукописный подзаголовок «при первой вести о духовборах» (Добролюбов А.М. Из книги невидимой ... Л. 14 об.)

⁵⁶⁹ Животная книга духовборцев ... С. 1.

⁵⁷⁰ Малларме С. Книга, орудие духа (1895) // Поэзия французского символизма. Лотреамон. Песни Мальдорора / сост., общ. ред. и вступ. ст. Г.К. Косикова. М., 1993. С. 427.

авторской подписи, — взгляды, каково оно: это — хвалебная песнь, гармония и ликование, это — сущая, словно высвеченная молнией, связь всего со всем. Человек — он наделен даром божественного зрения, ибо такая взаимосвязь, сама по себе сколь угодно прозрачная, обнаруживается, под его взглядом, лишь во взаимном сопряжении страниц»⁵⁷¹.

Мы можем лишь предполагать, что Добролюбов был знаком с этим текстом, опираясь на сведения о том, что он читал на французском языке, интересовался творчеством Малларме⁵⁷² и заказывал книги из Франции⁵⁷³. В начале XX века эссе Малларме еще не было переведено на русский язык. Нам неизвестны упоминания символистов о нем.

Повествователь «Из книги невидимой» также воспринимает свою книгу, как орудие (ИКН 9), «соединение» с землей и людьми (ИКН 4), хвалебную песнь. Идеальная книга, которой все должно завершиться, — образ, присутствующий в исследуемом нами сборнике, поскольку повествователь видит «Из книги невидимой» последней художественной книгой, написанной им: «Оставляю навсегда все видимые книги, чтобы принять часть только в книге Твоей» (ИКН 202).

Невидимая книга — божественное откровение, которое возникает в душе и сердце нарратора, что дает ему возможность пророчествовать. Если все современное представляется ему ужасом и пустыней, то жизнь в невидимой книге — обретенным раем.

В сборнике «Из книги невидимой» Добролюбов впервые осуществил авторскую рефлексия над полижанровым образованием «книга» и, продемонстрировав читателям его возможности, отказался от него, как невозможного для себя.

Как мы увидели, для Добролюбова **книга** — полижанровое образование, в котором представлен духовный путь лирического субъекта.

⁵⁷¹ Цит. по: Гарин И. Проклятые поэты. М., 2003. С. 785–786.

⁵⁷² Брюсов В.Я. Автобиография ... С. 70; Венгеров С.А. Александр Добролюбов ... С. 159.

⁵⁷³ Брюсов В.Я. Дневники ... С. 87.

«Из книги невидимой» включает в себя тексты разной жанровой и стилистической принадлежности, отражающие видения и откровения авторского «я», в структурированном единстве которых выражена авторская утопия о книге жизни.

В следующей главе мы рассмотрим источники духовных песен добролюбовцев и их образность.

Глава 3. Духовные песни Александра Добролюбова: источники и вопросы атрибуции

3.1. Круг песнопений добролюбовцев

И.П. Ярков писал в своей работе: «Собирая и записывая стихи "брата Александра", я исхожу из соображения, что не сохранить эти песни Добролюбова для будущего, для литературы и истории литературы было бы просто преступлением против духа»⁵⁷⁴. Последователи Добролюбова не ценили книги, поэтому большая часть текстов того периода была утрачена. «[...] братки со временем утратили всякий интерес к чтению, порастеряли даже то скудное богатство, которым снабжали их "братья образованные", потратили бог весть на какие надобности даже письма — и Толстого, и самого Добролюбова (к ним), грубо уничтожили даже все его творчество. Ничего не уцелело, все погибло, и не по злой воле кого бы то ни было, а по воспитанному их вождем преступно-халатному отношению к книге видимой, печатной, осязаемой, реальной», — вспоминал Ярков⁵⁷⁵. Несмотря на отсутствие симпатии к книге, к духовной песне добролюбовцы относились с уважением, их песенный репертуар был обширен, некоторые из них тоже сочиняли духовные стихи⁵⁷⁶.

Авторов песен, последователей Добролюбова, можно разделить на сочинителей из общества образованных и сочинителей из народной среды. К первым относятся Леонид Семенов, Алексей Колесниченко. В нашей работе мы рассмотрим лишь те произведения этих авторов, которые входили в круг пения последователей Добролюбова, не претендуя на полную характеристику их религиозного творчества. Так, например, известно, что Алексей Колесниченко сочинил псалом «Великий Простой», в котором старался передать основные принципы учения Добролюбова. Текст был опубликован

⁵⁷⁴ Ярков И.П. Какими я их знаю ... Л. 399.

⁵⁷⁵ Там же. Л. 261.

⁵⁷⁶ Материалы данного раздела опубликованы в статье: Служаева О.О. К вопросу атрибуции духовных песен А.М. Добролюбова // Современное педагогическое образование. 2024. № 8. С. 260–265.

в статье А. Пругавина «Подвижники», посвященной добролюбцам⁵⁷⁷. В статье не было указано, полностью приведен текст или частично. Стихотворение состоит из зачина, в котором лирический субъект обращается к братьям с целью «воспеть песнь Великому Простому» и основной части, которая представляет собой перечисление тезисов типа: «Нет мудрости выше простоты духа! // Нет святости выше величия смиренных!». Текст этой песни также приводит в своей работе И. Ярков по списку Пругавина.

В.С. Баевский, основываясь на материалах работы И.П. Яркова «Моя жизнь: Воспоминания», пишет, что поэт Леонид Семенов с августа 1908 г. по январь 1909 г. жил в Самарской губернии среди добролюбцев, где сблизился с А.М. Добролюбовым и его последователями⁵⁷⁸. Ярков отмечал, что из-за «стихов для народа с религиозным содержанием» между поэтами началось соперничество. «Браткам» больше нравились произведения Леонида Семенова: «Многие из добролюбцев это высказывали открыто и — на собраниях отдавали предпочтение пению стихов "брата Леонида"»⁵⁷⁹.

По свидетельству Яркова, на собраниях добролюбцы пели песню на стихотворение Семенова «Брат Молчанье, Святое Молчанье» (Прил. 2, № 1), в котором лирический субъект предлагает братьям обратиться к созерцанию и молчанию для познания Бога⁵⁸⁰. Практика молчания для достижения божественного откровения и отстранения от мирской суеты была одной из главных черт учения Добролюбова, о чем не раз писали современники, описывая встречу с поэтом. О том, что молчание является древней христианской практикой, традиционной, например, для исихастов, писал К.А. Богданов⁵⁸¹. Третью строфу из этой песни («Мы должники в плену у мира, / должны мы миру заплатить, / чтоб каждый взял себя от мира, / себя чтоб Богу возвратить») Л. Семенов, рассуждая о необходимости перенести

⁵⁷⁷ Пругавин А.С. Подвижники ... С. 174.

⁵⁷⁸ Баевский В.С. Жизнестроитель и поэт // Леонид Семенов. Стихотворения. Проза. М., 2007. С. 491–492. Аналогичные сведения о том, что Л. Семенов некоторое время жил в Росташах среди добролюбцев, Ярков приводит в работе «Какими я их знаю. Рассказы о "брате Александре"» Добролюбова, его друзей и последователей» (Ярков И.П. Какими я их знаю ... Лл. 228–230).

⁵⁷⁹ Ярков И.П. Какими я их знаю ... Лл. 230–231.

⁵⁸⁰ Там же. Лл. 474–475.

⁵⁸¹ Богданов К.А. Очерки по антропологии молчания. Homo Tacens. СПб., 1997. С. 127–169.

мирские страдания за свою прошлую несправедливую жизнь перед освобождением в вере, цитирует в своем автобиографическом романе «Грешный грешным»⁵⁸². В.С. Баевский указывал, что песня была написана в 1907 или 1908 гг., и что этим четверостишьем Семенов «подвел итог их отношений» с Толстым⁵⁸³, хотя Семенов в романе цитирует песню после описания событий осени 1910 г. и уточняет, что «слагалась песня тогда»⁵⁸⁴.

В стихотворении «Мы как рассеянные капли» (Прил. 2, № 2) лирический субъект предлагает оставить мирскую славу («Богатство, честь, родню, любимых / о, брат, оставь и не жалея») и обратиться к борьбе за вечную жизнь и молитве («Молитесь, братья! Бог к нам близок / Боритесь, братья до конца»). Духовная песня Семенова «Попросим, братья, мы у Бога» (Прил. 2, № 3) открывается зачином-четверостишьем, в котором лирический субъект предлагает братьям обратиться с просьбой о спасении к Всевышнему («Попросим, братья, мы у Бога, / чтоб он приблизил к нам Свой свет, / чтоб в этот час, когда мы вместе, / к Себе подняться нам помог»). В дальнейшем песня строится в форме монолога. Песня Леонида Семенова «Христос рождается» (Прил. 2, № 4) построена на приеме лексического и синтаксического повторов в форме обращения лирического «я» к слушателям («К нему приступите, / Ему поклонитесь, / Ему принесите / дары от трудов») и посвящена евангельской истории рождения Иисуса. В текстах песен находим прославление основных практик учения Добролюбова — молчания, простоты, смирения, покорения духом плоти, физического труда. Также присутствуют образы восхождения по ступеням к Богу, духовного вина. Песни Л. Семенова «Мы как рассеянные капли» (Прил. 2, № 2) и «Попросим, братья, мы у Бога» (Прил. 2, № 3) написаны четырехстопным ямбом, как и большинство стихотворений поэта в сборнике «Собрание стихотворений»⁵⁸⁵. Песня «Брат Молчанье, Святое Молчанье» (Прил. 2, № 1) написана

⁵⁸² Семенов Л.Д. Стихотворения. Проза ... С. 307

⁵⁸³ Там же. С. 491.

⁵⁸⁴ Там же. С. 307.

⁵⁸⁵ Семенов Л.Д. Собрание стихотворений ...

трехстопным анапестом. Этот размер также неоднократно встречается в его стихотворениях («Молитва», «Эпиталама» и др.) Духовная песня «Христос рождается» относится к двухиктному дольнику. Л. Семенов использует силлабо-тоническое стихосложение.

В духовных песнях Л. Семенова отражены библейские сюжеты и образы. Отсутствуют образы из поэзии мистических сектантов; нет сниженной лексики и диалектизмов.

Также Ярков указывал, что на собраниях братья пели песню на стихотворение Н. Клюева «Я был в духе в день воскресный»⁵⁸⁶. Песня была впервые опубликована в газете «Новая земля» в 1911 г.⁵⁸⁷, а в 1919 г. вошла в издание стихотворений Клюева «Песнослов»⁵⁸⁸. Эта песня имеет эпиграф из Апокалипсиса и представляет собой литературное переложение его текста.

Крестьянин Алексей Усков также был одним из авторов духовных песен, исполнявшихся добролюбовцами. Ярков сообщал о нем следующее: «Алексей Кузьмич Усков — наиболее одаренный из "братков" поэт, один из активных организаторов выселения их на поселок "Всемирное братство" Богдановского сельсовета Куйбышевской области»⁵⁸⁹.

Ему принадлежат тексты песен «Пойдем, друзья, в страну родную»⁵⁹⁰, «Мы должны, друзья, построить»⁵⁹¹. Эти тексты не опубликованы, они приводятся в работе И.П. Яркова «Какими я их знаю. Рассказы о "брате Александре"» Добролюбове, его друзьях и последователях». Он также атрибутирует Ускову авторство песни «Да не полно ли нам, братцы»⁵⁹², которая в архивах С.Н. Дурылина и А.К. Чертковой отнесена к авторству Добролюбова. То же с песней «Креститесь, други милые»⁵⁹³. В списке Яркова указано авторство Ускова, а в сборнике Чертковой эта же песня с небольшими лексическими разночтениями под заглавием «Не наружно то

⁵⁸⁶ Там же. Л. 517.

⁵⁸⁷ Клюев Н.А. Я был в духе в день воскресный... // Новая земля. 1911. № 10.

⁵⁸⁸ Клюев Н.А. Песнослов. Кн. 1. Петроград, 1919. С. 71.

⁵⁸⁹ Ярков И.П. Какими я их знаю ... Л. 489.

⁵⁹⁰ Там же. Л. 492.

⁵⁹¹ Там же. Л. 493.

⁵⁹² Там же. Лл. 490–491.

⁵⁹³ Там же. Л. 489.

крещение...» атрибутирована Добролюбову⁵⁹⁴. При сопоставлении списков в вариантах, приведенных Ярковым, заметно усиление фольклоризации песен Ускова.

Последователь Добролюбова Григорий Миронов также сочинял песни, которые пользовались популярностью у братьев. И.П. Ярков писал о нем: «Григорий Иванович Миронов — незаурядный поэт-самородок. Многие его стихи прочно вошли в песенный обиход "братков". По содержанию стихи Миронова носят дидактически-нравоучительный характер, по форме довольно однообразны. Не следует забывать, что Миронов не получил почти никакого образования. Оба брата Мироновы — Степан и Григорий — состояли в переписке с Л.Н. Толстым⁵⁹⁵. Жили Мироновы в селе Алексеевка (Землянки тож) Бузулукского уезда б. [ывшей] Самарской губернии»⁵⁹⁶. Согласно Яркову, его авторству принадлежат песни «Близок, близок час кончины», «Слуги света, все вставайте», «Воспоем, братья, с победой», «Вот приблизилось время»⁵⁹⁷. Опубликована была лишь песня «Близок, близок час кончины» в издании Чертковой, но ее автором был указан Добролюбов⁵⁹⁸. В списках этой песни находим лексические разночтения. Например, вместо обращения «*други*» в списке Яркова — «*люди*» в сборнике Чертковой, «*ихо*» вместо «*их*», «*Мысею*» вместо «*Моисею*». Приведем четверостишие в двух списках:

Черткова	Ярков
Как бы, братцы, <i>не</i> обмануться И на ложный путь <i>не уйти</i> : Везде хитрость, ложь, <i>обман</i> — Как тут истину <i>найти</i> ?	Как бы, братцы, <i>нь</i> ' обмануться и на ложный путь <i>нь</i> ' <i>уйти</i> ть? Везде хитрость, ложь, <i>обманы</i> — как тут истину <i>найти</i> ть?

⁵⁹⁴ Черткова А.К. Указ. соч. С. 59.

⁵⁹⁵ Толстой Л.Н. Полн. собр. соч. Т. 76. С. 167–168, 283; Т. 77. С. 109–110, 285.

⁵⁹⁶ Ярков И.П. Какими я их знаю ... Л. 496.

⁵⁹⁷ Ярков И.П. Там же. Лл. 496–506.

⁵⁹⁸ Черткова А.К. Указ. соч. С. 56.

Ярков использует фонетическую запись, а Черткова — обычную орфографию. В списке Яркова появляются просторечные формы глаголов: *уйтить, найтить*. Частица «не» объединяется с последующим глаголом и преобразуется в «нь». Текст Яркова больше на два четверостишия. Вероятно, у Чертковой текст записан не полностью, а у Яркова приведен полный текст.

Помимо песен самого Добролюбова и его последователей, на собраниях исполнялись также стихотворения известных авторов. По словам И.П. Яркова, в этот круг песен входили стихотворения А.К. Толстого «Благословляю вас, леса», И.С. Никитина «Разговоры», А.М. Жемчужникова «Притча о сеятеле и семенах», М.Ю. Лермонтова «Молитва» и «Ангел», Н.М. Языкова «Подражание псалму XIV» и «Пловец», А.С. Хомякова «По прочтении псалма» и «Труженик», А.Н. Плещеева «Вперед! Без страха и сомненья...»⁵⁹⁹. Стихотворения Хомякова, пишет Ярков, пользовались большой популярностью у всех сектантов, в том числе у добролюбовцев. При исполнении тексты стихотворений подвергались редактированию. Например, в стихотворении Хомякова «По прочтении псалма» вместо «Земля трепещет: по эфиру / Катится гром из края в край» пели «Земля трепещет, и сверкая, / Катится гром из края в край»⁶⁰⁰. В другом случае правка связана с идеологией учения — отрицанием науки и провозглашением свободы духа. В стихотворении Плещеева «Вперед! Без страха и сомненья» в стихах вместо «И пусть под знаменем науки / Союз наш крепнет и растет» добролюбовцы пели «И пусть под знаменем свободы / Союз наш крепнет и растет»⁶⁰¹.

На собраниях также исполнялись стихотворения С.Я. Надсона «Друг мой, брат мой», «Желание» («О, если там, за тайной гроба»), И.И. Горбунова-Посадова «Нам жизнь дана, чтобы любить», «Счастлив тот, кто любит все живое», «Учитель» («Учитель он был во французском селе»), А.П. Барыковой «Мученица», М.П. Розенгейма «Пророк», «Не осуждай»⁶⁰².

⁵⁹⁹ Ярков И.П. Какими я их знаю ... Лл. 515–538.

⁶⁰⁰ Там же. Л. 519.

⁶⁰¹ Там же. Л. 523.

⁶⁰² Там же. Лл. 523–526.

Христианская поэзия А.В. Кольцова не вошла в песенный репертуар добролюбовцев. Ярков это связывает с тем, что их «отпугивал типично православный антураж кольцовских стихов: иконы, свечи, лампы и проч.»⁶⁰³.

Добролюбовцы для исполнения выбирали стихотворения на религиозно-философские темы, близкие по содержанию своему учению. В этих произведениях были выражены важные для них мотивы и образы: свободы, любви ко всему живому, единения человека с миром природы и животных, неприятия оружия и воинской службы, корабля верующих, плывущих сквозь бурю к тайному граду, проповеднической деятельности в рамках литературных вариаций притчи о сеятеле, странничества, нищей жизни, принятия мученической смерти за веру, физического труда. Важным оказывается мотив противостояния верующего грешному миру и его законам, по которым праведников обрекают на смерть (И.И. Горбунов-Посадов, «Учитель», А.П. Барыкова, «Мученица»). В некоторых стихотворениях проявляется мотив страдания от столкновения с грешным миром («Друг мой, брат мой» С.Я. Надсона, «Пророк» М.П. Розенгейма), надежды на обретение покоя в загробной жизни («Желание» С.Я. Надсона), достижения в ходе плавания «блаженной страны» («Пловец» Н.М. Языкова).

Исполняться на собраниях могли песни брата Александра, мормонов, молоканские псалмы⁶⁰⁴, песни евангельских христиан из сборника «Гусли», составленного И.С. Прохановым⁶⁰⁵. Впервые «Гусли» были изданы в 1902 г. тиражом 20 тысяч экземпляров и в дальнейшем неоднократно переиздавались, дополняясь новыми текстами, в том числе авторства Проханова. В последний раз сборник «Гусли: духовные песни с нотами: для общего пения и хорового исполнения» был напечатан в 1928 г. в Ленинграде. Из этого сборника добролюбовцы пели: «Я духом обновленья»⁶⁰⁶,

⁶⁰³ Ярков И.П. Какими я их знаю ... Л. 526.

⁶⁰⁴ Там же. Лл. 336–337.

⁶⁰⁵ Там же. Л. 340.

⁶⁰⁶ Проханов И.С. Гусли: Сб. духов. песен / Сост. И.С. Проханов. 3-е изд. Гальбштадт, 1911. С. 164.

евангельский гимн Мартина Лютера «Господь — наш щит и упование»⁶⁰⁷, «Иерусалим прекрасный»⁶⁰⁸.

Из работы Яркова известно также, что dobroлюбовцы исполняли песню на стихотворение Добролюбова «Я вернусь к вам, поля и дороги родные» из сборника «Из книги невидимой» (ИКН 64)⁶⁰⁹.

Одной из любимых песен братьев, пишет Ярков, была духовная песня «Ты любовь, ты любовь, / Ты любовь святая»⁶¹⁰. Слова этой песни цитирует А. Блок в статье «Стихия и культура», написанной в 1908 г.⁶¹¹ Это произведение под заглавием «Из русских народных песен» входило в рукопись сборника «Мои вечные спутники», отправленную в Московский цензурный комитет 6 января 1905 г.⁶¹² В 1914 г. эта песня была опубликована Добролюбовым в журнале «Всемирное единение»⁶¹³. По всей видимости, А. Блок узнал об этой песне из рукописи книги Добролюбова. В статье Блока сектантство вместе с православным (добролюбовцы не считали себя православными) крестьянским народом предстает стихией, олицетворением России, с которой интеллигенция разобщена, что в перспективе, по мнению Блока, способно привести к социальному взрыву.

По свидетельству И. Яркова, все песни на собраниях пели по памяти. Выбор песни был продиктован расположением духа. В подтверждение своих слов он приводит такой диалог, не уточняя, к какому времени относится это описание:

«— Братья, мне пришел на сердце стих... Может быть, споем его?

— Отчего не спеть? Пройдем, брат Василий? Сестра Оля, пройдем?

⁶⁰⁷ Там же. С. 413.

⁶⁰⁸ Там же. С. 164.

⁶⁰⁹ Ярков И.П. Какими я их знаю ... Л. 402.

⁶¹⁰ Там же. Л. 338.

⁶¹¹ Блок А. Стихия и культура // «Наша газета». 1909. 6 января.

⁶¹² Добролюбов А.М. Мои вечные спутники, сборник чистых слов, избранные слова из всех народов. Из священных писаний и из книг мудрецов. Запрещено 22.VI. // ЦГАМ. Ф. 31. Оп. 2. Д. 674. Л. 56–57.

⁶¹³ Из русской народной песни, записанной Александром Добролюбовым // Всемирное единение. Вып. 2. 1914. С. 26–27.

Выражение "пройдем" должно было означать — припомним ли на память все слова предложенной песни.

— Пройдем, — уверенно отвечают присутствующие.

— Ну, а если и не пройдем, беда не велика. Ангелы допоют.

— Запевай, брат Иван»⁶¹⁴.

Впервые И. Ярков познакомился с последователями Добролюбова в 1913 г.⁶¹⁵, а присутствовал на встрече добролюбовцев он впервые в 1917 г.⁶¹⁶. Он писал, что частота встреч добролюбовцев зависела «от настроения, от внутренней потребности в общении»⁶¹⁷. «Собраться можно в любой день недели, либо, наоборот, долго почему-нибудь не собираться»⁶¹⁸, — вспоминал Ярков. Встречи добролюбовцев происходили в избе одного из них:

«Слух о том, что собираются, скажем, у брата Ивана, быстро облетал весь поселок, и вот уже в избе брата Ивана не двое или трое, а иногда десятка два народу — и сестер, и братьев. Рассаживались кто как попало, без определенного порядка, без всякого "старшинства", и на стульях, и на скамьях, и на постели, и на полу. Никакой особой одежды ни на ком из собравшихся не было, но по повсеместно принятому в сектантской среде стародавнему обычаю братки появлялись преимущественно в белых рубахах-косоворотках навывпуск, с легонькой опоясочкой или ремешком или какой-нибудь немудреной тесемочкой. Сестры же — в белых кофтах навывпуск»⁶¹⁹.

Собрания продолжались до глубокой ночи, до двух-трех часов утра⁶²⁰. «Почему же это так получается, что братья все поют и поют, и ни у кого не

⁶¹⁴ Ярков И.П. Какими я их знаю ... Лл. 336–337.

⁶¹⁵ Там же. Л. 196.

⁶¹⁶ Там же. Лл. 383–388.

⁶¹⁷ Там же. Л. 329.

⁶¹⁸ Там же.

⁶¹⁹ Там же. Л. 330.

⁶²⁰ Там же. Л. 344.

возникает желания прекратить собрание и разойтись? — писал Ярков. — Не расходятся потому, что все охвачены одним общим — музыкально-песенным или, что то же, песенно-молитвенным настроением, оборвать которое ни у кого нет охоты»⁶²¹.

По словам Яркова, музыкальная, песенная память у всех сектантов была незаурядная⁶²², поэтому круг произведений для пения был широким и не предполагал наличия на собрании песенной тетради. Мелодии песен не записывали, так как нотной грамоты крестьяне не знали⁶²³. Между песнями были паузы молчания, потом кто-то снова запевал и все присоединялись к исполнению. Молитв на собраниях не было, их заменяли духовные песни⁶²⁴.

О духовной песне, близкой невидимому миру, которая звучит в храме, то есть на собрании верующих, как дар Богу, Добролюбов писал в «Письме в редакцию "Весов"»: «Из всех ваших искусств частью понимаю и признаю я в храме только одно — музыку и песню, но даже не теперешнюю музыку и не теперешнюю песню. Эти легкие крылатые звуки ближе к бессмертному всенаполняющему невидимому миру. И песня пусть является только от избытка в сердце и пред Всевидящим — на жертвеннике бесконечного» (ИKN 88). Отметим, что сакрализация музыки была также свойственна для представителей романтизма⁶²⁵.

В следующем параграфе мы обратимся к исследованию духовных песен добролюбовцев, рассмотрим их художественный язык и образную структуру.

3.2. Проблема авторства духовных песен добролюбовцев

Согласно православной энциклопедии, «духовные стихи в русской народной культуре — совокупность музыкально-поэтических текстов,

⁶²¹ Там же. Л. 343.

⁶²² Там же. Л. 337.

⁶²³ Там же. Л. 342.

⁶²⁴ Там же. Лл. 342–346.

⁶²⁵ Махов А.Е. Реальность романтизма. Очерки духовного быта Европы на рубеже XVIII–XIX веков. Тула, 2017. С. 47–148.

объединенных христианской тематикой»⁶²⁶. Духовные стихи на Руси функционировали как в устной, так и в письменной форме и соединяли книжную традицию с фольклором. В этих стихах было выражено народное представление о христианской вере, которое не во всем соответствовало догматам православной церкви. Особенно это касалось духовных стихов представителей неофициальных религиозных течений — старообрядцев, хлыстов, молокан, скопцов, духоборов и др. В творчестве сектантов отразились представления, свойственные их верованиям, прямо не связанные с православием. Главный признак этого жанрового комплекса, включающего в себя эпические, лиро-эпические тексты и духовные песни, — духовное содержание произведений в противовес всему светскому. А.Л. Топорков отмечал, что другими отличительными чертами духовных стихов являются их музыкально-поэтическая форма и устно-рукописный способ функционирования⁶²⁷. «В русской культуре до XVII в. формирование духовных стихов происходило двумя путями: на фольклорном уровне возникали и усваивались эпические и лиро-эпические стихи, имевшие апокрифическое происхождение и приобретающие фольклорную стилистику; на уровне "высокой литературы" создавались книжные стихи — "покаянные". Оба направления соединились в духовных стихах, чаще всего в старообрядческих»⁶²⁸. Таким образом, «почти всегда можно указать книжный источник стиха, а также тематические заимствования из других стихов при их слиянии и преобразовании»⁶²⁹.

Активное изучение духовных стихов началось во второй половине XIX века. Интерес к ним был вызван началом публикаций этих текстов. В 1848 г. был издан сборник П.В. Киреевского⁶³⁰, в 1860 г. «Сборник русских духовных стихов» В.Г. Варенцова⁶³¹. В 1861–1864 гг. вышло два тома

⁶²⁶ Серегина Н.С., Никитина С.Е. Духовные стихи // Православная энциклопедия. М., 2007. Т. 16. С. 424.

⁶²⁷ Топорков А.Л. Духовные стихи в русской литературе ... С. 7.

⁶²⁸ Серегина Н.С., Никитина С.Е. Указ. соч. С. 425.

⁶²⁹ Там же. С. 426.

⁶³⁰ Киреевский П.В. Русские народные песни. Ч. 1. Русские народные стихи. М., 1848.

⁶³¹ Варенцов В.Г. Сборник русских духовных стихов ...

духовных стихов в публикации П. Бессонова «Калеки переходные»⁶³². Это собрание духовных стихов до сих пор считается наиболее полным. С этими изданиями имел возможность познакомиться и Александр Добролюбов, хотя мы не можем этого утверждать. В 1912 г. была опубликована антология Е.А. Ляцкого «Стихи духовные»⁶³³, в которую вошли как записи стихов, сделанные автором книги, так и избранные варианты из сборников Варенцова и Бессонова.

Широкое распространение духовных стихов среди грамотного населения, как показал в своей статье А.Л. Топорков, было также обусловлено включением некоторых духовных стихов («Голубиная книга», «О Егории Храбром», «Плач Адама», «Плач земли», «Царевич Иосаф и пустыня», «О Страшном Суде» и др.) с середины XIX века в школьные хрестоматии и учебники⁶³⁴. Например, в учебник по истории русской словесности, составленный А. Галаховым⁶³⁵, в хрестоматию Ф.И. Буслаева⁶³⁶. Таким образом, писатели-символисты узнавали о традиции духовного стиха еще в школе. С 1895 г. на историко-филологическом факультете Петербургского университета, где учился А.М. Добролюбов, преподавал И.А. Шляпкин, филолог, специалист по древнерусскому искусству. В его программу университетского курса по русской книжной словесности до XVII в. входило в том числе изучение духовных стихов, таких как «Голубиная книга», «О Вознесении», «О Дмитровской субботе», «О Иоасафе», «Об Аллилуевой жене»⁶³⁷. Среди рекомендованных им книг значились сборники фольклорных произведений П.Н. Рыбникова, П.В. Киреевского, А.О. Гильфердинга, П.А. Бессонова, Н.С. Тихонравова и В.О. Миллера⁶³⁸. Также он рекомендовал для изучения учебник по «Истории русской словесности»

⁶³² Бессонов П.А. Калеки переходные ...

⁶³³ Ляцкий Е.А. Стихи духовные – словеса золотые. СПб., 1912.

⁶³⁴ Топорков А.Л. Духовные стихи в русской литературе ... С. 11.

⁶³⁵ История русской словесности (Учеб. для сред. учеб. заведений) // Сост. А. Галахов. 4-е изд. СПб., 1886.

⁶³⁶ Буслаев Ф.И. Русская хрестоматия. Памятники древней русской литературы и народной словесности, с историческими, литературными и грамматическими объяснениями, со словарем и указателем. Для средних учебных заведений. 4-е изд. М., 1888.

⁶³⁷ Шляпкин И.А. История русской словесности (прогр. унив. курса с подроб. библиогр.) СПб., 1913. С. 2.

⁶³⁸ Русские былины в старой и новой записи / Под ред. акад. Н.С. Тихонравова и проф. В.Ф. Миллера; Этногр. отд. Имп. О-ва любителей естествознания, антропологии и этнографии. М., 1894.

А.Д. Галахова⁶³⁹, в котором, помимо перечисленных духовных стихов, рассматривались стихи «О царе Соломоне», «О Богородице», «О Лазаре», «Про Лазаря убогого и богатого человека», «Об Алексее, Божьем человеке», «О Кирике и Улите», «Димитрий Солунский», «О Пятнице», «О страшном суде», «Борис и Глеб», «Об Анике-воине». Все эти книги были изданы до 1898 г., и Добролюбов мог читать их во время обучения в гимназии или в университете.

К сочинению духовных стихов обращались многие писатели-модернисты — М.А. Кузьмин, В.И. Иванов, К.Д. Бальмонт, А.М. Ремизов, Н.А. Клюев.

Сборники хлыстовских распевцев начали публиковать во второй половине XIX в. В 1869 г. в Казани вышел сборник духовных стихов И.М. Добротворского «Люди Божии. Русская секта так называемых духовных христиан»⁶⁴⁰. В нем автор издал 85 текстов оригинальных песен хлыстов и скопцов. В 1870 г. вышел сборник профессора Санкт-Петербургской духовной академии и члена Императорского Русского географического общества Н.И. Барсова «Духовные стихи (роспевцы) секты Людей Божиих»⁶⁴¹ с сопроводительной статьей. В издание вошли 103 песни, записанные в Липецке в 1868 г. Эти сборники также могли быть известны Добролюбову. Интерес к сектантской поэзии, возникший в обществе в начале XX века, выразился в том числе в издании в 1909 г. «Памятников старообрядческой поэзии»⁶⁴² Т.С. Рождественским и в 1912 г. «Песен русских сектантов-мистиков»⁶⁴³ им же совместно с М.И. Успенским. В указанных сборниках были представлены как уже ранее изданные произведения, так и тексты из неопубликованных архивных источников. Кроме того, в 1908–1916 гг. вышло шесть выпусков «Материалов к истории

⁶³⁹ История русской словесности ...

⁶⁴⁰ Добротворский И.М. Люди Божии. Русская секта так называемых духовных христиан. Казань, 1869.

⁶⁴¹ Барсов Н.И. Духовные стихи ...

⁶⁴² Рождественский Т.С. Памятники старообрядческой поэзии. М., 1909.

⁶⁴³ Песни русских сектантов мистиков ...

изучения русского сектантства» под редакцией В.Д. Бонч-Бруевича⁶⁴⁴. В сборники были включены духовные тексты, принадлежавшие представителям разнообразных религиозных течений (скопцам, духоборам и др.), и материалы, отражавшие их религиозные взгляды.

А.И. Кирпичников относил сектантские стихи к лирическим, то есть выражающим настроения и чувства певца, в противовес эпическим, в которых больше проявлено повествовательное начало⁶⁴⁵. В статье Кирпичникова «О духовных стихах»⁶⁴⁶ из учебника по истории русской словесности А. Галахова были подробно проанализированы сектантские песнопения с историко-литературной точки зрения. Автор статьи отмечал, что поэзия сектантов с веками все дальше отходила от книжных источников из-за игнорирования и порой преследования духовной песни представителями церкви⁶⁴⁷. Единственными медиаторами между книжным и народным творчеством стали калики, бродячие певцы, которые путешествовали по святым местам и исполняли эпические и лирические духовные песни, ориентируясь одновременно как на церковную книжную традицию, так и на вкусы народа⁶⁴⁸. Калики в Российской империи были аналогом западноевропейского движения пилигримства.

Сюжеты и мотивы духовных стихов подробно рассматривались в работах Ф.И. Буслаева⁶⁴⁹ и «Разысканиях в области русского духовного стиха» А.Н. Веселовского⁶⁵⁰.

А.И. Кирпичников рассматривал названия «духовные песни» и «духовные стихи» как синонимические⁶⁵¹. Проблеме определения границ жанра духовного стиха посвящены отдельные работы современных

⁶⁴⁴ Материалы к истории и изучению русского сектантства и старообрядчества / Под ред. и с предисл. Владимира Бонч-Бруевича. Вып. 1–5, 7. СПб., 1908–1916.

⁶⁴⁵ Кирпичников А.И. Духовные песни (стихи). Легенды // Галахов А. История русской словесности древней и новой. Т. 1. М., 1894. С. 212.

⁶⁴⁶ Там же. С. С. 194–281.

⁶⁴⁷ Там же. С. 197.

⁶⁴⁸ Там же. С. 197–198.

⁶⁴⁹ Буслаев Ф.И. Русские духовные стихи // О литературе: Исследования; Статьи. / Сост., вступ. ст., прим. Э. Афанасьева. М., 1990. С. 294–348.; Буслаев Ф.И. Народная поэзия. Исторические очерки. СПб., 1887.

⁶⁵⁰ Веселовский А.Н. Разыскания в области русских духовных стихов. Вып. 1–6. СПб., 1879–1891.

⁶⁵¹ Кирпичников А.И. Указ. соч. С. 269–270.

исследователей. Н.С. Мурашова отмечала, что в народной среде по отношению к фольклорным религиозным песням употребляют термин «духовный стих»⁶⁵². Она указывала, что термин «духовный стих» вошел в научное употребление только в XIX в. и обозначал «совокупность разножанровых и разностилевых музыкально-поэтических произведений религиозного содержания, исполняемых за пределами богослужения»⁶⁵³. Мурашова рассматривала состав корпуса духовных стихов, отмечая, что сектантские распевцы стали производными от них⁶⁵⁴.

В дальнейшем мы будем применять термин «духовные стихи» для обозначения фольклорных музыкально-поэтических произведений на религиозную тему, относящихся к православной культуре. При рассмотрении сектантских песнопений и песен, исполнявшихся на молитвенных собраниях представителей неофициальных религиозных течений, мы будем использовать термин «духовная песня». Этот же термин мы будем использовать для обозначения религиозных произведений Александра Добролюбова, представлявших по своему замыслу тексты для песнопений на собраниях верующих.

Важно отметить, что духовные песни добролюбовцев — авторские, литературные песни. Р.В. Иезуитова отмечала, что «наиболее характерным признаком такой песни является сознательная установка на воспроизведение образного строя, поэтики и жанровых особенностей народной песни»⁶⁵⁵. Литературные песни создавали такие поэты, как А.Ф. Мерзляков, А.С. Пушкин, А.А. Дельвиг, М.Ю. Лермонтов, А.В. Кольцов, А.К. Толстой, Н.А. Некрасов, В.Я. Брюсов и многие другие. Как писала Иезуитова, в конце XVIII — начале XIX века авторы песен «нередко давали в своем песенном творчестве литературную обработку того или иного конкретного источника

⁶⁵² Мурашова Н.С. Терминологические вариации понятия «Духовный стих» в исполнительской среде // Знание. Понимание. Умение. 2013. № 2. С. 194.

⁶⁵³ Мурашова Н.С. Историография термина «Духовный стих» // Известия ПГУ им. В.Г. Белинского. 2012. № 27. С. 341.

⁶⁵⁴ Там же.

⁶⁵⁵ Иезуитова Р.В. Литература второй половины 1820–1830-х годов и фольклор // Русская литература и фольклор. Л. Вып. 2: Первая половина XIX в. 1976. С. 99.

— подлинной народной песни, которая в свою очередь оказывала воздействие на литературный жанр, обогащая его новыми художественно-стилистическими средствами и обновляя его содержание»⁶⁵⁶. Но уже в 1820–1830-е гг. отношение к жанру изменилось — «поэты не имитируют и не исправляют фольклорное произведение, а стремятся к свободному творчеству в духе народной поэзии»⁶⁵⁷.

Поскольку Ярков ставил одной из своих задач атрибуцию песен Добролюбова и располагал сведениями, полученными от последователей Добролюбова, которые были свидетелями сочинения им песен, то подвергать эти сведения сомнению у нас нет оснований, если, конечно, мы не располагаем данными о том, что эти тексты принадлежат перу иных лиц.

Духовные песни в архиве С. Дурылина имеют заглавие «Из писаний брата Александра Добролюбова». А. Черткова также указывала на песни, которые П. Безверхий атрибутировал Добролюбову. Таким образом, если варианты одного и того же текста, приписываемого Добролюбову, встречаются в нескольких списках, то вероятность его авторства возрастает.

В процессе исполнения, устной передачи, записывания и переписывания эти тексты неизбежно варьировались. Подобная ситуация возникала и в других случаях с авторскими текстами, которые становились народными и переделывались исполнителями. Проблема состоит в специфике работы с текстами, не имеющими авторской фиксации и бытующими в устной и рукописной форме, — мы не можем узнать, какой была песня изначально, до того, как начался процесс ее фольклоризации. Но мы можем, сравнив тексты, записанные в разное время от разных людей, сделать выводы о том, как изменялся текст песни. В исследовании мы обращаемся к текстам, имеющим варианты в двух или трех источниках, поскольку фиксация текста разными людьми в разное время с атрибуцией его

⁶⁵⁶ Там же. С. 101.

⁶⁵⁷ Там же. С. 102.

Добролюбову, как уже было упомянуто, повышает вероятность его авторства.

Александр Добролюбов, отказавшись от написания символистских произведений, перешел к сочинению духовных песен, в которых сочетались художественные и религиозные начала. В 1903 г. Добролюбов поселился в деревне Росташи (ныне — Трофимовка) Самарской губернии. Как уже отмечалось выше, в этом месте вокруг Добролюбова впервые сложился устойчивый круг его единомышленников. Крестьяне, с которыми сблизился Добролюбов, имели обширные связи не только с Л.Н. Толстым. Они также общались с Надеждой и Иоанной Брюсовыми. Так, в своем ответном недатированном письме (по всей видимости, относящемся к июню или июлю 1907 г.) Савелию Шнякину, последователю Добролюбова, Иоанна Матвеевна, жена Валерия Брюсова, сообщает о поездке Надежды Брюсовой к Александру Добролюбову:

«Привет тебе, брат Савелий,

Сестры Надежды сейчас нет в Москве. На лето мы все всегда разъезжаемся, я только случайно в городе, а то не получила бы твоего письма.

Сестра Надежда с сестрой Лидой уехали на все лето отдыхать. Поехали они кататься по Волге сначала. В Самаре они заехали к брату Александру, познакомились, должно быть, со всеми вашими, по времени, я думаю, провели с братом Александром несколько дней, а теперь я от них (от сестры Надежды и Лиды) имею уже письмо с Камы, стало быть, они катаются по Каме [...]»⁶⁵⁸.

Уже после издания «Из книги невидимой» Александр Добролюбов приглашал Надежду и Иоанну Брюсовых в гости: «[...] Приезжайте, сестры,

⁶⁵⁸ Брюсова И.М. Письмо к неустановленному лицу с обращением «Брат Савелий» // ОР РГБ. Ф. 386. К. 146. Ед. хр. 63. Л. 1.

обе к нам, у нас поспевают и груши, и яблоки, и хлеб, и ягоды. [...] Наш адрес — Утевская волость Бузул. уез. Сам.губ. дер. Трофимовка (Молоканские Росташаи) спросить Анну Велькину (верст 55 от Самары), письма и посылки на имя Макара Шнякина»⁶⁵⁹.

Для своих последователей Добролюбов сочинял духовные песни. Тот факт, что эти песни не были изданы в авторской редакции, свидетельствует исключительно о нежелании Добролюбова их публиковать. Известно, что даже после своего разрыва с образованным обществом Добролюбов обыкновенно проявлял настойчивость по отношению к публикациям своих сочинений и книг. Так, например, он желал увидеть изданной свою книгу цитат и отрывков «Мои вечные спутники», о чем писал Брюсовым⁶⁶⁰.

Духовные песни добролюбовцев существовали на границе фольклора и художественной литературы. В школьные и студенческие годы, как уже было сказано, Добролюбов интересовался фольклором и собирал его. Серьезная увлеченность народной культурой была свойственна и Надежде Брюсовой. О том, что она высоко ценила фольклор и народную песню, свидетельствует тот факт, что годами позже, будучи преподавателем и профессором Московской консерватории, Надежда Яковлевна активно участвовала в фольклорных экспедициях и стояла у истоков создания кафедры фольклора, которую она впоследствии возглавила. Свояченица В. Брюсова Бронислава Погорелова оставила воспоминания о дореволюционных фольклорных летних экспедициях Надежды Яковлевны:

«По своим личным средствам Н.Я. могла бы по окончании занятий уезжать на отдых за границу. Но она редко поступала так. Большею частью, приблизительно в середине июня, Н.Я. одевалась в простое ситцевое платье, покрывала голову платком и с мешком за спиной отправлялась на Север. [...]

⁶⁵⁹ Письма к Брюсовой И.М. // ОР РГБ. Ф. 386. Карт. 148. Ед. хр. 40. Лл. 3 об.—4 об. Макар Шнякин приходился братом Савелию Шнякину, о котором упоминалось выше.

⁶⁶⁰ Добролюбов А.М. Письма к Брюсовой И.М. // ОР РГБ. Ф. 386. Оп. 148. Ед. хр. 40. Лл. 4—3 об.

Месяца на два исчезала Н. Я., посещая на Севере города, селения, монастыри. Всюду знакомилась с остатками старины, с уцелевшими обычаями, с занятыми странниками: кооператорами, монахами, сектантами, анархистами, раскольниками. Некоторые из них приезжали к ней потом в Москву [...]»⁶⁶¹.

В процитированном отрывке из воспоминаний особенно примечательным является интерес Брюсовой к представителям неофициальных религиозных практик.

В своем письме С.А. Венгерову Валерий Брюсов, рассказывая о гостившем у него зимой 1905 г. Добролюбове, упомянул, что последний указывал на необходимость создавать «не литературу, а "единое на потребу"»⁶⁶². «Единым на потребу» Добролюбов мог считать сочинение произведений, доступных пониманию людей из разных слоев общества, с образованием разного уровня. Духовные песни противопоставлялись в эстетике поэта «серьезной» литературе. Песни, предназначенные для закрепления духовных истин, были призваны преодолеть разрыв между народом и интеллигенцией, между книжной и устной культурой. Этой мысли Добролюбов посвятил первый текст сборника «Из книги невидимой»:

«Живя среди всеми презираемых людей, я услышал их простой глубокий язык и увидел, что он может высказать все так же и еще лучше, чем сухие слова образованных. В народе я нашел те же глубокие разумы, те же чувства. Даже я увидел, что настоящее сокровище еще более скрыто, чем думают [...]. Прежде я знал много языков, но не знал одного — истинно сердечного. Соединенье, соединенье — вот слово, которое я нашел в народе. Вместо разделения соединенье всего, вместо сухого рассудка всеобъемлющее духовное устремление, вместо изучения частей, вместо рабства отдельных частных наук — вера [...]» (ИКН 3–4).

⁶⁶¹ Погорелова Б.М. Валерий Брюсов и его окружение // Воспоминания о серебряном веке / Сост., авт. предисл. и коммент. В. Крейд. М., 1993. С. 28.

⁶⁶² Цит. по: Письма к С.А. Венгерову // Брюсов В.Я. Литературное наследство. Т. 85. М., 1976. С. 679

В изучении духовных песен добролюбовцев первоочередной проблемой является проблема атрибуции. В «Литературной энциклопедии терминов и понятий» под редакцией А.Н. Николюкина под атрибуцией понимается «установление автора художественного произведения (когда оно анонимно или подписано псевдонимом) или времени и места его создания»⁶⁶³. Вопросы времени и места создания песен также принадлежат области наших научных разысканий.

Автор статьи «Атрибуция» в «Литературная энциклопедии терминов и понятий» Е.И. Прохоров указывал на основные направления работы в процессе атрибуции художественных текстов: «поиски документально-фактических доказательств (автографы писателей, их переписка, мемуары современников, архивные материалы); раскрытие образного содержания текста (сопоставление анонимного произведения и бесспорно принадлежащих предполагаемому автору текстов); анализ языка и стиля произведения»⁶⁶⁴. Также он писал о необходимости использовать эти элементы атрибуции комплексно.

Способы атрибуции литературных произведений рассматривались в работах Д.С. Лихачева⁶⁶⁵, В.В. Виноградова⁶⁶⁶, С.А. Рейсера⁶⁶⁷ и др. Рейсер утверждал, что, «изучая различные приемы, которыми исследователи стремятся обосновать авторство того или иного писателя, можно заметить, что они в сущности сводятся к трем категориям: а) документальные доказательства, б) идеологический анализ и в) анализ стилистический»⁶⁶⁸. Виноградов в рамках вопроса атрибуции рассматривал соотнесенность понятий стиль и автор, отмечая вместе с этим необходимость «углубленной

⁶⁶³ Прохоров Е.И. Атрибуция // Литературная энциклопедия терминов и понятий / Под ред. А.Н. Николюкина. М., 2001. С. 63.

⁶⁶⁴ Прохоров Е.И. Указ. соч. С. 63.

⁶⁶⁵ Лихачев Д.С. Текстология: на материале рус. лит. X–XVII вв. / Д.С. Лихачев при участии А.А. Алексеева и А.Г. Боброва. 3 изд., перераб. и доп. СПб., 2001.

⁶⁶⁶ Виноградов В.В. Проблема авторства и теория стилей. М., 1961; Виноградов В.В. О языке художественной литературы. М., 1959.

⁶⁶⁷ Рейсер С.А. Основы текстологии. Изд. 2-е. Учебное пособие для студентов педагогических институтов. Л., 1978.

⁶⁶⁸ Там же. С. 84.

разработки объективно-исторических методов определения авторства»⁶⁶⁹. Лихачев занимался вопросами атрибуции памятников древнерусской литературы. Он также заявлял о необходимости комплексного подхода к процессу установления авторства: «Если к установлению авторства приводит группа разнородных признаков, например, основанных на анализе языка и стиля, идейного содержания, на косвенных указаниях в тексте самого произведения и в документах эпохи, на анализе почерка, — то доказательность атрибуции значительно повышается»⁶⁷⁰. Также он писал, что «окончательную атрибуцию произведения может дать только полная история текста произведения»⁶⁷¹.

Тексты песен Добролюбова во многом роднит с фольклором отсутствие канонического текста и пограничное положение между коллективным и индивидуальным творчеством. Специфика текстологических исследований фольклорных текстов рассматривалась, в частности, в статье С.Н. Азбелева⁶⁷². В издании «Песни русских поэтов» издавались литературные произведения, ставшие народными песнями, перешедшими в область фольклора⁶⁷³.

В настоящее время мы располагаем лишь одним текстом песни в записи Добролюбова «Бог помощь, мои сестрицы» в архиве В. Брюсова⁶⁷⁴. Здесь опять же встает вопрос — перед нами произведение Добролюбова или хлыстовский распевец, записанный им? Известно, что Добролюбов записывал фольклорные тексты. Так, например, известна его запись народной духовной песни «Ты любовь святая»⁶⁷⁵. Поскольку в дальнейшем песня «Бог помощь, мои сестрицы» встречалась в списках песен Добролюбова, примем его авторство в качестве рабочей гипотезы.

⁶⁶⁹ Виноградов В.В. Проблема авторства... С. 160.

⁶⁷⁰ Лихачев Д.С. Указ. соч. С. 330.

⁶⁷¹ Там же. С. 334.

⁶⁷² Азбелев С.Н. Основные понятия текстологии в применении к фольклорному материалу // Принципы текстологического изучения фольклора / АН СССР, ИРЛИ; отв. ред. Б.Н. Путилов. М., Л., 1966. С. 260–302.

⁶⁷³ Песни русских поэтов: в 2 т. / ред. кол. Ю.А. Андреева и др.; вступ. ст., сост., подгот. текста, биограф. справки и примеч. В.Е. Гусева. Ленинград, 1988.

⁶⁷⁴ Добролюбов Александр Михайлович. Стихотворения ... Л. 1.

⁶⁷⁵ Добролюбов А.М. Мои вечные спутники, сборник чистых слов ... Лл. 56–57; Из Русской народной песни, записанной Александром Добролюбовым... С. 26–27.

Мы ставили перед собой задачу установить, какие тексты с наибольшей вероятностью сочинены Добролюбовым. Для ее решения, прежде всего, необходимо, опираясь на свидетельства его современников/создателей списков, количество совпадающих текстов в разных списках, отмечая стилистические черты, свойственные поэзии Добролюбова, и идеологическое сходство с его религиозными взглядами, выявить корпус текстов, с наибольшей вероятностью принадлежащих его авторству.

Духовные песни добролюбовцев дошли до нас в трех источниках — в сборнике сектантских песнопений А. Чертковой, в архивных записях С.Н. Дурылина, в записях текстов от добролюбовцев, сделанных И.П. Ярковым. В записи самого Добролюбова, как мы уже обозначили выше, в настоящий момент известен только один — автограф песни «Бог помощь, мои сестрицы» в архиве В. Брюсова⁶⁷⁶.

Рассмотрим подробнее особенности записей духовных песен, сохраненных А.К. Чертковой, С.Н. Дурылиным и И.П. Ярковым.

Сборник А.К. Чертковой

Сборник сектантских песен А. Чертковой⁶⁷⁷ был издан в 1912 г. Эти песни были опубликованы, несмотря на то что примерно в то же время Добролюбов и его последователи возражали против каких-либо публикаций⁶⁷⁸ и переизданий его более ранних книг. По словам составительницы песенника, тексты были записаны Павлом Безверхим, бывшего в прошлом последователем учения Добролюбова⁶⁷⁹. Кроме того, последователь Добролюбова Н.Г. Сутковой ознакомился с записанными П. Безверхим песнями. Черткова пишет: «Я воспользовалась его присутствием,

⁶⁷⁶ Добролюбов Александр Михайлович. Стихотворения ... Л. 1.

⁶⁷⁷ Черткова А.К. Указ. соч. М., 1912.

⁶⁷⁸ Об этом: Служаева О. Книга как жанр (на материале сборника А.М. Добролюбова «Из книги невидимой») // *Litera*. 2020. № 7. С. 35–60.

⁶⁷⁹ Черткова А.К. Указ. соч. С. 13.

чтобы проверить [...] мои записи от Безверхого, которые он подтвердил почти целиком и кроме того он записал мне один из наиболее любимых и распространенных псалмов самого Добролюбова [...]. Псалом этот «Что за тайна заключена в человеке, о друзья?»⁶⁸⁰. Тексты песен для публикации Чертковой были записаны по памяти Безверхим и Сутковым, о письменных источниках в ее статье-предисловии не упоминается.

Духовные песни, вошедшие в этот сборник, безусловно, нельзя рассматривать как совокупность песен, авторство которых принадлежит Добролюбову, их стоит трактовать шире — как круг пения его последователей. Это следует уже из заглавия раздела сборника «Псалмы "Добролюбовцев"». Неоспоримым достоинством этого издания является наличие в нем раздела с нотными записями напевов.

Рукопись П.П. Картушина

Вторая подборка духовных песен добролюбовцев находится в архиве С.Н. Дурылина⁶⁸¹. Это записная книжка П.П. Картушина, последователя поэта. Рукопись озаглавлена «Из писаний брата Александра Добролюбова». В ней 58 листов. Это беловая рукопись. Записи выполнены чернилами. Книжка написана двумя почерками. Помимо записей П.П. Картушина, помещенных на первых 28 листах, в ней есть записи самого Дурылина — выписки из писем В.В. Розанова, заметки об учении Л.Н. Толстого.

Первые тексты имеют заглавия «Из Плотина», «Из Рейсбрука», «Слова из учения А. Добролюбова». В раздел «Слова из учения А. Добролюбова» входят высказывания поэта (либо цитаты из его текстов) без указания источника, либо выдержки из писем. Источник этих текстов не указан, поэтому определить, точно ли были эти слова сказаны Добролюбовым и записаны кем-то из слушателей, или были записаны им в виде отрывков, или

⁶⁸⁰ Там же. С. 15.

⁶⁸¹ Записная книжка ... Лл. 9–27 об.

были взяты из целостных произведений, не представляется возможным. Приведем пример:

«Я сейчас в П.-б. [Петербурге. — О.С.], в городе всех знаний, около меня книги всех косных наук и вер и учений, но как только коснусь их, внутренняя скорбь открывается во мне. Не надлежит мне даже открывать их. Он открыл мне то, что выше всех книг и знаний земли, то, что выше всех мудрецов и пророков. Его светом изменится весь видимый мир. Время коротко, нельзя терять его»⁶⁸².

После записи цитат из Добролюбова следует запись духовных песен. Они пронумерованы — всего 31 песня. Записи выполнены чернилами, но в них присутствуют подчеркивания и отметки карандашом серого цвета, как в самом тексте, так и на полях. Песня «Добрый молодец, путь свой нам объяви» отмечена карандашом двумя крестиками⁶⁸³. Песня «Над рекой, над животной в виденьи я был» также отмечена двумя крестиками, но один из них зачеркнут⁶⁸⁴. У песни «Я отрекся от ветхого мира» вместо заглавия поставлены три крестика⁶⁸⁵. Два крестика предваряют песни «Как же, братцы, нам дорожку начинать», «Здравствуйте, все братцы»⁶⁸⁶. В этой песне крестиком на полях отмечены некоторые четверостишия:

«Исповедуй братьям,
Чтоб было прощенье.
Братья нас спросили
О нашей дорожке»⁶⁸⁷.

⁶⁸² Там же. Л. 8 об.

⁶⁸³ Там же. Л. 9 об.

⁶⁸⁴ Там же. Л. 11 об.

⁶⁸⁵ Там же. Л. 18.

⁶⁸⁶ Там же. Л. 20.

⁶⁸⁷ Там же. Л. 20 об.

Песня «Не одна в поле дороженька да пролегала» отмечена одним крестиком и имеет заглавие, вписанное карандашом, — «Не одна в поле»⁶⁸⁸.
Тремя крестиками отмечена песня «Вот земля очам открылась»⁶⁸⁹.
Карандашом на полях тремя линиями отмечены стихи:

«Мы в молчаньи приготвим
В сердце чистые листы,
Ты на этих на страничках
Слово ясно напиши»⁶⁹⁰.

Двумя крестиками отмечена песня «Утром братья к нам пришли».
Первые четыре стиха маркированы чертой и крестиком на полях:

«Утром братья к нам пришли,
Весточку нам принесли,
Черемуха зацвела,
И сестричка умерла»⁶⁹¹.

Тремя крестиками отмечена песня «Бог помощь мои сестрицы»⁶⁹².

Можно предположить, что все отметки карандашом выполнены С.Н. Дурылиным, крестиками отмечены песни, цитаты из которых он использовал в своей статье «Александр Добролюбов»⁶⁹³.

Записи Картушина завершаются скопированным им текстом письма Добролюбова брату Якову, написанного в 1908 г.⁶⁹⁴

В декабре 1911 г. Николай Сутковой, чьи взгляды в те годы были родственны воззрениям Александра Добролюбова, написал Сергею Дурылину, который, работая секретарем в издательстве «Мусагет», проявлял

⁶⁸⁸ Там же. Л. 23 об.

⁶⁸⁹ Там же. Л. 24.

⁶⁹⁰ Там же. Л. 24 об.

⁶⁹¹ Там же. Л. 26.

⁶⁹² Там же. Л. 26 об.

⁶⁹³ Дурылин С.Н. Александр Добролюбов ... С. 726–728.

⁶⁹⁴ Там же. Л. 28–28 об.

интерес к поэту: «[...] "Из Книги Невидимой" ты понимаешь, наверно, не меньше нас, а своего света у нас нет. Но у нас есть песни бр.[ата] Александра (около 30)⁶⁹⁵, не вошедших в его книгу, и еще кое-что его, а также письма Колесниченко, Леонида Семенова. Все это помогает войти в дух его учения. Лучше всего, если <бы> ты мог приехать сюда погостить, а нет — мы постараемся прислать, если захочешь, что можно [...]»⁶⁹⁶.

В списке Дурылина пронумерована 31 песня, так что можно с большой долей уверенности полагать, что речь в письме шла об этих текстах. Из даты письма (20 декабря 1911 г.) следует, что это самый ранний из дошедших до нас список песен Добролюбова. Таким образом, все песни, вероятнее всего, были написаны не позднее 1911 г. Сам Дурылин так характеризовал песни, хранившиеся у него:

«Если не передаются печати книги Добролюбова, то продолжается его песня. И сразу же надо сказать, что это — не песня поэта: это те песнопения, которые ожидаются участниками молитвенных общений от того, кто возглавляет самое это общение. Добролюбов слагает песни и гимны для своих последователей. Я не знаю, да и никто, вероятно, не знает их в подлинной индивидуально-добролюбовской редакции: такими, какими они вышли из уст слагателя. Он не записывает их — и таких редакций поэтому

⁶⁹⁵ Песни Александра Добролюбова, книги и письма в 1912 г. были отправлены публицисту Ивану Книжник-Ветрову, который интересовался Добролюбовым и имел намерение написать о нем статью. Картушин писал: «Дорогой брат мир Вам. Ваше письмо получили с трудом справились с фран. [цузским] яз. [ыком]. Посылаю книгу и записн. [ые] книжки, все на время, по прочтении возвратите. Сами увидите, что сущность учения брата Александра требует особого языка образов, а потому всем нам было бы радостно, если бы вы не писали о ней никакой статьи. Материалы в книжках записн. [ых] не подлежат опубликованию без ведома братьев. Привет Ваш Петр» (Письма И.С. Книжник-Ветрову ... Л. 7.) В следующем письме он просил передать записные книжки С.Н. Дурылину (Там же. Л. 8), что было исполнено (Там же. Л. 10 об.) Позже Картушин попросил Дурылина передать книгу следующему читателю, предположительно библиотекарю Румянцевского музея Николаю Киселеву, которого Картушин в переписке с Книжник-Ветровым называл другом добролюбовцев: «Книгу Добролюбова, что прислал из Сибири Книжник, передай брату Николаю, а записные книжки пока оставь у себя» (Письма Картушина П.П. Дурылину С.Н. // РГАЛИ. Ф. 2980. Оп. 1. Ед. хр. 586. Л. 5; Письма И.С. Книжник-Ветрову // ОР РНБ. Л. 10 об.) Записная книжка Петра Картушина сохранилась в архиве Дурылина вместе с текстами духовных песен Добролюбова (Записная книжка ... Лл. 1–28). Подробнее см.: Служаева О. Книга как жанр (на материале сборника А.М. Добролюбова «Из книги невидимой») // Litera. 2020. № 7. С. 35–60.

⁶⁹⁶ Письма Суткового Н.Г. Дурылину С.Н. ... Л. 2 об.

быть не может⁶⁹⁷. У меня есть записи их, сделанные из уст добролюбовцев, которые поют их, как песни своего братства. Многие в этих песнях близко к тем, что напечатаны в сборнике "Из книги невидимой", но совершенно несомненно, что, переходя из уст в уста, эти песни обросли словами из других сектантских песен, приобрели припаи однородных слов, эпитетов, ритмических ходов, и исшедши когда-то от Добролюбова, стали, в их записанном виде, созданиями добролюбовцев, а не Добролюбова»⁶⁹⁸.

С.Н. Дурылин в своей статье «Александр Добролюбов» при цитировании духовных песен указывал, что «все отрывки приводятся из рукописного сборника, составленного добролюбовцем П.П. Картушиным»⁶⁹⁹. В первой главе уже приводились сведения о биографии Картушина. Напомним лишь, что он был одним из ближайших последователей Добролюбова.

В настоящее время неизвестно, каким образом Добролюбов сочинял духовные песни, — записывал их или передавал последователям изустно. И.П. Ярков пишет, что для сочинения песен «брат Александр» уединялся, а затем возвращался с новым стихом к товарищам. Братья называли эти песни «вышедшими из него»⁷⁰⁰. Известно, что Добролюбов сам сочинял напев: «[...] каждое свое новое стихотворение [...], написанное им специально "для народа", он приносил в братскую среду не иначе как в попутном сопровождении собственного [...] напева. Напев этот "братки" легко запоминали и уже всегда пели тот или иной "стих" "брата Александра", [...] не изменяя присущих ему особенностей»⁷⁰¹. Некоторые напевы духовных песен Ярков также приводит в своем труде. В наши задачи не входил их музыковедческий анализ, однако, следует отметить, А.М. Эткинд писал о том, что «музыкальная сторона их [добролюбовцев. — О.С.] пения была

⁶⁹⁷ Вероятно, эту информацию сообщили Дурылину последователи Добролюбова.

⁶⁹⁸ Дурылин С.Н. Александр Добролюбов ... С. 725–726.

⁶⁹⁹ Там же ... С. 726.

⁷⁰⁰ Ярков И.П. Какими я их знаю ... Л. 298.

⁷⁰¹ Там же. Л. 533.

заимствована у молокан и хлыстов»⁷⁰². Это утверждение невозможно верифицировать, так как исследователь не приводит доказательств, подтверждающих данный тезис. Вероятно, оно восходит к наблюдениям А.К. Чертковой, писавшей, что напевы духовных песен Добролюбова «все заимствованы сознательно или бессознательно или от сектантов, или из народных песен, или же переделаны из каких-то светских мотивов до "польки" включительно и при том неуклюжей»⁷⁰³.

Машинопись И.П. Яркова

Следующий источник, в котором дошли до нас песни Добролюбова, — машинопись работы И.П. Яркова «Какими я их знаю. Рассказы о «брате Александре» Добролюбове, его друзьях и последователях»⁷⁰⁴ (ОР РГБ. Ф. 218. Оп. 1394. Ед. хр. 2).

Илья Петрович Ярков (26 июля 1892 – 21 марта 1980) родился в Екатеринбурге в семье ремесленника-портного. В начале XX в. Ярков переехал с родителями в Самару. По окончании приходского училища в 1904 г. перешел в городское (переименованное позже в «высшее начальное»), но не окончил его, был отчислен через два года обучения. Позже сдал экстерном экзамен по специальности «учитель начальных училищ». Работал журналистом, верстальщиком, занимался перепечатыванием рукописных текстов на пишущей машинке, исследовал быт и религиозные практики представителей неофициальных религиозных течений, собирал книги. В начале 1910-х гг. стал толстовцем. Осенью 1915 г. во время Первой мировой войны Ярков был мобилизован. Он отказался от воинской службы по религиозным убеждениям, в 1916 г. был приговорен судом к ссылке в каторжные работы на 8 лет и 9 месяцев. Наказание отбывал в Бутырской тюрьме. 1 марта 1917 г., в самом начале революционных волнений в Москве,

⁷⁰² Эткинд А.М. Хлыст ... С. 260 (18+ А.М. Эткинд признан Минюстом РФ иностранным агентом).

⁷⁰³ Черткова А.К. Указ. соч. С. 14.

⁷⁰⁴ Ярков И.П. Какими я их знаю ...

был освобожден другими каторжанами — они протаранили бревном тюремную дверь. Здание Московской тюремной инспекции с архивом дел осужденных сгорело накануне. Была создана специальная комиссия, повторно рассматривающая дела неожиданно оказавшихся на свободе заключенных. Ярков получил официальное освобождение 7 марта того же года. В августе 1928 г. сотрудники ОГПУ забрали Яркова с места работы в газете «Коммуна». Его обвиняли в антисоветских настроениях, антимилитаристской пропаганде, хранении анархической литературы, «распространении ложных слухов о том, что советская власть душит сектантство»⁷⁰⁵. Решением Особого Совещания при коллегии ОГПУ Ярков был отправлен в ссылку в Мологу, где проживал в 1929–1930 гг. Позже ему разрешили переехать в Ташкент, где он вместе с семьей находился в 1930–1935 гг. В начале Второй мировой войны Ярков работал в Отделе защиты растений Дома сельского хозяйства (Самара). В начале ноября 1941 г. его вновь призвали на военную службу. Прибыв в военкомат, Ярков подал заявление, в котором говорилось, что он «а) не встанет в строй, б) не наденет военного обмундирования, в) не возьмет в руки оружия и г) не станет учиться убийству себе подобных»⁷⁰⁶. «Если военные люди [...] смогут или захотят "использовать" меня для целей войны помимо этих четырех поставленных мною условий, то я готов принять посильное участие в войне»⁷⁰⁷, — писал Ярков. За нежелание служить в Рабоче-крестьянской Красной армии (РККА) по религиозным убеждениям его обвиняли по ст. 193–13 с санкцией ст. 192–2 УК РСФСР⁷⁰⁸. 18 декабря 1941 г. военный трибунал Куйбышевского гарнизона приговорил Яркова к расстрелу⁷⁰⁹. Он написал кассационную жалобу в военную коллегия Верховного Суда СССР, изложив в ней, что прежде у него было удостоверение, «выданное ему, в числе многих других "отказников" I-й Мировой войны, по особому

⁷⁰⁵ Ярков И.П. Моя жизнь ... Л. 15.

⁷⁰⁶ Там же. Л. 141.

⁷⁰⁷ Там же.

⁷⁰⁸ Там же. Л. 145.

⁷⁰⁹ Там же. Л. 162.

ходатайству Вл. Гр. Черткова и подписанное самолично командующим Московским военным округом Н. Мураловым»⁷¹⁰, навсегда освобождающее его от несения военной службы. Через 42 дня его приговор отменили, так как «следствием не было установлено, принадлежал ли его год призыва (1913) мобилизации». 19 февраля 1942 г. его выпустили из тюрьмы в связи с прекращением дела⁷¹¹.

Как мы уже отмечали во Введении, в архиве Самарского литературно-мемориального музея им. А.М. Горького хранится его автобиографический труд «Моя жизнь». В нем, помимо истории своей жизни, Ярков уделяет отдельное внимание описанию бытования представителей различных неофициальных религиозных течений, с которыми ему довелось общаться. Ярков хорошо знал добролюбовцев, со многими из них он с 1913 г. состоял в приятельских отношениях. Многие годы своей жизни Ярков занимался поиском информации, связанной с Добролюбовым: собирал его письма, рукописи, духовные песни, уточнял биографические сведения о нем. Ярков вспоминал, что «в рукописных списках ходило в свое время много нигде не напечатанных религиозных (духовных) стихов поэта»⁷¹². Ярков присутствовал на собраниях добролюбовцев, неоднократно становясь свидетелем и участником песнопений. Он записывал различные тексты духовных песен от исполнителей, одновременно с этим стараясь установить их авторство. При этом в своей работе Ярков конкретные рукописные источники не упоминает — либо он не пользовался ими (использовал лишь собственноручные записи), либо не счел важным упомянуть об этом. При создании своего сборника духовных песен добролюбовцев Ярков использовал несколько вариантов текстов⁷¹³, выбирая наиболее правильный, по его мнению, вариант. Поскольку тексты песен собраны в среде людей, знавших Добролюбова лично, мы можем с доверием отнестись к информации

⁷¹⁰ Там же. Л. 165.

⁷¹¹ Там же. Л. 184–185.

⁷¹² Ярков И.П. Какими я их знаю ... Л. 397.

⁷¹³ Там же. Л. 399.

об авторстве тех или иных песен. Духовные песни добролюбовцев Ярков начал собирать уже после отъезда поэта из Самарской губернии, в 1920-е гг. В 1951 г. созданная им биография Добролюбова была изъята сотрудниками МГБ вместе с архивами при обыске. Ярков описывал причины своего ареста следующим образом:

«У меня были давнишние и старые знакомства с группой свободомыслящих сектантов Самарской губернии, которые носили название "добролюбовцы" по имени своего "вождя" и идейного вдохновителя — довольно известного поэта в истории русской литературы конца XIX в. поэта Александра Добролюбова. [...] В конце войны (1941–1945) в моих руках очутилась небольшая связка писем Добролюбова, проливавших свет на обстоятельства его жизни последнего периода (в Азербайджане, Баку и близ него). Это и побудило меня приступить к работе по написанию связной биографии этого интереснейшего человека. В моем распоряжении имелись не только устные рассказы о нем — своего рода легенды и импровизации, — но и определенные литературные документы [...]. К концу 1950 г. уже была в значительной части готова основа этой биографии, но я продолжал поиски лиц, встречи и знакомства с которыми могли бы осветить те или иные "белые пятна" в биографии поэта. Это, на мой взгляд, вполне естественное занятие: ведь любой биограф любого выдающегося человека [...] ищет общения с теми, с кем общался данный выдающийся человек [...]. В этой связи я и был арестован "под псевдонимом", то есть как якобы "видный деятель", даже "вожак" определенной сектантской группировки. Я считаю, что это один из курьезов действительности»⁷¹⁴.

При обыске сотрудники МГБ также изъяли у Яркова его рукописи и книги, копии писем Добролюбова из Сибири и Средней Азии. В апреле 1951 г. Ярков был отправлен на принудительное психиатрическое лечение. Он

⁷¹⁴ Ярков И.П. Моя жизнь ... Лл. 4–6.

находился в клиниках Нижнего Новгорода, Казани, Чистополя. Освободился в 1954 г. Восстановить свой труд, посвященный жизни и творчеству Добролюбова и добролюбовцев, ему удалось в 1973 г. Таким образом, это самый поздний список песен из трех доступных нам источников.

Текст Яркова о Добролюбове и добролюбовцах напечатан на печатной машинке, рукописный оригинал не сохранился. Он сообщает о своей работе по собиранию духовных песен добролюбовцев следующее: «Но записать текст стиха, в особенности если он нигде не был напечатан, сличить его с другими подобными списками, выверить, насколько возможно, текст, — это одно, а записать напев — это совсем другое, и это мне оказалось не под силу»⁷¹⁵. Также неизвестно, от кого именно были записаны тексты песен.

Работа Яркова о Добролюбове и добролюбовцах состоит из пяти частей: «Петербург», «Исход», «Их общинное устройство», «Их поэзия. Стихи, песни, напевы», «Закат жизни. Последние раздумья». Песни А. Добролюбова приводятся в четвертой части труда в разделе, также напечатанном на машинке и озаглавленном «Александр Добролюбов. Для народа. Стихи и песни, написанные для народа и нигде не напечатанные. Собрал И.Я.»⁷¹⁶. Они разделены по тематическим блокам: «Дорога. Дороженька»⁷¹⁷, «Свобода. Свободушка»⁷¹⁸, «Храм. Богослужение»⁷¹⁹, «Молитва»⁷²⁰, «Тайна. Во внутреннем городе»⁷²¹, «Труд. Хлеб. Трапеза»⁷²², «Вождь»⁷²³, «Смерть. Бессмертие»⁷²⁴. Отдельно приводится песня «Заключил я с тобою завет»⁷²⁵. Песня «Та, над которой вы долго рыдали»⁷²⁶ рассматривается в разделе, озаглавленном «Памяти Маши Добролюбовой»⁷²⁷.

⁷¹⁵ Ярков И.П. Какими я их знаю ... Л. 399.

⁷¹⁶ Там же. Л. 404.

⁷¹⁷ Там же. Лл. 406–420.

⁷¹⁸ Там же. Лл. 421–429.

⁷¹⁹ Там же. Лл. 430–436.

⁷²⁰ Там же. Лл. 437–439.

⁷²¹ Там же. Лл. 440–447.

⁷²² Там же. Лл. 448–452.

⁷²³ Там же. Лл. 453–454.

⁷²⁴ Там же. Лл. 455–456.

⁷²⁵ Там же. Лл. 215–216.

⁷²⁶ Там же. Лл. 462–463.

⁷²⁷ Там же. Л. 458.

В машинописи Яркова представлено 30 песен, которые он приписывал авторству Добролюбова.

Далее мы обратимся к рассмотрению репертуара добролюбовцев, представленного в имеющихся у нас источниках, чтобы выявить песни, которые можно с наибольшей долей уверенности атрибутировать Добролюбову.

Как мы уже отметили, песни для А. Чертковой записал П. Безверхий⁷²⁸, и одна песня «Что за тайна заключена в человеке, о друзья?» была записана Н.Г. Сутковым⁷²⁹. Кроме того, Сутковой ознакомился с записанными П. Безверхим песнями и «подтвердил почти целиком» их достоверность⁷³⁰. При этом А. Черткова в предисловии не уточняет, какие именно песни Сутковой не атрибутировал авторству Добролюбова.

Черткова пишет: «Он [Павел Безверхий. — О.С.] не мог мне сказать в точности, какие из этих псалмов принадлежат самому Добролюбову и откуда они вообще появились, но за некоторые из них он ручался, что они "настоящие Добролюбовские", как, например, "Над рекой, над животной", "Вы спойте, братья, о свободе", "Река всесильного страдания", "Приступите вы к престолу", "Но я всегда с тобою", "Вы поведайте нам, братья", а также, кажется, "Не наружно то крещение"»⁷³¹. Несмотря на то что песня «Вы поведайте нам» отмечена как принадлежащая авторству Добролюбова, в сборнике не приводится ее полный текст, присутствует лишь нотная запись нескольких стихов из нее⁷³². Черткова пишет: «Остальные стихи, как думает Безверхий, заимствованы отчасти от сектантов других толков, иногда с измененным содержанием»⁷³³.

Почти все эти песни присутствуют также в двух других списках, дошедших до нас. Хотя есть исключения: песня «Приступите вы к престолу» отсутствует в списке И.П. Яркова, песня «Вы поведайте нам братья» есть в

⁷²⁸ Черткова А.К. Указ. соч. С. 13.

⁷²⁹ Там же. С. 15.

⁷³⁰ Там же.

⁷³¹ Там же. С. 14.

⁷³² Там же. С. 30.

⁷³³ Там же. С. 14.

списках Дурылина и Яркова, но ее полный текст отсутствует в издании Чертковой, песня «Не наружно то крещение» отсутствует в списке Дурылина, а в списке Яркова указана как песня, написанная последователем Добролюбова А.К. Усковым⁷³⁴.

В рассматриваемом издании есть неточности. Например, в предисловии Черткова указывает, что псалмы добролюбовцев опубликованы под номерами 45–61, но под номером 62 опубликована песня, записанная от Н.Г. Суцкого «Что за тайна заключена», и далее без номеров опубликованы песни «Я отрекся от ветхого мира», «Не одна во поле дороженька», присутствующие во всех трех списках, известных нам, и песня «Не наружно то крещение», которую Павел Безверхий относил к добролюбовским. Эти тексты мы также будем рассматривать в качестве песен добролюбовцев. В публикации Чертковой они перемежаются с песней с «евангелическим напевом»⁷³⁵ «Сокрой свое горе», староверческим духовным стихом «Ой бором да бором. Плач Богородицы», скопческим стихом «Наша матушка», очевидно, к добролюбовским песням отношения не имеющим. Кроме того, песни под номерами 55 и 58 пропущены. Также номера песен в сборнике не совпадают с номерами песен, указанными в предисловии. В книге есть оглавление. Эти песни входят в «Группу пятую. Псалмы "Добролюбовцев"». Ошибка издания повлияла на современные публикации. Так, в издание А.А. Кобринского псалмов «добролюбовцев» включено только 16 песен из сборника Чертковой⁷³⁶. Песни «Я отрекся от ветхого мира», «Не одна во поле дороженька» приводятся в списке из архива Дурылина, песня «Не наружно то крещение» отсутствует.

Таким образом, в сборнике Чертковой имеется 20 песен, записанных от добролюбовцев. Перечислим их: «Вы спойте, братья, о свободе», «Споем, братья, песню», «Да не полно ли нам, братцы, все о мертвом говорить?», «Но

⁷³⁴ Ярков И.П. Какими я их знаю ... Л. 489.

⁷³⁵ Черткова А.К. Указ. соч. С. 15.

⁷³⁶ Кобринский А.А. Приложение. Псалмы «добролюбовцев» // Ранние символисты: Н. Минский, А. Добролюбов. Стихотворения и поэмы / Вступ. ст., подг. текста, состав, примеч. А. Кобринского и С. Сапожкова (Новая Библиотека поэта). СПб., 2005. С. 571–582.

я всегда с тобою», «Добрый молодец, путь ты нам свой объяви», «Вы поведайте нам», «Приступите вы к престолу», «Над рекой, над животной», «Река всесильного страдания», «Страшно бушует житейское море», «Что ты, душа, приуныла?», «О, братья, смотрите», «Странник ревностно проходит», «Царь, создатель моей жизни», «Что в душе моей сокрыто», «Близок, близок час кончины», «Что за тайна заключена», «Я отрекся от ветхого мира», «Не одна во поле дороженька», «Не наружно то крещение».

Полный текст песни «Вы поведайте нам, братья» отсутствует. Черткова приводит только два стиха из нее с нотной записью напева.

Если сравнить песни с другими списками, то во всех встречаются песни «Над рекой, над животной», «Вы спойте, братья, о свободе», «Река всесильного страдания», «Приступите вы к престолу», «Но я всегда с тобою», «Вы поведайте нам, братья», «Что за тайна заключена», «Да не полно ли нам, братцы» (Ярков указывает, что песня написана А.К. Усковым⁷³⁷), «Добрый молодец», «Я отрекся от ветхого мира», «Не одна во поле дороженька».

Песня «Не наружно то крещение» присутствует в машинописи Яркова, она представляет собой сокращенный вариант песни последователя Добролюбова А.К. Ускова⁷³⁸. Песня «Близок, близок час кончины» также присутствует в работе Яркова, он указывает ее автором Г.И. Миронова, последователя Добролюбова.

Остальные песни не находят совпадений, видимо, являясь песнями из репертуара добролюбовцев. Так, например, 12 первых стихов песни «Страшно бушует житейское море» были опубликованы в 1911 г. в сборнике «Гусли» И.С. Проханова⁷³⁹.

В списке П.П. Картушина из архива С.Н. Дурылина, согласно нумерации составителя, присутствует 31 песня. При этом одна песня, отмеченная в записной книжке номером 15, фактически включает в себя две самостоятельные духовные песни, не связанные друг с другом: «Братья, о

⁷³⁷ Ярков И.П. Какими я их знаю ... Л. 490.

⁷³⁸ Там же. Л. 489.

⁷³⁹ Проханов И.С. Гусли: Сб. духов. песен ... С. 145.

братья, взгляните» и «Я упал ниц лицом до земли»⁷⁴⁰. Поэтому в данном случае мы можем говорить о 32 песнях в архиве С.Н. Дурылина. Из них 13 песен присутствуют во всех списках с разночтениями, 5 песен присутствуют только в архиве Дурылина («Кто други Его и когда увидал», «Радуйтесь и торжествуйте», «Вы скажите нам, братцы», «Так говорил мне Вечный», «Я желаю исполнить волю Твою, Боже мой») и не имеют вариантов в других списках. 13 песен имеют варианты только в списке Яркова. Песня, присутствующая только в списке Чертковой и Дурылина, — «Приступите вы к престолу Бога своего».

27 песен из архива Сергея Дурылина были опубликованы А. Кобринским в издании «Ранние символисты: Н. Минский, А. Добролюбов. Стихотворения и поэмы»⁷⁴¹. Пять песен из списка в архиве Дурылина не были опубликованы («Вы спойте, братцы, о свободе», «Добрый молодец, путь свой нам объяви», «Река всесильного страдания», «Что за тайна заключена», «Над рекой, над животной»), так как они были опубликованы по изданию «Что поют русские сектанты» А. Чертковой. При этом текст духовной песни «Но я всегда с тобою» приведен Кобринским и по изданию Чертковой⁷⁴², и по списку из архива Дурылина⁷⁴³. Эти тексты имеют разночтения, кроме того, текст в архиве Дурылина имеет дополнительные строфы.

Как уже сообщалось, в работе И.П. Яркова представлено 30 песен. Из них 13 песен присутствуют во всех источниках, 4 песни не встречаются в других источниках, 13 песен встречаются лишь в архиве Дурылина, и нет ни одной песни, которая имела бы вариант только в списке Чертковой. Преимуществом списка Яркова является проделанная им работа по атрибуции песен Добролюбову и отделению их от песен, сочиненных его последователями.

⁷⁴⁰ Записная книжка ... Лл. 16 об.—17 об.

⁷⁴¹ Кобринский А.А. Приложение. Псалмы из архива С.Н. Дурылина // Ранние символисты: Н. Минский, А. Добролюбов. Стихотворения и поэмы / Вступ. ст., подг. текста, состав, примеч. А. Кобринского и С. Сапожкова (Новая Библиотека поэта). СПб., 2005. С. 583–604.

⁷⁴² Кобринский А.А. Приложение. Псалмы «добролюбовцев» ... С. 576.

⁷⁴³ Кобринский А.А. Приложение. Псалмы из архива С.Н. Дурылина ... С. 587.

Изучив данные Яркова и Чертковой об истории создания текстов, мы выделили группу духовных песен, автором которых, вероятно, является Добролюбов. Хотя эти песни были записаны в разное время и разными людьми, мы склонны доверять собирателям, которые приписывали их Добролюбову, основываясь на свидетельствах людей, которые лично его знали.

Таким образом, с наибольшей уверенностью авторству Добролюбова можно отнести песни, которые встречаются во всех трех источниках (за исключением тех случаев, когда мы имеем указание на авторство другого лица). С определенной долей уверенности можно атрибутировать Добролюбову песни, имеющие совпадение в двух источниках.

Корпус духовных песен добролюбовцев можно разделить на три группы.

1 группа. Песни, присутствующие во всех списках:

«Не одна во поле дороженька пролегала», «Вы поведайте нам о дорожке святой», «Добрый молодец, путь нам свою объяви», «Вы спойте, братья, о свободе», «Я отрекся от ветхого мира», «Над рекой, над животной», «Бог помочь, мои сестрицы» (сохранился автограф в архиве Брюсова), «Но я всегда с тобою», «Что за тайна заключена», «Река всесильного страдания».

Духовная песня «Да не полно ли нам, братцы, все о мертвом говорить» также присутствует во всех списках. Ярков указывает, что ее автором был последователь Добролюбова А.К. Усков.

2 группа. Песни, имеющие соответствия в двух источниках, без указания на другого автора:

«Послушайте, други, о моей дорожке», «Вот земля очам открылась», «Как же, братцы, нам дорожку начинать?», «Здравствуйте, все братцы», «Кричите над горами», «Я не сам собою», «О, Боже, Твой город прекрасен и чуден», «Работать! Работник я вечный, друзья!», «Трудитесь, о други, в видимых трудах», «Споем, братья, песню пред пищей земной», «Братья, о братья, взгляните», «Утром братья к нам пришли», «Та, над которой вы долго

рыдали», «Он придет, Он придет, и смятутся народы», «Заклучил я с тобою завет», «Приступите вы к престолу Бога своего».

Песня «Не наружно то крещение» есть в публикации Чертковой и списке Яркова. Ее автором, по словам Яркова, был А.К. Усков. Также песня «Близок, близок час кончины» есть в списке Чертковой и Яркова, ее авторство принадлежит добролюбовцу Г.И. Миронову.

3 группа. Песни, известные в одном списке.

Только у Чертковой: «Что ты, душа, приуныла?», «Споем, братья, песню», «О, братья, смотрите», «Странник ревностно проходит», «Царь, создатель моей жизни», «Что в душе моей сокрыто», «Страшно бушует житейское море» (опубликована в сборнике «Гусли» И.С. Проханова в 1911 г.)

Песни, присутствующие только в списке С.Н. Дурылина: «Кто други Его и когда увидал», «Радуйтесь и торжествуйте», «Вы скажите нам, братцы, о той силе живой», «Так говорил мне Вечный», «Я желаю исполнить волю Твою, Боже мой».

Песни, присутствующие только в списке И.П. Яркова: «О свободушке вы спойте», «В середине сердца человека», «Все народы, все секты».

В нашем исследовании мы будем рассматривать песни из первой и второй группы как с наибольшей вероятностью принадлежащие авторству Александра Добролюбова. Эти песни обнаруживают параллели в других текстах Добролюбова, не имеют указания на авторство других лиц. Из 26 песен 25 присутствуют в списке Яркова, который атрибутировал их Добролюбову.

Духовные песни, которые гипотетически можно приписать авторству А. Добролюбова, а также песни, дошедшие до нас лишь в одном списке, приведены в Приложении № 1, в Приложении № 2 опубликованы духовные песни Леонида Семенова по списку И.П. Яркова, в Приложении № 3 опубликованы песни, сочиненные последователями Добролюбова из народа — А.К. Усковым и Г.И. Мироновым. При цитировании духовных песен и

фрагментов из них мы будем в скобках указывать номер приложения и номер песни в нем.

Ниже мы приведем несколько песен, известных в трех или двух списках, и рассмотрим характер разночтений в них.

Изменения текста песни «Вы спойте, братья, о свободе» (Прил. 1, № 4) в разных списках были незначительными. Различаются форма обращения «*братья*» — «*братцы*», местоимения в Р.п. «*которой*» — в В.п. «*которую*», «*в сердцах*» — «*в душе*». Поскольку смысл стиха «Твой дух опять в тоске рабом» не был прозрачен по содержанию из-за эллипсиса, отсутствия сказуемого, мы наблюдаем вариативность: «*Твой дух опять в тоске рабом*» — «*Твой дух опять тоски рабом*» — «*Твой ум опять тоски рабом*». В списке Чертковой и Яркова перед этим стихом поставлена точка (у Дурылина точка пропущена). Это придает самостоятельность стиху и посредством паузы отделяет его от предыдущих стихов. У Чертковой два последние стиха отсутствуют.

Если в вариантах Чертковой и Дурылина речь идет о страданиях в душе и сердце, то в списке Яркова появляется противопоставление сердца и разума. Стих «Как сон предутренный — века» в списках Дурылина и Яркова имеет значение крепкого сна, который скоро закончится. В варианте Чертковой «*Как сон пред утренней века*» появляется эллипсис, так как «*утренняя*» не имеет главного слова. Это могло быть опiskой или опечаткой. Присутствует вариативность в финале песни — «*Господь Спаситель*» и «*Господь Всесильный*».

Стихотворение написано четырехстопным ямбом, и варианты текста в основном не нарушают его ритмической структуры. Единственное исключение — местоимение «*которую*» в издании Чертковой напечатано вместо «*которой*».

Есть тексты, в которых вариативность более заметна. Например, в списке Дурылина присутствуют две песни — «Я отрекся от ветхого мира» (Прил. 1, № 4) и «Я отрекся от лживого мира». В списках Яркова и

Чертковой они объединены в одну песню. То же с песней «Братья, о-братья, взгляните». Две песни из списка Яркова объединены в одну в списке Дурылина. Обратимся к ней.

В архиве Дурылина тексты песен «Братья, о братья, взгляните» и «Я упал ниц лицом до земли» (Прил. 1, № 21) объединены в одну песню, хотя они различаются по содержанию (песня о свободе и любовная лирика) и размеру (дольник с переменной анакрузой и трехстопный анапест). Мы видим, что первая часть песни в обоих списках почти не содержит вариантов. Находим несколько разночтений: «*тени*» — «*тучи*» в первой строфе, «*сковали*» — «*ковали*» в восьмой. Ярков писал об истории создания песни «Братья, о братья, взгляните»:

«[...] после какого-то острого столкновения "братков" или молокан с православными, где нападающей стороной были именно задиристые "ревнители православия", брат Александр [...] уединился и после долгого пребывания наедине со своими думами пришел к своим последователям с новым, только что сложенным им стихотворением ("вышедшим из него", как говорили братки). Стих этот по теме был как раз по поводу возникших неприязненных отношений между сектантской прослойкой и "миром"»⁷⁴⁴.

Напев к нему сочинил Добролюбов, чьи последователи, как пишет Ярков, часто исполняли эту песню⁷⁴⁵.

Вторая часть песни «Я упал ниц лицом до земли» имеет больше разночтений. Ярков указывает, что он приводит ее «в неполной и искаженной редакции», так как полную редакцию текста у него изъяли при обыске⁷⁴⁶. Действительно, песня в его списке короче, но песня в списке Дурылина имеет больше стихов за счет их повторов. Рассмотрим варианты «*Яблонь была в серебристом цвету*» (Дурылин) и «*Яблонь цвела в*

⁷⁴⁴ Ярков И.П. Какими я их знаю ... Л. 298.

⁷⁴⁵ Там же. Л. 299.

⁷⁴⁶ Там же. Л. 215.

серебристом цвету» (Ярков). Вариант *«цвела»* приводит к тавтологии. В списке Яркова вариант *«Вдруг упал я ниц лицом до земли»* вместо *«Я упал ниц лицом до земли»* в архиве Дурылина изменяет ритмическую структуру текста.

В списке Яркова появление стиха *«и отверзла ложесна свои»* усиливает эротическую коннотацию песни, в том числе за счет ее акцентуации при нарушении строфы, состоящей из четырех стихов. Песня в варианте Дурылина более эмоционально окрашена за счет использования вариантов *«внезапно»*, *«загорелись»*, *«Между нами опять древний рай / Был на той же земле возвращен»* вместо *«Серафимские песни неслись надо мной, / прославляя Творца всех времен...»*:

*«И внезапно земля и весь сад
Загорелись неждешней красой,
Между нами опять древний рай
Был на той же земле возвращен».*

Вместо:

*«И земля, и весь сад предо мной
Засияли неждешней красой.
Серафимские песни неслись надо мной,
Прославляя Творца всех времен...»*

Текст в списке Дурылина по структуре больше напоминает песню из-за повтора строфы *«Заключил я с тобою завет»*, которая выглядит как припев. В рассмотренном случае можно предположить, что на вариативность повлияли ошибки запоминания, допущенные Ярковым при восстановлении текста по памяти.оборот *«сестра моя жизнь»* указывает на авторство Добролюбова, поскольку он использовал его в прозаическом тексте *«Кто мне дал этот закон смерти?»* сборника *«Из книги невидимой»*: *«Так шепнула мне девушка, сестра моя — Жизнь»* (ИКН 54).

В этом образе заметно влияние Франциска Ассизского, который называл сестрой Смерть в своем «Гимне брату Солнцу». И.П. Ярков, комментируя эту духовную песню, посвященную, по его словам, последовательнице поэта из деревни Росташи Анне Велькиной, замечал ее преемственность с поэзией Пастернака. «Несомненно одно, — писал И.П. Ярков, — прежде, чем выражение "Сестра моя, Жизнь" поэт Б. Пастернак использовал в 1917 году как название одного из своих стихотворных сборников, оно уже было произнесено Александром Добролюбовым в глубокой степной глуши б. Самарской губернии никак не позднее 1907 года, а то и несколько раньше»⁷⁴⁷. Аналогичные размышления привела Е.В. Иванова в своей статье «Неизвестный отзыв о стихах Александра Добролюбова»⁷⁴⁸ при публикации песни из работы И.П. Яркова⁷⁴⁹. О том, что оборот «Сестра моя, Жизнь» в поэзии Пастернака восходит к образам из «Цветочков Франциска Ассизского» писал В.Н. Альфонсов⁷⁵⁰.

Б. Пастернак мог узнать эту фразу как при чтении «Из книги невидимой», так и при знакомстве с записями добролюбовских песен П. Картушина. Записная книжка хранилась у С.Н. Дурылина, а он, как известно, общался с поэтом.

Сравнивая варианты одних и тех же песен в разных списках и фиксируя их совпадения и расхождения, что отражено при публикации текстов в Приложении, где разночтения выделяются курсивом, мы видим, что время бытования песни не коррелирует с качеством и количеством ее изменений. Так, например, количество разночтений в списках Дурылина и Яркова меньше, чем при сопоставлении этих списков с публикацией песен Чертковой. Возможно, это связано с тем, что Ярков, как мы уже указывали, имел возможность сравнить несколько вариантов песен. В списке Чертковой встречаются варианты, меняющие смысл песни. Мы уже рассмотрели выше

⁷⁴⁷ Ярков И.П. Какими...Л. 215.

⁷⁴⁸ Иванова Е.В. Неизвестный отзыв...С. 198–199.

⁷⁴⁹ В качестве источника песни указано: «Текст стихотворения сообщен И.П. Ярковым» (Иванова Е.В. Неизвестный отзыв...С. 202).

⁷⁵⁰ Альфонсов В.Н. Поэзия Бориса Пастернака. Л., 1990. С. 10.

вариант в песне «Вы спойте, братья, о свободе» (Прил. 1, № 4) «Как сон пред утренней века». То же наблюдаем в песне «Над рекой, над животной» (Прил. 1, № 6). В списке Дурылина: *«Средь миров бесконечных он свой путь проложил»*; в списке Чертковой: *«Средь миров бесконечных он свой путь преклонил»*; в списке Яркова: *«Средь миров бесконечных он свой путь пролагал»*. В песне «Река всесильного страдания» (Прил. 1, № 9) в списках Дурылина и Яркова: *«Средь них стоял мой друг и брат мой, / Которого назвать нельзя»*; в списке Чертковой: *«Средь них стоял мой друг / И брат мой, которого узнать нельзя»*. Сравнивая списки песни «Бог помочь, мои сестрицы» (Прил. 1, № 7), авторский автограф которой сохранился, напротив, видим небольшую вариативность.

В двух песнях в списке Дурылина, предположительно, несколько песен объединено в одну, что не находит параллелей в списке Яркова: «Послушайте, други, о моей дорожке» (Прил. 1, № 10), «Братья, о братья, взгляните» (Прил. 1, № 21).

В то же время мы видим, что некоторые песни не имеют серьезных разночтений. Это песни «Что за тайна заключена» (Прил. 1, № 8), «Вот земля очам открылась» (Прил. 1, № 12), «Трудитесь, о други, в видимых трудах» (Прил. 1, № 19), «Утром братья к нам пришли» (Прил. 1, № 23), «Та, над которой вы долго рыдали» (Прил. 1, № 24). Поскольку в двух или трех источниках тексты практически идентичны, можно предположить, что примерно в таком виде они вышли из-под пера автора. Вариативность в очень незначительных размерах естественно возникает при копировании текстов.

Мы не наблюдаем усиления фольклоризации песен, хотя встречаем ее отдельные случаи. Например, песня «Вы поведайте, братцы, о дорожке святой» (Прил. 1, № 2) содержит варианты: «Надо думушку думать, не пора ль начинать» (Дурылин); «Надо думушку думать — пора начинать!» (Ярков). Тавтологический оборот «думушку думать» имеет параллели в фольклоре.

Мы можем фиксировать утрату текста, изменение формы слов. Части текста могут быть опущены, либо переставлены, могут изменяться отдельные слова, что, вероятнее всего, вызвано выбором варианта исполнителями, который впоследствии был закреплён в списке. При этом вариативность не изменяет содержания песен, их ритмическую структуру. Это можно объяснить и параллельным функционированием песен в устной и в письменной форме, и тем, что они исполнялись хором, имели устойчивую форму, закреплённую в коллективной памяти.

В комментарии к единственному современному изданию духовных песен, предпринятому А.А. Кобринским, исследователь отмечал, что «во многих из них есть специфические образы и фигуры речи, присутствующие в его [Добролюбова. — О.С.] книгах и составляющие часть его идеостиля. Это, например, образ "животной реки", воспевание свободы, выражения вроде "брат Иисус" и, конечно, "сестра, моя жизнь", — оборот, предвосхитивший название знаменитого сборника Б. Пастернака. Однако эти произведения — по причине отсутствия канонического текста — сдвигаются в область фольклора и, следовательно, не могут быть помещены даже в раздел "Dubia"»⁷⁵¹. Выше мы постарались определить круг песен, с наибольшей вероятностью восходящих к авторству Добролюбова, опираясь на свидетельства близко знавших его людей и исследователей из числа его современников. Устойчивость списков также подтверждает наличие первоначального текста, который при функционировании в народной среде подвергся незначительным изменениям, но в то же время благодаря закреплению на бумаге остался узнаваем. Песни были написаны в период с 1903 по 1911 гг., и так как основным местожительством Добролюбова в те годы была деревня Росташа Самарской губернии (ныне — деревня Трофимовка Самарской области), мы можем предполагать, что эта деревня была местом написания его духовных произведений для народа.

⁷⁵¹ Кобринский А.А. Примечания ... С. 622–623.

Как мы уже отмечали, в начале XX века российские поэты взаимодействуют с жанром духовного стиха: сочиняют духовные стихи, воспроизводят сюжеты духовных стихов в своих произведениях. Аллегоричность духовных песен близка пониманию роли слова в символистском течении, где за описаниями обычных предметов, состояний, действий обнаруживался мистический смысл. Также в символизме особую значимость имеет мгновенье, миг, в котором проявлена реальность бытия и который необходимо запечатлеть. В более ранних произведениях Добролюбова мы часто встречаем описание мгновений: «Шепчутся травы под грёзы мои, / Чую в мгновеньях моих опьяненье...» (NN 35); «Кто-то шепчет стыдливо: "целую". / — Мгновенья мгновенье» (NN 65); «Здравствуй, пробужденье, // Где же ты, мгновенье?» (СС 23); «Ваша жизнь только там, где мгновенье» (СС 44) и др.

Это характерный для поэзии Добролюбова образ, не свойственный духовным стихам, в которых слово мгновение встречается лишь в составе фразеологизма, например, «в мгновение ока». В духовных песнях Добролюбова встречаем упоминание о мгновеньях. Например: «Отчего в одно мгновенье бездну светом озарит? / И опять в одно мгновенье даже небо омрачит?» (Прил. 1, № 8). Стих «Где как мгновенье мчатся годы» (Прил. 1, № 4) находит параллель в сборнике «Из книги невидимой»: «Один миг как столетия, как тысячи весн!» (ИКН 178).

Другой часто встречающийся в произведениях Добролюбова мотив — мотив страдания лирического субъекта. Описание страданий лирического «я» встречаем в сборнике «Собрание стихов»: «Конечно, не главное — страдать, но рана твоя разбережена» (СС 51); «Иль нестраданьем страдал» (СС 56). В сборнике «Из книги невидимой» добавляется мотив страдающего Бога («Вдруг я увидел Возлюбленного, красотой и страданьем сияли глаза Его» (ИКН 183)), мотив необходимости страданий («Кто никогда не страдал, тот никогда не будет и радоваться» (ИКН 84)). В духовных песнях Добролюбова этот мотив усиливается, страдание становится магистральным

художественным образом. Страдает лирический субъект («Мое терзанье и страданье» (Прил. 1, № 9)), его братья («Вы долго и тяжело страдали / За истину братской любви» (Прил. 1, № 22)), Бог («На страданьи своем мог Он мир сотворить» (Прил. 1, № 6)), ангел Серафим («Все к какой-то свободе страдал и жаждал» (Прил. 1, № 6)). Для усиления образа страданий автор использует плеоназм — «в страдах страдать», аллитерацию — «труда в страдовые года». Слово «страда» имеет несколько значений, обозначая жатву, тяжелый труд, мучение⁷⁵². Мучительный труд, длящийся годами, становится символом и условием спасения души. Описание страданий верующих и Иисуса часто встречается в духовных стихах и сектантских распевцах, поскольку это отражает реальные тяготы жизни верующих и соединяет их с Богом, сын которого также страдал.

В духовных песнях отражен центральный образ третьего сборника Добролюбова, образ книги: «Но весь видимый мир — в Книге Совести он»; «Весь видимый мир — та же книга тебе» (Прил. 1, № 20); «То Он — книга древнейших духовных писмен» (Прил. 1, № 20). Книга невидимая, внутренняя книга, книга совести — ключевые образы учения Добролюбова и «Из книги невидимой». Разделение сущностей на видимое и невидимое, присутствовавшее в произведениях Добролюбова, встречаем и в духовных песнях: «Все и видимые, и невидимые, все и его вы творенья» (Прил. 1, № 11).

Образ ступеней, возникший в сборнике «Из книги невидимой» как символ пути души человека к Богу проявлен в духовных песнях:

«Но достигнуть тех ступеней,
Братья, нет запрета вам —
Даже может брат подняться
К еще высшим ступеням» (Прил. 1, № 12).

⁷⁵² Потебня А.А. 1. О некоторых символах в славянской народной поэзии; 2. О связи некоторых представлений в языке; 3. О Купальских огнях и сродных с ними представлениях; 4. О доле и сродных с нею существах. 2-е изд. Харьков, 1914. С. 15.

Мотив молчания был также характерен для религиозного учения Добролюбова и встречается в духовных песнях: «Мы в молчаньи приготовим / В сердце чистые листы» (Прил. 1, № 12); «Но крепче запоров молчанье, / Мы скроем Твой камень от внешних очей» (Прил. 1, № 17).

Антитезу внешнего и внутреннего, наружного и духовного, видимого и невидимого, проявленную в произведениях сборника «Из книги невидимой» также обнаруживаем в духовных песнях Добролюбова: «Ты наружных частей никогда не ищи, / Но весь видимый мир — в Книге Совести он, / И таинственно с духом твоим съединен» (Прил. 1, № 19); «Он [Бог. — О.С.] придет к тебе на том пути едином, / На едином том на внутреннем» (Прил. 1, № 1).

Библейский образ «пустыни» присутствует как в сборнике Добролюбова «Из книги невидимой», так и в его духовных песнях. Пустыня в его произведениях всегда имеет негативную коннотацию. Она связана с душевной пустотой, неверием: «Во всех знаньях мира / Мрак одной пустыни»; «Нам дан бесконечного дела урок — / Творить новый мир из пустыни» (Прил. 1, № 14).

Основным приемом, который роднит духовные песни добролюбовцев как с ранним корпусом текстов Добролюбова, так и с фольклорными произведениями, стал параллелизм. Например, песня, состоящая из вопросов «Добрый молодец, путь свой нам объяви» (Прил. 1, № 3), по своей структуре повторяет стихотворение Добролюбова из «Собрания стихов»:

«Встал ли я ночью? утром ли встал?
Свечи задуть иль зажечь приказал?
С кем говорил я? один ли молчал?
Что собирал? что потерял?
— Где улыбнулись? Кто зарыдал?» (СС 19).

Таким образом, проанализировав сведения, касающиеся авторства стихов, из вступительной статьи к изданию Чертковой, из работы Яркова о

добролюбовцах, писем Н.Г. Суткового С.Н. Дурылину, сопоставив тексты всех списков, сравнив характер разночтений между ними, мы выделяем 26 песен, с наибольшей вероятностью принадлежавших авторству Добролюбова. Они имеют совпадения в трех или двух списках, не имеют указаний на авторство иных лиц, обнаруживают сходство с поэтикой более ранних произведений Добролюбова, их содержание отражает его религиозные взгляды.

Духовные песни добролюбовцев на протяжении многих лет оставались вне поля зрения исследователей. В немногочисленных упоминаниях о них говорилось об их вторичности по отношению к другим сектантским песням. А. Черткова во вступительной статье «Псалмы "Добролюбовцев"» провела краткий музыковедческий разбор напевов этих песен и, как мы уже писали выше, отметила, что они «заимствованы [...] или от сектантов, или из народных песен, или же переделаны из каких-то светских мотивов»⁷⁵³. Она называла их «высокопарными и бездарными»⁷⁵⁴. С. Дурылин в статье, посвященной Александру Добролюбову, писал, что «гимны эти не представляют ничего нового и лучшего в сравнении с тем, что дала сектантская поэзия последнего столетия, и нужно признать, что многие "гимны" "добролюбовцев" подобного же рода не что иное, как прямое подражание прежде известным образцам сектантской поэзии. Известны такие подражания, принадлежащие самому Добролюбову, но нет сомнения, что среди песен "добролюбовцев" есть и такие, которых почти миновало творчество самого Добролюбова»⁷⁵⁵.

Брюсов, описывая воззрения Добролюбова в период его увлечения декадентством, писал в своем дневнике в 1898 г. об отношении Добролюбова к песне: «Он и жил, как художник, поклоняясь художеству, как святыне. Например, он говорил тогда, что в будущем науки не будет. Люди придут к морю и сложат песню о море; придут к горам, сложат песню о горах. Вот

⁷⁵³ Черткова А.К. Указ. соч. С. 14.

⁷⁵⁴ Там же.

⁷⁵⁵ Дурылин С.Н. Александр Добролюбов ... С. 728.

вместо науки будет очень подробная песнь...»⁷⁵⁶. К сочинению песен Добролюбов обращался уже в сборнике «Из книги невидимой», но они были предназначены для чтения. Песни, сочиненные для последователей, предполагали хоровое исполнение на собраниях и заменяли молитву.

Духовные стихи и, как частный случай, духовные песни возникают на пересечении фольклорного и книжного стилей, шире — устной и письменной культуры, являясь выразителями народной веры. С.Е. Никитина выделяет в книжной культуре по отношению к духовному стиху консервирующую функцию⁷⁵⁷, распространяя ее и на традицию записывать тексты от руки в стиховники. При наличии рукописных записей вариативность песен небольшая, что можно наблюдать и в случае духовных песен добролюбовцев. В списках Яркова и Дурылина инвариантов меньше, чем в публикации Чертковой. Это связано с тем, что песни для издания Чертковой последователи Добролюбова записывали, ориентируясь исключительно на свою память. Еще одна функция книжной культуры и фольклора по отношению к духовным песням — генерирующая⁷⁵⁸. Обе культуры наполняют духовные стихи сюжетами, образами, темами, героями. Также Никитина указывает на двуязычность и двустильность духовных песен, то есть их пограничное положение между устной и письменной традицией, книжностью и фольклором⁷⁵⁹.

Далее будут рассмотрены песни, которые мы атрибутируем Александру Добролюбову, выявим их основные темы и сюжеты, влияние на их структуру и систему образов фольклорных и книжных источников, особенности функционирования субъектно-объектных отношений.

⁷⁵⁶ Брюсов В.Я. Дневники 1891–1910 ... С. 43.

⁷⁵⁷ Никитина С.Е. Устная народная культура и языковое сознание. М., 1993. С. 40–41.

⁷⁵⁸ Там же.

⁷⁵⁹ Там же. С. 55.

3.3. Структура духовных песен

Духовные песни добролюбовцев по структуре сближаются с народной лирической песней. Анализу композиции лирической песни посвящены работы Е.Б. Артеменко⁷⁶⁰, В.И. Ереминой⁷⁶¹.

Среди духовных песен добролюбовцев можно выделить следующие композиционные формы:

1. Песня-монолог с зачином, в котором присутствует обращение к братьям, братцам, сестрам, друзьям, доброму молодцу, Богу или побуждение к действию в форме императива (Прил. 1, №№ 2, 3, 4, 7, 8, 10, 11, 13, 14, 15, 17, 18, 19, 20, 21).
2. Песня-монолог плюс обращение (Прил. 1, №№ 9, 16).
3. Описательно-повествовательная часть с обращением плюс монолог (Прил. 1, №№ 6, 12, 22, 23, 24, 25, 26).
4. Описательно-повествовательная часть плюс диалог (Прил. 1, № 1).

Главная тема большинства песен раскрывается в обращении к слушателям или к Богу. Основная, повествовательная часть, как правило, представляет собой монолог, посвященный аксиологическим аспектам духовного пути и трудностям, которые необходимо преодолеть в его процессе. В него также может входить обращение к Богу или ангелам. Далее следует наставление, например: «Мы в молчаньи приготовим / В сердце чистые листы, / Ты на этих на страничках / Слово ясно напиши» (Прил. 1, № 12).

В некоторых песнях присутствует припев (Прил. 1, №№ 5, 8, 9, 15, 16, 22, 25, 26). В списке И.П. Яркова песни № 16 и № 23 также имеют припев. В списке А.К. Чертовой в песне № 9 припев отсутствует. В финале композиция некоторых песен закольцовывается повторением первых стихов

⁷⁶⁰ Артеменко Е.Б. Синтаксический строй русской народной лирической песни в аспекте ее художественной организации. Воронеж, 1977.

⁷⁶¹ Еремина В.И. Поэтический строй русской народной лирики. Л., 1978.

песни (Прил. 1, №№ 3, 6, 12, 17, 21, 22). В списке Яркова песня № 7 также закольцовывается повторением первой строфы. В некоторых песнях в финале присутствует обращение к Богу (Прил. 1, № 4, 20) либо наставление («Вы убейте, други, / Самолюбье в сердце, / Тогда вся дорожка / Скоро объяснится» (Прил. 1, № 11)), либо пророчество («Неизменный час пробит, бьются волны в залив, / И внезапно наступит всемирный прилив» (Прил. 1, № 2)). В списке Яркова хвала Богу также присутствует в песне № 14.

В духовных песнях Добролюбова сюжетная линия активно не проявлена. В большинстве текстов присутствует свод правил, которым необходимо следовать для достижения жизни с истинной верой в Бога. Часть песен посвящена размышлениям о том, как обрести веру и следовать правильной дорогой в священный град. В песне «Над рекой, над животной» (Прил. 1, № 6) описана встреча лирического субъекта с серафимами, братьями, Иисусом и сестрой у животной реки (в символике хлыстовских распевцев река обозначала благодать, исходящую от Бога, тайное учение, животная — то же, что божественная, дарующая спасение). В основе сюжета песни «Утром братья к нам пришли» (Прил. 1, № 23) — рассказ о том, что братья не хотят верить в смерть своей сестры, несмотря на то что увидели ее гроб. В песне «Та, над которой вы долго рыдали» (Прил. 1, № 24) лирический субъект сообщает о смерти девушки (по словам Яркова, сестры А. Добролюбова Марии). Ночью братья говорят ему, что снова ее видели, они встречаются с ней за трапезой, видят вокруг нее неземные лучи.

Самая длинная духовная песня добролюбовцев «Вы поведайте, братцы, о дорожке святой» (Прил. 1, № 2) состоит из 46 стихов. Самая короткая песня «Приступите вы к престолу Бога своего» (Прил. 1, № 26) состоит из 11 стихов.

В духовных песнях Добролюбова используются приемы, характерные и для народных песен, и для фольклора в целом. Так, в его песнях присутствует прием ступенчатого сужения образов, описанный Б.М. Соколовым⁷⁶².

⁷⁶² Соколов Б.М. Экскурсы в область поэтики русского фольклора // Художественный фольклор. 1926. № 1.

Например, в песне «Добрый молодец, путь свой нам объяви» (Прил. 1., № 3) видим следующую градацию: страна — улица в граде — городские врата — дворец.

Кроме того, Добролюбов использует прием выделения, который, как указывает С.Г. Лазутин, применяется также в былинах⁷⁶³. В песне «Над рекой, над животной» (Прил. 1, № 6) сначала в тексте представлены серафимы, затем духоборцы, звери, леса, растения, после чего лирический субъект выделяет одного серафима, к которому обращается с речью. «Песнь любви» (Прил. 1, № 11) начинается с обращения лирического субъекта к человеку и скоту, зверям и злым демонам, серафимам, сестрицам-яблонькам, звездам, цветам, камням гор, рекам земли прекрасным, молчаливым, всем видимым и невидимым твореньям, и только после этих перечислений возникает образ Бога («Все блещет красой, вот идет жених всего мира»), к которому устремлен лирический субъект.

3.4. Лирический сюжет и субъектно-объектная организация духовных песен А.М. Добролюбова

Основным сюжетом духовных песен становится путь лирического субъекта и сестер, братьев к Богу, который завершится обретением свободы и достижением рая на земле, града Иерусалима: «Победил я не внешних кумиров, / Я с душой был в сражение своей» (Прил. 1, №5).

Г.П. Федотов отмечал, что «содержание духовного стиха чаще всего есть песнь о страданиях героя: Христа, Адама, Лазаря, мученика, аскета. [...] Наряду с космологическим и эсхатологическим интересом (Голубиная книга, Страшный Суд) тема безвинного страдания стоит в центре религиозного внимания певца»⁷⁶⁴. Описание страданий занимает большое место и в духовных песнях Добролюбова: «Если вне рая будут в страдах страдать»

С. 30–53.

⁷⁶³ Лазутин С.Г. Поэтика русского фольклора: Учеб. пособие для филол. фак. ун-тов. М., 1981. С. 72.

⁷⁶⁴ Федотов Г.П. Указ. соч. С. 22–23.

(Прил. 1, № 13), «Когда в сердцах живет страданье, / Твой дух опять в тоске рабом» (Прил. 1, № 4), «На страданьи своем мог Он мир сотворить, / Но свободы ничьей не возмог отменить» (Прил. 1, № 6), «Река всесильного страданья / Вдруг обступила дни мои, / Мое терзанье и страданье, / Все, о, мой Бог, в очах Твоих» (Прил. 1, № 9).

Один из главных сюжетов и духовных стихов, и сектантских песен — события в день Страшного суда. Ф. Буслаев отмечал, что «по роковому убеждению наших духовных стихов, будущего на земле уже нет, а есть только одно гнетущее, тоскливое настоящее, из которого один, и уже решительный выход — безапелляционный суд, без малейших проволочек и без всяких исправительных мер. Русская фантазия, создавшая духовные стихи, не знает милосердной, исправительной тюрьмы; она не хочет на время отложить казнь и сострадательно позаботиться об исправлении грешников, потому что разумных и гуманных средств для того не указала и не дала ей действительность. Не было для русской фантазии чистилища, которое в поэзии западных народов, может быть, потворствовало человеческим слабостям, но давало надежду для будущности, даже за пределами смерти. Стремлению идти вперед и усовершенствоваться средневековый Запад открывал безграничное поприще, переходящее из временной жизни в вечную. Напротив того, наши духовные стихи с какою-то беспощадною жестокостью описывают те воздушные заставы, оцепленные ватагами бесов, те судейские мытницы, через которые, как подсудимый ответчик, влечется под стражею оторопелая от ужаса душа»⁷⁶⁵. В духовных песнях Добролюбова мучения грешников в аду не описаны. А.В. Коробова замечала, что в центре духовных стихов о Страшном Суде — «образ Судии на престоле и собирательные образы грешников и праведников, идущих на муку»⁷⁶⁶. В духовной песне Добролюбова присутствует образ Бога на престоле, но встреча с ним связана со спасением и вечной жизнью (Прил. 1, № 26).

⁷⁶⁵ Буслаев Ф.И. Русские духовные стихи ... С. 331–332.

⁷⁶⁶ Коробова А.В. Эпические духовные стихи о Страшном Суде: Фольклор. трансформация источников: лит., литург. и иконогр.: диссертация ... кандидата филологических наук: 10.01.09. М., 1997. С. 8.

Ад в песнях Добролюбова представлен аллегорически, как муки души человека, которые надо победить: «Те дороги страшны, други, — ужас, смерть на тех путях. / Странник бездну побеждает и чрез ад идет в лучах» (Прил. 1, № 8); «Нам не надо древних безжалостных небес, / Наказанья ада, бесконечных бездн» (Прил. 1, № 13); «Силы адской бездны / Путь нам преграждали, / Мраком непроглядным / Очи застилало» (Прил. 1, № 14). Ад в его произведениях — то, что совершается сейчас в душах грешников и отступников.

Одновременно с этим в песнях создается образ безмятежного рая, в который можно войти уже сейчас: «Вы откройте двери нового рая, / Все творенье проходит в дверь рая!» (Прил. 1, № 13). И ад, и рай человек сам создает в своей жизни: «Достиженны и рай, и ад на земле» (Прил. 1, № 2). Мрачные эсхатологические пророчества, свойственные духовным стихам, в песнях Добролюбова отсутствуют.

В подавляющем большинстве песен лирический субъект обращается к членам общины — братьям/братцам, сестрам/сестрицам. Именно они выступают адресатами песен. Такие тексты оформлены в виде монолога, прямая речь самих членов общины в них никогда не приводится.

В песне «Добрый молодец, путь нам свою объяви» адресант обращается к доброму молодцу от лирического «мы» и задает вопросы, направленные на уточнение истинности его веры: «Ты читал ли ту Книгу, чьи вечны листы, / Выше библий, писаний, коранов земли? / Иль ты только, брат, из писаний изучал? / Самовольны слова о законе слагал?» (Прил. 1, № 3). В тексте представлен разговор человека с Богом в день последнего суда: «Мы принимаем лишь тех, кто боролся со злом, / Кто еще на земле был с бессмертным венцом».

Другой адресат — ангелы серафимы. В песне «Над рекой, над животной» лирический субъект обращается к отошедшему от Творца ангелу, брату Серафиму: «И вскрикнул я: О, брат, возвратись вновь к Творцу» (Прил. 1, № 6). В песне «Что за тайна заключена в человеке, о, друзья» (Прил. 1, №

8) серафимы также названы братьями. В песне «Река всесильного страдания» (Прил. 1, № 9) лирический субъект обращается к серафимам с просьбой о помощи в духовной борьбе. Серафимы исполняют роль медиаторов между Богом и человеком. При этом обращение лирического субъекта к ним ничем не отличается от обращения к братьям, это разговор на равных. Серафимы выступают в человеческом обличье, так, у них есть ноги⁷⁶⁷ («Где нога серафимов Господних прошла» (Прил. 1, № 2)). Ангелы разговаривают с лирическим субъектом на языке, в котором соединяются фольклорные и библейские образы:

«А Бог помочь тебе, добрый молодец,
На пути стоять, на столбовой дороженьке
Мы даем тебе шлем спасенья⁷⁶⁸,
Мы дарим тебе Серафимский меч»⁷⁶⁹ (Прил. 1, № 1).

В приведенной строфе ангелы выступают в качестве сказочных дарителей, волшебных помощников.

Помимо ангелов, адресатом послания выступает Бог. Так происходит, например, в песне: «О, Боже, Твой город прекрасен и чуден» (Прил. 1, № 17).

Адресат может быть прямо не указан, но подразумеваться под ним может весь мир, как в духовной песне с пророческим началом «Он придет, Он придет» (Прил. 1, № 25).

Носителями речи в духовных песнях Добролюбова выступают лирический субъект, добрый молодец, Бог, голоса с неба, Святой Дух.

Когда лирический субъект обращается к братьям и сестрам с вопросом, то либо отвечает на них сам, либо не получает ответа.

⁷⁶⁷ В стихотворении А.С. Пушкина «Пророк» у серафима также есть ноги («Перстами легкими как сон / Моих зениц коснулся он»).

⁷⁶⁸ Цитата из Послания к Ефессянам: «и шлем спасения возьмите, и меч духовный, который есть Слово Божие» (Еф. 6:17).

⁷⁶⁹ См.: «И будет он судить народы, и обличит многие племена; и перекуют мечи свои на орала, и копыя свои – на серпы: не поднимет народ на народ меча, и не будет более учиться воевать» (Ис. 2:4).

Прямая речь встречается в песнях с повествовательным сюжетом. Например, в песне «Бог-помочь, мои сестрицы» сообщается о том, что сестры ночью идут будить братьев для молитвы и обращаются к ним: «Милы братья, пробудитесь, / Творца в небо благодарите» (Прил. 1, № 7); в песне «Та, над которой вы долго рыдали» в основе сюжета — рассказ о смерти сестры лирического субъекта и его последующей встрече с ней за ночной трапезой: «Позднею ночью к нам братья вбежали, / Непонятно кричали, что свиделись вновь» (Прил. 1, № 23).

Речь сестер маркирована разговорной речью, просторечиями и диалектизмами, словам братьев дважды предшествует указание на эмоциональность высказывания — «вскричали».

В отличие от ранних произведений Добролюбова, в духовных песнях отсутствуют телесные образы лирического субъекта. В сборнике «Из книги невидимой» три стихотворения в прозе посвящены исследованию плоти и духа — «Отрывки из одного исследования». В результате он приходит к выводу: «Все вещество станет духом!» (ИКН 143). Этот принцип реализуется и в духовных песнях, так как все телесные образы, представленные в них, прямо или аллегорически связаны с верой и духом. Например:

«Устам моим Сам положи Ты хранение,
Мой язык охрани в вечной воле Твоей,
Чтоб не дать на попанье зверям драгоценность,
Чтоб не скрыть Твоей тайны от стремящих людей» (Прил. 1, № 17).

Плоть и душа — союзники, так как плоть подчинилась душе и Богу:

«А Богу-Духу слава в бесчисленных веках;
Та слава есть держава над плотью навсегда,
Храненье и держава от всякого греха» (Прил. 1, № 10).

Тело мыслится как проводник и соратник, помогающий в этом мире достигнуть связи с божественной сущностью.

Победа над плотью заключается в отказе от потворства ей, запрете на соединение с другой плотью, на продолжение рода:

«На челе ее имя — Победившая мир;
Свою плоть победивши, победила весь мир.
В безграничности духа ликование и пир...»⁷⁷⁰ (Прил. 1, № 6).

Или:

«Вечным браком сочетайтесь,
Только плоти не желайте,
Только новых тел не стройте,
Новых тел и тюрем не стройте
[...]
Кто с кем плотью сочетался,
Тот того и распинал» (Прил. 1, № 7).

Лирический субъект желает обрести спасение, вечную жизнь как для себя, так и для своих братьев/сестер по вере. Помощниками в достижении этого желания становятся братья-серафимы и братья по духу. Главным оппонентом выступает не мир неверующих, как часто бывает в духовных песнях сектантов, а личные качества человека, которые мешают ему достигнуть земного рая. Эти качества: гордыня («Чтоб мыслей о себе не застряло нигде» (Прил. 1, № 2); «Но сначала снаружи людей возлюби» (Прил. 1, № 2); «но испей обе чаши любви — и к врагам» (Прил. 1, № 2)), внутренняя несвобода («Ищи единой той свободы, / В которой радость без конца» (Прил. 1, № 4)), презрение к физическому труду («И не будет

⁷⁷⁰ Контаминация двух цитат: «Я говорю: поступайте по духу, и вы не будете исполнять вожелений плоти, ибо плоть желает противного духу, а дух — противного плоти: они друг другу противятся, так что вы не то делаете, что хотели бы» (Гал. 5:16); «Ибо всякий, рожденный от Бога, побеждает мир; и сия есть победа, победившая мир, вера наша» (1Ин. 5:4).

всемирного братства нигде, / Пока рук не протянут все к этой земле, / Пока будет унижен этот видимый труд, / Пока каждый в смиреньи бремя всех не возьмут» (Прил. 1, № 19)). Достижению спасения в вере мешают отсутствие озарений («Озарял ли тебя неизведанный свет» (Прил. 1, №3)), отказ от чтения книги («Ты читал ли ту Книгу, чьи вечны листы, / Выше библий, коранов, писаний земли?» (Прил. 1, №3)), отрицание невидимого мира («Я отрекся от мертвых учений, / Признающих лишь видимый мир» (Прил. 1, № 5)), преобладание телесных желаний над духовными («только плоти не желайте» (Прил. 1, № 7)).

В текстах присутствует мотив противостояния с внешним миром: «Я отверг власть людей и народов, / Ихних выборных новых властей, / Недоступно им знамя свободы, / Очищенья глубин и мыслей» (Прил. 1, № 5).

Лирический субъект обращается к адресату от лица общины, используя местоимения «мы»: «Мы принимаем лишь тех, кто боролся со злом, / Кто еще на земле был с бессмертным венцом» (Прил. 1, № 3). Лирический субъект преодолел сражения со своей душой:

«Победил я не внешних кумиров,
Я с душой был в сраженье своей.

Я сознал ее низкой и жадной
И исполненной только себя,
И оружием любви беспощадной
Я крестил ее в духе огня» (Прил. 1, № 5).

Теперь он обретает способность к профетическим высказываниям: «И не будет всей тленной природы, / Будет создан весь мир из огня. / Вдруг упал один луч на меня, / И я вскричал: свобода, свобода!» (Прил. 1, № 5); «Безграничное сиянье ждет весь мир на тех путях, / Если будут все с вниманьем ждать звезды его в сердцах» (Прил. 1, № 8). Он может учить падшего ангела: «И вскрикнул я: о, брат, возвратись вновь к Творцу, / Ведь

свобода и радость есть имя Ему» (Прил. 1, № 6). Лирическому герою доступны видения: «Над рекой, над животной в виденьи я был» (Прил. 1, № 6). И озарения:

«Себя навсегда позабыть ровно в день брачного пира.
Все блещет красой, вот идет жених всего мира.
Над преображенной землей
Имя Его — любовь бесконечная.
Он, други, меня озарил,
Свободную книгу и законы свободы
Он мне указал и открыл» (Прил. 1, № 11).

Лирический субъект достиг священного города Иерусалима, к которому обычно стремятся хлысты в своих распевах:

«Проходили к царству вечной ночи, к северу,
И ко городу, ко Иерусалиму и Давиду царю верному,
Ко искателю свободному, бесстрашному» (Прил. 1, № 1).

И формулирует цель своего духовного пути: «Мы служим созданию мира»; «Творить новый мир из пустыни» (Прил. 1, № 18). Новому миру, который создается сейчас, противопоставлен ветхий мир, из которого лирический субъект обещает всех вывести: «Выведу, выведу вас / Из всех стран, народы!» (Прил. 1, № 22).

Мы не встречаем телесных образов лирического субъекта, которые не становились бы метафорой его духовного состояния. При этом часто встречаются описания страданий, переживаний, мыслей лирического «я»: «Я не творил неправды / И мысль оберегал, / Но этот мрак духовный / Вдруг душу мне объял» (Прил. 1, № 16). Отметим, что песня «Я не сам собою в мире к Господу пришел» (Прил. 1, № 16), в которой лирический субъект обращается к друзьям с просьбой сжалиться над ним, поскольку он измучен

духовной смертью, сближается с жанром покаянных стихов. Книжный жанр покаянных стихов возник «в XV–XVII в. на материале христианской литературы и гимнографии»⁷⁷¹. Один из первых покаянных стихов — «Плач Адама». Произведения этого жанра ориентированы на передачу личностных переживаний, сближаются с покаянием и исповедью⁷⁷².

В духовных песнях Добролюбова отсутствует активно проявленный лирический субъект, характерный для его ранней поэзии и в целом для символистской лирики.

Г.П. Федотов указывал на близость в духовных песнях Творца и его творений (людей), причастность человека к божественному началу. В своей работе он пишет: «[...] если мир божественного происхождения, то и человек обладает природой божественной, могли бы мы продолжить мысль певца, — только божественность его не второго, а третьего порядка»⁷⁷³. Иисус назван братом лирического субъекта и его земных братьев. Это отражает один из аспектов учения Добролюбова, согласно которому Иисус был обычным человеком, достигшим высших ступеней веры. На этом вопросе мы останавливались подробнее, когда рассматривали особенности религиозных идей Добролюбова. Кроме того, у каждого человека есть возможность повторить этот путь, хотя он и труден: «Но достигнуть тех ступеней, / Братья, нет запрета вам. / Даже может брат подняться / К еще высшим ступеням» (Прил. 1, № 12).

Автобиографические мотивы, возникающие в духовных песнях, такие, как указание на Уральские горы, где бывал Добролюбов, песня о смерти сестры (Мария Добролюбова умерла в 1906 г.), любовная песня, которая, по словам Яркова, была посвящена сестре Добролюбова по вере Анне Велькиной⁷⁷⁴, помогают дополнительно подтвердить верность атрибуции.

⁷⁷¹ Серегина Н.С., Никитина С.Е. Указ. соч. С. 425.

⁷⁷² Там же.

⁷⁷³ Федотов Г.П. Указ. соч. С. 194.

⁷⁷⁴ Ярков И.П. Какими я их знаю ... Л. 214. Об этом см.: Иванова Е.В. Неизвестный отзыв о стихах Александра Добролюбова С. 198–199.

3.5. Художественный язык духовных песен

Обилие церковнославянизмов в духовных стихах Ф.М. Селиванов объяснял заимствованием образов из клерикально-религиозной сферы⁷⁷⁵. С.Е. Никитина указывала, что «духовный стих — мост, посредник, переводчик, медиатор между двумя мирами — миром христианского учения и миром традиционной народной культуры»⁷⁷⁶.

Для Александра Добролюбова духовная песня — это посредник между его учением и народной культурой. Этот факт придает символам дополнительные значения. Мы подробнее рассмотрим их далее, прежде всего, обратимся к вопросу о том, как взаимодействуют книжный и фольклорный стили, церковнославянский и русский языки в текстах Добролюбова.

К фольклорным элементам относится обращение «добрый молодец», присутствующее во многих песнях.

Фольклорный стиль проявляется в постоянных эпитетах: *добрый молодец, буйный ветер, цветы лазоревые, крутых берегов, столбовая дороженька*. Все эти словосочетания присутствуют, например, в текстах былин, изданных П.Н. Рыбниковым: «Чтобы буйны меня ветры не обвеяли»⁷⁷⁷; «Растоплена цветками лазоревыми»⁷⁷⁸; «И походит на крутый на бережок»⁷⁷⁹; «Ты поедешь, мил, дорожкой столбовой»⁷⁸⁰.

В песнях встречаются формы слов, которые нарушают литературную норму («Человеков, братцы, запугала ведь она»; «Да мимо его никто и не пройдет ко Творцу»); устойчивые сочетания слов, например, парные синонимы (*путь-дорожка, путей дорог, в страдах страдать*), тавтологические сочетания (*думушку вздумал, думушку думать*).

⁷⁷⁵ Селиванов Ф.М. Русские народные духовные стихи. Йошкар-Ола, 1995. С. 56.

⁷⁷⁶ Никитина С.Е. Устная народная культура ... С. 47.

⁷⁷⁷ Там же. Ч. 3. С. 359.

⁷⁷⁸ Там же. Ч. 4. С. 137.

⁷⁷⁹ Там же. Ч. 2. С. 279.

⁷⁸⁰ Там же. Ч. 3. С. 436.

Часто в песнях Добролюбова встречаются просторечия и диалектизмы. Перечислим некоторые из них: *самолюбных мыслёй, застоял, самовольны, ихний, не ну́жны, жажда́л, победивши, поймейте вниманье, складены, в плотях, будет признáн, плоти́, за вéчну, родных, родíла, навешилась, раскликалися.*

На структурном уровне встречаем параллелизм, характерный для фольклорных текстов. Например: «Черемуха зацвела, / И сестричка умерла» (Прил. 1, № 23); «Как ты реки прошел, как зверей победил? / Как таинственный ключ под скалой находил? / Твои руки поднимут ли меч кладенец, / Над главой над твоей возблистал ли венец?» (Прил. 1, № 3); «Послушайте, братцы, / О моей дорожке, / О пути-дорожке / К прекрасному граду. / К прекрасному граду, / К Господнему саду» (Прил. 1, № 10).

В песнях Добролюбова много уменьшительно-ласкательных слов, что также является чертой народного творчества: *сестричка, весточка, думушка, страничках, дороженька, словечко, реченька и др.*

На композиционном уровне духовные песни добролюбовцев, как уже было отмечено выше, схожи с лирической народной песней. В текстах присутствует формульность. Она проявляется в устойчивых речевых оборотах («А Бог помочь тебе, добрый молодец, / На пути стоять, на столбовой дороженьке» (Прил. 1, № 1), в повторах стиха («Как по этой, по дорожке / Все святые по ней шли, / Все святые по ней шли, / До Христа же не дошли» (Прил. 1, № 12)), синтаксических конструкций («Вы поведайте, братцы, о дорожке святой, / Где сияет любовь с неземной красотой, / Где нога серафимов Господних прошла, / Где открыта любовь до конца, без конца» (Прил. 1, № 2)).

В духовной песне Добролюбова возникает традиционное для колядок и других фольклорных жанров начало с рассказом о долгой и трудной дороге до порога дома, которую пришлось преодолеть колядующим:

«Здравствуйте, все братцы,

Мир вам, все сестрицы,
 Шли мы чрез долины,
 Шли мы чрез пустыни» (Прил. 1, № 14).

К характерным для фольклора образам следует отнести меч-кладенец («Твои руки поднимут ли меч-кладенец» (Прил. 1, № 2)). Упоминания об этом мече встречаются в основном в сказках и былинах. «Меч-кладенец обыкновенно выкапывается богатырем из-под высокой горы [...], где он лежит скрытый от людских взоров, как драгоценный клад»⁷⁸¹, — писал А.Н. Афанасьев.

В стихах «И дорога та живая, / Как невеста, ровно мать» (Прил. 1, № 12), «Не одна в поле дороженька да пролегала» (Прил. 1, № 1), «Вы поведайте, братцы, о дорожке святой» (Прил. 1, № 2), «Послушайте, братцы, / О моей дорожке, / О пути-дорожке / К прекрасному граду» (Прил. 1, № 11) представлен концепт дороги, часто встречающийся в фольклорных текстах. Т.Б. Щепанская отмечала связь образа дороги со странствующим святым, которого сближали «с божественным началом»: «Достаточно распространены были (и сейчас фиксируются) в крестьянской среде легендарные рассказы о святых угодниках и самом Боге, странствующих в облике нищих».⁷⁸² Исследовательница указывала, что дорога в фольклоре противопоставлена дому и воспринимается как иной мир⁷⁸³.

Стихи «Сам я ткал тот мир на ткацком на станке, / А основа — на моем добре и зле» (Прил. 1, № 13) содержит аллюзию на мифологические представления о сотворении мира. У многих народов мира существует миф о пауке, который создал мир.

Фольклорную основу и связанную с этим интерпретацию имеют образы серебряной яблони, реки, сада, гор, молоньи и другие. Однако

⁷⁸¹ Афанасьев А.Н. Поэтические воззрения славян на природу. Т. I. М., 1994. С. 275.

⁷⁸² Щепанская Т.Б. Культура дороги в русской мифоритуальной традиции XIX–XX вв. М., 2003. С. 434.

⁷⁸³ Там же. С. 28.

подробнее мы рассмотрим их символику далее в сравнении с сектантскими песнями.

Первый стих песни «Не одна в поле дороженька да пролегала» (Прил. 1, № 1) обнаруживает параллель с народной песней «Не одна во поле дороженька», которая могла быть известна Добролюбову по сборнику народных песен Н.М. Лопатина: «Ах, не одна-то-ль, не одна во поле дороженька — одна пролегала»⁷⁸⁴. Об этой песне в своих лекциях рассказывал И.А. Шляпкин⁷⁸⁵, из них он также мог узнать о ней. Повтор слова «*дороженька*» часто встречается в фольклорных произведениях, например, в народных песнях, опубликованных В.Г. Варенцовым в 1862 г. В одной из песен также присутствуют слова в уменьшительно-ласкательной форме, схожа синтаксическая структура предложений:

«Не сон мою головушку клонит,

Не дрема качает;

....

Куды эта дороженька пала,

Куды пала, куды пролегала?»⁷⁸⁶

Дорога в фольклорных произведениях, как указывала Т.Б. Щепальская, становилась метафорой жизненного пути в целом — от рождения до смерти⁷⁸⁷. В духовных песнях Добролюбова дорога имеет схожую символику, представляя пограничное пространство между жизнью и смертью, грешной жизнью и раем. «Добрый молодец» и лирический субъект в духовных песнях добролюбовцев сближаются с героями былин и волшебных сказок, так как они тоже беспрестанно пребывают в пути⁷⁸⁸.

⁷⁸⁴ Лопатин Н.М. Полный народный песенник, содержащий в себе лучшие старинные и новейшие песни, выправленные со слов лучших народных певцов и по старинным сборникам: Песни девичьи, жен., муж., рекрут., солдат., свадеб., подблюд. и хороводные с приб. стихотворений рус. поэтов / Сост. Н. Лопатин; С рис. Гр. Ф.Л. Соллогуба. М., 1885. С. 89.

⁷⁸⁵ Шляпкин И.А. История литературы. СПб., 1902. С. 186–187.

⁷⁸⁶ Варенцов В.Г. Сборник песен Самарского края. СПб., 1862. С. 98.

⁷⁸⁷ Щепанская Т.Б. Указ. соч. С. 26–27.

⁷⁸⁸ Неклюдов С.Ю. Движение и дорога в фольклоре // Die Welt der Slaven. 2007. Т. 52, № 2. С. 206.

Кроме того, в песне Добролюбова присутствует образ росстани, перепутья («Застоялся молодец у росстани. / Как найти мне, братцы, истину Вечную, единую дороженьку? / На каких путях она затеряна, / На каких она да и найдена?») (Прил. 1, № 1)), также характерный для волшебных сказок и былин.

В песне «Бог помочь, мои сестрицы» (Прил. 1, № 7) используется приветствие, характерное для народной культуры. «Сказать Божью помощь» означает «поздороваться»⁷⁸⁹.

Некоторые сюжеты и образы из духовных песен добролюбовцев имеют связь с хлыстовскими распевцами.

Исследованию хлыстовских распевцев посвящено не очень много научных работ. Как правило, духовные песни сектантов рассматривали как единый комплекс текстов, либо совмещали поэзию мистических сектантов — хлыстов и скопцов. О поэзии хлыстов писали Ф. Буслаев⁷⁹⁰, А. Кирпичников⁷⁹¹. Основные принципы вероучения людей божиих, а также тематический обзор их песен были изложены в книге И. Добротворского⁷⁹². Несмотря на его осуждение вероучения мистических христиан, разоблачения и обвинения их в опасной ереси, выводы, сделанные им, основывались на документальных источниках и представляются значимыми.

Специальный словарь с расшифровкой символики распевцев мистических христиан помещен в сборнике «Песни русских сектантов мистиков» Т.С. Рождественского и М.И. Успенского⁷⁹³. Затрагивал тему символов в поэзии скопцов и хлыстов А. Панченко в работе «Христовщина и скопчество»⁷⁹⁴. Символику хлыстовских распевцев рассматривала М.Б.

Например, в былине «Илья Муромец и идолище поганое» из сборника П.Н. Рыбникова: «Пролегла путь дорожка широкая» (Рыбников П.Н. Песни, собранные П.Н. Рыбниковым. М., 1864. Ч. 3. С. 33).

⁷⁸⁹ Рыбников П.Н. Объяснение непонятных и областных слов, встречающихся в сборнике // Песни, собранные П.Н. Рыбниковым: Ч. 1–4. М., 1864. Т. 3. С. 49; Барсов Н.И. Указ. соч. С. 100.

⁷⁹⁰ Буслаев Ф.И. Русские духовные стихи ...

⁷⁹¹ Кирпичников А.И. Указ. соч.

⁷⁹² Добротворский И.М. Указ. соч.

⁷⁹³ Рождественский Т.С. Объяснительный словарь ... С. 11–55.

⁷⁹⁴ Панченко А.А. Указ. соч.

Плюханова⁷⁹⁵. Она отмечала, что в распевцах хлыстов соединяются «образы народной песни с символами христианства»⁷⁹⁶.

И. Добротворский указывал на существование у хлыстов веры в возможность достижения верующим «состояния бесстрастия и святости»⁷⁹⁷, после чего наступает воскрешение. Тогда своя воля верующего исчезает, и он начинает жить по указанию Святого Духа, а личность в нем умирает⁷⁹⁸. Состояние смерти достигается только через внутреннюю беспрестанную молитву, отвержение своей личности, самолюбия, следование Божьим указаниям. Так постепенно в человеке воплощается Сын Божий. Воскресший человек становится пророком. После преображения ему становятся доступны видения⁷⁹⁹.

Добролюбов не был хлыстом, но учение о воскресении божественного начала в человеке после отказа от «мыслей о себе» и рождении в сердце верующего любви не только к друзьям, но и к врагам выражено в духовных песнях Добролюбова, в частности, в песне № 2 «Вы поведайте, братцы, о дорожке святой». В ней лирический субъект указывает на то, что святая дорожка в вечную страну открывается лишь тем, кто любит не себя, а других. Победив грех самолюбия, можно соединиться с Богом:

«И затем Всемогущий пошлет благодать,
Будешь души любить, будешь в сердце читать.
Тогда к новой ступени приблизишься ты,
Осияет тебя новый свет с высоты.

Вдруг приблизится Тот, Кто — Любовь без конца,
И пробьет чрез все скалы свободы река» (Прил. 1, № 2).

⁷⁹⁵ Плюханова М.Б. О национальных средствах самоопределения личности: самосакрализация, самосожжение, плавание на корабле // Из истории русской культуры. Т. III (XVII – начало XVIII века). М., 1996. С. 430–435.

⁷⁹⁶ Там же. С. 433.

⁷⁹⁷ Добротворский И.М. Указ. соч. С. 67.

⁷⁹⁸ Там же. С. 77.

⁷⁹⁹ Там же. С. 88–89.

Вступление в Царство Божие осуществится на земле: «Достиженны и рай, и ад на земле»; «Как нам Царствие Божие на земле основать»; «Будет всей земле часть в вечном царстве Твоем»; «Не познает дверей, где вход в рай на земле, / Где стоит вечный град в недоступной черте». Это песня эсхатологической тематики, но лирический субъект не затрагивает описаний Страшного суда, сосредотачиваясь на описании дороги в рай.

В песне «Добрый молодец, путь свой нам объяви» (Прил. 1, № 3) автор повествования, по всей видимости, на Страшном суде обращается с вопросом к доброму молодцу: «Ты достиг ли до стран бесконечной любви, / Ты видал ли все улицы в граде любви»; «Над главой над твоей возблистал ли венец?»; «Все ли мысли твои о других — не о себе, / Самолюбных мыслей не видать ли в душе?»; «Озарял ли тебя неизведанный свет, / И проник ли твой взор в глубь земли и небес?»; «Ты читал ли ту Книгу, чьи вечны листы, / Выше библий, писаний, коранов земли?» Отказ от самолюбия вновь называется как одно из главных условий обретения венца на земле. Бессмертие души становится очевидным верующему еще при жизни: «Мы принимаем лишь тех, кто боролся со злом, / Кто еще на земле был с бессмертным венцом».

О воскресении при жизни повествуется и в песне «Вот земля очам открылась»:

«Кто достигнет воскресенья,
Он видал страну живых,
В небесах его рожденье,
Он не видит лиц земных,
Постоянно в исступлении
Дух его среди святых» (Прил. 1, № 12).

О способности человека, подобно Творцу, создавать новый мир сказано в песне «Как же, братцы, нам дорожку начинать?»:

«Пусть одежда мира — красота.

Сам я ткал тот мир на ткацком на станке,
А основа — на моем добре и зле» (Прил. 1, № 13).

Лирическому субъекту доступны видения, озарения, беседы с Богом, Святым Духом и ангелами, трапеза с Иисусом Христом. Он стремится к достижению рая, созданию нового мира на земле. Наряду с видениями, в духовных песнях Добролюбова представлены пророчества. А. Панченко выделяет три типа пророчеств в творчестве мистических христиан: прорицания эсхатологического толка, догматические пророчества, связанные со стремлением создать кодекс правил и противопоставить общину мирской вере, и пророчества, связанные с повседневной жизнью верующих⁸⁰⁰. В духовных стихах добролюбовцев встречаем эсхатологические пророчества:

«К всем приблизится царство то, что выше ума,
И не будет раба, ибо раб — раб греха» (Прил. 1, № 19);

Пророчество о Втором пришествии Иисуса также присутствует в духовной песне Добролюбова:

«Он придет, Он придет, и смятутся народы
Пред всесильным мечом в руке кроткой раба.
Он воздвигнет священное знамя свободы
И не дрогнет с тех пор Его стяг никогда» (Прил. 1, № 25).

В стихах «О, кто принес бы, други, небесного вина, / Испил бы я и раны забыл бы навсегда» (Прил. 1, № 16) вино становится аллегорией духовного блаженства. Этот образ распространен в распевцах хлыстов:

«Души наши упоил
Небесным своим вином —

⁸⁰⁰ Панченко А.А. Указ. соч. С. 258.

Духом, Господи, своим,
Утешителем святым»⁸⁰¹.

А. Эткинд, описывая возникновение учения хлыстов, отмечал, что, «согласно хлыстовской легенде, однажды в 1631 году беглый солдат по имени Данила Филиппович выбросил священные книги в Волгу и учредил культ самого себя»⁸⁰². Первый хлыстовский пророк Данила Филиппович обещал «прямое общение с Богом без посредства книг, законов и институтов»⁸⁰³. Отказ от видимых книг, отраженный в произведениях «Из книги невидимой», Эткинд связывал с именем основателя хлыстовщины: «Подобно Даниле Филиповичу, выбросившему книги в Волгу, Добролюбов начинает с отрицания культуры»⁸⁰⁴.

Мотив отказа от книг также находим в песнях Добролюбова:

«Не пиши на вечных скалах —
Тленны книги и листы,
И наук видимых голос
В свое сердце не прими.

Мы в молчаньи подготовим
В сердце чистые листы;
Ты на этих на страничках
Слово ясно напиши.
Чтоб оно достигло братьев
До конца краев земли,
Чтоб оно достигло братьев,
До конца веков земли» (Прил. 1, № 12);

«Ты читал ли ту Книгу, чьи вечны листы,
Выше библий, писаний, коранов земли?

⁸⁰¹ Барсов Н.И. Указ. соч. С. 6

⁸⁰² Эткинд А.М. Хлыст ... С. 27 (18+ А.М. Эткинд признан Минюстом РФ иностранным агентом).

⁸⁰³ Там же. С. 28.

⁸⁰⁴ Там же. С. 249.

Иль ты только, брат, из писаний изучал?

Самовольны слова о законе слагал?» (Прил. 1, № 3);

«Скиньте цепь писанья, скиньте цепь преданья» (Прил. 1, № 14).

В песне № 2 (Прил. 1), напротив, появляется рекомендация читать Писание: «Вот вам библия, други, — читайте ее. / Тут начало и конец, тут написано все». По всей видимости, отказ от видимых книг мыслится как следующий этап духовного роста, после знакомства с Ветхим и Новым заветами.

Сюжет о плавании корабля, символе общества верующих с кормчим Иисусом Христом, часто встречается в хлыстовских распевцах, например:

*«Уж по морю по житейскому,
Как плывет, плывет тут легкий корабль,
Об двенадцати тонких парусах;
Тонкие парусы, то есть Дух Святой:
Как правил кормщик — сам Иисус Христос,
В руках держит веру крепости,
Чтобы не было, братья, лености:
Уж вокруг его все учителя,
Все учителя, все пророки:
Уж под ним престол всего царствия,
Уж на нем риза аки молния»⁸⁰⁵.*

Подобный сюжет присутствует и в духовной песне Добролюбова:

*«Вдруг отчалил корабль с западной стороны,
Брат Иисус, наклонившись, сидел у кормы,
С ним сидели свободно и други Его,
Все искатели света всех сект и веков» (Прил. 1, № 6).*

⁸⁰⁵ Песни русских сектантов мистиков ... С. 260.

М.Б. Плюханова предполагала, что река в распевах «становится рекой Страшного суда за счет появления на ней корабля с Христом»⁸⁰⁶.

Образ реки как житейского моря встречается, например, в песне № 9 (Прил. 1) «Река всесильного страдания». Другое значение реки как благодати, учения Господа находим в песне «Над рекой, над животной» (Прил. 1, № 6). «Свободы река», «животные ручьи» в песнях Добролюбова имеют значение реки божественной благодати в хлыстовских песнях. Образ «огненной реки» в духовной песне Добролюбова имеет аналогичное значение:

«Прекрасные товарищи, могучие бойцы,
Вы на земле искатели той *огненной реки*.
Вы путь свой проходили чрез небеса, чрез все
И не нашли себе покоя ни в небе, ни в душе.
Из огненных источников испили вы вина,
Не скройте ж, где та реченька из раю притекла» (Прил. 1, № 16).

Во многих духовных песнях хлыстов встречается слово «*батюшка*». Как указывал Т. Рождественский, «именем батюшка сектанты называют своих богов [...] и вообще руководителей своих общин»⁸⁰⁷. Подобное наименование встречается и в песнях Добролюбова применительно к Богу:

«Да еще взмолился
В тайных тех молитвах

К Батюшке родному,
Свет неизреченный,
К вечному Живому
В Силе несказанной» (Прил. 1, № 11).

⁸⁰⁶ Плюханова М.Б. Указ. соч. С. 434.

⁸⁰⁷ Рождественский Т.С. Объяснительный словарь ... С. 16–17; Песни русских сектантов мистиков ... С. 197, 510.

В списке И.П. Яркова песню «Бог-помочь, мои сестрицы» (Прил. 1, № 7) предваряет эпиграф, в котором повторяются четыре первые стиха из песни Добролюбова с указанием источника «Из "распевца" людей божиих», то есть хлыстов. Публикация полного текста распевца отсутствует в рассмотренных нами печатных источниках. В песне воспроизводятся заповеди хлыстов относительно запрета на вступление в брак и деторождение, отрицание видимой книги. В основе сюжета — подготовка к ночному радению. Ритмическая структура также соответствует хлыстовским песням.

«Песнь любви» (Прил. 1, № 11), точнее, вторая часть песни «О путиндорожке / К прекрасному граду, / К прекрасному граду, / К Господнему саду» тоже восходит к распевцу. Лирический субъект взмолился в тайных молитвах к Батюшке родимому и наставляет друзей убить самомнение в сердце, что было самым тяжким грехом, по мнению хлыстов. «Граду-саду» — рифма, характерная для поэзии хлыстов. Под градом подразумевался небесный град⁸⁰⁸, под садом понималась церковь верующих, собрание общины⁸⁰⁹.

В песне «Над рекой, над животной» (Прил. 1, № 6) на связь с поэзией мистических христиан указывают образы корабля (символа церкви единомышленников), животной реки, то есть реки жизни, Серафимов, мотив победы духа над плотью.

В духовной песне «Приступите вы к престолу Бога своего» (Прил. 1, № 26) повествуется о радении или собрании верующих, во время которого на присутствующих нисходит Дух Святой и посредством пророка предлагает «о царстве слово». Престол упоминается в песнях хлыстов в значении божьего трона, спустившегося с неба в их сионскую горницу во время радений. У хлыстов существует поверье, что все члены общины увенчаны венцом при жизни, он же останется с ними и после смерти⁸¹⁰. Венцом обычно награждал верующего глава общины, батюшка: «Он готовит венец славы, кто верный

⁸⁰⁸ Рождественский Т.С. Объяснительный словарь ... С. 24.

⁸⁰⁹ Там же. С. 50–51.

⁸¹⁰ Рождественский Т.С. Объяснительный словарь ... С. 23.

сын Его, / Сам возложит венец славы на главу его» (Прил. 1, № 26).

Поэзия мистических сектантов имела пересечения с вероучением Добролюбова (возможность достичь высших ступеней веры любому человеку и стать Христом) и оказала влияние на семантику символов (*река, корабль, кормчий, корабельщик, сад, вино, путь-дороженька, туча, царь Давид, гора Сион, животная река, венец*). Можно предположить, что Добролюбов осознанно ориентировался на эту традицию.

Эсхатологическая тематика также присутствует в песнях Добролюбова, но ужасы мучений грешников не становятся предметом его описания. Упоминание Судного дня или второго пришествия Иисуса Христа встречаем только в песне «Он придет, Он придет» (Прил. 1, № 25). Отметим также, что образ Богородицы, ключевой в духовных стихах сектантов⁸¹¹, в рассматриваемых нами духовных песнях Добролюбова отсутствует.

Рассмотрим духовную песню «Над рекой, над животной» (Прил. 1, № 6), в которой лирический субъект повествует о своем видении. В тексте соединяются фольклорные образы, библейские образы и символы сектантской поэзии. Главной в песне становится эсхатологическая топка, тема жизни после воскресения в раю. Образы серафимов и новой песни («псалом без числа голосов») отсылают к Апокалипсису (Ис. 6:6; Откр. 5:9), образ колесницы — к видению колесницы-трона Бога, Меркавы в книге пророка Иезекиля (Иез. 1:4–28), к описанию шума крыльев саранчи в Апокалипсисе (Откр. 9:9), образ жены, опоясанной (в Апокалипсисе — «облеченной») в солнце — к тексту Откровения (Откр. 17:4–5). Лирическому субъекту доступны видения рая, но одновременно с этим для того, чтобы там оказаться, ему необходимо переправиться через животную реку, символ реки жизни в хлыстовских распевцах. Буйный ветер, крутые берега — фольклорные образы, постоянные эпитеты. В сектантской поэзии буйный ветер обозначает житейские невзгоды. Образ корабля с кормчим Иисусом —

⁸¹¹ Панченко А.А. Указ. соч. С. 243–252.; Федотов Г.П. Указ. соч.; Никитина С.Е. Указ. соч.

образ из поэзии хлыстов, символизирующий, по мнению М.Б. Плюхановой, Страшный суд⁸¹².

Песня «Что за тайна заключена» (Прил. 1, № 8) содержит образ ангелов серафимов, распространенный в духовных песнях представителей неофициальных религиозных течений:

«Херувимы, серафимы с нами ликуют,
Несут ризы, как снег белы, и златые»⁸¹³.

И.П. Ярков указывал на соответствие первых стихов духовной песни добролюбовцев «Я здесь не сам собою» (Прил. 1, № 16) песне из сборника песен евангелистов «Гусли» «Ведь я не сам собою»⁸¹⁴: «Ведь я не сам собою / Явился в мир земной, / Меня Своей рукою / Создал Творец благой»⁸¹⁵. У Добролюбова: «Я не сам собою в мире к Господу пришел, / Но Бог своей рукою меня поставил в Нем». Эта песня могла быть известна поэту из устных источников.

Стихи из духовных песен добролюбовцев «Я должен всей душою любовь всем оказать / И к Господу Живому другим путь показать» (Прил. 1, № 16); «Приступите вы к престолу Бога своего, / Преклоните ваше сердце вы к словам Его, / Он готовит венец славы кто верный сын Его, / Сам возложит венец славы на главу его» (Прил. 1, № 26) имеют параллель со стихами из сектантского распевца:

«Путь-дорожку *покажу*,
В седьмо небо *провожду*,
За престол вас *посажу*,
Златы венцы *наложу*
И аминь слово *скажу*»⁸¹⁶.

⁸¹² Плюханова М.Б. Указ. соч. С. 434.

⁸¹³ Там же. С. 142.

⁸¹⁴ Ярков И.П. Какими я их знаю ... Л. 445.

⁸¹⁵ Проханов И.С. Гусли ... С. 333.

⁸¹⁶ Ливанов Ф.В. Раскольники и острожники. СПб. Т. 3. 1872. С. 349.

Со стихами из сектантской песни «Он идет-грядет в грады царские, / В грады царские, в места райские, / Во Давидов дом, в тайну Божию»⁸¹⁷ также имеют пересечения стихи из песни Добролюбова:

*«Он придет, Он придет, и смятутся народы
Пред всесильным мечом в руке кроткой раба,
Он затопчет, затопчет ногами законы,
Все законы народов, властей и царей.*

*Он воздвигнет священное знамя свободы
На вершине древнейших Сионских гребней.
Он откроет друзьям весь тайник своей силы.
Ту свободу родила Любовь без конца,
С преисподней и с небом его съединила,
Заклучив в Его сердце и мир, и Творца» (Прил. 1, № 26).*

Связь с духовной песней Добролюбова имеется также в следующих стихах распевца, посвященных теме чтения книги:

*«Ты неправдой, брат, живешь,
Непорядки, брат, ведешь;
Божью книгу ты читал,
Свою братью величал,
Сестер, братий величал,
Сестер, братий обличал»⁸¹⁸.*

«Божья книга» не имеет четкого определения и соотносится с образом «Книги» в песне добролюбовцев:

«Ты читал ли ту Книгу, чьи вечны листы,

⁸¹⁷ Там же. С. 365.

⁸¹⁸ Там же. С. 371.

Выше библий, писаний, коранов земли?
 Иль *ты только, брат*, из писаний изучал,
 Самовольны слова о законе слагал?» (Прил. 1, № 3).

Стихи из распевца «А только нам надо / *Батюшке молиться: / Батюшка родимый* / От нас недалече; / Он пречистыми очами / Всех государь видит»⁸¹⁹ также находят параллель в духовной песне Добролюбова: «Да еще *взмолился* / В тайных тех молитвах / К *Батюшке родимому*, / В свет неизреченный, / К Вечному, Живому, в силе несказанной» (Прил. 1, № 11).

Духовные песни добролюбовцев обнаруживают связь с духовными стихами, которые, вероятнее всего, были известны Добролюбову из фольклорных сборников и хрестоматий. Образ слез, мотив плача в духовной песне Добролюбова «Добрый молодец, путь свой нам объяви» (Прил. 1, № 3), возникающий в стихе «И в бессонную ночь не рыдал никогда», присутствует во многих духовных стихах (например, «Плач Иосифа», «Плач Адама» и др.).

В духовном стихе «Про Михайла Архандела» главный герой перевозит через огненную реку души в рай. Сюжет о переправе через реку встречаем также в духовной песне добролюбовцев «Над рекой, над животной» (Прил. 1, № 6). В ней «Брат Иисус, наклонившись, сидел у кормы, / С ним сидели свободно и други Его», а лирический субъект ждал корабельщика, который перевезет его через реку. Лирический субъект в этой песне слышит «псалом без числа голосов». В духовном стихе «Про Михайла Архандела» также говорится: «А гласы-ты гласят, вить, все Андельские, / А песни-те поют да Херавиньские»⁸²⁰.

В духовных песнях добролюбовцев на уровне лексики и образов находим пересечения с фольклорными текстами из сборников, с которыми он мог быть знаком. Это «Песни, собранные П.Н. Рыбниковым», «Сборник песен Самарского края» В.Г. Варенцова, «Калеки переходные: сборник стихов и исследование» П.А. Бессонова, «Духовные стихи (ропесвцы) секты людей

⁸¹⁹ Там же. С. 369.

⁸²⁰ Варенцов В.Г. Сборник русских духовных стихов ... С. 148.

божьих, собранные действит. членом императорского Русского географического общества Н. Барсовым», «Люди божи: Русская секта так называемых духовных христиан» И.М. Добротворского.

Книжная культура в духовных песнях dobroлюбовцев представлена аллюзиями на текст Библии и употреблением церковнославянской лексики. В текстах встречаем библейские имена: *царь Давид, Серафимы, Иегова*. Упоминаются библейские топонимы: *Эдем, Сион-городок, Сионские гребни, град Иерусалим*.

В духовных песнях dobroлюбовцев широко представлены церковнославянизмы: *глас, огонь, град, врата, сребристая, ветер, чело, смятутся, уста, чертог, кесарский, порфира*; библеизмы: *заключил завет, брачный пир, зеница ока, отряс прах и др.*

На пересечении фольклорных и книжных образов создается художественный язык духовных песен («О пути-дорожке / К прекрасному граду» (Прил. 1, № 10); «То не тихи громы разблистались, / Не в день брака Серафимы раскликались» (Прил. 1, № 1); «Надо думушку думать, не пора ль начинать, / Как нам Царствие Божие на земле основать» (Прил. 1, № 2)).

В текстах присутствует множество аллюзий на библейские сюжеты и образы.

Описание книги, которая откроется после вхождения в град Иерусалим, восходит к запечатанной книге из Откровения Иоанна Богослова⁸²¹ («Там откроется тебе и книга вдохновенная, / Серафимским взорам откровенная» (Прил. 1, № 1)).

Из Откровения берутся образы для описания Иерусалима: «Там складены стены из чистых жемчужин» (Прил. 1, № 16). В Откровении появляется новый Иерусалим для спасенных, его стены также сделаны из жемчуга: «А двенадцать ворот — двенадцать жемчужин: каждые ворота были из одной жемчужины. Улица города — чистое золото, как прозрачное стекло» (Откр. 21:21).

⁸²¹ Откр. 5:1–10.

Образ жены из Откровения Иоанна Богослова, символизирующей «великий город, царствующий над земными царями»⁸²², и «жены, облеченной в солнце»⁸²³, также представлен в духовной песне Добролюбова «Над рекой, над животной»:

«И у мачты стояла с лупою жена,
Опястана в солнце — свободе сестра.
На челе ее имя: Победившая мир⁸²⁴,
Свою плоть победив, победила весь мир» (Прил. 1, № 6).

В Откровении сказано: «И жена облечена была в порфиру и багряницу, украшена золотом, драгоценными камнями и жемчугом, и держала золотую чашу в руке своей, наполненную мерзостями и нечистотою блудодействия её; и на челе её написано имя: тайна, Вавилон великий, мать блудницам и мерзостям земным»⁸²⁵.

Действия Бога в Судный день также имеют пересечения с текстом Откровения: «Он затопчет, затопчет ногами законы, / Все законы народов, властей и царей» (Прил. 1, № 25). В Откровении сказано: «Из уст же Его исходит острый меч, чтобы им поражать народы. Он пасет их жезлом железным; Он топчет точило вина ярости и гнева Бога Вседержителя» (Откр. 19:15).

Царь Давид, второй царь народа Израиля, библейский пророк, автор гимнов, псалмов, входящих в состав книги Ветхого Завета Псалтырь, также связан с Иерусалимом, к его городу стремятся верующие («И ко городу, ко Иерусалиму и Давиду, царю верному» (Прил. 1, № 1)). Он упоминается «как искатель свободный, бесстрашный». В Иерусалиме, считающемся городом Давида, также находится гора Сион. Это символ Иерусалима и место

⁸²² Откр. 17:18.

⁸²³ Откр. 12:1.

⁸²⁴ «Сие сказал Я вам, чтобы вы имели во Мне мир. В мире будете иметь скорбь; но мужайтесь: Я победил мир» (Ин. 16:33).

⁸²⁵ Откр. 17:4–5.

устремлений праведников⁸²⁶. В песнях Добролюбова гора предстает и как город («Сион-городок»), и как гора («Сионские гребни»). Именно в этом месте состоится пир человека и Бога («Но теперь уже крепок Сион-городок, / И все лживые мира и все власти земные / Не проникнут на пир в наш Сион-городок» (Прил. 1, № 25)). В книге пророка Исаия читаем: «И сделает Господь Саваоф на горе сей для всех народов трапезу из тучных яств, трапезу из чистых вин, из тука костей и самых чистых вин; и уничтожит на горе сей покрывало, покрывающее все народы, покрывало, лежащее на всех племенах» (Ис. 25:6–7).

Образ царя Давида родственен лирическому субъекту, он выражает его представления об идеальной жизни с верой в Бога в свободе и без страха («Не страшись властей и всех царей земных» (Прил. 1, № 1)). На пути к Богу все встретят царя Давида («Да мимо его [царя Давида. — О.С.] никто и не придет к Творцу» (Прил. 1, № 1)), о чем также говорится в Библии: «А раб Мой Давид будет Царем над ними и Пастырем всех их, и они будут ходить в заповедях Моих, и уставы Мои будут соблюдать и выполнять их» (Иез. 37:24).

Образ царя Давида в русской народной культуре обладал большим авторитетом, поскольку Псалтырь был настольной книгой для многих поколений: по нему учились читать, псалмы знали наизусть, их исполняли дома и в церкви, образ этой книги возникал в духовных стихах. Также имя царя Давида встречается в духовной песне Добролюбова (Проходили к царству вечной ночи, к северу, / И ко городу, ко Иерусалиму и Давиду царю верному, / Ко искателю свободному, бесстрашному» (Прил. 1, № 1)).

В песне о втором пришествии Иисуса также присутствует аллюзия на текст Псалтыри: «Он придет, Он придет, и смятутся народы⁸²⁷, / Он затопчет,

⁸²⁶ См.: «Так, Господь утешит Сион, утешит все развалины его и сделает пустыни его, как рай, и степь его, как сад Господа; радость и веселие будет в нем, славословие и песнопение» (Ис. 51:3); «И возвратятся избавленные Господом и придут на Сион с пением, и радость вечная над головою их; они найдут радость и веселье: печаль и вздохи удалятся» (Ис. 51:11).

⁸²⁷ См.: «Да постыдятся и смятутся навеки, да посрамятся и погибнут» (Пс. 82:18); «Зачем мятутся народы и плена замышляют тщетное» (Пс. 2:1).

затопчет ногами законы,⁸²⁸ / Все законы народов, властей и царей» (Прил. 1, № 25).

Еще одним книжным источником духовных песен стала книга «Песнь Песней» царя Соломона. С этой книгой связаны образы яблони, сада, весны, цветения, жениха в духовной песне «Я упал ниц лицом до земли» (Прил. 1, № 21).

Образы брачного пира, колесницы Меркава, деления хлеба, вина, пустыни, ран терна также находят параллели в библейском тексте.

В стихе «В отчаяньи и ужасе рук не ломал?» (Прил. 1, № 2) присутствует аллюзия на стихотворение С. Надсона «Я безумно рыдал, — как дитя я рыдал»: «И ломал свои бледные руки...».

В стихе «У рек Эдема мир земной / Забыт, как сон в земле пустой» (Прил. 1, № 21) представлено сравнение жизни и сна. Это известный топос мировой литературы, присутствующий, например, в поэме А.С. Пушкина «Медный всадник» («И жизнь ничто, как сон пустой, / Насмешка неба над землей?»), в пьесе П. Кальдерона «Жизнь есть сон».

В песне «Не одна в поле дороженька да пролегала» (Прил. 1, № 1) присутствует аллюзия на стихотворение Ф.И. Тютчева «Еще шумел веселый день» на лексическом уровне («блистала», «доносились») и на сюжетном: лирического субъекта посещает видение, после которого воцаряется молчание, и он чувствует себя отринутым от мирской жизни.

При этом произведения художественной литературы не оказывают существенного влияния на образную систему и язык духовных песен добродушников в отличие от фольклорных текстов и Библии. Художественные образы песен имеют книжные источники, но с добавлением образов фольклора и в некоторых случаях с добавлением символики хлыстовских распевцев.

⁸²⁸ Контаминация двух цитат из Библии: «Из уст же Его исходит острый меч, чтобы им поражать народы. Он пасет их жезлом железным; Он топчет точило вина ярости и гнева Бога Вседержителя» (Откр. 19:15); «На Едома простру сапог Мой» (Пс. 59:10).

Заключение

Подведем итоги вышесказанному о творчестве Александра Добролюбова в 1903–1911 гг.

Уход поэта от интеллигенции в народную среду находился в духе религиозных и нравственных исканий творческих деятелей начала XX века. Одновременно с богоискательством Добролюбов занимался изучением и собиранием фольклора. Интерес к крестьянской жизни во многом был вызван желанием узнать народную культуру и познакомиться с представлениями о народной вере. С 1903 г. Добролюбов живет в деревне Росташа Самарской губернии (ныне — деревня Трофимовка Нефтегорского района Самарской области). В этом месте оформилась община его последователей, для которых Добролюбов слагал свои духовные песни и формулировал основные принципы учения. Кроме того, к периоду его жизни в Росташах относятся сочинение и издание сборника «Из книги невидимой», написание книги «Мои вечные спутники. Сборник чистых слов, избранные слова из всех народов, из священных писаний, из книг искателей познания». Несмотря на нежелание Добролюбова публиковать духовные песни, в 1912 г. некоторые из них были изданы А.К. Чертковой в сборнике «Что поют русские сектанты». Произведения из книги «Мои вечные спутники» были частично опубликованы в 1911 г. в газете «Новая земля».

Символисты были мало знакомы с религиозными взглядами Добролюбова, их интересовали главным образом личность Добролюбова и его творчество. Исключение составляли Д.С. Мережковский, сестра В. Брюсова Надежда и его жена Иоанна Матвеевна. Идеи Добролюбова (такие, как отказ от искусства, жизнь в тесном общении с крестьянами, занятие физическим трудом, работой на земле, призывы к отказу от воинской повинности, вегетарианство, принцип ненасилия, отрицание икон, церковных обрядов) настраивали современников на проведение аналогии с учением Льва Толстого, тем более что поэт три раза посещал Толстого в Ясной

поляне, общался с ним, а некоторые последователи Толстого или духовно близкие с ним люди переходили в общину Добролюбова (например, Л. Семенов, П. Картушин, Н. Сутковой, А. Колесниченко).

Религиозно-философские взгляды Добролюбова стали результатом синтеза различных вероучений (православия, квакерства, толстовства, буддизма, даосизма, хлыстовства, молоканства, индуизма, последователей каббалы и др.), концепций древнегреческих философов. Основу его взглядов составляло христианское учение. При этом интерпретация Священного Писания была близка учению хлыстов, многие идеи были сходны с толстовством, а обряд молчания находит параллели в квакерстве и буддизме. Александр Добролюбов хотел создать всемирное братство, к которому могли бы присоединиться все истинно верующие люди. Подобная эклектика религиозных идей сближает религиозные идеи Добролюбова с теософией. Добролюбов был хорошо знаком с песенной традицией хлыстов, что отразилось в произведениях сборника «Из книги невидимой» — эпитафии «из народных песен» взяты из хлыстовских распевцев.

Для последователей Добролюбова сборник «Из книги невидимой» стал выражением основных религиозных идей учителя, а для символистов — новым этапом развития литературного направления, выраженным в соединении поэта с народной средой. Один миф о Добролюбове-страннике, живущем праведной жизнью, был сложен в интеллигентской среде. Второй миф о Добролюбове формировался в народе. В легендах, сложенных о Добролюбове, отражены его магические способности — сила лучезарного взгляда, умение общаться с животными и понимать их язык. В преданиях Добролюбов предстает человеком божьим, святым странником по подобию св. Франциска Ассизского, который также разговаривал с животными. Подобные поведенческие практики известны и в российской православной литературе. В устных легендах о прошлом Добролюбова его образ приобрел черты фольклорного сказочного персонажа, наделенного волшебными способностями.

Работа над сборником «Из книги невидимой» началась в начале 1903 г. Рукопись книги хранится в РГАЛИ. В ней зафиксирована первоначальная версия сборника. Структура напечатанной книги полностью совпадает с рукописным вариантом. Рукопись произведений цикла «О плоти и духе» не сохранилась и известна только в изданном виде.

Магистральный сюжет «Из книги невидимой» — духовный путь лирического субъекта.

Символисты воспринимали сборник как новый этап символизма, последователи Добролюбова считали книгу выражением его религиозных идей.

Сборник Александра Добролюбова «Из книги невидимой» имеет следующие черты символистской книги: концептуальные (воссоздает автобиографический миф, описывает духовный перелом, формирует принципы нового искусства; в основе сборника лежит сверхидея о создании нового мира, утопии; в книге выражены религиозно-философские и мистические идеи); структурные (обладает разветвленной структурой с разделами, подразделами и циклами); сюжетные (в основе книги — конфликт христианского мифа и реального мира); формальные (увидела свет в символистском издательстве «Скорпион», страницы украшены модернистским орнаментом, василек для оформления некоторых страниц книги был нарисован В. Брюсовым).

Отличают от символистской книги сборник «Из книги невидимой» отрицание лирическим субъектом современного искусства, признание им только духовной песни, проповеди и музыки, отказ от книжной культуры, включение в сборник произведений назидательного характера, сочетание стихов и прозы. Автор отрицает культуру и символизм как ее часть, все еще находясь в границах символистского направления и полемизируя с его представителями на страницах сборника.

Основными литературными источниками «Из книги невидимой» стали «Так говорил Заратустра» Ф. Ницше, «Цветочки» Франциска Ассизского и

литература о личности святого, «Откровенные рассказы странника духовному своему отцу», «Сокровище смиренных» М. Метерлинка, книги Ветхого и Нового Заветов. Из книг Ветхого Завета автор наиболее часто обращается к пророческим книгам Исая, Иезекииля, Захарии, Иона, Михея, Амоса, Варуха, историческим (Пятикнижие Моисея), книге мудрости (Псалтирь). В Новом Завете для автора наиболее значимыми оказываются послания апостола Павла, Откровение Иоанна Богослова.

В сборнике «Из книги невидимой» соединяются жанры фольклора и книжной культуры, церковные и светские, фикциональные и нефикциональные. Исповедь, проповедь, молитва, притча, духовный стих, духовная песня, сближающаяся с хлыстовским распевцем, видение, заговор — все эти жанры представлены в третьей книге Добролюбова. Незавершенность отдельных произведений, их отрывочность (о чем сообщается в заглавиях) имеет биографическое объяснение (многие произведения записывались во время странствий по российским местностям) и отсылают нас к наджанровой категории фрагмента. Кроме того, в сборнике соединяются поэтические и прозаические тексты, публицистический, художественный и научный стили.

А. Добролюбов, начиная с заглавия, указывающего на невидимую книгу, из которой автор приводит только какую-то часть, предлагает воспринимать сборник произведений в качестве самостоятельного фрагмента целого. Книжный сюжет становится одним из центральных сюжетов сборника. Концепт «книга» образует ценностную иерархию. Книги разделяются на видимые и невидимые. Из видимых книг нарратору наиболее близка Библия. Сборник «Из книги невидимой» тоже является частью иерархии, но так же, как и Библия, уступает невидимой книге, так как только она дарует спасение. На самых низших ступенях иерархии находятся книги современников, в которых нет божественных исканий.

Образ невидимой книги имеет несколько источников. В качестве основного прообраза выступает книга за семью печатями из Откровения

Иоанна Богослова. В Апокалипсисе присутствуют упоминания о книге жизни с именами спасенных людей, книге людских деяний и книжке (свитке), которую съел Иоанн Богослов, получив таким образом способность пророчествовать. Нарратор, записывая слова из недоступной взору большинства невидимой книги, также выступает в качестве пророка. Помимо этого, в образе невидимой книги присутствует аллюзия на книгу из «Стиха о Голубиной книге». Голубиная книга, как глубинная книга — образ, часто встречающийся в произведениях сборника Добролюбова.

«Животная книга» духовоборов, сборник псалмов, функционирующих в устной культуре, — также является источником образа невидимой книги.

Следующим источником можно считать проект идеальной книги С. Малларме, которому посвящено его эссе «Книга, орудие духа». Эта всеобъемлющая книга находит отражение в творчестве Добролюбова, для которого сборник «Из книги невидимой» стал последним собранием художественных произведений.

Эпитет «невидимая» также отсылает к легенде о невидимом Китеж-граде, получившей широкую известность как среди крестьян, так и среди интеллигенции на рубеже XIX–XX веков.

Песни, исполнявшиеся последователями Добролюбова, дошли до нас в трех источниках: запись песен последователя Добролюбова П. Картушина, сохранившаяся в архиве С. Дурылина (РГАЛИ); запись песен последователями Добролюбова П. Безверхого и Н. Суцкого, опубликованная А. Черткой с нотными напевами в издании «Что поют русские сектанты» в 1912 г.; запись, сделанная И. Ярковым (ОР РГБ), общавшимся с последователями Добролюбова—приблизительно с 1917 г. Песня в записи Добролюбова сохранилась только одна — «Бог помощь, мои сестрицы» в архиве В. Брюсова (ОР РГБ). Поскольку Ярков провел работу по атрибуции текстов, песни в списке Дурылина также отнесены к авторству Добролюбова, а Чертова уточняла список песен, сложенных Добролюбовым, у его последователей, перед нами стояла задача найти

варианты этих песен в разных источниках и сопоставить сведения об их авторстве. Проанализировав сведения, касающиеся авторства стихов из вступительной статьи Чертковой к своему изданию, из работы Яркова о добролюбовцах, письма Н.Г. Суткового С.Н. Дурылину, сопоставив тексты всех списков, сравнив характер разночтений между ними, мы выделили 26 песен, с наибольшей вероятностью принадлежавших авторству Добролюбова. Они имеют совпадения в трех или двух списках, не имеют указаний на авторство иных лиц, обнаруживают сходство с поэтикой более ранних произведений Добролюбова, их содержание отражает его религиозные взгляды. Из этих песен 25 присутствуют в списке Яркова.

Духовные песни для исполнения на молитвенных собраниях писали также последователи Добролюбова — Л. Семенов, А. Усков и Г. Миронов. Поэт Леонид Семенов, находившийся под влиянием учения Добролюбова на момент написания песен, и его последователи из народа, Алексей Усков и Григорий Миронов, схожим образом осмыслили религиозные цели — жизнь в братстве, бедности и труде, поиск Бога через внутреннюю молитву и молчание, крещение, заключенное в вере, а не в обряде, движение к Богу по внутренним ступеням духа.

Записи песен П. Картушина из архива С.Н. Дурылина представляют самый ранний из дошедших списков, он выполнен не позднее 1911 г. Таким образом, песни были сложены в период с 1903 по 1911 г., поскольку в Росташи Добролюбов, по свидетельству И.П. Яркова, пришел в 1903 г., и его последователи, проживающие в этой деревне, стали свидетелями создания духовных песен. Сравнивая тексты в списках, мы видим, что время бытования песни не коррелирует с качеством и количеством ее изменений. Так, например, количество разночтений в списках Дурылина и Яркова меньше, чем при сопоставлении этих списков с публикацией песен Чертковой. Небольшая вариативность текстов могла быть обусловлена одновременно устным и письменным бытованием песен, а также их хоровым исполнением. Некоторые песни почти не имеют разночтений: «Что за тайна

заключена» (Прил. 1, № 8), «Вот земля очам открылась» (Прил. 1, № 12), «Трудитесь, о други, в видимых трудах» (Прил. 1, № 19), «Утром братья к нам пришли» (Прил. 1, № 23), «Та, над которой вы долго рыдали» (Прил. 1, № 24).

В духовных песнях Добролюбова присутствовали образы и мотивы, характерные для литературы символизма и его раннего творчества (образы мига, мгновения, книги невидимой, ступеней, мотивы страдания и молчания).

Большинство духовных песен добролюбовцев схожи по структуре с народной лирической песней-монологом с зачином. Добролюбов в песнях использует фольклорные приемы — ступенчатого сужения образов, выделения.

Духовные стихи и духовные песни находятся на пересечении литературы и фольклора, устной и письменной культуры. По этой причине песни имеют влияние двух культур, а их образы имеют несколько источников. В духовных песнях добролюбовцев к фольклорным элементам относятся: обращения к слушателям, постоянные эпитеты, разговорная речь, парные синонимические сочетания (*путь-дорожка, путей дорог, в страдах страдать*), тавтологические сочетания (*думушку вздумал*), употребление просторечий и диалектизмов, параллелизмы, употребление слов в уменьшительно-ласкательной форме, формульность, проявляющаяся в устойчивых речевых оборотах, в повторах лексем, синтаксических конструкций.

К характерным для фольклора образам следует отнести меч-кладенец («Твои руки поднимут ли меч кладенец» (Прил. 1, № 2)), концепт дороги (Прил. 1, №№ 1, 2, 10, 11, 12).

Духовные песни имеют сюжетные пересечения с такими духовными стихами как «Плач Иосифа», «Плач Адама», «О грешной душе», «Песней глухой нетовщины».

Книжная культура реализуется в духовных песнях добролюбовцев посредством аллюзий на текст Библии и употребления церковнославянской

лексики. В текстах песен присутствуют библейские имена и эвфемизмы, обозначающие Бога, библейские топонимы, библейские образы, многие из которых также имеют фольклорную символику (*образ книги из Откровения Иоанна Богослова, яблони, сада, весны, цветения, жениха, восходящие к Песни Песней царя Соломона, царя Давида, образ которого близок лирическому субъекту и его последователям как образ праведника, пророка и сочинителя псалмов; образы Иерусалима, Сионской горы, брачного пира, колесницы Меркава, разделения хлеба, вина, пустыни*).

Художественный язык духовных песен создается на пересечении книжной и разговорной лексики («Самовольны слова о законе слагал? (Прил. 1, № 3)), фольклорных и книжных образов («О пути-дорожке / К прекрасному граду» (Прил. 1, № 10)).

Многие образы в песнях Добролюбова также содержат символику сектантской поэзии, в частности, хлыстовского распевца. С ним духовные песни связывает на концептуальном уровне представление об Иисусе как человеке, брате, к степени святости которого может приблизиться каждый истинно верующий, воскресение Бога в человеке уже при жизни на земле после отказа от самолюбия и других грехов, достижение возможности пророчествовать, общаться с Богом, победа духа над плотью, отказ от брака и продолжения рода. Стремление и путь в Иерусалим, в Сион, на Сионскую гору — мотив, присутствующий в распевцах и песнях Добролюбова. Хлыстовский символ корабля как общества верующих с кормчим Иисусом Христом также находим в его текстах. Образы реки как житейского моря и как учения, ключа как источника божественной благодати, спасения, духовного вина и духовного опьянения также восходят к поэзии хлыстов. Обращение «батюшка» применяется хлыстами главным образом по отношению к руководителю общины и реже обозначает Бога. В песнях Добролюбова так именуется Бог. Еще одно сходство с сектантскими песнями — описание страданий и тяжелой трудовой жизни лирического субъекта и его последователей. Эсхатологические пророчества о каре грешников после

Страшного суда, свойственные духовным стихам и распевцам мистических христиан, напротив, не находят отражения в песнях Добролюбова.

Тексты, которые мы предположительно атрибутируем Добролюбову, не претерпевают серьезных изменений в процессе бытования, с имеющимися вариантами каждой песни можно ознакомиться в Приложении № 1.

Духовные песни третьей группы, имеющие фиксацию лишь в одном списке, также представлены в указанном приложении. Их исследование открывает перспективы дальнейшего изучения творчества Александра Добролюбова. Без обращения к произведениям Добролюбова «для народа» невозможно представить академическое собрание его сочинений, издание которого также должно стать следующим этапом в изучении творчества поэта.

Сокращения, принятые в диссертации

Архивы:

ОР РГБ — Отдел рукописей Российской государственной библиотеки.

ОР РНБ — Отдел рукописей Российской национальной библиотеки.

ОР Самарского литературного музея им. А.М. Горького — Отдел рукописей Самарского литературно-мемориального музея им. А.М. Горького

РГАЛИ — Российский государственный архив литературы и искусства.

РГИА — Российский государственный исторический архив.

ЦГАМ — Центральный государственный архив города Москвы.

ЦГАСО — Центральный государственный архив Самарской области.

Печатные издания:

NN — Добролюбов А.М. *Natura naturans, natura naturata*. Тетрадь № 1. СПб.: Тип. Е. Евдокимова, 1895.

СС — Добролюбов А.М. *Собрание стихов / Предисловие* Ив. Коневского и В. Брюсова. М.: Скорпион, 1900.

ИКН — Добролюбов А.М. *Из книги невидимой*. М.: Скорпион, 1905.

МВС — Добролюбов А.М. *Мои вечные спутники. Собрание чистых слов, избранные слова из всех народов, из священных писаний и из книг искателей познания* // ОР РГБ. Ф. 386. К. 128. Ед. хр. 21.

Списки, издания, рукописи:

Добролюбов — Добролюбов Александр Михайлович. *Стихотворения* // ОР РГБ. Ф. 386. К. 128. Ед. хр. 18. Л. 1.

Дурылин — Записи П.П. Картушина стихотворений и высказываний А.М.Добролюбова // РО РГАЛИ. Ф.2980 (Дурылин С.Н.) Оп. 1. Ед. хр. 288. Лл. 9–27 об.

Кобринский — Кобринский А.А. Приложение. Псалмы «добролюбовцев» // Ранние символисты: Н. Минский, А. Добролюбов. Стихотворения и поэмы / Вступ. ст., подг. текста, состав, примеч. А. Кобринского и С. Сапожкова (Новая Библиотека поэта). СПб.: Академический проект, 2005. С. 571–582; Кобринский А.А. Приложение. Псалмы из архива С.Н. Дурылина // Ранние символисты: Н. Минский, А. Добролюбов. Стихотворения и поэмы / Вступ. ст., подг. текста, состав, примеч. А. Кобринского и С. Сапожкова (Новая Библиотека поэта). СПб.: Академический проект, 2005. С. 583–604.

Черткова — Черткова А.К. Что поют русские сектанты. Сборник сектантских напевов с текстом слов. Выпуск третий: Отдел III. Духовные стихи и распевы разных сект. М.: П. Юргенсона, 1912. С 13–15, 53–57.

Ярков — Ярков И.П. Какими я их знаю. Рассказы о «брате Александре» Добролюбове, его друзьях и последователях // ОР РГБ. Ф. 218. К. 1394. Ед. хр. 2.

Приложения

Диссертация содержит три приложения. В них включено 26 песен, которые мы предположительно атрибутируем А. Добролюбову, 15 духовных песен, известных в одном списке, 4 духовные песни, которые И.П. Ярков приписывал авторству Л. Семенова, песни последователей А. Добролюбова из крестьянской среды — А. Ускова (2 песни) и Г. Миронова (1 песня).

А.А. Кобринский в 2005 г. осуществил републикацию 16 текстов духовных песен из издания А.К. Чертковой⁸²⁹. Также он впервые опубликовал 27 песен из архива С.Н. Дурылина⁸³⁰. При этом часть текстов являются вариантами одной и той же песни. Таким образом, вариант, а в некоторых случаях варианты песен, приписываемых Добролюбову и представляемых в приложении к диссертации, были опубликованы ранее Кобринским. Также им была опубликована одна песня, которую Ярков относил к авторству А.К. Ускова, и одна песня, атрибутированная Ярковым Г. Миронову.

В публикацию А.А. Кобринского духовных песен из архива С.Н. Дурылина не вошли следующие тексты: «Вы спойте, братья, о свободе», «Добрый молодец, путь свой нам объяви», «Река всесильного страдания», «Что за тайна заключена», «Над рекой, над животной»⁸³¹. Эти 5 вариантов духовных песен публикуются впервые.

25 вариантов песен, предположительно принадлежавших авторству Добролюбова, из работы И. Яркова публикуются впервые. 3 песни из работы И. Яркова, не имеющие вариантов в других списках, публикуются впервые.

4 духовные песни, записанные И. Ярковым, приписываемые авторству Л. Семенова («Брат Молчанье», «Мы как рассеянные капли», «Попросим, братья», «Христос рождается»), ранее не публиковались.

Варианты двух песен из работы Яркова, приписываемые авторству А. Ускова («Да не полно ли нам, братцы», «Креститесь, други милые») и Г. Миронова («Близок, близок час кончины» и вариант в издании А. Чертковой — «Не наружно то крещение»») также ранее не публиковались. В Приложении представлена републикация вариантов песен из сборника А. Чертковой «Не одна в поле дороженька», «Я отрекся от ветхого мира».

Песни печатаются в следующем порядке: песни, приписываемые авторству Добролюбова, известные в трех источниках, песни, приписываемые авторству

⁸²⁹ Кобринский А.А. Приложение. Псалмы «добролюбовцев» ... С. 571–582.

⁸³⁰ Кобринский А.А. Приложение. Псалмы из архива С.Н. Дурылина ... С. 583–604.

⁸³¹ Кобринский А.А. Приложение. Псалмы из архива С.Н. Дурылина ... С. 583–604.

Добролюбова, известные в двух источниках, песни, приписываемые авторству Добролюбова, известные в одном источнике, песни, которые мы предположительно атрибутируем Л. Семенову, песни, которые с наибольшей вероятностью были сложены его последователями А. Усковым и Г. Мироновым.

Список публикуемых текстов

ПРИЛОЖЕНИЕ 1. ДУХОВНЫЕ ПЕСНИ АЛЕКСАНДРА ДОБРОЛЮБОВА 274

Группа 1. ПЕСНИ, ПРИСУТСТВУЮЩИЕ В ТРЕХ СПИСКАХ

Не одна в поле дороженька да пролегала	275
Вы поведайте, братцы, о дорожке святой	277
Добрый молодец, путь свой нам объяви	280
Вы спойте, братья, о свободе	283
Я отрекся от ветхого мира	284
Над рекой, над животной.....	287
Бог помочь, мои сестрицы.....	290
Что за тайна заключена.....	292
Река всеильного страданья	295
Но я всегда с тобою	296

Группа 2. ПЕСНИ, ПРИСУТСТВУЮЩИЕ В ДВУХ СПИСКЕ

Послушайте, други, о моей дорожке	299
Вот земля очам открылась.....	301
Как же, братцы, нам дорожку начинать?	303
Здравствуйте, все братцы	304
Кричите над горами	306
Я не сам собою	307
О, Боже, Твой город прекрасен и чуден.....	309
Работать! Работник я верный, друзья!	310
Трудитесь, о други, в видимых трудах	311
Споем, братья, песню пред пищей земной	312
Братья, о братья, взгляните	314
Я упал ниц лицом до земли	315
Утром братья к нам пришли.....	316
Та, над которой вы долго рыдали	317
Он придет, Он придет, и смятутся народы	318
Приступите вы к престолу Бога своего.....	319

Группа 3. ПЕСНИ, ПРИСУТСТВУЮЩИЕ В ОДНОМ СПИСКЕ

О свободушке вы спойте	320
В середине сердца человека	322

Все народы, все секты.....	324
Кто други Его и когда увидал	326
Радуйтесь и торжествуйте	327
Вы скажите нам, братцы, о той силе живой	328
Так говорил мне Вечный	328
Я желаю исполнить волю Твою, Боже мой	329
Что ты, душа, приуныла?.....	330
Споем, братья, песню.....	331
О, братья, смотрите	332
Странник ревностно проходит.....	333
Царь, создатель моей жизни.....	334
Что в душе моей сокрыто	335
Страшно бушует житейское море	335

ПРИЛОЖЕНИЕ 2. ДУХОВНЫЕ ПЕСНИ ЛЕОНИДА СЕМЕНОВА

Брат Молчанье	337
Мы как рассеянные капли	338
Попросим, братья	339
Христос рождается.....	342

ПРИЛОЖЕНИЕ 3. ДУХОВНЫЕ ПЕСНИ АЛЕКСЕЯ УСКОВА И ГРИГОРИЯ МИРОНОВА

Песни Алексея Кузьмича Ускова

Да не полно ли нам, братцы	344
Креститесь, други милые.....	346

Песни Григория Ивановича Миронова

Близок, близок час кончины.....	346
---------------------------------	-----

Приложение 1. Духовные песни Александра Добролюбова

В Приложение 1 включены духовные песни А. Добролюбова, встречающиеся в двух, трех или одном источнике. Название «Духовные песни Александра Добролюбова» имеет условный характер, поскольку 1) принадлежность этих текстов Добролюбову не может быть полностью доказана; 2) тексты публикуются не по автографам, а по спискам и публикациям, аутентичность которых также под вопросом; 3) песни в процессе своего бытования, записывания и переписывания неизбежно варьировались, поэтому списки и публикации в большей или меньшей степени отличаются от не сохранившегося автографа (хотя с уверенностью утверждать этого мы не можем).

Всего публикуется 41 текст. Сначала даны тексты, известные в трех записях, — 10 песен. Приводятся параллельно все три варианта. Далее публикуются песни, имеющие варианты в двух источниках, — 16 песен. Затем — песни, известные в одном источнике, — 15 песен. Варианты приводятся параллельно.

Самый ранний список сделан П.П. Картушиным не позднее 1911 г. и находится в архиве С.Н. Дурылина. Далее, в 1912 г., песни, записанные Павлом Безверхим и Николаем Сутковым, были изданы А.К. Чертковой. Самый поздний список, дошедший до нас, — собрание духовных песен в работе И.П. Яркова, напечатанной на пишущей машинке в 1973 г. Он собирал произведения Добролюбова, распространявшиеся в рукописном и устном виде с 1920-х гг.

Тексты печатаются по правилам современной орфографии и пунктуации, однако в них частично сохраняются особенности пунктуации, присутствующие в списках. Известно, что Добролюбов после своего ухода все чаще отказывался от запятых, его почерк стал более небрежным. Можно предполагать, что и в автографах духовных песен расстановка знаков препинания имела неурегулированный характер. Тексты озаглавлены по инципиту.

Тексты, имеющие варианты в других списках, приведены в таблице, все разночтения отмечены курсивом.

1 группа. Песни, присутствующие во всех списках:

«Не одна во поле дороженька пролежала», «Вы поведайте нам о дорожке святой», «Добрый молодец, путь нам свою объяви», «Вы спойте, братья, о свободе», «Я отрекся от ветхого мира», «Над рекой над животной», «Бог помочь, мои сестрицы» (сохранился автограф в архиве Брюсова), «Что за тайна заключена», «Река всеильного страданья», «Но я всегда с тобою».

1. «Не одна в поле дороженька да пролегала»

Дурылин, лл. 23 об.–24. Опубл. Кобринский, с. 598–599.	Черткова, с. 58–59.	Ярков, лл. 407–409.
Не одна <i>в поле</i>⁸³² Не одна <i>в поле</i> дороженька да пролегала, <i>Проходили к царству вечной ночи, к северу</i> <i>И ко городу, ко Иерусалиму</i> <i>и Давиду, царю верному,</i> Ко искателю свободному, бесстрашному. Да мимо его никто и не <i>придет</i> к Творцу. Застоялся <i>молодец</i> у <i>росстани</i>. Как найти мне, братцы, истину, Вечную, <i>единую</i> дороженьку? На каких путях она <i>затеряна</i>, На каких она <i>да и найдена</i>? То не тихи громы разблистались, Не в день брака Серафимы раскликались. Отвечало Ему Слово Всемогущее.	Не одна <i>во поле</i> дороженька Да пролегала, <i>проходила</i>, К царству вечной <i>правды</i>, <i>И к городу Иерусалиму,</i> <i>И к Давиду, Царю верному.</i> Ко искателю свободному, <i>бесстрашному</i>. Да мимо его никто и не <i>пройдет</i> ко Творцу, Застоялся <i>молодец</i> у <i>пристани</i>. Как найти мне, братцы, истину? Вечную, <i>единую</i> дороженьку? На каких путях она <i>запрятана</i>? На каких она <i>да и найдена</i>. То не тихи громы разблистались, Не в день брака серафимы раскликались; Отвечало Ему Слово <i>всемогущее</i> Говорил <i>с ним</i> неизреченный свет, Изреченный свет, Сам	Не одна <i>во поле</i> дороженька <i>пролегала</i>. <i>Проходили к царству вечной ночи, к северу</i> <i>и ко граду Иерусалиму,</i> <i>и к Давиду, царю верному,</i> ко искателю свободному, бесстрашному, да мимо его никто и не <i>пройдет</i> к Творцу! Застоялся <i>молодец</i> у <i>росстани</i>: — Как найти мне, братцы, истину, Вечную <i>единую</i> дороженьку? На каких путях она <i>затеряна</i>, на каких она <i>да найдена</i>?.. То не тихи громы разблистались, не в день брака серафимы раскликались, — отвечало ему Слово <i>Всемогущее</i>, говорил <i>ведь с ним</i> Изреченный Свет, Изреченный Свет, Сам милосердный Бог:

⁸³² Заголовок вписан С.Н. Дурылиным (А. Л. 23 об.)

Говорил <i>ведь с ним</i> Неизреченный Свет, Неизреченный Свет — Сам милосердный Бог. Там увидишь <i>ты</i> Неизреченный Свет, Там увидишь ты Его лицом к лицу. Он придет к тебе на том пути едином, На едином том, на внутреннем. Не ищи Его нигде извне, Не равняй Его и с светом разума. Без сравнения с Ним и все огни небес И слабей Его <i>огонь</i> самой любви. Там увидишь и земных всех правд совершение, Всех наружных милосердий исполнение. Там откроется тебе и книга вдохновенная, Серафимским взорам откровенная. Вот тебе три верных знамени. Еще гласы с неба доносились: «А Бог <i>помочь</i> тебе, добрый молодец, На пути стоять, на столбовой дороженьке.	милосердный Бог: «Там увидишь <i>ты</i> Его лицом к лицу, Он придет к тебе на том пути едином, На едином том, на внутреннем. Не ищи его нигде извне, Не равняй его и с светом разума. Без сравнения с ним и все огни небес. И слабей его <i>огонь</i> самой любви. Там увидишь и земных всех правд совершение Всех наружных милосердий исполнение. Там откроется тебе и книга вдохновения, Серафимским взорам вдохновенная. Вот тебе три верных знамени, Еще гласы с неба доносились: «А Бог <i>помочь</i> тебе, добрый молодец, На пути стоять, на столбовой дороженьке, Мы даем тебе <i>наш</i> шлем спасения, Мы дарим тебе Серафимский меч. Ты борись со всей земной	— Там увидишь неизреченный свет, Там увидишь ты его лицом к лицу. Он придет к тебе на том пути едином, на едином том на внутреннем. Не ищи Его нигде извне, не равняй Его и с светом разума: без сравнения с Ним все огни небес и слабей Его <i>огнь</i> самой любви. Там увидишь и земных всех правд свершение, всех наружных милосердий исполнение, там откроется тебе и Книга вдохновенная, серафимским взором откровенная, — вот тебе три верных знамени... Еще гласы с неба доносились: — Бог <i>помочь</i> тебе, добрый молодец, на пути стоять, на столбовой дороженьке. Мы <i>дадим</i> тебе наш шлем спасения, мы даем тебе серафимский меч. Ты борись со всей земной
--	---	---

Мы даем тебе шлем спасенья, Мы дарим тебе Серафимский меч, Ты борись со всей земной <i>неправдой</i>, Не страшись властей и всех царей земных. Нет <i>страшнее</i> меча словесного. Возврати весь мир опять к <i>Творцу его</i>, И <i>чрез огонь</i> любви преобразится он».	<i>неправдою</i>, Не страшись и всех царей земных. Нет <i>страшной, страшной</i> меча словесного. Возврати весь мир опять к <i>Творцу</i>. И <i>через огонь</i> любви преобразится он»	<i>неправдою</i>, не страшись властей и всех царей земли: нет <i>страшной</i> меча, меча словесного. Возврати весь мир опять к <i>Творцу его</i>, и <i>чрез огонь</i> любви преобразится он...
---	---	---

2. «Вы поведайте, братцы, о дорожке святой»

Дурылин, лл. 14–15. Опувл. Кобринский, с. 586–587.	Черткова, с. 30.	Ярков, лл. 412–415.
Вы поведайте, <i>братцы</i>, о <i>дорожке святой</i>, Где сияет любовь с неземной красотой, Где нога серафимов Господних прошла, Где открыта любовь до конца, без конца. На земле та дорожка, друзья, пролегла, Застилает нам очи одна пелена, Та преграда — любовь не к другим, а к себе,	Вы поведайте нам о дорожке святой, Вы поведайте нам о дорожке святой.	Вы поведайте <i>нам о дорожке</i> <i>святой</i>, где сияет любовь с неземной красотой, где нога серафимов Господних прошла, где открыта любовь до конца, без конца. На земле та дорожка, друзья, пролегла. Застилает нам очи одна пелена, Та преграда — любовь не к

Не допустит нас к вечной прекрасной стране. Так давайте же, <i>братья</i>, себя забывать И давайте друг другу всю жизнь отдавать. Надо думушку думать — <i>не пора ль начинать</i>, Как нам Царствие Божие на земле основать. <i>Если тут не устроим, нигде не найдем.</i> И Господних небес в небесах не найдем Этот мир должен весь озариться огнем, <i>Будет всей земле часть в вечном царстве Твоем.</i> Не ищите его в небесах <i>и в мечтах</i>, <i>Достиженны и рай и ад на земле.</i> И не думай, брат, так, что достиг всей любви, Но внимательно в сердце своем обыщи. Чтоб мыслей о себе <i>не застряло</i> нигде, Чтоб не скрылись они под одеждой любви, Но сначала снаружи людей		другим, а к себе — не допустит нас к вечной прекрасной стране. Так давайте же, <i>друзи</i>, себя забывать и давайте друг другу всю жизнь отдавать. Надо думушку думать — <i>пора начинать!</i> как нам Царствие Божье на земле основать. <i>Как все это устроить, других возлюбить.</i> <i>Твоя воля устроит, Твоя — разорит.</i> <i>Если здесь не устроим, нигде не найдем.</i> и Господних небес в небесах не найдем. Этот мир должен весь озариться огнем. <i>Всей земле будет часть в вечном Царстве Твоем.</i> Не ищите его в небесах <i>иль в мечте</i>, — <i>на земле достижение, рай и ад на земле.</i> И не думай, брат, так, что достиг всей любви, но внимательно в сердце своем обыщи,
--	--	---

возлюби, Сразу <i>вам не достигнуть</i> всей духовной любви. <i>И затем</i> Всемогуший пошлет благодать, Будешь души любить, будешь в сердце читать. Тогда к новой ступени приблизись ты, Осияет тебя новый свет с высоты. Вдруг приблизится Тот, Кто — Любовь без конца, И пробьет чрез все скалы свободы река. И умчит все законы Свободы река. Даже демонов <i>в бездне</i> достигла любовь. Хоть неравна и к ближним, и к дальним любовь, <i>но испей обе чаши любви — и к врагам,</i> <i>С ней прекрасней и чище любовь к друзьям.</i> Не любил кто врагов, не возлюбит друзей. Не познает дверей, где вход в рай на земле, где стоит вечный град в недоступной черте.		чтоб мыслей о себе не <i>осталось</i> нигде, чтоб не скрылись они под одеждой любви. Но сначала снаружи людей возлюби. Сразу <i>им не достичь</i> всей духовной любви. <i>А потом</i> Всемогуший пошлет благодать: Будешь души любить, будешь в сердце читать. Тогда к новой ступени приблизись ты, осияет тебя новый свет с высоты. Вдруг приблизится Тот, Кто любовь без конца, и пробьет чрез все скалы Свободы река. И умчит все законы Свободы река. Даже демонов <i>бездны</i> достигнет любовь Хоть неравна и к ближним, и к дальним любовь, <i>но испей обе чаши: любовь и к врагам.</i> <i>С ней прекрасней и чище вино и к друзьям.</i> Не любил кто врагов, не
--	--	---

Вот вам библия, други, — читайте ее, <i>Тут</i> начало и конец, тут написано все. <i>И от слов этой книги не смей убавлять.</i> <i>И к словам этой книги не смей прибавлять,</i> Этот мир должен весь измениться огнем, Всей земле будет часть в вечном Царстве Твоем. Неизменный час <i>пробит</i>, бьются волны в залив, И внезапно наступит всемирный прилив.		возлюбит друзей. <i>Бесконечной любви не зажжет он огней.</i> Не познает дверей, где вход в рай на земле, где стоит вечный град в недоступной черте. Вот вам библия, други, читайте ее, <i>в ней</i> конец и начало, тут написано все. <i>И к словам этой книги не смей прибавлять,</i> <i>и от слов этой книги не смей отбавлять.</i> Этот мир должен весь измениться огнем, всей земле будет часть в вечном Царстве Твоем. Неизменный час <i>пробил</i>. Бьются волны в залив, и внезапно наступит всемирный прилив.
---	--	--

3. «Добрый молодец, путь свой нам объяви»

Дурылин, лл. 9 об.–10.	Черткова, с. 55–56. Републ. Кобринский, с. 576–577.	Ярков, лл. 416–418.
Добрый молодец, путь <i>свой</i> <i>нам объяви,</i> Ты достиг ли до стран бесконечной любви, Ты видал ли все улицы в <i>граде</i> любви,	Добрый молодец, путь <i>ты</i> <i>нам свой объяви:</i> Ты достиг ли до стран бесконечной любви? Ты видал ли все улицы в <i>граде</i> любви?	Добрый молодец, путь <i>нам</i> <i>свою объяви:</i> ты достиг ли до стран бесконечной любви, ты видал ли все улицы в <i>храме</i> любви,

Иль вне врат застоял, изнемог на пути? Все ли мысли твои о других — не о себе, Самолюбных мыслей не видать ли в душе? Не скрыты ль оне под одеждой любви, И не ищешь ли ты вне себя высоты? <i>Растворялись ли тебе</i> городские врата? И лобзали ль те други — <i>Божьи уста?</i> Ты входил ли в дворец, где Жених мой живет, Где серебристая яблонь днем и ночью цветет? Добрый молодец, <i>путь свой</i> <i>нам объяви,</i> Ты достиг ли до стран бесконечной любви? Много ль стран и сражений встречал на пути? <i>Возблистал</i> ли серебряный щит на груди? Как ты реки прошел, как зверей победил? Как таинственный ключ под скалой находил? Твои руки <i>поднимут</i> ли меч кладенец, Над <i>главой над</i> твоей возблистал ли венец? Много ль нес ты труда в	Иль вне врат застоялся, изнемог на пути? Все ли мысли твои о других не о себе? Самолюбных мыслей не видать ли в душе? <i>Иль ты только прикрылся</i> <i>одеждой любви?</i> И не ищешь ли в небе себе высоты? <i>Растворяли ли тебе</i> городские врата? И лобзали ль тебя други <i>Божьи в уста?</i> Ты входил ли в дворец, где жених мой живет? Где серебристая яблоня и <i>ночью цветет?</i> Добрый молодец, <i>путь ты</i> <i>нам свой объяви...</i> Ты достиг ли до стран бесконечной любви? Как ты реки прошел, как зверей победил? Как таинственный ключ под скалой находил? Много ль стран и сражений встречал на пути? <i>Возблистал</i> ли серебряный щит на груди? Твои руки <i>подымут</i> ли меч- кладенец? Над <i>главою твоей</i> возблистал ли венец? Много ль нес ты труда в	иль вне стен застоял, изнемог на пути? Все ли мысли твои о других — не о себе, самолюбных мыслей не видать ли в душе? И не скрылись ли где под одеждой любви, и не ищешь ли в небе себе высоты? <i>Или только прикрылся</i> <i>одеждой любви?</i> <i>Растворялись ль тебе</i> городские врата и лобзали ль тебя други <i>Божьи в уста?</i> Ты входил ли в дворец, где Жених мой живет, где серебристая яблонь днем и ночью цветет? Добрый молодец, <i>путь нам</i> <i>свою объяви:</i> ты достиг ли до стран бесконечной любви? Много ль стран и сражений встречал на пути? <i>Возлежал</i> ли серебряный щит на груди? Как ты реки прошел, как зверей победил, как таинственный ключ под скалой находил? Твои руки <i>поднимут</i> ли меч-кладенец? Над <i>главой над</i> твоей
---	---	---

страдовые года, Иль ты его не видал никогда? И в бессонную ночь <i>не</i> <i>рыдал никогда,</i> В <i>отчаяньи и ужасе рук не</i> <i>ломал?</i> Озарял ли тебя неизведанный свет, И проник ли твой взор в глубь земли и небес? Ты <i>читал</i> ли ту Книгу, чьи вечны листы, Выше библий, <i>писаний,</i> <i>коранов земли?</i> Иль <i>ты только, брат, из</i> <i>писаний</i> изучал, Самовольны слова о законе слагал? Мы принимаем лишь тех, кто боролся со злом, Кто еще на земле был с бессмертным венцом. Добрый молодец, <i>путь свой</i> <i>нам объяви:</i> Ты достиг ли до стран бесконечной любви? <i>Ты видал ли все улицы в</i> <i>граде любви.</i>	страдовые года? Иль еще ты его не видал никогда? И в бессонную ночь <i>никогда</i> <i>не рыдал?</i> И в <i>отчаянном ужасе рук не</i> <i>ломал?</i> Озарял ли тебя неизведанный свет? И проник ли твой взор в глубь земли и небес? <i>Ты искал ли его на свободном</i> <i>пути?</i> <i>Ты отверг ли законы народов</i> <i>земли?</i> <i>Ты познал ли законы свободы</i> <i>его?</i> <i>Ты познал ли свободу, как имя</i> <i>его?</i> Ты <i>видал</i> ли ту Книгу, чьи вечны листы? Выше библий, <i>коранов,</i> <i>писаний земли?</i> Иль <i>только писанье ты,</i> <i>брат, изучал?</i> Самовольно слова о законе слагал? Мы принимаем лишь тех, кто боролся со злом. Кто еще на земле был с бессмертным венцом. Добрый молодец, <i>путь ты</i> <i>нам свой объяви:</i> ты достиг ли до стран бесконечной любви?	возблистал ли венец? Много ль нес ты труда в страдовые года, иль еще ты его не видал никогда? И в бессонную ночь <i>не</i> <i>рыдал никогда</i> <i>и в отчаяньи рук не ломал</i> <i>никогда?</i> Озарял ли тебя неизведанный свет и проник ли твой взор в глубь земли и небес? Ты <i>читал</i> ли ту Книгу, чьи вечны листы, выше библий, <i>коранов,</i> <i>писаний земли?</i> Или <i>только писанья ты,</i> <i>брат, изучал,</i> самовольно слова о законе слагал? Мы принимаем лишь тех, кто боролся со злом, кто еще на земле был с бессмертным венцом. Добрый молодец, <i>путь нам</i> <i>свою объяви:</i> ты достиг ли до стран бесконечной любви <i>и видал ли все улицы в граде</i> <i>любви?</i>
--	--	--

4. «Вы спойте, братья, о свободе»

Дурылин, л. 9–9 об.	Черткова, с. 53. Републ. Кобринский, с. 571.	Ярков, л. 421.
Вы спойте, <i>братцы</i>, о свободе, <i>Которой</i> ищет вся земля. Пусть вразумятся все народы Про строгие пути ея. Пусть ты достигнешь всех желаний Нет пользы и свободы в том, Когда <i>в сердцах</i> живет страданье, Твой дух <i>опять в тоске</i> рабом. Ищи единой той свободы, В которой радость без конца, Где как мгновенье мчатся годы, Как сон <i>предутренний</i> века. <i>Тебе хвала, Господь</i> <i>Спаситель,</i> <i>Во веки вечные, аминь.</i>	Вы спойте, <i>братья</i>, о свободе, <i>Которую</i> ищет вся земля. Пусть вразумятся все народы Про строгие пути ея. Пусть ты достигнешь всех желаний Нет пользы и свободы в том, Когда <i>в душе</i> живет страданье. Твой дух <i>опять тоски рабом</i>. Ищи единой той свободы, В которой радость без конца, Где, как мгновенье, мчатся годы, Как сон <i>пред утренней</i> века.	Вы спойте, <i>братья</i>, о свободе, <i>которую</i> ищет вся земля. Пусть вразумятся все народы про строгие пути ея. Пусть ты достигнешь всех желаний, — нет пользы и свободы в том, когда <i>в сердцах</i> живет страданье. Твой ум <i>опять тоски</i> <i>рабом</i>. Ищи единой той свободы, в которой радость без конца, где как мгновенье мчатся годы, как сон <i>предутренний</i> — века. <i>Тебе хвала, Господь</i> <i>всесильный,</i> <i>во веки вечные. Аминь</i>

5. «Я отрекся от ветхого мира»

Дурылин, лл. 18–19. Републ. Кобринский, с. 591–592.	Черткова, с. 58.	Ярков, лл. 424–426.
Я отрекся от ветхого мира, От обрядов, всех вер и племен, От языческих мертвых кумиров, От еврейских буквальных письмен. Кричите: свобода, кричите: свобода, Кричите: свобода есть Бог! Я отрекся от мертвых учений, Признающих лишь видимый мир. Недоступны им духа ступени, Ихний Бог — этот видимый мир. Кричите: свобода! Я отверг власть царей и тиранов, Ибо руки их в братской крови. Вы враждебны всемирному братству О братья, вы рабы, не цари. Кричите: свобода! Я отверг власть людей и народов, Ихних выборных новых властей, Недоступно им знамя свободы, <i>Очищенья</i> глубин и мыслей. Кричите: Свобода...	Я отрекся от ветхого мира, От обрядов всех вер и племен, От языческих мертвых кумиров, От еврейских буквальных письмен. Кричите свобода, кричите свобода, Кричите свобода, свобода есть Бог. Я отрекся от мертвых учений, Признающих лишь видимый мир, Недоступны им духа ступени, Ихний Бог — этот видимый мир. Припев. Я отверг власть царей и тиранов Ибо руки их в братской крови Вы враждебны всемирному братству — О, братья, вы рабы — не цари! Припев. Я отверг власть людей и народов,	Я отрекся от ветхого мира, от обрядов всех вер и племен, от языческих мертвых кумиров, от еврейских буквальных письмен. Кричите: Свобода, кричите: Свобода, <i>кричите: Свобода есть Бог!</i> Я отрекся от мертвых учений, признающих лишь видимый мир. Недоступны им духа ступени, ихний бог — этот видимый мир. Кричите: Свобода... Я отверг власть царей и тиранов, ибо руки их в братской крови. Вы враждебны всемирному братству.

2. Я отрекся от лживого мира, <i>Но не в лживой свободе</i> людей, Победил я <i>не внешних кумиров</i>, Я с душой был в сражение <i>своей</i>. Я сознал ее низкой и жадной, И исполненной только себя, <i>И оружием любви беспощадной</i> Я крестил ее в духе огня. Указал я ей веру живую, И что свет безгранично силен, Что он тьму <i>победит</i> вековую, Без царей и без силы племен. И не будет <i>всей</i> тленной природы, Будет <i>создан</i> весь мир из огня, Вдруг упал один <i>луч на меня</i>, <i>И я вскричал: свобода, свобода!</i> Я отрекся от ветхого мира, <i>Я отряс</i> его прах с своих ног, Мне не нужны и духа <i>кумиры</i>, Ненавистен кесарский чертог.	Ихних выбранных новых властей, Недоступно им зная свободы, <i>Очищенье</i> глубин и мыслей. Припев. Я отрекся от лживого мира, <i>И от лживой свободы</i> людей, Победил я <i>не внешних кумиров</i>, Я с душой был в сражение <i>с своей</i>. Припев. Я сознал ее низкой и жадной, И исполненной только себя, <i>И с оружием любви бесконечной</i> Я крестил ее в духе огня. Припев. Указал я ей веру живую, И что свет безграничный силен, Что он тьму <i>победил</i> вековую, Без царей и без силы племен. Припев. И не будет <i>сей</i> тленной природы,	О, братья, вы рабы — не цари! Кричите: Свобода... Я отверг власть людей и народов, ихних выборных новых властей. Недоступно им зная Свободы, <i>очищенье</i> глубин и мыслей. Кричите: Свобода... Я отрекся от лживого мира. <i>Но не в лживой свободе</i> людей победил я <i>их мертвых кумиров</i> — я с душой был в сражение <i>своей</i>. Кричите: Свобода... Я сознал ее низкой и жадной и исполненной только себя, <i>и оружием любви беспощадной</i> я крестил ее в духе огня.
---	--	---

	Будет <i>создан</i> весь мир из огня, Вдруг упал <i>один луч на</i> <i>меня,</i> <i>И я вскрикнул: свобода,</i> <i>свобода.</i> Припев. Я отрекся от ветхого мира <i>Я отряс его</i> прах с своих ног, Мне не нужно и духа <i>кумиров,</i> Ненавистен кесарский чертог. Припев.	<i>Кричите: Свобода...</i> <i>Показал</i> я ей веру живую, и что свет безграничный силен, что он тьму <i>победит</i> вековую без царей и без силы племен. Кричите: свобода... И не будет <i>сей</i> тленной природы, будет <i>соткан</i> весь мир из огня. Вдруг упал <i>один луч в</i> <i>мое сердце,</i> <i>и я вскрикнул: «Свобода</i> <i>есть Бог!»</i> Кричите: Свобода... Я отрекся от ветхого мира, <i>и отряс его</i> прах с своих ног мне не нужно и духа <i>кумира,</i> ненавистен кесарский чертог... Кричите: Свобода, Кричите: Свобода, Кричите: Свобода <i>есть</i>
--	--	--

		Бог!
--	--	------

6. «Над рекой, над животной»

Дурылин, лл. 11 об.–12 об.	Черткова, с. 54. Републ. Кобринский, с. 574–575.	Ярков, лл. 426–429.
Над рекой, над животной в виденьи я был, Буйный ветер <i>над волною</i> под небом ходил, Серафимы стояли над вечной рекой, Опоясаны чистой алмазной броней. <i>Колесницей стремились пути молоньи,</i> И звенели в руках духоборцев мечи, И внимали им звери, и бездны лесов, И я слышал псалом без числа голосов. И растенья, и звери воскресли в раю, И приняли от Бога одежду свою. Но один серафим тех небес не желал, Все <i>к какой-то свободе</i> страдал и жаждал.	Над рекой, над животной в виденьи я был, Буйный ветр <i>над волнами</i> под небом ходил, Серафимы стояли над вечной рекой, Опоясаны чистой, алмазной броней. <i>Колесницей стремились пути молоньи</i> И звенели в руках духоборцев мечи, И внимали им звери, и бездны лесов, И я слышал псалом без числа голосов. И растенья и звери воскресли в раю, И приняли от Бога одежду свою, Но один серафим тех небес не желал, Все <i>к какой-то свободе</i> страдал и жаждал. Средь миров бесконечных он свой путь <i>преклонил</i> И <i>надеждой</i> безумной свой	Над рекой над животной в виденьи я был, буйный ветер <i>над волною</i> под небом ходил. Серафимы стояли над вечной рекой, опоясаны чистой алмазной броней. <i>Колесницы стремились в пути-молоньи</i> и звенели в руках духоборцев мечи. И внимали им звери, и бездны лесов, и я слышал Псалом без числа голосов. И растенья и звери воскресли в раю и приняли от Бога одежду свою. Но один серафим тех небес не желал, все <i>какой-то свободы</i> страдал и жаждал.

Средь миров бесконечных он свой путь <i>проложил</i>, И <i>надеждой</i> безумной свой дух озарил. Но встречается везде только мрак его взор, И не радуется духа безбрежный простор. И <i>вскрикнул</i> я: «О, брат, возвратись вновь к Творцу, Ведь свобода и радость есть имя Ему, И стремление Его все к свободе твоей, Ибо всех возлюбил, как зеницу очей. Ведь за них распинали Его на кресте И текла Его кровь ко враждебной душе. На страдания своем мог Он мир сотворить, Но свободы ничьей не возмог отменить. Так познай же законы свободы Его И познай, что Свобода есть имя Его». И я долго сидел у реки на песке, Корабельщика ждал со родной стороны.	дух <i>озарил</i>. Но встречается везде только мрак его взор, И не радуется духа безбрежный простор. И <i>вскричал</i> я: «О, брат, возвратись вновь к Творцу Ведь Свобода и Радость есть имя Ему. И стремление Его все к свободе твоей, Ибо всех возлюбил, как зеницу очей. Ведь за них распинали Его на кресте, И текла Его кровь ко враждебной душе. На страдания своем мог Он мир сотворить, Но свободы ничьей не возмог отменить. Так познай же законы свободы Его, И познай, что Свобода есть имя Его». И я долго сидел у реки на песке, Корабельщика ждал со родной стороны. Вдруг я братьев своих над волной увидел, И я громко вскричал, руки к ним простирал: «Как пришли вы сюда из <i>полдневных сторон</i>,	Средь миров бесконечных он свой путь <i>пролагал</i> и <i>отвагой</i> безумной свой дух озарял. Но встречается везде только мрак его взор и не радуется духа безбрежный простор. И я <i>вскрикнул</i>: «О, брат! Возвратись вновь к Творцу! ведь Свобода и Радость есть имя Ему, и стремление Его — все к свободе твоей, ибо всех возлюбил, как зеницу очей. Ведь за них распинали Его на кресте и текла Его кровь ко враждебной душе. На страдания Своем мог Он мир сотворить, но свободы ничьей не возмог отменить. Так познай же законы свободы Его и познай, что Свобода есть имя Его...» И я долго сидел у реки на песке, корабельщика ждал со родной стороны. Вдруг я братьев своих над
---	--	---

Вдруг я братьев своих над волной увидал, И я громко вскричал, руки к ним простирал: «Как пришли вы сюда из полдневных сторон, В те пустыни сибирских крутых берегов?» Вдруг отчалил корабль с западной стороны, Брат Иисус, наклонившись, сидел у кормы, С ним сидели <i>свободно и други</i> Его, Все искатели света всех сект и веков. И у мачты стояла с луною жена, <i>Опоясана в солнце — свободе сестра.</i> На челе ее имя: Победившая мир, Свою плоть <i>победив</i>, победила весь мир. В безграничности духа ликование и пир, Над рекой, над животной неведомый пир, Над рекой, над животной в виденьи я был, Буйный ветер над волнами	В те пустыни сибирских крутых берегов?» Вдруг отчалил корабль с западной стороны, Брат Иисус, наклонившись, сидел у кормы, С Ним сидели <i>свободно и други</i> Его Все искатели света всех лет и веков. И у мачты стояла с луною жена, <i>Опоясана в солнце — свободе сестра.</i> На челе ее имя: Победившая мир Свою плоть <i>победив</i>, победила весь мир. В безграничности духа ликованье и пир, Над рекой, над животной неведомый пир, Над рекой, над животной в виденьи я был, Буйный ветер над волнами под небом ходил.	волной увидал, и я громко вскричал, руки к ним простирал: «Как пришли вы сюда из полдневных краев, в те пустыни сибирских крутых берегов?» Вдруг отчалил корабль с западной стороны, брат Иисус, наклонившись, сидел у кормы, с ним сидели <i>свободные други</i> Его — все искатели света всех сект и веков. И у мачты стояла с луною жена, <i>облеченная в солнце Свобода-сестра.</i> На челе ее имя — Победившая мир; свою плоть <i>победивши</i>, победила весь мир. <i>В безграничности духа ликование и мир...</i> *** Над рекой над животной в виденьи я был, буйный ветер над волнами под небом ходил...
--	---	---

под небом ходил.		
------------------	--	--

7. «Бог помочь, мои сестрицы»

Добролюбов, лл. 1. Оpubл. Кобринский, с. 556–557.	Дурылин, лл. 26 об.–27. Оpubл. Кобринский, с. 603.	Ярков, лл. 435–436.
Бог-помочь, мои сестрицы, С верными <i>ночь и день</i> молится, С верными <i>ночь и день</i> молиться. В неназначенные сроки, В невидимые субботы. Так начертано в писаньях, В книгах вечных невидимых. Руки друг другу давайте, <i>Друг друга</i> не ужасайтесь. Вечным браком сочетайтесь, Только плоти не желайте, Только новых тел не стройте, Новых тел и тюрем не стройте, <i>Друг друга</i> не распинайте, Лучше вместе воскресайте. Так начертано в писаньях, В книгах вечных, невидимых. <i>Кто с кем</i> плотью сочетался, Тот того и <i>распинает</i>, Даже в мыслях прилеплялся, Тот того и затрудняет, Тот того и оскверняет. <i>Так</i> начертано в писаньях, В книгах вечных, невидимых. С книгой вечной, невидимой Сестры по ночам вставали,	Бог помощь мои сестрицы, С верными <i>день и ночь</i> молиться, В неназначенные сроки, В невидимые субботы. <i>Так</i> начертано в писаньи, В книгах вечных невидимых. Руки друг-другу давайте <i>И друг друга</i> не ужасайте. Вечным браком сочетайтесь, Только плоти не желайте, Только новых тел и тюрем не стройте И друг друга не распинайте, <i>Вы друг друга</i> не распинайте, Лучше вместе воскресайте. Так начертано в писаньи, В книгах вечных невидимых <i>Кто с ним</i> плотью сочетался, Тот того и <i>распинал</i>, Даже в мыслях прилеплялся, Тот того и осквернял.	Бог помочь, мои сестрицы, с верными <i>день и ночь</i> молиться, с верными <i>день и ночь</i> молиться, всегда с Богом веселиться Из «распевца» людей божиих Бог помочь, мои сестрицы, с верными <i>день и ночь</i> молиться в неназначенные сроки, в невидимые субботы. Так начертано в писаньи, в книгах вечных невидимых: руки друг-другу давайте <i>и друг друга</i> не ужасайте. <i>Вы друг друга</i> не

Милых братцев пробуждали. «Милы братья, пробудитесь, Творца в небо благодарите».		<i>ужасайте,</i> вечным браком сочетайтесь, только плоти не желайте, только новых тел не стройте, новых тел и тюрем не стройте <i>и друг друга не</i> распинайте, лучше вместе воскресайте. Так начертано в писаньи, в книгах вечных невидимых: <i>кто с кем</i> плотью сочетался, тот того и <i>распинал</i>; даже в мыслях прилеплялся, тот того и осквернял, <i>тот того и</i> <i>затруднял.</i> <i>Бог помощь, мои</i> <i>сестрицы,</i> <i>с верными день и ночь</i> <i>молиться</i> <i>в неназначенные</i> <i>сроки,</i> <i>в невидимые субботы.</i> <i>Сестры по ночам</i>
---	--	--

		вставали, свечи ярко зажигали, милых братьев пробуждали: — Милы братцы, пробудитесь, Творца в небе благ'дарите.
--	--	--

8. «Что за тайна заключена»

Дурылин, лл. 10 об.–11.	Черткова, с. 57. Републ. Кобринский, с. 581–582.	Ярков, лл. 440–441.
Что за тайна заключена в человеке, о друзья, и куда его <i>стремленье</i>? <i>Откуда</i> скорбь моя? Поимейте все вниманье, сестры, братья в глубине, и пути Его познайте в духе, в чистой красоте. Отчего в одно мгновенье бездну светом озарит? И опять в одно мгновенье даже небо омрачит? Поимейте все вниманье, сестры, братья в глубине, и пути Его познайте в духе, в чистой красоте. Скорби как греха бегите, нам не дал ее Отец, <i>И ищите</i> всех свободных и всех радостных путей.	Что за тайна заключена в человеке, о друзья? И куда его <i>стремленья</i>, <i>И откуда</i> скорбь моя? <u>Припев</u> Сестры, братья, — в глубине, И пути Его познайте И дух чистый — красоте. Поймите, все вниманье Отчего в одно мгновенье, Бездну светом озарит? И опять в одно мгновенье, даже небо омрачит? <u>Припев</u> Скорби как греха бегите, Нам не дал ее Отец,	Что за тайна заключена в человеке, о друзья, и куда его <i>стремленье</i>, <i>и откуда</i> скорбь моя? Поимейте все вниманье, сестры, братья, в глубине и пути Его познайте в духе, в чистой красоте. Отчего в одно мгновенье бездну светом озарит? И опять в одно

Поимейте...	<i>И ищите</i> тех свободных И тех радостных путей:	мгновенье даже небо омрачит?
Наши братья серафимы ищут даже в небесах Тех путей дорог незримых — все в алмазах и лучах. Поимейте...	<u>Припев</u> Наши братья серафимы, Ищут даже в небесах, Тех путей, дорог незримых, Все в алмазах и лучах.	Поимейте все вниманье... Скорби как греха бегите, нам не дал ее Отец, <i>но ищите</i> тех свободных и тех радостных путей:
Безграничное сиянье ждет весь мир на тех путях, если будут все с вниманьем ждать звезды его в сердцах. Поимейте...	<u>Припев</u> Безграничное сиянье, Ждет весь мир на тех путях, Если будут все с вниманьем ждать звезды Его в сердцах.	Поимейте все вниманье... Безграничное сиянье ждет весь мир на тех путях, если будем мы с вниманьем ждать звезды его в сердцах.
Те дороги, братья, други, среди братских городов, Среди жаждущих народов, средь исканий и трудов. Поимейте...	<u>Припев</u> Те дороги, братья, други, Среди братских городов, Среди жаждущих народов, Средь исканий и трудов.	Поимейте все вниманье... Наши братья серафимы ищут даже в небесах тех путей-дорог незримых, все в алмазах и лучах.
Те дороги страшны, други — ужас, смерть на тех путях. Странник бездну побеждает и чрез ад идет в лучах. Поимейте все вниманье, братья, сестры в глубине И пути Его познайте в духе, в чистой красоте.	<u>Припев</u> Те дороги страшны, други, Ужас, смерть на тех путях. Странник бездну побеждает И чрез ад идет в лучах.	

		Поимейте все вниманье... Те дороги, братья- друзи, среди братских городов, среди жаждущих народов, среди исканий и трудов. Поимейте все вниманье... Те дороги страшны, друзи, ужас, смерть на тех путях. Странник бездну побеждает и чрез ад идет в лучах. Поимейте все вниманье, сестры, братья, в глубине и пути Его познайте в духе, в чистой красоте...
--	--	--

9. «Река всесильного страдания»

Дурылин, лл. 10–10 об.	Черткова, с. 57. Републ. Кобринский, с. 580.	Ярков, лл. 442.
Река всесильного страдания Вдруг обступила дни мои, <i>Мое терзанье и страданье,</i> Все, о, мой Бог, в очах Твоих. Придите, <i>братья, серафимы,</i> <i>И помогите</i> мне в борьбе, Руками света <i>невидимо</i> Не дайте доступа к тоске. Я очертил заветным кругом Свою родимую страну И не пушу <i>в мой град</i> враждебных, <i>И</i> в смертную вступлю борьбу. <i>Придите, братья серафимы,</i> <i>И помогите мне в борьбе.</i> Мне братцы родные вскричали: «Взгляни, мы здесь, мы вновь с тобой». <i>И колесница их блеснула</i> над всей униженной землей Придите, братья серафимы, И помогите мне в борьбе. Средь них стоял мой друг и брат мой, Которого <i>назвать</i> нельзя,	Река всесильного страдания Вдруг обступила дни мои. <i>Мои терзанья и страданья</i> Все, о мой Бог, в очах твоих. Придите <i>братья,</i> <i>серафимы,</i> <i>И помогите</i> мне в борьбе, руками света <i>невидима</i> Не дайте доступа к тоске. Я очертил заветным кругом Свою родимую страну И не пушу <i>в нее сил</i> враждебных, В смертную вступлю борьбу. Мне братья родные вскричали: «Взгляни мы здесь, Мы вновь с тобой». <i>И колесницы их блеснули</i> Над всей униженной землей. Средь них стоял мой друг И брат мой, которого <i>узнать</i> нельзя, <i>Во всех веках</i> Бог — Дух распятый, Воскресший <i>в чистых</i> сердцах.	Река <i>всесильного</i> страдания вдруг обступила дни мои, <i>мои страдания и терзанья</i> все, о, мой Бог, в очах Твоих. Придите, <i>братья серафимы,</i> <i>помогите</i> мне в борьбе, руками света, <i>невидимы,</i> не дайте доступа к тоске. Я очертил заветным кругом свою родимую страну и не пушу <i>в мой град</i> враждебных, в смертную вступлю борьбу. <i>Придите, братья серафимы...</i> Мне братья родные вскричали: «Взгляни! Мы здесь, мы вновь с тобой!» <i>И колесницы их блистали</i> над всей униженной

<i>Во все века</i> Бог Дух распятый, Воскресший в <i>вернейших</i> сердцах. Придите, братья серафимы, И помогите мне в борьбе.		землей. Придите, братья серафимы... Средь них стоял мой Друг и Брат мой, Которого <i>назвать</i> нельзя, <i>во всех веках</i> Бог Дух распятый, воскресший в <i>верных</i> сердцах. Придите, братья серафимы...
--	--	---

10. «Но я всегда с тобою»

Дурылин, лл. 15–15 об. Опубл. Кобринский, с. 587–588.	Черткова, с. 55. Републ. Кобринский, с. 576.	Ярков, лл. 437–439.
Но я всегда с Тобою — Ты друг мне, <i>ровно</i> брат. Как солнце, как алмазы, глаза Твои <i>горят</i>. Безумною толпою Спаситель мой распят. К Тебе я, к Богу-Духу <i>Единому</i> стремлюсь, в Твоем всемирном храме к <i>любви</i> <i>твоей</i> молюсь. <i>Название Господина оставил Ты</i> <i>другим,</i> <i>Тебя же нарекаю Возлюбленным</i>	Но я всегда с Тобою — Ты друг мне, <i>словно</i> брат. Как солнце, как алмазы, глаза Твои <i>блестят</i>. Безумною толпою Спаситель мой распят. К Тебе <i>о</i>, к Богу-Духу к <i>единому</i> стремлюсь, В Твоем всемирном храме <i>твоей любви</i> молюсь. <i>Название Господина оставил</i> <i>Ты другим,</i> <i>Тебя я называю Возлюбленным</i> <i>своим.</i> <i>Ты мне открылся чистым в</i>	<u>Молитва</u> Но я всегда с Тобою. Ты друг мне, <i>ровно</i> брат. Как солнце, как алмазы, глаза Твои <i>блестят</i>. Безумною толпою Спаситель мой распят. К Тебе я, к Богу- Духу <i>Единому</i> стремлюсь, в Твоем всемирном

моим. <i>Ты мне открылся чистым в свободушке своей, нет страха пред Тобою — Ты свет моих очей.</i> <i>С Тобой не нужно неба и всей красы земной, Вина, любви и хлеба разделит Он со мной.</i> <i>И плоть изнемогает, и в исступленье дух; как лань к водам желает, к Тебе стремится дух.</i> <i>Кто только отступает от Твоего лица — как в бездне погибает и гибнет без конца.</i> <i>Ты их не истребляешь, то не в Твоей любви, —</i> <i>Ты только отступаешь от сына тьмы и лжи.</i> <i>А где Он отступает, там в бездне тонет взор, и грех сам зажигает страдания костер.</i> <i>Но я всегда с Тобою среди всех бездн земли, Среди всех бездн сомнений, среди царящей лжи.</i> <i>Я знаю Твою помощь на внутренних путях, Чтоб возвестить свободу, Сион в твоих врагах, и дочери народа о всех Твоих</i>	<i>свободушке своей, Нет стражи пред Тобою — Ты свет моих очей.</i> <i>С Тобой не надо неба и всей красы земной, Вина, любви и хлеба разделишь Ты со мной.</i> <i>А плоть изнемогает, и в исступленье дух; Как лань к воде желает, к Тебе стремится дух.</i> <i>Кто только отступает от Твоего лица — как в бездне погибает и гибнет без конца.</i> <i>Ты их не истребляешь, то не в Твоей любви, —</i> <i>Ты только отступаешь от сына тьмы и лжи.</i> <i>А где Ты отступаешь, там в бездне тонет взор и грех там зажигает страдания костер.</i>	храме <i>Твоей любви молюсь.</i> <i>Ты мне открылся, Чистый, в свободушке своей, нет страха пред Тобою, Ты свет моих очей.</i> <i>Название Господина оставил я другим, Тебя ж я нарекаю Возлюбленным своим.</i> <i>С Тобой не надо неба и всей красоты земной, вино любви и хлеба разделишь ты со мной.</i> <i>И плоть изнемогает, и в исступленье дух; как лань к водам желает, к Тебе стремится дух.</i> <i>Кто только отступает от Твоего лица — как в бездне погибает и гибнет без конца.</i> Ты их не
--	--	--

делах. Во всякой древней песне есть тайные слова, кто только их откроет — их разум без конца. <i>Не</i> Богу-Духу слава в бесчисленны века, та слава есть держава над плотью навсегда, хранение и держава от всякого греха. То Богу-Духу слава в <i>бесчисленны века</i>.		истребляешь, <i>кто</i> не в Твоей любви, — Ты только отступаешь от сына тьмы и лжи. А где <i>Он</i> <i>отступает</i>, там <i>тонет в бездне</i> взор и грех <i>сам</i> зажигает страдания костер. Но я всегда с Тобою среди всех бездн <i>земных</i>, <i>среди гибнущих</i> <i>народов</i>, <i>среди царящей лжи</i>. Я знаю Твою помощь на внутренних путях. Чтоб возвестить свободу, Сион в твоих <i>вратах</i>, и дочери народа <i>во</i> всех Твоих делах. Во всякой древней песне есть тайные слова, кто только их откроет — их разум без конца. А Богу-Духу слава
---	--	--

		в бесчисленных веках; та слава есть держава над плотью навсегда, храненье и держава от всякого греха. То Богу-Духу слава в бесчисленных веках...
--	--	---

2 группа. Песни, имеющие варианты в двух источниках:

«Послушайте, други, о моей дорожке», «Вот земля очам открылась», «Как же, братцы, нам дорожку начинать?», «Здравствуйте, все братцы», «Кричите над горами», «Я не сам собою», «О, Боже, Твой город прекрасен и чуден», «Работать! Работник я вечный, друзья!», «Трудитесь, о други, в видимых трудах», «Споем, братья песню пред пищей земной», «Братья, о братья, взгляните», «Утром братья к нам пришли», «Та, над которой вы долго рыдали», «Он придет, Он придет, и смятутся народы», «Заклучил я с тобою завет», «Приступите вы к престолу Бога своего».

11. «Послушайте, други, о моей дорожке»

Дурылин, лл. 21 об–22 об. Оpubл. Кобринский, с. 596.	Ярков, лл. 406–409.
Песнь любви⁸³³ <i>Песнь любви</i> <i>Родилась в сердце моем,</i> <i>Послушайте други новый псалом.</i> <i>Ближний и дальний, человек и скот,</i>	Послушайте, други, о моей дорожке, о пути-дорожке к прекрасному Граду, к прекрасному Граду, к

⁸³³ Заглавие написано П.П. Картушиным (А. Л. 21 об.)

<i>Звери и злые демоны, Серафимы высот, И вы, сестрицы-яблоньки зелененькие, Звезды небес и цветы полей лазоревые, Камни гор и реки земли прекрасные, молчаливые. Все и видимые, и невидимые, все и его вы творенья, К вам ко всем мое слово, ответьте на голос мой С этого дня я союз заключаю со всей жизнью живой. Кто мне откроет дверь в храм Иеговы? Кто мне мой путь объяснит и то, что выше всего знанья земного? Себя навсегда позабыть ровно в день брачного пира. Все блещет красой, вот идет жених всего мира Над преображенной землей. Имя Его — любовь бесконечная. Он, други, меня озарил, Свободную книгу и законы свободы Он мне указал и открыл. Послушайте, братцы, О моей дорожке, О пути-дорожке К прекрасному граду.</i> <i>К прекрасному граду. К Господнему саду. Скинул я все цепи, Сверг я все оковы. С мыслью стал свободным, С сердцем стал свободным, С волей стал свободной, Да с бесстрашным духом.</i> <i>Да думушку вздумал, Крепкую тут вздумал. Все законы мира, Нет мне в них свободы.</i>	Господнему саду. Скинул я все цепи, сверг я все оковы. С мыслью стал свободной, с волей стал свободной, с сердцем стал свободным да с свободным духом. Да еще взмолился в тайнах тех молитвах к Батюшке родимому, в свет неизреченный, к Вечному, Живому, в силе несказанной... Вы убейте, други, в сердце самоуверенье, тогда вся дорожка вскоре объяснится...
---	--

<i>Все ученья мира —</i> <i>Цепи мне, оковы.</i> Да еще взмолился В тайных тех молитвах К Батюшке <i>родному</i>, Свет неизреченный, К вечному Живому В Силе несказанной. Вы убейте, други, <i>Самолюбие в сердце,</i> Тогда вся дорожка Скоро объяснится.	
--	--

12. «Вот земля очам открылась»

Дурылин, лл. 24–25. Оpubл. Кобринский, с. 599–601.	Ярков, лл. 409–411.
Вот земля очам открылась И другие небеса, И дорожка навешилась — Велика ее краса. И <i>дорога</i> та живая, Как невеста, ровно мать, Призывает, обещаю Радость, жизнь свою отдать. Призывает, обещаю, Слово тайное сказать. Это тайное словечко Выше всех имен земли.	Вот земля очам открылась и другие небеса. И дорожка навешилась, — велика ее краса! И <i>дорожка</i> та живая, как невеста, ровно мать, призывает, обещаю радость, жизнь свою отдать. Призывает, обещаю слово тайное сказать. Это тайное словечко выше всех имен земли. Как по этой по дорожке все святые прежде шли,

Как по этой, по дорожке, Все святые по ней шли, Все святые по ней шли, До Христа же не дошли. Но достигнуть тех ступеней, Братья, нет запрета вам, Даже может брат подняться К еще высшим ступеням. Ты скажи нам, брат, словечко В духе чистой простоты, Бог подаст тебе сказать нам Слово высшей красоты. И увидим в слове братском Свет и слово с высоты. Не пиши на вечных скалах, Тленны [...] ⁸³⁴ и листы. Мы в молчаньи приготовим В сердце чистые листы. Ты на этих на страничках Слово ясно напиши. Чтоб оно достигло братьев До конца краев земли, Чтоб оно достигло братьев До конца веков земли. Кто достигнет воскресенья, Он видал страну живых, В небесах его рожденье,	все святые прежде шли, до Христа же не дошли. Но достигнуть тех ступеней, братья, нет запрету нам, — даже можешь, брат подняться к еще высшим ступеням... Ты скажи нам, брат, словечко, в духе чистой красоты, Бог подаст тебе сказать нам слово высшей красоты. И увидишь в слове братском свет и Слово с высоты. Не пиши на вечных скалах тленны книги и листы и наук видимых голос в свое сердце не прими. Мы в молчаньи подготовим в сердце чистые листы; ты на этих на страничках слово ясно напиши. Чтоб оно достигло братьев до конца краев земли, чтоб оно достигло братьев, до конца веков земли. Кто достигнет воскресенья — он видал страну живых, в небесах его рожденье, он не видел лиц земных. Постоянно в исступленьи дух его среди святых.
---	--

⁸³⁴ Слово пропущено в рукописи.

Он не видит лиц земных. Постоянно в исступленьи Дух его среди святых, Постоянно в изумленьи Дух его среди святых. Вот земля очам открылась И другие небеса, И дорожка навешилась — Велика ее краса.	Вот земля очам открылась и другие небеса. И дорожка навешилась — велика ее краса!..
--	--

13. «Как же, братцы, нам дорожку начинать?»

Дурылин, лл. 20. Опул. Кобринский, с. 594.	Ярков, лл. 411–412.
Как же, братцы, нам дорожку начинать, Как нам небо чистое, свободное создать. Окружают нас пространства и миры, Человек — как раб вещественной игры. Обступила нас природа без конца, Человеков, братцы, запугала ведь она. Нам не надо древних безжалостных небес, Наказания ада, бесконечных бездн. Мы не сможем, братцы, в <i>вечном</i> небе обитать, <i>Если</i> вне рая будут в страдах страдать. Вы откройте двери нового рая, <i>Все творенье проходит в дверь рая!</i> Как же нам, братцы, дорожку продолжать Как нам небо чистое, свободное <i>познать</i>.	Как же, братцы, нам дорожку начинать? Как нам небо чистое, свободное создать? Окружают нас пространства и миры. Человек как раб вещественной игры. Обступила нас природа без конца, человеков, братцы, запугала ведь она. Нам не надо древних безжалостных небес, наказания ада, бесконечных бездн. Мы не сможем, братцы, в <i>новом</i> небе обитать, <i>пока</i> вне рая будут все в страдах страдать. Вы откройте двери нового рая, <i>все творенья проходите в двери нового рая!</i> Как же братцы нам дорожку продолжать? Как нам небо чистое, свободное <i>создать?</i>

В безграничности пусть мчится, <i>Ровно</i> малый шар земли, <i>Пусть одежда мира — красота,</i> <i>Сам я ткал тот мир на ткацком</i> на станке, А основа — на моем добре и зле.	— В безграничности пусть мчится, <i>как</i> малый шар, земли, <i>я сам соткал тот мир на ткацком</i> на станке, а основа — на моем добре и зле.
--	--

14. «Здравствуйте, все братцы»

Дурылин, лл. 20–21. Опубл. Кобринский, с. 594–595.	Ярков, лл. 418–420.
Здравствуйте, все братцы, Мир вам, все сестрицы, Шли мы чрез долины, Шли мы чрез пустыни, Чрез дальние страны Достигли <i>мы</i> вас Радуйтесь, здравствуйте! <i>Скажите нам: мир</i> 2 Ходите ли в свете, В свете всемогущем, <i>Звезды ль</i> светят ночью, Иль заря восходит? Свет тот, свет ли утра, Или в полной силе? Кто творил неправду, Створи признанья. Исповедуй братьям, Чтоб было прощенье.	Здравствуйте, все братцы, мир вам, все сестрицы! Шли мы чрез <i>равнины</i>, шли мы чрез пустыни, чрез дальние страны достигли <i>до</i> вас. Радуйтесь, здравствуйте! <i>Скажите нам мир ли?</i> Ходите ли в свете, в свете всемогущем? <i>Звезды светят</i> ночью иль заря восходит? Свет тот свет ли утра или в полной силе? Кто творил неправду, створи признание, исповедуй братьям, чтоб было прощенье. Братья нас спросили о нашей дорожке: силы адской бездны путь нам преграждали, мраком непроглядным очи <i>застилили</i>.

Братья нас спросили О нашей дорожке. Силы адской бездны Путь нам преграждали, Мраком непроглядным Очи застилаю. Шли <i>мы и</i> <i>чрез</i> горы, Чрез горы Урала, Шли <i>и</i> <i>чрез</i> долины, Где сверканье рая. Мы прошли чрез город, Где все знанья мира, Слышали мы мудрых Мудрых современных, И наук видимых Голос неизменный. Во всех знаньях мира <i>Мрак одной пустыни.</i> Во всех верах мира — Рабство и гордыня, Мы в страницах книги Вас с собой носили. И в краю далеком За друзей молились. В вас живет Предвечный, Мир вам, братья, сестры. Я пред всеми вами До земли склоняюсь,	Шли мы <i>чрез</i> горы, чрез горы Урала, шли <i>мы</i> <i>чрез</i> долины, где сверканье рая. Мы прошли чрез город, где все знанья мира, слышали мы мудрых, мудрых современных, и наук видимых голос неизменный. Во всех знаньях мира — <i>мрак один пустыни,</i> во всех верах мира — рабство и гордыня. Мы в страницах Книги вас с собой носили и в краю далеком за друзей молились. В вас живет Предвечный! Мир вам, братья, сестры! Я пред всеми вами до земли склоняюсь, от всех ждущих правды <i>светом озаряюсь...</i> Богу Духу слава Во веки веков.
---	--

От всех, ждущих правды, Духом озаряюсь.	
--	--

15. «Кричите над горами»

Дурылин, лл. 11 об. Опувл. Кобринский, с. 583–584.	Ярков, лл. 423–424.
Кричите над горами: Свобода, свобода! Последние цепи разбиты руками. Долго я боролся в глубине с законом, А он незаметно вновь владел мыслями. Кричите над горами: Свобода, свобода! Воздвигайте знамя на горах свободы. <i>Да уж и не сразу, други, сверг я все оковы,</i> Работал упорно в ночи <i>непреклонно</i>. Только молоньями молот озаряло, Да звезда на небе высоко блистала. Да порой <i>виденья, как весна вставали,</i> Текли реки жизни, заря занималась. Послушайте, други, слово о свободе, Скиньте цепь писанья, скиньте цепь преданья. Воссиял мне в очи день незаходимый, День незаходимый, свет непобедимый. Над землей родимой пало царство ночи Кричите над горами: Свобода, свобода!	Кричите над горами: <i>Свобода! Свобода!</i> <i>Воздвигайте знамя</i> <i>на горах Свободы!</i> Последние цепи разбиты руками; долго я боролся в глубине с Законом, а он незаметно вновь владел мыслями. Кричите над горами: Свобода! Свобода! Воздвигайте знамя на горах свободы! <i>Д'уж не сразу, други,</i> сверг я все оковы, работал упорно в ночи <i>непреклонной</i>. Только молоньями молот озаряло да звезда на небе высоко блистала, да порой <i>виденье,</i> <i>как весна, вставало,</i> текли реки жизни,

	заря занималась. Послушайте, други, слово о Свободе, скиньте цепи писанья, скиньте цепи преданья. Воссиял мне в очи день незаходимый, день незаходимый, свет непобедимый. Над землей родимой пало царство ночи. Кричите над горами: Свобода! Свобода! <i>Воздвигайте знамя на горах Свободы!</i>
--	---

16. «Я не сам собою»

Дурылин, лл. 9. Оpubл. Кобринский, с. 583.	Ярков, лл. 443–444.
<i>Я не сам собою в мире к Господу пришел, Но Бог своей рукою меня поставил в Нем. Я должен всей душою любовь всем оказать И к Господу Живому другим путь показать. Все братья и все сестры, идите все в мой дом. В душе моей и в теле неведомый огонь. О, сжальтесь надо мною, товарищи, друзья, Духовной смертью злою вконец измучен я. Не творил неправды и мысль оберегал, Но этот мрак духовный вдруг душу мне объял. Рука моя к неправде не прикоснется ввек, Но этот мрак духовный мне даже зла страшней. Вы сжальтесь надо мною, товарищи, друзья,</i>	<i>Я здесь не сам собою явился в мире сем, но Бог Своей рукою меня поставил в нем.</i> <i>Я должен всей душою любовь всем оказать и к Господу живому другим путь указать.</i> <i>Все братья и все сестры, идите вы в мой дом. В душе моей и в теле</i>

Духовной смертью злою вконец измучен я.

О, кто принес бы, други, небесного вина,

Испил бы я и раны забыл бы навсегда.

Прекрасные товарищи, могучие бойцы,

Вы — на земле искатели той огненной реки.

Вы путь свой проходили чрез небеса, чрез все

И не нашли себе покоя ни в небе, ни в душе.

Из огненных источников испили вы вина,

Не скройте ж, где та реченька из раю притекла.

неведомый огонь.

Я не творил неправды

и мысль оберегал,

но этот мрак духовный

вдруг душу мне объял.

Рука моя к неправде

не прикоснется ввек,

но этот мрак духовный

мне даже зла страшней.

О, сжальтесь надо мною,

товарищи, друзья.

Духовной смертью злою

вконец измучен я.

Прекрасные товарищи,

могучие борцы,

вы на земле искали

той огненной реки.

Вы путь свой совершали

чрез небеса, чрез все,

и не нашли покоя

ни в небе, ни в душе.

Из огненных источников

испили вы вина.

Не скройте ж, где та речка

из рая протекла.

О, кто принес бы, други,

небесного вина!

Испил бы я и раны

	<i>забыл бы навсегда.</i> <i>О, сжальтесь надо мною, товарищи, друзья! Духовной смертью злою вконец измучен я.</i>
--	--

17. «О, Боже, Твой город прекрасен и чуден»

Дурылин, лл. 13 об.–14. Опувл. Кобринский, с. 585–586.	Ярков, лл. 446–447.
О, Боже, Твой город прекрасен и чуден, Там в союзе навеки небеса и земля, Там <i>складены</i> стены из чистых жемчужин, Там струится и блещет свободы река. О, Боже, я буду вникать в разуменье, Только выйти не дай мне из стен городка, Внимательно буду смотреть я сквозь окна И пред суетным гостем будет речь коротка. Устам моим Сам положи Ты хранение, <i>Мой язык охрани в вечной воле Твоей,</i> Чтоб не дать на попанье зверям драгоценность, Чтоб не скрыть Твоей тайны от стремящих людей. <i>Вот встали у врат городских книжники, фарисеи, Восстанут все народы и цари всей земли, Но все самолюбцы, лжецы и злодеи, Они не увидят священной земли.</i>	О, Боже, Твой город прекрасен и чуден, там в союзе навеки небеса и земля, там <i>сложены</i> стены из чистых жемчужин, там струится и блещет свободы река. О, Боже, я буду вникать в разуменье, только выйти не дай мне из стен городка, внимательно буду смотреть я сквозь окна и пред суетным гостем будет речь коротка. Устам моим Сам положи Ты хранение, <i>охрани Ты язык мой в вечной воле Твоей,</i> чтоб не дать на попанье зверям драгоценность, чтоб не скрыть Твоей тайны от стремящих людей. <i>Нет крепче запоров — запоров молчанья, мы скроем Твой камень от внешних очей. Кто двери откроет без Его приказанья, тот будет Вне града семь дней и ночей.</i> <i>Вот встали у врат городских фарисеи,</i>

<i>Но крепче запоров молчанье, Мы скроем Твой камень от внешних очей, Кто двери откроет без Его приказанья, Тот будет вне града семь дней и ночей.</i> <i>О, Боже, Твой город прекрасен и чуден, Там в союзе навеки небеса и земля, Богу слава, благодаренье.</i>	<i>восстанут все народы и цари всей земли, но вы самолюбцы, лжецы и злодеи, — они не увидят священной земли.</i> <i>О, Боже, Твой город прекрасен и чуден, там в союзе навеки небеса и земля, там сложены стены из чистых жемчужин, там струится и блещет Свободы река....</i>
---	--

18. «Работать! Работник я верный, друзья!»

Дурылин, л. 25–25 об. Опубл. Кобринский, с. 601.	Ярков, л. 448.
Работать! Работник я — <i>верный</i>, друзья. Работать для правды и света. Работать упорно, работать всегда Для жизни суровой <i>от века</i>. Работать — ведь в этом словечке одном Вся правда, вся цель нашей жизни. Мы служим тем малым наружным трудом Для будущей <i>святой отчизны</i>. Мы служим грядущим, священным векам, Мы служим созданию мира. Пора же за дело святое всем нам, Разбить золотые кумиры. Все кандалы и цепи и мамона жрецов, Все храмы мамонские в пламя И новым учением мир озарить, Воздвигнув рабочее знамя.	Работать! Работник я <i>вечный</i>, друзья! Работать для правды и света. Работать упорно, работать всегда для жизни суровой <i>ответа</i>. (?)⁸³⁵ Работать! Ведь в этом словечке одном вся правда, вся цель нашей жизни. Мы служим тем малым наружным трудом для будущей <i>светлой отчизны</i>. Мы служим грядущим священным векам, мы служим созданию мира. Пора же за дело святое всем нам — разбить золотые кумиры. Все кандалы, цепи <i>Мамоны жрецов</i>, все храмы мамонские в пламя! И новым учением мир озарить — воздвигнуть рабочее знамя.

⁸³⁵ Знак вопроса поставлен Ярковым в конце стиха с непонятным содержанием (Ярков. Л. 448).

Наш Бог Иегова — трудящихся Бог От древних времен и доныне. Нам дан бесконечного дела урок — Творить новый мир из пустыни.	Наш Бог Иегова — трудящихся Бог; от вечных времен и доныне нам дан бесконечного дела урок — творить новый мир из пустыни.
---	--

19. «Трудитесь, о други, в видимых трудах»

Дурылин, лл. 21–21 об. Оpubл. Кобринский, с. 596.	Ярков, лл. 449–450.
О Труде⁸³⁶ Трудитесь, о други, в видимых трудах, примите свободное бремя в плотах, Воздвигните знамя рабочих людей на вершине древнейших Сионских гребней Пусть он мал этот труд, но Он сам приказал: Кто исполнит и малое, будет признан. В возвышении повинен, кто себе говорил: «Только духом трудиться мне Отец положил». И в духовности лживой гласу внял он плоти, <i>Ты</i> наружных частей никогда не ищи, Но весь видимый мир — в Книге Совести он, И таинственно с духом твоим соединиен. И не будет всемирного братства нигде, Пока рук не протянут все к этой земле, Пока будет унижен этот видимый труд, Пока каждый в смиреньи бремя всех не возьмут. И духом нищий труд будет тут же начат, О котором теперь только все говорят, К всем приблизится царство то, что выше ума, И не будет раба, ибо раб — раб греха. При наружной работе — спойте песню, друзья,	Трудитесь, о други, в видимых трудах, примите свободное бремя в плотах. Воздвигните знамя рабочих людей на вершине древнейших Сионских гребней. Пусть он мал, этот труд, но Он Сам приказал. Кто исполнит и малое, будет признан. В возвышении повинен, кто себе говорил: «Только духом трудиться мне Отец положил». И в духовности лживой гласу внял он плоти. <i>Ты ж</i> наружных частей никогда не ищи, но весь видимый мир — в Книге Совести он и таинственно с духом твоим соединен. И не будет всемирного братства нигде, пока рук не протянут все к этой

⁸³⁶ Заглавие написано карандашом (Дурылин. Л. 21).

Объясните народам все законы ея. Воздвигните знамя рабочих людей На вершине древних сионских гребней.	земле, пока будет унижен этот видимый труд, пока каждый в смиреньи бремя всех не возьмут. И духовнейший труд будет тут же начат, о котором теперь только все говорят. Всем приблизится Царство, что выше ума, и не будет раба, ибо раб — раб греха. При наружной работе спойте песню, друзья, объясните народам все законы ея, воздвигните знамя рабочих людей на вершине древнейших Сионских гребней.
---	--

20. «Споем, братья, песню пред пищей земной»

Дурылин, лл. 13–13 об. Оpubл. Кобринский, с. 585.	Ярков, лл. 389–390, 451–452.
Перед пищей⁸³⁷ Споем, братцы, песню пред пищей земной, Чтоб Он нам напомнил о трапезе <i>другой</i>, Чтоб <i>и видимый</i> хлеб в Его храме вкушать, <i>Чтоб и видимое дело пред Ним совершать.</i>	Споем, братья, песни пред пищей земной, чтоб он нам напомнил о трапезе <i>иной</i>, чтоб <i>видимый</i> хлеб в Его храме вкушать, <i>чтоб все — и видимое — пред Ним совершать.</i> Он видимый стол пред тобой предложил, чтоб вечной трапезы ты, брат, не забыл. Ведь видимый мир — та же книга тебе, и притча глубокая скрыта везде. Если он Всемогущей рукой сотворен, —

⁸³⁷ Заглавие написано карандашом (Дурылин. Л. 13).

Он видимый стол пред тобой предложил, Чтобы вечной трапезы ты, брат, не забыл. Весь видимый мир — та же книга тебе, И притча глубокая скрыта везде. Если Он Всемогущей рукой сотворен, <i>То Он — книга древнейших духовных писмен.</i> Услышь <i>Ты нас всех</i> в этот миг, в этот час, Человека лукавого нет среди нас. К Тебе мы взываем, Отец Всеблагой, За вечну трапезу <i>Ты</i> нас сесть удостой. Сам хлеб Твой священный <i>всем нам разделяй,</i> Бесконечной любовью нас всех <i>озаряй.</i> Где те дни, когда мир озарен был огнем, И сидели мы все за Твоим за столом, И взирали в Твой свет с откровенным лицом, И Ты сам нас поил из кристалла вином.	<i>он</i> книга древнейших духовных писмен. Услышь Ты нас, <i>Боже</i>, в этот день, в этот час. Человека лукавого нет среди нас. К Тебе мы взываем, Отец всеблагой: за вечну трапезу <i>нас</i> сесть удостой. Сам хлеб Твой священный <i>нам всем раздели,</i> бесконечной любовью нас всех <i>озари.</i> Где те дни, когда мир озарен был огнем и сидели мы все за Твоим за столом, и взирали в Твой свет с откровенным лицом, и Ты Сам нас поил из кристалла вином. Ты нам дал победить грех и смерть, Ты нас спас ужели теперь не услышишь Ты нас? <i>Создатель благой, Милосердный наш Спас, прими благ'даренье и славу от нас.</i>
--	--

Ты нам дал победить грех и смерть,
ты нас спас,
ужели теперь не услышишь ты нас?

21. «Братья, о братья, взгляните»

22. «Я упал ниц лицом до земли»

Дурылин, лл. 16 об.–17. Оpubл. Кобринский, с. 589–590.	Ярков, лл. 453–454, 215–216.
Братья, о братья, взгляните, Надвинулись <i>тени</i> ночные, Ровно река, окружила нас Злая, слепая стихия. Как разрубить все узлы, Все законы ветхого мира? Как вас украсить всех Царской блестящей порфирой? Думушку вздумал я, братцы, О братьях нам родных: Как отделить нам народ Благородный, свободный? Братья, взгляните, Надвинулись тени ночные, Ровно река, окружили нас Толпы чужие. Сердцем далеки, Связаны вместе цепями, Цепи те злые народы Ковали веками.	Святорусский люд темен разумом, страшен косностью, лют обычаем...⁸³⁸ Ник. Клюев Братья, о братья, взгляните, надвинулись <i>тучи</i> ночные, Ровно река окружила нас злая, слепая стихия. Как разрубить все узлы, все законы ветхого мира? Как вас украсить всех царской блестящей порфирой? Думушку вздумал я, братцы, о братьях нам родных: как отделить нам народ благородный, свободный? Братья, взгляните: надвинулись тени ночные, ровно река, окружили нас

⁸³⁸ Эпиграф присутствует только в публикации И.П. Яркова (Ярков. Л. 453).

Как разрубить все узлы, Все законы ветхого мира? Как вас украсить всех Царской блестящей порфирой. Выведу, выведу вас Из всех стран, народы! Ставьте над домом Единое знамя свободы. Руки рабов эти цепи В бессильи <i>сковали</i>, Руки свободных свободно Их расковали. Как разрубить все узлы, Все законы ветхого мира? Как вас украсить всех Царской блестящей порфирой? Братья, о братья, Надвинулись тени ночные, Ровно река, окружила нас Злая, слепая стихия. <i>Я упал ниц лицом до земли Пред тобой, о сестра моя жизнь И склонилась и ты до земли, И дала мне лобзание любви.</i> Заклучил я с тобою завет Среди яблонь в весеннем саду, Яблонь <i>была</i> в серебристом цвету И блестели средь листьев плоды.	толпы чужие. Сердцем далеки, связаны вместе цепями: цепи те злые народы ковали веками. Как разрубить все узлы, все законы ветхого мира? Как вас украсить всех царской блестящей порфирой? Выведу, выведу вас из всех стран и народов! Ставьте над домом единое знамя — знамя Свободы. Руки рабов эти цепи в бессильи <i>ковали</i>. Руки свободных свободно Их расковали... Заклучил я с тобою завет среди яблонь в весеннем саду, Яблонь <i>цвела</i> в серебристом цвету и блестели средь листьев плоды. Серафимы нам спели с Тобой вдохновенный псалом торжества. Не слышали его прежде нас дети неба и дети земли. <i>Вдруг упал я ниц лицом до земли пред тобою, сестра моя Жизнь, И склонилась и ты до земли</i>
---	--

Серафимы нам спели с Тобой Вдохновенный псалом торжества, Не слышали его прежде нас Дети неба и дети земли. <i>Я упал ниц</i> лицом до земли Пред <i>тобой, о сестра</i> моя жизнь, И склонилась и ты до земли И дала мне лобзание любви. <i>И внезапно земля и весь сад</i> <i>Загорелись</i> нездешней красой, <i>Между нами опять древний рай</i> <i>Был на той же земле возвращен.</i> <i>Заключил я с тобою завет</i> <i>Среди яблонь в весеннем саду.</i>	<i>и отверзла</i> ложесна свои и дала мне лобзание любви. <i>И земля, и весь сад предо мной</i> <i>засияли</i> нездешней красой. <i>Серафимские песни неслись надо мной,</i> <i>прославляя Творца всех времен...</i>
---	---

23. «Утром братья к нам пришли»

Дурылин, лл. 26–26 об. Оpubл. Кобринский, с. 602–603.	Ярков, лл. 455.
Утром братья к нам пришли, Весточку нам принесли — Черемуха зацвела, И <i>сестричка</i> умерла. Песню радости начните, <i>Други</i>, верные в любви, В храм молчанья заходите, Где животные ручьи Мы увидали гроб <i>ея</i>, Но мы не верим в смерть <i>ея</i>.	Утром братья к нам пришли, весточку нам принесли: черемуха зацвела, и <i>сестрица</i> умерла. Песню радости начните, <i>друзья</i>, верные в любви, в храм молчанья заходите где животные ручьи. Мы увидали гроб <i>ее</i>, но мы не верим в смерть <i>ее</i>.

Я увидал, о смерть, тебя, Но я не верю, смерть, в тебя. Песню радости начните, Други, верные в любви, В храм молчанья заходите, Где животные ручьи. Она жива, она жива, Бессмертна, о други, <i>ея красота</i>. У рек Эдема мир земной Забыт, как сон в земле пустой. Пускай еще пройдут года В юдоли скорби и труда, Но мне сияют на пути Твои незримые лучи.	Я увидал, о смерть, тебя, но я не верю смерть в тебя. Песню радости начните... Она жива, она жива, бессмертна, други, <i>красота!</i> У рек Эдема мир земной забыт, как сон в земле пустой. Песню радости начните... Пускай еще пройдут года в юдоли скорби и труда, но нам сияют на пути твои незримые лучи. Песню радости начните...
--	--

24. «Та, над которой вы долго рыдали»

Дурылин, лл. 19 об. Оpubл. Кобринский, с. 593.	Ярков, лл. 462–463.
<u>На смерть сестры</u>⁸³⁹ Та, над которой вы долго рыдали, В смерти которой погас высший свет, Ей лишь терзанье все ваши печали, Жажда ее — озаряющий свет. Будет бесплоден весь ужас пустыни, Довольно роптаний, мечтаний и лжи. Только чрез мысли, пустые и злые, Мы не познали воскресшей сестры.	(посвящено М. Добролюбовой)⁸⁴⁰ Та, над которой вы долго рыдали, в смерти которой погас высший свет, — ей лишь терзанье все ваши печали, жажда ее — озаряющий свет. Будет! Бесплоден весь ужас пустыни. Довольно роптаний, мечтаний и лжи! Только чрез мысли пустые и злые вы не познали воскресшей сестры.

⁸³⁹ Заголовок написан карандашом в архиве С.Н. Дурылина (Дурылин. Л. 19 об.)

⁸⁴⁰ Посвящение указано в работе И.П. Яркова (Ярков. Л. 463).

Позднею ночью к нам братья вбежали, Непонятно <i>кричали</i>, что свиделись вновь, <i>В той же ночи опять за трапезой</i> С нею мы сидели и пили вино. <i>И глядели в те черты дорогие,</i> Голос которой <i>знаком</i> так давно, Только сверкали лучи неземные, <i>И в ранах терна алело чело.</i> Братя, победа, побеждена пустыня, Борьбу и победу свершила она И всем приказала стремиться к святыне, <i>И сразить до конца злую скорбь бытия.</i>	Позднею ночью к нам братья вбежали, непонятно <i>вскричали</i>, что свиделись вновь. <i>Тою же ночью снова за трапезой</i> с нею мы сидели и пили вино. <i>Вновь я глядел в те черты дорогие,</i> голос которой я <i>знал</i> так давно. Только сверкали лучи неземные, <i>ранами терна алело чело.</i> Братя, победа! Побеждена пустыня! Борьбу и победу свершила она и всем приказала стремиться к святыне, <i>сразить до конца злую скорбь бытия.</i>
--	---

25. «Он придет, Он придет, и смятутся народы»

Дурылин, лл. 17 об.–18. Опубл. Кобринский, с. 590–591.	Ярков, лл. 510–511.
Он придет, Он придет, и смятутся народы Пред всеильным мечом в руке кроткой раба, Он воздвигнет священное знамя свободы, и не дрогнет с тех пор Его стяг никогда. Он затопчет, затопчет ногами законы, Все законы народов, властей и царей, Он воздвигнет священное знамя свободы На вершине древнейших <i>Уральских гребней.</i> Духом уст поразит Он противников правды,	Он придет, Он придет, и смятутся народы пред всеильным мечом в руке кроткой раба, Он воздвигнет священное знамя свободы и не дрогнет с тех пор Его стяг никогда. Духом уст поразит Он противников правды, <i>одним взором очей поразит — без меча.</i> Укрепит Он Свой <i>город</i> любовью и правдой и лукавый туда не <i>войдет</i> никогда.

<i>Победит одним взором своим без меча, Укрепит он свой град и любовью, и правдой, И лукавый туда не взойдет никогда.</i> Пусть опять восстают все народы земные, Но теперь уже крепок Сион городок, И все лживые мира и все власти земные Не проникнут на пир в наш Сион-городок <i>И приблизится час — даже демон восставший</i> Бросит на землю свой гордый, блестящий венец, Солнца свет будет светом бессильным, дрожащим, И другой воссияет неизведанный свет. Он придет, Он придет, и смятутся народы Пред всеильным мечом в руке кроткой раба, Он затопчет, затопчет ногами законы, Все законы народов, властей и царей. Он воздвигнет священное знамя свободы На вершине древнейших Сионских гребней. Он откроет друзьям весь тайник своей силы. Ту свободу родила любовь без конца, С преисподней и с небом Его съединила, Заключив в его сердце и мир и Творца.	Он затопчет, затопчет ногами законы — все законы народов, царей и властей, Он воздвигнет священное знамя свободы На вершине древнейших Сионских гребней. <i>И настанет тот час, — даже дьявол восставший</i> бросит на землю свой гордый восставший венец. Солнца свет будет светом бессильным, дрожащим и другой воссияет неведомый свет. Он придет, Он придет... <i>И</i> откроет друзьям весь тайник своей силы. Ту свободу родила Любовь без конца, с преисподней и с небом его съединили, заключив в Его сердце весь мир и Творца. Он придет, Он придет, и смятутся народы пред всеильным мечом в руке кроткой раба. Он воздвигнет священное знамя свободы, и не дрогнет с тех пор Его стяг никогда.
--	---

26. «Приступите вы к престолу Бога своего»

Дурылин, лл. 15 об. Опубл. Кобринский, с. 588.	Черткова, с. 57.
Приступите вы к престолу Бога своего, Преклоните ваше сердце вы к словам Его, Вы откройте слух сердечный, слушайте вы глас,	Приступите вы к престолу Бога своего, Преклоните ваше сердце

Сам спаситель к любви вечной зовет Он всех нас. Вы покиньте дружбу с миром и со тьмой его, Поспешайте к свету славы Творца своего, Он готовит венец славы, кто верный сын Его, Сам возложит венец славы на главу его. И говорит Дух Святой любящим своим: «Предложу о царстве слово, не гнушайтесь им, Всемогущего Владыко — Творца своего».	Вы к словам Его <u>Припев</u> <i>И вы радуйтесь кротко, Что в руке Его, Всемогущего Владыки, Отца своего.</i> И говорит Сам дух святой К любящим своим: «Предложу о царстве слово, Не гнушайтесь им». <u>Припев</u> <i>И вы радуйтесь кротко, Что в руке Его, Всемогущего Владыки, Отца своего.</i>
--	--

3 группа. Песни, известные в одном источнике:

«О свободушке вы спойте», «В середине сердца человека», «Все народы, все секты», «Кто други Его и когда увидал», «Радуйтесь и торжествуйте», «Вы скажите нам, братцы, о той силе живой», «Так говорил мне Вечный», «Я желаю исполнить волю Твою, Боже мой», «Что ты, душа, приуныла?», «Споем, братья, песню», «О, братья, смотрите», «Странник ревностно проходит», «Царь, создатель моей жизни», «Что в душе моей сокрыто», «Страшно бушует житейское море».

27. «О свободушке вы спойте»⁸⁴¹

О свободушке вы спойте,
 песню новую, друзья,
 о той тайной о свободе,
 которую видел я.

⁸⁴¹ Ярков. Лл. 421–422.

Мы на этой на свободе,
как на камне постоим,
не поверим мы свободам —
ложным, внешним и иным.

Как она да озарила
вдруг все земли и миры,
даже небо озарила
из той внутренней зари.

Мы на этой на свободе...

Я сознал свободу мира,
ей одной теперь молюсь,
к высшей радости единой,
к братству высшему стремлюсь.

Мы на этой на свободе...

Буря грозная настала —
то предчувствие зари.
Брат, вступай в борьбу с царями,
не склоняй ты в ней главы.

Мы на этой на свободе...

Меч возьмите обличенья,
духоборческий один,
и сражайтесь без пощады
со всем ужасом пучин.

Мы на этой на свободе...

28. «В середине сердца человека»⁸⁴²

В середине сердца человека
построен Божий храм.
Туда б, мой товарищ,
спешить нужно вам.

Для нас его построил
Создатель Господь Сам.
Там блещут и сияют
светильники всегда,
там братья-серафимы —
живые образа —
снисходят с неба в сердце
и славят все Творца.

Из золота светильники,
в них храм — престол Творца.
В безумной жажде рвется
к ним дух и плоть моя.

Любезный мой товарищ,
пойдем с тобой туда,
хотя б на миг увидеть
светильников огни
и их неугасимые
и вечные лучи.

А как нам снять завету ту,
что в глубине души,
и как нам видеть вечный храм,
что в глубине души?

⁸⁴² Ярков. Лл. 430–433.

Все видимые храмы —
все мертвы перед Ним!
И кто только привержен к ним,
не будет пользы им.

Наружное моление,
обряды всех людей —
все только утомленье
и скорбь души моей.

Мечети всех учений,
кумирни, храмы всех —
все только преграждают путь
к любви и простоте,
и тратятся удары все
не в цель, а в пустоту.
Ты ж покори всю плоть свою
духовному огню:

Сочувствуй, брат любезный,
желанию души,
исполнить ее просьбу
скорее поспеши.

Душа желает правды
и мир-любовь ко всем,
а плоть ее питает
молением, пеньем, всем,
и тем себя покоит,
как будто тут и все:
попели, помолились
и больше ничего.

Без правды и любви
нельзя ему служить;

наружными обрядами
зачем же плоть томить?

Поклонников духовных
Отец к Себе зовет;
кто к истине стремится,
Он помощь им дает.

В середине сердца человека
построен Божий храм.
Не делай, друг любезный,
вертепом его сам,
но помни, что навечно
закон положен там,
туда взирает только
Создатель Господь Сам.

Воздай же ты Ему хвалу,
Всесильному Царю,
во веки вечные... Аминь.

29. «Все народы, все секты»⁸⁴³

Все народы, все секты,
айдате в наш храм!
Храм любви всемирной
есть единственный храм.
Спешите, бегите
к восточным горам.
Кто ждал серафима,
пусть скажет друзьям.
Кто видел Иегову —
он Вышнего храм.

⁸⁴³ Ярков. Лл. 433–435.

Он знает и вход,
и исход Его.

Только тверд будь, о брат,
не склонись к высоте,
не поддайся опасной
духовной мечте
и желанье свое
в глубине испытай:
то не гордости ль плод,
иль одежд Его край?

Твердо помни, о брат:
ложь опасней всего
и не лги ни себе,
ни другим ничего.
Для немощных тут
приготовлено все,
а для сильных же в чаше
огонь и вино.

Пригубил кто вина,
тот забудет весь мир,
и его Сам Жених
позовет на Свой пир.
Его свет бесконечный
выше всякой любви,
а любовь как преддверье —
в ней и путь, и ключи.

Только скрой эту тайну
от внешних очей,
чье сердце полно
самолюбных мыслей.
Пусть внешний не входит

в таинственный храм,
там лживого нет
и лукавых нет там.

30. «Кто други Его и когда увидал»⁸⁴⁴

Кто други Его и когда увидал,
Чтоб в церкви и в братстве того не скрывал.
Только тверд будь, о брат, не склонись к высоте,
Не поддайся опасной духовной мечте,
И виденье свое в глубине испытай:
То не гордости ль плод иль одежд Его край?
Твердо помни, о брат, ложь опасней всего
И не лги ни другим, ни себе ничего.

Кто видал серафима — пусть скажет друзьям
Кто видал Бога — Иегову — он Вышнего храм.
Он знает и исход, и вход Его,
Пусть скажет друзьям про трапезу Его.

Для немощных духом приготовлено все,
Для сильных же в чаше огонь и вино.
Пригубил кто вина, тот забудет весь мир,
Того сам жених позовет на свой пир.

Он пришел ко мне той ли ранней весной,
Когда яблонь покрыта серебристой весной,
И в очах расцветал гор ливанских цвет,
Озарил вдруг меня неизведанный свет.

Чьи-то руки коснулись моих трепетных рук,
И вся плоть задрожала невольно и вдруг.
Только скрой эту тайну от внешних очей,
Чье сердце полно самолюбных мыслей.

⁸⁴⁴ Дурылин. Лл. 12 об.–13. Републ. Кобринский. С. 584.

Пусть внешний не входит в таинственный храм,
Там лживого нет и лукавых нет там.

31. «Радуйтесь и торжествуйте»⁸⁴⁵

Радуйтесь и торжествуйте,
Торжествуйте без конца,
За трапезою пируйте
В свете Божьего лица.

Этот мир любви всемирной,
Пир всемирный и живой.
Громко слышен возглас пирный
Над живоотною рекой.

В этом мире человеки
С Серафимами живут,
И животные, и реки,
И растенья воспоют.

В моем [...] ⁸⁴⁶завещанье
Безграничная любовь,
Торжество и состраданье
И невидимая кровь.

Он придет к нам утром ясным
В неизреченной чистоте,
Вечно юный и прекрасный
И с весною на главе.

Дорогое было время,
Пировали все друзья,

⁸⁴⁵ Дурылин. Лл. 15 об.–16. Републ. Кобринский. С. 588.

⁸⁴⁶ В рукописи отсутствует слово, но оставлено свободное место для него.

За трапезою сидели,
Ликовали до зари.

Все сияли в свете Божьем
И в объятиях любви,
Покрывали ту беседу
Листья райски.

32. «Вы скажите нам, братцы, о той силе живой»⁸⁴⁷

Вы скажите нам, братцы, о той силе живой,
О той силе, живой и святой.
Вы скажите нам, как вы познали ее?
Как всю душу моление ожгло?

У какой-то реки я упал недвижим,
Кто-то поднял меня — чистый огонь серафим.
Он сказал мне: о, брат мой, взгляни на тот путь.
Безграничен и чист — бесконечности путь.

Там стояли все братья и сестры мои,
Озаренными были их руки и дни.
И поверил я вдруг в безграничность небес,
И весь мрак безграничный сомнений исчез.

Вдруг запели во мне песнь победы лучи,
Ровно волны морей безграничной любви.
Вы скажите нам, братцы, о той Силе Живой,
О той Силе Живой и Святой.

33. «Так говорил мне Вечный»⁸⁴⁸

Так говорил мне Вечный

⁸⁴⁷ Дурылин. Лл. 19–19 об. Републ. Кобринский. С. 592.

⁸⁴⁸ Дурылин. Лл. 25 об.–26. Републ. Кобринский. С. 601.

В верных откровеньях:
 Твой Бог — Един,
 И нет других Богов.
 Не сотвори же мертвых образов
 И мертвое отвергни поклоненье.
 Испей из чистых струй реки свободной,
 Отвергни рабский страх неблагородный.

Стремись к Нему без страха и в любви,
 Он не желает рабства — не дрожи.
 Так говорил мне Иегова
 В двух книгах путь к Нему.

Одна лежит глубоко
 Во всех народах,
 Даже в злых сердцах,
 Другую сам увидишь на путях.

Где ищут истины, последней и высокой,
 Все храмы, все крещенья, обрезанья,
 Как цепи рабские, — все это для рабов,
 Он есть свобода без оков.

Иди к Его свободному сиянью.
 Так открыл мне всеведущий
 О конце всех времен,
 В простой песне братьям
 Передать велел Он.
 И нездешней музыки звук слышу я,
 И с размером ее согласую слова.

34. «Я желаю исполнить волю Твою, Боже мой»⁸⁴⁹

Я желаю исполнить волю Твою, Боже мой,

⁸⁴⁹ Дурылин. Лл. 27–27 об. Републ. Кобринский. С. 603.

И закон Твой у меня в сердце.
 Я не скрывал правды твоей
 Пред народами в собрание великом
 И не возбранял устами моими.
 Ты, Господи, знаешь,
 Когда ты приказывал,
 Река жизни текла из уст моих днем и ночью.
 Но если Ты воспретишь,
 Я не открою уст моих,
 Даже годы и месяцы буду обитать в храме молчанья.
 Да будет милость Твоя, Господи,
 Ко всем взывающим к Тебе.
 Не удерживай, Господи, щедрот Твоих от меня.
 Милость Твоя и истина Твоя
 Да охраняют меня непрестанно.
 Воспламени, Господи, огонь всемирной любви
 В сердцах всех братьев и сестер,
 Восстанови ту древнюю церковь Твою.
 Святую, чистую, непорочную,
 Единую, угодную Тебе,
 В которой сияет свет Твой
 Без всяких покрывал,
 Чистый, благоугодный Тебе.

35. «Что ты, душа, приуныла?»⁸⁵⁰

Что ты душа приуныла,
 Перестала трепетать?
 Али в сердце твоём тесно
 Благодати обитать?
 Ты служила Богу верно,
 Ты имела Божий свет.
 Отчего ж ты так затмела,

⁸⁵⁰ Черткова. С. 53. Републ. Кобринский. С. 571.

Не пошла ты за ним вслед?
 Сколько раз ты отступала
 От сотворшаго тебя,
 В свирепых волнах страдала,
 Пользы не было тебе в том.
 Ох, увы, мне пришло горе,
 Бесконечная печаль,
 Я не знаю, что мне делать,
 Как мне снова жизнь начать.
 Я наполню слезми реки,
 Новый мост я намощу.
 Уж я братьев и сестрицев
 В своем сердце помещу.
 Уж вы, братья и сестрицы,
 Пожалейте райску птицу,
 Коя жалобно поет,
 Творцу голос подает.
 Милосердный мой Спаситель,
 Спаси бедного меня.
 Омой меня, обели,
 В своем царстве определи,
 Где архангелы взывают,
 Серафимы где поют,
 Беспреданно свет взывают,
 Хвалу Богу воздают.

36. «Споем, братья, песню»⁸⁵¹

Споем, братья, песню
 Сердцем и душою.
 Отколь пришло это
 В сердце мне благое?
 Господь мне победа
 Над моей главою.

⁸⁵¹ Черткова. С. 53. Републ. Кобринский. С. 572.

А брат меня просит
 На любви стояти.
 В любви конца нету,
 Кому ее знати.
 Радуйся, душа моя,
 Свет твой рассветает.
 Господь тебя хочет
 На весь век прославить,
 Господь своих верных
 Никак не оставит.
 Он только желает
 На пути наставить.

37. «О, братья, смотрите»⁸⁵²

О, братья, смотрите, как любит нас Отец:
 Он открыл нам тайны небесных путей,
 Зовет Он нас в Царство, — идите скорей.
 Пока нам есть время, не нужно дремать,
 А будем на страже, чтоб свет увидеть.
 Послушайте, дети, отцовский приказ:
 Живите во свете, со всеми в любви,
 Наблюдайте время, ибо тяжки дни.
 Будьте в очищенье, в молитве живой,
 Век этот обманчив, живите строжей.
 Не давайте воли вы плоти своей,
 Не будьте в союзе, в совете вы с ней.
 А нужно стремиться к Господу скорей.
 Воскреснут из мертвых во плоти своей;
 Ибо распят Бог в каждом из людей.
 Когда будет сердце чисто навсегда,
 Он тогда воскреснет, сойдет со креста.
 Помоги нам, Боже, это совершить!
 Мы желаем только за Тобой идти.

⁸⁵² Черткова. С. 53. Републ. Кобринский. С. 572.

Не желаем славы и красы земной,
 А только ходить бы под рукой Твоей.
 Пусть народ злословит, мы будем терпеть
 И на всех гонителей, с любовью глядеть.

38. «Странник ревностно проходит»⁸⁵³

Странник ревностно проходит
 Путем тесным к небесам.
 Он тяжелое свое бремя
 На плечах своих несет.
 В душе его кипит желанье
 Пустыни дики проходить.
 С полной верой в живого Бога
 Людей от злобы отвратить.
 Он был ревностью наполнен,
 В путь дорожку зашагал,
 Христос владел его душою,
 Бессмертный щит ему вручил,
 Во время тяжкого томленья
 Читать молитвы научил.
 Странник ревностно проходит
 Луга, болота и леса.
 Ему шумит толпа неверных:
 «Куда ты, странник, зашагал?»
 Бросают камни и поленья
 В его правдивую главу.
 На них странник не взирает,
 А идет вперед скорей.
 Только к Господу взывает:
 «Прости несмысленных людей!
 О, несчастные эти люди,
 Не родиться лучше б им.
 Но ты, Боже Милосердный,

⁸⁵³ Черткова. С. 53–54. Републ. Кобринский. С. 573.

Обратись с любовью к ним.
 Вразуми сердца упорны,
 Просвети разум людей,
 Чтоб познали все свободы
 И искали б в Царство дверь».

39. «Царь, создатель моей жизни»⁸⁵⁴

Царь, создатель моей жизни,
 Не оставь меня в скорбях.
 Сам ты знаешь, я бессилён —
 Не могу врагов любить.
 А какая ж мне в том польза,
 Если любящих любить.
 Повеленье твоё вечно —
 Возлюбить всех на земле.
 Меня немощь одолевает,
 Не устою я с ней в борьбе.
 Охладела во мне вера,
 Оскудела вся любовь,
 Не стою я в доброй жизни,
 Колебаясь я умом.
 Я хожу, во тьме блуждаю,
 Свет закрылся от меня.
 Я как мертвый во могиле,
 Смрад тяжёлый от меня.
 Уж ты, Боже, мой создатель,
 Скинь завесу с глаз моих.
 Отвали от гроба камень
 И от сердца моего,
 И поставь меня на камень,
 Утверди стопы мои.

⁸⁵⁴ Черткова. С. 54. Републ. Кобринский. С. 574.

40. «Что в душе моей сокрыто»⁸⁵⁵

Что в душе моей сокрыто,
 Да свидетель тому Бог,
 И Он знает тайны сердца,
 И Он слышит каждый вздох.
 Боже, Боже, мой Создатель,
 Прошу милости Твоей.
 Дай терпенья для победы,
 Огради силой Своей.
 Сокруши Ты главу змея,
 Восстающего на меня,
 А то он ужалить может
 На смерть каждого из нас.
 Помоги нам, Всемогущий,
 Удалить его от нас.
 Боже, Боже милосердный,
 Твою милость прошу я,
 Дай познать всему народу,
 В чем есть истина Твоя.
 Ты открой им разум света
 И отверзи очи всем,
 Чтоб они могли увидеть,
 В чем есть истина Твоя,
 Чтобы сами не судили
 Никого из человек.

41. «Страшно бушует житейское море»⁸⁵⁶

Страшно бушует житейское море,
 Сильные волны качают ладью.
 В ужасе смертном, в отчаянном горе
 Боже мой, Боже, к Тебе вопию.

⁸⁵⁵ Черткова. С. 56. Републ. Кобринский. С. 579.

⁸⁵⁶ Черткова. С. 56–57. Републ. Кобринский. С. 579.

Сжался над мною, спаси и помилуй!
С первых дней жизни своей я борюсь;
Больше бороться мне уж не под силу.
Боже, помилуй, к Тебе я молюсь.
К пристани тихой твоих повелений
Путь мой направь и меня успокой.
И из пучины житейских волнений
К берегу выведи, Отче, благой.
Твердо я знаю, что очень Ты силен,
В век не ослабнут силы Твои,
С верою, Боже, к Тебе прибегаю
Взглянь и услышь, Ты, вопли мои.
Кроме Тебя я не знаю защиты,
Только взываю, Создатель, к Тебе:
Дай Ты мне силы и в вере терпенье,
Чтоб я в жизни все мог перенести.
И не забыл бы я в тяжкое время
Тебя о помощи, Боже, просить.
Отче мой милый, любовь неизменная,
Всякое дело мое не взыщи,
А по своей любви бесконечной,
Все мои ошибки, о, Боже, прости.
Трудно исполнить мне доброе дело,
Много сетей у меня на пути,
Я еще в детстве воспитан в неправде,
Как же мне выйти на путь чистоты.
Дай ты мне силу, чтоб мог я с любовью
В жизни пройти все пути на земле.
И разрушил бы все цепи, преграды.
Которые держат пути к простоте.

Приложение 2. Духовные песни Леонида Семенова

1. «Брат Молчанье»⁸⁵⁷

Брат Молчанье, Святое Молчанье!

Из глубин твоих Слово звучит,
чтоб услышать его надо втайне
свою жизнь ему всю посвятить.

Без конца говорим мы и пишем
все пустые и злые слова,
оттого мы и Бога не слышим,
оттого и не верим в Него.

Поселимся же в храме Молчанья,
предоставим Ему говорить,
будем слушать с великим вниманьем,
и слова Его свято хранить.

Ядовитой и смрадною тучей
поднялись над землею слова
и затмили свет мира могучий,
и объяла нас страшная тьма.

Уходи же все строже в молчанье!
Лишь в глубокой тиши прозвучит
первым рокотом гром его дальний
и вдруг душу твою озарит.

Пусть на миг лишь блеснет пред тобою
бесконечных глубин красота,
и исполнишься весь ты тоскою,
и надолго сомкнуться уста.

⁸⁵⁷ Ярков. Лл. 474–475.

Ведь так бледны, не нужны, убоги
даже лучшие наши слова
для того, кто беседовал с Богом,
у кого Им полна вся душа.

Обратись же в младенца немого,
не читай, не пиши и молчи.
Созерцай в себе Бога живого
и вручи ему сердца ключи.

Только тот, кто отверг своеволие,
чтоб в конец свою душу смирить,
кто не смеет нарушить молчанье,
не дерзая пред Ним говорить, —

Только тот удостоится слышать
неземные, святые слова,
только тот озарен будет свыше,
только тем озарится земля.

2. «Мы как рассеянные капли»⁸⁵⁸

Мы как рассеянные капли,
мы все разрознены в миру,
но есть Господь, Господь Единый,
Его, Единого зову.

Он Пастырь верный наш повсюду,
ведет чрез скорби и труды
и собирает отовсюду
в Свой роскошные сады.

⁸⁵⁸ Ярков. Лл. 476–477.

Мы должники в плену у мира,
должны мы миру заплатить,
чтоб каждый взял себя от мира,
себя чтоб Богу возвратить.

Богатство, честь, родню, любимых,
о, брат, оставить не жалея,
и будешь ты среди гонимых,
но плоти не щади своей.

В трудах омоешься слезами,
младенцем снова станешь ты:
тогда пред чистыми очами
возникнут чистые миры.

Враги души твоей все лягут,
блеснет святыня для тебя
и в ней, как новые, предстанут
перед тобою все друзья.

Назад оглянешься с любовью,
и путь весь дальний на земле —
борьба, окрашенная кровью,
как сон покажется тебе.

О, братья, братья, миг тот чуден,
в руках он Вечного Отца.
Молитесь, братья! Бог к нам близок,
боритесь, братья, до конца.

3. «Попросим, братья»⁸⁵⁹

Попросим, братья, мы у Бога,

⁸⁵⁹ Ярков. Лл. 477–480.

чтоб Он приблизил к нам Свой свет,
чтоб в этот час, когда мы вместе,
к Себе подняться нам помог.

Кто мы и что мы в этом мире,
среди его забот и зла?
Как нам вернуться в свет родимый
И вновь увидеть лик Отца?

Попросим, братья...

Когда-то были с ним едино
и были мы Ему цари, —
какой же гордый дух неверный
нас от него отпасть увлек?

Попросим, братья...

Его престол велик и страшен,
нечистый не войдет в него,
и нет конца к Нему ступеням,
их серафимы берегут.

Попросим, братья...

Но имя Божье — Всепрощенье,
Он милосердный без конца.
Так неужели Он оставит
Нас в этом тяжком мире зла?

Попросим, братья...

Так станем сами крепко в вере
и в чистоте любви к Нему.
О, Боже, Боже, свет родимый,

в Свое нас лоно возврати!

Попросим, братья, мы у Бога,
чтоб Он приблизил к нам Свой свет,
чтоб в этот час, когда мы вместе,
к Себе подняться нам помог.

Как нам смириться, братья, в Боге,
как нам увидеть лик Его?
Я был приближен к Саваофу,
Я видел Бога своего.

О, братья, братья, каким словом,
какою песнью изъяснить
Того, пред Кем ничтожно слово
для нас священное — любить.

Зияла рана в Нем глубоко,
как кровь струилась скорбь за всех,
но так спокойно, так широко,
как звезд полночных тихий бег.

Он подошел ко мне незримо
в любви, не знающей конца,
как врач омыл Он мои раны,
как мать, как старшая сестра.

Раскрыл мне сердце Свое близко,
простил мне тайную борьбу
и, как прохладой росной ночи,
утешил боль и скорбь мою.

В какой любви неизъяснимой
Он мог мне жизнь свою отдать
и мой рассказ о всех любимых,

и всех моих, как дар, принять.

Молитесь, братья, сестры, в стане,
чтоб нам достойным быть Его,
а дух томится несказан
томленьем тяжким для него.

4. «Христос рождается»⁸⁶⁰

Христос рождается.
Славьте, славьте!
Он в яслях таинственных,
скрытых от всех.
Кто ночь протомится
в слезах и проплачет,
кто чист был, как дева,
и прост, как овца,
тот в яслях таинственных
внутренних сердца,
увидит Младенца,
увидит Христа.

Христос рождается.
Славьте, славьте!
Он в яслях таинственных,
скрытых от всех.
Кто мудр, как волхвы,
и всю ночь Его ищет,
тот в сердце увидит,
увидит звезду.
Звезда золотая,
звезда дорогая,
Смиренье ей имя,

⁸⁶⁰ Ярков. Лл. 481–483.

ведет нас к Христу.

Кто мудр, как волхвы,
тот пусть не боится,
пойдет со звездою,
там ясли найдет,
Христос, Он, Младенец,
любовью зовется,
любовью ко всем.
Он нас всех соберет.
Вот в горнице внутренней
чистого сердца
с друзьями вечерит
блаженно в любви.

Друзьям и врагам
омывает Он ноги,
слезами смывает с них
пыль от грехов,
друзьям говорит:
«Мое царство берите,
к Отцу восходите,
там мир сотворим».
Вот хлеб преломляет,
вино разливает
и царствует с нами
во веки веков.
К Нему приступите,
Ему поклонитесь,
Ему принесите
Дары от трудов.

Приложение 3. Духовные песни Алексея Ускова и Григория Миронова
Песни Алексея Кузьмича Ускова

1. «Да не полно ли нам, братцы»

Дурылин, лл. 22 об.–23 об. Оpubл. Кобринский, с. 597–598.	Черткова, с. 55. Републ. Кобринский, с. 575.	Ярков, лл. 490–492.
Да не полно ли нам, братцы, Все о мертвом говорить? Не пора ли нам, братцы, Волю Божию творить? Да не полно ли нам, братцы, Умирать и распинать? Не пора ли всем нам, братцы, Воскресать и сострадать? Да не полно ли нам, братцы, В страну мрака всем впадать? Не пора ли даже света Еще Высшего искать? Ибо нет конца ступеням, Всех вершин не досягать, Но достигнуть тех ступеней, Братья, нет запрета вам.	Да не полно ли нам, братцы, Все о мертвом говорить? Не пора ли нам, братцы, Волю Божию творить? Да не полно ли нам, братцы, Умирать и распинать? Не пора ли всем нам, братцы, Воскресать и сострадать? Да не полно ли вам, братцы, В страну мрака всем впадать? Не пора ли даже света Еще Высшего искать? Ибо нет конца ступеням, Всех вершин не досягнуть, Но взбираться по ступеням, Братцы, нет запрета вам.	Да не полно ли нам, братцы, Все о мертвом говорить? Не пора ли нам, братцы, Волю Божию творить? Да не полно ли нам, братцы, Умирать и распинать? Не пора ли всем нам, братцы, Воскресать и сострадать? <i>Да не полно ли нам, братцы, Только время провождать? Не пора всем нам, братцы, Всем несчастным помогать?</i> Да не полно ли нам, братцы, В страну мрака вновь впадать? Не пора ли даже света Еще Высшего искать? Но достигнуть тех ступеней, Братья, нет запрету нам. <i>Даже можешь, брат, подняться К еще к высшим ступеням</i>

<i>Даже может брат подняться Еще к высшим ступеням.</i> Только, милы мои друзья, <i>Не сдавайтесь злым духам.</i> <i>Все идите против злобы, Против зависти земной И боритесь как ни можно Со всей лестию плотской.</i> <i>Угождайте все любовью И терпите до конца, А на помощь в этом деле Призывайте вы Творца.</i> Эти малые ступени Необходимо быть на них, Но достигнуть высшей цели Невозможно нам без них. <i>Боже, Боже, мой создатель, Помоги нам поскорей, Охладевши наши души И сердца ты нам согрей.</i>	Только, милые мои друзья, <i>Не сдавайте злым врагам.</i> <i>Вы идите против злобы, Против зависти земной И боритесь как возможно Со всей лестию плотской.</i> <i>Побеждайте все любовью И терпите до конца, А на помощь в этом деле Призывайте вы Творца.</i> Эти малые ступени Необходимо быть на них, Но достигнуть высшей цели Невозможно нам без них.	Только, милы мои друзья, <i>Не сдавайтесь злым духам.</i> <i>Вы идите против злобы Против зависти земной И боритесь как не можно Со всей лестию плотской.</i> <i>Побеждайте все любовью И терпением все дела Удалим мы самолюбье И ненависть от нас прочь, — Обещает в этом деле Сам спаситель нам помочь.</i> <i>Только будем мы стремиться К соединению в любви И просить на помощь Бога — Он поможет всем людям.</i> Эти малые ступени Необходимо быть на них Но достигнуть высшей цели Невозможно нам без них. <i>Эти малые ступени Выше всех имен земли. Как по этим по ступеням Все святые прежде шли, Все святые прежде шли, До Христа же не дошли.</i> <i>Боже, Боже мой создатель Помоги нам поскорей Охладевши наши души</i>
---	--	---

		<i>И сердца ты нам согрей.</i>
--	--	--------------------------------

2. «Креститесь, други милые»

Черткова, с. 59.	Ярков, лл. 489.
<i>Не наружно то крещение, Не наградами установлено, То греховно очищение, воздержание и терпение.</i> <i>Ото всяких дел греховных, Ото лжи, злобы, ненависти, Ото всякой лести, зависти, От плотского украшения.</i> <i>Пред народами возвышения, Нужны кротость и терпение. То Иисусово крещение, В котором вечное спасение. С верой в него погрузись, От мира злобы удались, Душа твоя найдет покой, Помощник будет дух святой.</i>	<i>Креститесь, други милые, Во крещеньице во огненной, Во единой той крещении, Что угодна Богу высшему. Не наружна та крещение, Не народами установлена — То греховное очищение, Воздержание и терпение Ото всяких дел греховных, Ото лжи, злобы, ненависти, Ото всякой лести, зависти, От плотского украшения, Пред народами возвышения. Нужны кротость и терпение. То Иисусово крещение, В которой вечное спасение.</i>

Песня Григория Ивановича Миронова

«Близок, близок час кончины»

Черткова, с. 56. Републ. Кобринский, с. 577–578.	Ярков, лл. 496–499.
<i>Близок, близок час кончины, Путь земной идет к концу, Час от часу все короче — С чем же явимся к Отцу?</i>	<i>Близок, близок час кончины, путь земной идет к концу, час от часу все короче... С чем же явимся к Отцу?</i>

Мир лежит во мраке <i>темном</i>, В беспросветной темной мгле. Злобой, яростью наполнен <i>Он кипит в ней</i>, как в огне. Как бы, братцы, <i>не</i> обмануться, И на ложный путь <i>не</i> уйти: Везде хитрость, ложь, <i>обман</i> — Как тут истину <i>найти</i>? Куда взор свой <i>не</i> направлю, Всюду вижу лжехристов, Они нагло надевают На себя хитон Христов. Братской кровью <i>обагрена</i> <i>Их</i> гордое чело, Уста лестью <i>наполнены</i>, Сердце <i>гордости</i> полно. Вместо братской любви, мира, <i>Чтоб</i> друг друга (по) любить, Они именем Христовым Проповедуют убить. А вы, <i>милые мои люди</i>, Избегайте <i>тех</i> понятий, Будто Бог, Отец вселенной, <i>Заставляет нас</i> убить, Будто может один тот же, Ненавидеть и любить. Это, <i>милые мои люди</i>, Пути <i>лжи</i> и заблуждений, Это мысли неразумны	Мир лежит во мраке <i>вечном</i>, в беспросветной, темной мгле, злобой, яростью наполнен, <i>в ней кипит он</i>, как в огне. Как бы, братцы, <i>нь</i> ' обмануться, и на ложный путь <i>нь</i> ' <i>уйти</i>? Везде хитрость, ложь, <i>обманы</i> — как тут истину <i>найти</i>? Куда взор свой <i>ни</i> направлю, всюду вижу лжехристов, они нагло надевают на себя хитон Христов. Братской кровью <i>обагрено</i> <i>ихо</i> гордое чело, уста лестью <i>напоены</i>, сердце <i>мерзости</i> полно. Вместо братской любви, мира, <i>чтобы</i> друг друга любить, они именем Христовым проповедуют — убить. А вы, <i>милы мои братья</i>, избегайте <i>те</i> понятия, будто Бог, Отец вселенной, <i>проповедовал</i> убить, будто может один тот же, ненавидеть и любить. Это, <i>милы мои братья</i>, пути <i>ложных</i> заблуждений,
--	--

Своевольных рассуждений. Бог — любовь, <i>Отец</i> вселенной, Он же истина во век; Разуметь об этом должен В жизни каждый человек. Он <i>Моисею</i> на скрижалях Заповедал — не убить, Чрез Иисуса Назорея Нам велел врагов любить. Ну-ка, <i>люди</i>, все восстанем Против злобы, лести вдруг Пред лицом любви всемирной Не устоит тот гордый дух. Зло исчезнет во всем мире Верь, надейся и терпи. <i>Перекуют</i> мечи на <i>рала</i>, Остры копья на серпы. Не поднимут меч народы <i>Друг против друга тогда</i>, Мир, любовь во всех вселится, Войн не будет никогда. <i>Тогда</i> мир весь <i>обновится</i> От безумных дел своих, — «Все Моим народом будут. А я буду Богом их».	это мысли неразумны своевольных рассуждений. Бог — любовь, <i>Творец</i> вселенной, Он же — истина во век. Разуметь об этом должен в жизни каждый человек. Он <i>Мысею</i> на скрижалях заповедал — не убить, чрез Иисуса Назорея нам велел врагов любить. <i>Кто врагов возненавидит,</i> <i>тот и Бога не увидит;</i> <i>кто в любви живет со всеми,</i> <i>тот и светится пред всеми.</i> <i>Ты открой нам путь спасенья,</i> <i>чтобы жизнью владеть,</i> <i>помоги нам, Всемогуций,</i> <i>как со тьмою совладеть!</i> Ну-ка, <i>братцы</i>, все восстанем против злобы, лести вдруг! Пред лицом любви всемирной нѣ устоит тот гордый дух. Зло исчезнет во всем мире — верь, надейся и терпи. <i>Пер'куют</i> мечи на <i>орало</i>, остры копья на серпы. Не поднимут меч народы <i>против друг друга тогда</i>,
--	---

	мир, любовь во всех вселится, войн не будет никогда. <i>Когда мир весь отворачится</i> от безумных дел своих, — все Моим народом будут, а Я буду Богом их.
--	--

Библиография

Архивные источники

1. Белоусов Иван Лукьянович // ЦГАСО. Ф. 56. Оп. 43. Д. 158. Л. 4.
2. Брюсов В.Я. Письма к Брюсовой Н.Я. // ОР РГБ. Ф. 386. Оп. 143. Ед. хр. 1.
3. Брюсова И.М. Письма к Брюсову В.Я. // ОР РГБ. Ф. 386. Оп. 69. Ед. хр. 11.
4. Брюсова И.М. Письма к Брюсовой Н.Я. // ОР РГБ. Ф. 386. Оп. 145. Ед. хр. 34.
5. Брюсова И. М. Письма к Добролюбову А.М. // ОР РГБ. Ф. 386. Оп. 145. Ед. хр. 62.
6. Брюсова И.М. Письмо к неустановленному лицу с обращением «Брат Савелий» // ОР РГБ. Ф. 386. К. 146. Ед. хр. 63.
7. Брюсова Н.Я. Письма к Брюсову В.Я. // ОР РГБ. Ф. 386. Оп. 78. Ед. хр. 41.
8. Брюсова Н.Я. Письма к Брюсову В.Я. // ОР РГБ. Ф. 386. Оп. 147. Ед. хр. 6.
9. Брюсова Н.Я. Письма к Брюсовой И.М. // ОР РГБ. Ф. 386. Оп. 147. Ед. хр. 7. Л. 50.
10. Брюсова Н.Я. Письма к Брюсовой И.М. // ОР РГБ. Ф. 386. Оп. 147. Ед. хр. 8.
11. Брюсова Н.Я. Письма к Брюсовой И.М. // ОР РГБ. Ф. 386. Оп. 78. Ед. хр. 43.
12. Брюсова И.М. Письма к Брюсовой Н.Я. // ОР РГБ. Ф. 386. Оп. 145. Ед. хр. 37.
13. Брюсова И.М. Письма к Брюсовой Н.Я. // ОР РГБ. Ф. 386. Оп. 145. Ед. хр. 33.
14. Брюсова Н.Я. Письма к Брюсовой И.М. // ОР РГБ. Ф. 386. Оп. 147. Ед. хр. 10.
15. Дело о лишении избирательных прав — Манаков Филип Иванович (Манакова Арина — жена, Манакова Марфа Филиповна — дочь, Манаков Александр Филипович — сын, Манаков Гаврил Филипович — сын) // ЦГАСО. Ф. Р1555. Оп. 3. Д. 213.
16. Добролюбов А.М. Из книги невидимой. М.: Скорпион, 1905 // ОР РГБ Ф. 386. К. Книги. Ед. хр. 857.
17. Добролюбов А.М. «Из книги Невидимой». Сборник стихотворений, высказываний, притч и проповедей. 1903–1905 гг. // РГАЛИ. Ф. 2009. Оп. 2. Ед. хр. 10.
18. Добролюбов А.М. Мои вечные спутники. Собрание чистых слов, избранные слова из всех народов, из священных писаний и из книг искателей познания // ОР РГБ. Ф. 386. К. Книги. 128. Ед. хр. 21.
19. Добролюбов А.М. Мои вечные спутники, сборник чистых слов, избранные слова из всех народов. Из священных писаний и из книг мудрецов. Запрещено 22.VI. // ЦГАМ. Ф. 31. Оп. 2. Д. 674.
20. Добролюбов А.М. Письма к Брюсову В.Я. // ОР РГБ. Ф. 386. Оп. 85. Ед. хр. 16.
21. Добролюбов А.М. Письма к Брюсовой И.М. // ОР РГБ. Ф. 386. Оп. 148. Ед. хр. 40.

22. Добролюбов А.М. «Сестрам Иоанне и Надежде Брюсовым», «Многие не знают, что есть тайна», «Отрывок. Против Толстого и Ницше», «Еще скрижаль» и др. Заметки, высказывания, обращения // РГАЛИ. Ф. 2009. Оп. 2. Ед. хр. 11.
23. Добролюбов А.М. Стихотворения // ОР РГБ. Ф. 386. К. 128. Ед. хр. 18.
24. Добролюбова М.Г. Письма Брюсову В.Я. // ОР РГБ. Ф. 386. Оп. 85. Ед. хр. 20.
25. Записная книжка с выписками из письма В.В. Розанова С.Н. Дурылину (лето 1918), записями о религиозно-нравственном учении Л.Н. Толстого, о педагогике и др. На л. 1–28 записи П.П. Картушина стихотворений и высказываний А.М. Добролюбова // РГАЛИ. Ф. 2980. Оп. 1. Ед. хр. 288.
26. Картушин П.П. Письма А.К. Чертковой // РГАЛИ. Ф. 552. Оп. 1. Ед. хр. 3444.
27. Картушин П.П. Письма И.С. Книжник-Ветрову // ОР РНБ. Ф. 352. Ед. хр. 1846.
28. Письма Картушина П.П. Дурылину С.Н. // РГАЛИ. Ф. 2980. Оп. 1. Ед. хр. 586.
29. Письма Сутковского Н.Г. Дурылину С.Н. // РГАЛИ. Ф. 2980. Оп. 1. Ед. хр. 824.
30. Пругавин А.С. Заметки (разрозненные черновики). «Добролюбовцы» // РГАЛИ. Ф. 2167. Оп. 1. Ед. хр. 147.
31. О появлении в селе Семеновки последователей секты «Квакари» // ЦГАСО. Ф. 1. Оп. 1. Д. 5564.
32. Письма к Брюсовой Иоанне Матвеевне // ОР РГБ. Ф. 386. Карт. 148. Ед. хр. 40.
33. Рапорт епархиального миссионера проповедника Михаила Алексеева (копия) / Дело отделения Департамента духовных дел Министерства Внутренних Дел. Секта квакеров // РГИА. Ф. 821. Ед.хр. 318.
34. Усков Алексей Кузьмич // ЦГАСО. Ф. Р56. Оп. 43. Д. 2679.
35. Шнякины Макар Сергеевич, Савелий Сергеевич // ЦГАСО. Ф. Р854. Оп. 5. Д. 28.
36. Ярков И.П. Какими я их знаю. Рассказы о «брате Александре» Добролюбове, его друзьях и последователях // ОР РГБ. Ф. 218. К. 1394. Ед. хр. 2.
37. Ярков И. П. Моя жизнь. Автобиография // ОР Самарского литературно-мемориального музея им. А.М. Горького.
38. Брюсова Н.Я. Письма к Брюсовой И.М. // ОР РГБ. Ф. 386. Оп. 147. Ед. хр. 12.

Печатные источники

І. Произведения А.М. Добролюбова

39. Добролюбов А.М. *Natura naturans. Natura naturata*. Тетр. № 1 / Александр Добролюбов – М.: тип. Е. Евдокимова, 1895. – 99 с.

40. Добролюбов А.М. Собрание стихов / Александр Добролюбов; Предисл. Ив. Коневского и В. Брюсова. – М.: Скорпион, 1900. – 71 с.
41. Добролюбов А.М. Из книги невидимой / Александр Добролюбов. – М.: Скорпион, 1905. – 204 с.
42. Добролюбов А.М. Мои вечные спутники / Александр Добролюбов // Новая земля: еженедельная общественная, литературная и политическая газета. – М., 1911. – № 7. – С. 15–16; № 11. – С. 20; №14. – С. 18.
43. Северные цветы на 1901 год, собранные книгоиздательством «Скорпион». – М.: Скорпион, 1901. – С. 75.
44. Северные цветы на 1902 год, собранные книгоиздательством «Скорпион». – М.: Скорпион, 1902. – С. 89-96.
45. Северные цветы. Третий альманах книгоиздательства Скорпион. – М.: Скорпион, 1903. – С. 109-114.

II. Эго-документы

46. Ал. Ширяевец: из переписки 1912–1917 годов / Публ. Ю. Орлицкого, Б. Соколова, С. Субботина // De Visu. –1993. – № 3. – С. 5–43.
47. Белый А. Начало века / Андрей Белый; подгот. текста и коммент. А.В. Лаврова. – М.: Худож. лит., 1990. – 686 с.
48. Белый Андрей, Блок Александр. Переписка, 1903–1919 / Андрей Белый и Александр Блок; публ., предисл. и коммент. – А.В. Лавров. – М.: Прогресс-Плеяда, 2001. – 608 с.
49. Брюсов В., Петровская Н. Переписка: 1904–1913 / Валерий Брюсов, Нина Петровская; вступ. статьи, подгот. текста и комментарии Н.А. Богомолова и А.В. Лаврова. – М.: Новое литературное обозрение, 2007. – 776 с.
50. Брюсов В.Я. Автобиография / В.Я. Брюсов // Русская литература XX века. 1890–1910 г. / под ред. С.А. Венгерова, послесл. А.Н. Николюкина. – М.: Республика, 2004. – С. 64–74.
51. Брюсов В.Я. Дневники 1891–1910 / В.Я. Брюсов; подгот. к печати И.М. Брюсова; примеч. Н.С. Ашукина. – М.: М. и С. Сабашниковы, 1927. – 203 с.
52. Брюсов В.Я. Письма к П.П. Перцову. 1894–1896: (К истории раннего символизма) / В.Я. Брюсов; Вступ. ст. П.П. Перцова. – М.: ГАХН, 1927. – 81 с.
53. Брюсов В.Я. Переписка с Андреем Белым 1902–1912 / В. Брюсов; Вступ. ст., публ. и коммент. С.С. Гречишкин, А.В. Лавров // Литературное наследство. Т. 85: Валерий Брюсов. – М.: АН СССР, 1976. – С. 327–427.

54. Брюсов В.Я. Письма к С.А. Венгерову / Брюсов В.Я. // Брюсов В.Я. Литературное наследство. Т. 85. – М.: АН СССР, 1976. – С. 677–685.
55. Бунин И.А. Из записей / И.А. Бунин // Собрание сочинений в 9 т. – Т. 9. – М.: Художественная литература, 1967. – С. 270–298.
56. Воспоминания крестьян-толстовцев, 1910–1930-е годы / Сост. А.Б. Рогинский; Примеч. Д.И. Зубарева, А.Б. Рогинского. – М.: Книга, 1989. – 477 с.
57. Гольденвейзер А.Б. Вблизи Толстого. Записи за пятнадцать лет / А.Б. Гольденвейзер. – Т. 2. – М., Петроград: Кооп. изд-во: Голос Толстого, 1923. – 396 с.
58. Клюев Н.А. Письма к А. Блоку / Н.А. Клюев; Вступ. ст., публ. и коммент. К.М. Азадовского // Александр Блок. Новые материалы и исследования. Кн. 4. Литературное наследство. Т. 92. – М.: АН СССР, 1982. – С. 427–523.
59. Кудрин А.И. Что Андрей Иванович Кудрин рассказал Толстому / А.И. Кудрин; С предисл. князя П.Д. Долгорукова. – Berlin: Ladyschnikow, 1921. – 46 с.
60. Маковицкий Д.П. У Толстого, 1904–1910: «Яснополянские записки» Д.П. Маковицкого: в 4 кн. / редакционная комиссия издания С.А. Макашин, М.Б. Храпченко, В.Р. Щербина. Кн. 2, 1906–1907. – М.: Наука, 1979. – 687 с.
61. Перцов П.П. Литературные воспоминания. 1890–1902 гг. / П.П. Перцов; Вступ. статья, сост., подгот. текста и коммент. А.В. Лаврова. – М.: Новое литературное обозрение, 2002. – 496 с.
62. Письмо Д.П. Мирского к П.П. Сувчинскому от 12 декабря 1923 / Д.П. Мирский // Smith G.S. The Letters of D.P. Mirsky to P.P. Suvchinskii, 1922–1931. – Birmingham, 1995. – P. 23.

Литература

63. Архим. Киприан. Предисловие к изданию 1948 года / архимандрит Киприан // Откровенные рассказы странника духовному своему отцу. – М.: Издание Введенской Оптиной Пустыни. 1991. – С. 5–12.
64. Барсов Н.И. Духовные стихи (роспевцы) секты людей божьих, собранные действит. членом императорского Русского географического общества Н. Барсовым. – СПб.: Типография Майкова, 1870. – 172 с.
65. Белый А. Вместо предисловия / Андрей Белый // Белый Андрей. Стихотворения. – Берлин: Изд-во З.И. Гржебина, 1923. – С. 5–9.
66. Белый А. Серебряный голубь. Повесть в семи главах / Андрей Белый; подгот. текста., вступ. ст. и коммент. М.В. Козьменко. – М.: Худож. лит., 1989. – 461 с.

67. Бессонов П.А. Калеки переходные: сборник стихов и исследование П. Бессонова. – Ч. 1-2. – М.: в типографии А. Семана, 1861–1864.
68. Блок А. Предисловие к собранию стихотворений / А. Блок // А. Блок. Собрание стихотворений: Кн. 1-3. Кн. 1: Стихи о Прекрасной Даме (1898–1904). – М.: Мусагет, 1911.
69. Брюсов В.Я. Предисловие / В.Я. Брюсов // Брюсов Валерий. *Urbi et orbi*: Стихи 1900–1903 г. – М.: Скорпион, 1903.
70. Брюсов В.Я. Огненный ангел: повесть в XVI главах: украшения по современным гравюрам / Валерий Брюсов. – Изд. 2-е, испр. и доп. примеч. – М.: Скорпион, 1909. – 374 с.
71. Брюсов В.Я. Предисловие / В.Я. Брюсов // Николай Клюев. Сосен перезвон. – 2-е изд. – М.: К.Ф. Некрасов, 1913. – С. 5–7.
72. Буддийские сутты / В пер. с пали проф. Т.У. Рис-Дэвидса, с примеч. и вступ. ст.; рус. пер. и предисл. Н.И. Герасимова. – М.: Тип. т-ва И.Н. Кушнерев и К°, 1900. – 203 с.
73. Буддийский катехизис: Пер. с монг.: С предисл. – СПб.: Ф.И. Митюрников, 1902. – 44 с.
74. Варенцов В.Г. Сборник русских духовных стихов / Сост. В. Варенцовым. – СПб.: Д.Е. Кожанчиков, 1860. – 248 с.
75. Варенцов В.Г. Сборник песен Самарского края, составленный В. Варенцовым. – СПб.: изд. Н.А. Серно-Соловьевича, 1862. – 267 с.
76. Власов А.Н. Житийные повести и сказания о святых юродивых Прокопии и Иоанне Устюжских / А.Н. Власов; отв. ред. Г.М. Прохоров. – СПб.: Изд-во Олега Абышко, 2010. – 632 с.
77. Животная книга духовборцев / Записал и собр. Владимир Бонч-Бруевич. – СПб.: Тип. Б.М. Вольфа, 1909. – 327 с.
78. Житие святого праведного Прокопия Христа ради юродивого Устюжского чудотворца. – М.: Типография И.И. Смирнова, 1881. – 36 с.
79. Из Русской народной песни, записанной Александром Добролюбовым / А. Добролюбов // Всемирное единение. – Вып. 2. – 1914. – С. 26–27.
80. Киреевский П.В. Русские народные песни, собранные П. Киреевским. Ч. 1. Русские народные стихи. – М., 1848. – 82 с.
81. Киссин С.В. (Муни). Легкое бремя: Стих и проза; Переписка с В.Ф. Ходасевичем / Самуил Киссин (Муни); Подгот. И. Андреева. – М.: Август, 1999. – 415 с.
82. Клюев Н.А. Братская песня / Н.А. Клюев // Новая Земля: еженедельная общественная, литературная и политическая газета. – 1912. – № 1–2.

83. Клюев Н.А. Песнослов. Кн. 1 / Николай Клюев. – Петроград: Литературно-издательский отдел народного комиссариата по просвещению, 1919. – 319 с.
84. Клюев Н.А. Песнослов. Кн. 2 / Николай Клюев. – Петроград: Литературно-издательский отдел народного комиссариата по просвещению, 1919. – 255 с.
85. Клюев Н.А. Сочинения / Н.А. Клюев; под ред. Г. П. Струве и Б. А. Филиппова. – Мюнхен: A. Neimanis. Buchvertrieb und Verlag, 1969. – 503 с.
86. Клюев Н.А. Словесное древо. Проза / Н.А. Клюев; вступ. ст. А.И. Михайлова; сост., подготовка текста В.П. Гарнина. – СПб.: Росток, 2003. – 688 с.
87. Лопатин Н.М. Полный народный песенник, содержащий в себе лучшие старинные и новейшие песни, выправленные со слов лучших народных певцов и по старинным сборникам: Песни девичьи, жен., муж., рекрут., солдат., свадеб., подблюд. и хороводные с приб. Стихотворений рус. поэтов / Сост. Н. Лопатин; С рис. гр. Ф.Л. Соллогуба. – М.: Изд. Ком. грамотности Моск. о-ва сел. хоз-ва, исполн. И.Д. Сытиным и К°, 1885. – 256 с.
88. Ляцкий Е.А. Стихи духовные — словеса золотые / Вступ. ст. Е.А. Ляцкого; Тексты избрал Е.А. Ляцкий при участии Н.С. Платоновой. – СПб.: Огни, 1912. – 188 с.
89. Малларме С. Книга, орудие духа (1895) / С. Малларме // Поэзия французского символизма. Лотреамон. Песни Мальдорора / Сост., общ. ред. и вступ. ст. Г.К. Косикова. – М.: Изд-во МГУ, 1993. – С. 427.
90. Материалы к истории и изучению русского сектантства и старообрядчества / Под ред. и с предисл. В. Бонч-Бруевича. Вып. 1–5, 7. – СПб.: тип. Б.М. Вольфа, 1908–1916.
91. Мережковский Д.С. Л. Толстой и Достоевский / Д.С. Мережковский. Т. 2. – СПб.: М.В. Пирожков, 1903. – 530 с.
92. Мережковский Д.С. Не мир, но меч. К будущей критике христианства / Полн. собр. соч. Д.С. Мережковского. Т. 13. – М.: Типография Т-ва И.Д. Сытина, 1914. – 168 с.
93. Метерлинк М. Блаженство души. (Сокровище смиренных) / М. Метерлинк; под ред. и с предисл. Н. Минского, пер. Л. Вилькиной. – СПб.: Тип. «Труд и польза», 1901. – 274 с.
94. Ницше Ф. Так говорил Заратустра. Символическая поэма / Ф. Ницше; пер. с нем. Д. Борзаковского; под ред. А. Введенского. – М.: М.В. Клюкин, 1900. – 360 с.
95. Обрядовая поэзия / Сост., предисл., примеч., подгот. Текстов В.И. Жекулиной, А.Н. Розова. – М.: Современник, 1989. – 735 с.
96. Откровенные рассказы странника духовному своему отцу / Предисл. архимандрита Киприана. – М.: Издание Введенской Оптиной Пустыни. 1991. – 332 с.

97. Песни русских поэтов: в 2 т. / ред. Кол. Ю.А. Андреева и др.; вступ. ст., сост., подгот. текста, биограф. справки и примеч. В.Е. Гусева. – Л.: Советский писатель, 1988. – Т.2. – 622 с.
98. Погорелова Б. Валерий Брюсов и его окружение / Б. Погорелова // Воспоминания о серебряном веке / Сост., авт. предисл. и коммент. В. Крейд. – М.: Республика, 1993. – С. 24–45.
99. Поэзия крестьянских праздников / Вступ. ст., сост., примеч. И.И. Земцовского; общ. ред. В.Г. Базанова. – 2-е изд. – Л.: Сов. писатель, 1970. – 636 с.
100. Преподобный Серафим Саровский: житие, наставления / ред. Плюснин А.И. – М.: Благовест, 2014. – 191 с.
101. Проханов И.С. Гусли: Сб. духов. песен / Сост. И.С. Проханов. – 3-е изд. – Гальбштадт: Радуга, 1911. – 517 с.
102. Рождественский Т.С. Памятники старообрядческой поэзии / Т.С. Рождественский. – М.: Печ. А.И. Снегиревой, 1909. – 191 с.
103. Рождественский Т.С. Песни русских сектантов мистиков: сборник / Сост. Т.С. Рождественским и М.И. Успенским. – СПб.: тип. П.П. Сойкина, 1912. – 871 с.
104. Русские былины в старой и новой записи / Под ред. акад. Н.С. Тихонравова и проф. В.Ф. Миллера; Этногр. отд. Имп. О-ва любителей естествознания, антропологии и этнографии. – М.: Скоропеч. А.А. Левенсона, 1894. – 304 с.
105. Русские заговоры из рукописных источников XVII – первой половины XIX в. / Сост., подгот. текстов, статьи и коммент. А.Л. Топоркова. – М.: Индрик, 2010. – 832 с.
106. Рыбников П.Н. Песни, собранные П.Н. Рыбниковым: Ч. 1–4. – М.: Тип. А. Семена, 1861–1867.
107. Семенов Л.Д. Собрание стихотворений / Л.Д. Семенов. – СПб.: Содружество, 1905. – 105 с.
108. Семенов Л.Д. Стихотворения. Проза / Леонид Семенов; Подгот. В.С. Баевский. – М.: Наука, 2008. – 578 с.
109. Толстой Л.Н. Мысли мудрых людей на каждый день / Собраны гр. Л.Н. Толстым. – М.: Посредник, 1903. – 375 с.
110. Толстой Л.Н. Полное собрание сочинений / Л.Н. Толстой / Под общ. ред. В.Г. Черткова. – М., Л.: Художественная литература, 1928–1958. Т. 54, 55, 56, 77, 86.
111. Фома Кемпийский. О подражании Иисусу Христу четыре книги, или Фомы Кемпского Златое сочинение для христиан. С лат. яз. вновь переведенное и исправленное, к которому присовокуплена и жизнь сего изящного автора с описанием всех его сочинений. – М.: в привилегированной тип. Мейера, 1784. – 310 с.

112. Успенский П.Д. *Tertium Organum*: Ключ к загадкам мира. Тайна пространства и времени. Тени и действительность. Голоса камней. Математика бесконечного. Логика экстаза. Мистическая теософия. Космическое сознание. Новая мораль. Рождение сверхчеловека / П.Д. Успенский. – Петроград: Н.Т. Таберио, 1916. – 322 с.
113. Харузин Н.Н. Из материалов, собранных среди крестьян Пудожского уезда, Олонецкой губернии / Николай Харузин. – М.: тип. А. Левинсон и К°, 1889. – 73 с.
114. Цветочки святого Франциска Ассизского / Пер. и предисл. А.П. Печковского; Вступ. ст. С.Н. Дурылина. – М.: Мусагет, 1913. – 176 с.
115. Чертова А.К. Что поют русские сектанты. Сборник сектантских напевов с текстом слов. Выпуск третий: Отдел III. Духовные стихи и распевы разных сект. – М.: П. Юргенсона, 1912. – 59 с.
116. Эллис. *Vigilemus!* // Эллис. Неизданное и несобранное / Эллис; сост., подгот. текста А.В. Лаврова, Г.В. Нефедьева, С.Н. Мироненко. – Томск: Водолей, 2000. – 479 с.
117. Besant A. *The Brotherhood of Religions* / A. Besant. – Adyar, Madras: Theosophical Publishing House, 1919. – 31 p.
118. Thomas de Celano. *Vita Secunda S. Francisci* / Thomas de Celano // *Analecta Franciscana*. – Quaracchi: Typographia Collegii S. Bonaventurae, 1926. Т. X, fasc. II. – P. 129–260.

Исследования

119. Альфонсов В.Н. Поэзия Бориса Пастернака / В.Н. Альфонсов. – Л.: Сов. писатель, 1990. – 368 с.
120. Агарин Е.В. Толстовство и толстовские земледельческие колонии в дореволюционной России: дис. ... канд. истор. наук. / Е.В. Агарин. – Нижний Новгород, 2016. – 373 с.
121. Адрианова В.П. Житие Алексея человека Божия в древней русской литературе и народной словесности / В.П. Адрианова. – Петроград.: тип. Я. Башмаков и К°, 1917. – 518 с.
122. Азадовский К.М. Блок и А.М. Добролюбов / К.М. Азадовский // Тезисы I Всесоюзной (III) конференции «Творчество А.А. Блока и русская культура XX века». – Тарту, 1975. – С. 96–101.
123. Азадовский К.М. Путь Александра Добролюбова / К.М. Азадовский // Творчество А.А. Блока и русская культура XX века: Блоковский сборник III. – Тарту, 1979. – С. 121–146 (Уч. зап. Тартусского гос. ун-та. Вып. 459).

124. Азадовский К.М. Жизнь Николая Клюева: документальное повествование / К.М. Азадовский. – СПб.: Изд-во журн. «Звезда», 2002. – 368 с.
125. Азадовский К.М. «Гагарья судьбина» Н. Клюева / К.М. Азадовский. – СПб.: ИНАПРЕСС, 2004. – 199 с.
126. Азадовский К.М. Путь Александра Добролюбова / К.М. Азадовский // Серебряный век. Имена и события: Избранные работы. – СПб.: Издательство Пушкинского Дома Нестор-История, 2015. – С. 11–48.
127. Азадовский К.М. Стихия и культура. Николай Клюев и Александр Блок / К.М. Азадовский // Серебряный век. Имена и события: Избранные работы. – СПб.: Изд-во Пушкинского Дома. 2015. – С. 79–194.
128. Азбелев С.Н. Основные понятия текстологии в применении к фольклорному материалу / С.Н. Азбелев // Принципы текстологического изучения фольклора / АН СССР, ИРЛИ; отв. ред. Б.Н. Путилов. – М., Л.: Наука, 1966. – С. 260–302.
129. Андросова В.А. Небесные книги в Апокалипсисе Иоанна Богослова / В.А. Андросова. – М.: Изд-во ПСТГУ, 2013. – 330 с.
130. Артеменко Е.Б. Синтаксический строй русской народной лирической песни в аспекте ее художественной организации / Е.Б. Артеменко. – Воронеж: Изд-во Воронежского университета, 1977. – 160 с.
131. Арихимандрит Августин (Никитин). Франциск Ассизский и русские символисты / Арихимандрит Августин // Нева. – 2014. – № 11. – С. 227–245.
132. Архипов А.А. К истолкованию названия «Голубиная книга» / А.А. Архипов // Этнолингвистика текста. Семиотика малых форм фольклора. I. Тезисы и предварительные материалы к симпозиуму. – М.: Институт славяноведения и балканистики АН СССР, 1988. – С. 174–177.
133. Архипов А.А. Голубиная книга: Wort und Sache / А.А. Архипов // Механизмы культуры. – М., 1990. – С. 68–98.
134. Архипов А.А. «Голубиная книга» / А.А. Архипов // По ту сторону Самбатона: Этюды о русско-еврейских культурных, языковых и литературных контактах в X–XVI веках. – Oakland (California): Berkely Slaic Specialities, 1995. – С. 97–132.
135. Афанасьев А.Н. Поэтические воззрения славян на природу: в 3 т. / А.Н. Афанасьев. Т. 1. – М.: Индрик, 1994. – 800 с.
136. Афанасьева Э.М. Молитвенная лирика русских поэтов / Э.М. Афанасьева. – М.: Издательский дом ЯСК, 2021. – 280 с.
137. Баевский В.С. Жизнестроитель и поэт / В.С. Баевский // Леонид Семенов. Стихотворения. Проза. – М.: Наука, 2007. – С. 439–502.

138. Батюшков Ф.Д. Спор души с телом в памятниках средневековой литературы: Опыт историко-сравнительного исследования / Ф.Д. Батюшков. – Изд. 2-е. – М.: Книжный дом «ЛИБРОКОМ», 2012. – 322 с.
139. Белый А. Настоящее и будущее русской литературы / А. Белый // Весы. – 1909. – № 2. – С. 59–68; № 3. – С. 71–82.
140. Беляев М.В. Книги небесные (Апокрифические видения и «закон первообразов») / М.В. Беляев // Изв. Бакинского гос. ун-та. – 1921. – № 1 (второй полутом). – С. 217–256.
141. Бердяев Н.А. О новом религиозном сознании / Н.А. Бердяев // Вопросы жизни. – 1905. – № 9. – С. 150–167.
142. Бердяев Н.А. Духовное христианство и сектантство в России / Н.А. Бердяев // Типы религиозной мысли в России. Собр. соч. Т. 3. – Париж: YMCA-Press, 1989. – С. 441–462.
143. Бланшо М. Ницше и фрагментарное письмо / М. Бланшо // Новое литературное обозрение. М.: Новое литературное обозрение. – 2003. – № 3 (61). – С. 12–29.
144. Блок А. Поэзия заговоров и заклинаний / А. Блок; под общ. ред. В.Н. Орлова // Блок А.А. Собрание сочинений: В 8 т. – М.; Л.: Гослитиздат, 1962. – Т. 5. Проза. 1903–1917. – С. 36–65.
145. Блок А. Стихия и культура / А. Блок // «Наша газета». – 1909. – 6 января.
146. Бобринская Е.А. Натурфилософские мотивы в творчестве Елены Гуро / Е.А. Бобринская // Русский авангард: истоки и метаморфозы: [Сборник статей]. – М.: Пятая страна, 2003. – С. 140–163.
147. Богданов К.А. Очерки по антропологии молчания. Ното Тасенс. / К.А. Богданов. – СПб.: РХГИ, 1997. – 352 с.
148. Богомолов Н.А. Русская литература начала XX века и оккультизм. Исследования и материалы / Н.А. Богомолов. – М.: Новое литературное обозрение, 1999. – 549 с.
149. Богомолов Н.А. От Пушкина до Кибирова: Статьи о русской литературе, преимущественно о поэзии / Богомолов Н.А. – М.: Новое литературное обозрение, 2004. – 624 с.
150. Богомолов Н.А. Вокруг «серебряного века»: Статьи и материалы / Богомолов Н.А. – М.: Новое литературное обозрение, 2010. – 720 с.
151. Богомолов Н.А. Жанровая система русского символизма: некоторые констатации и выводы / Богомолов Н.А. // Вокруг «серебряного века»: Статьи и материалы. – М.: Новое литературное обозрение, 2010. – С. 17–31.

152. Бодрийяр Ж. Пароли. От фрагмента к фрагменту / Жан Бодрийяр. – Екатеринбург: У-Фактория, 2006. – 196 с.
153. Брюсов В.Я. О русском стихосложении / В.Я. Брюсов // Добролюбов А.М. Собрание стихов. – М.: Скорпион, 1900. – С. 8–14.
154. Брюсов В.Я. Примечания / В.Я. Брюсов // Добролюбов А.М. Собрание стихов. – М.: Скорпион, 1900. – С. 67–70.
155. Брюсов В.Я. Священная жертва / В.Я. Брюсов // Весы. – 1905. – № 1. – С. 23–29.
156. Буслаев Ф.И. Народная поэзия. Исторические очерки орд. акад. Ф.И. Буслаева. – СПб.: тип. Имп. акад. наук., 1887. – 501 с.
157. Буслаев Ф.И. Русская хрестоматия. Памятники древней русской литературы и народной словесности, с историческими, литературными и грамматическими объяснениями, со словарем и указателем / Ф.И. Буслаев. – 4-е изд. – М.: тип. Е.Г. Потапова, 1888. – 478 с.
158. Буслаев Ф.И. Русские духовные стихи / Ф.И. Буслаев // О литературе: Исследования; Статьи. / Сост., вступ. ст., прим. Э. Афанасьева. – М.: Худож. лит., 1990. – С. 294–348.
159. Бэлза И.Ф. Брюсов и Данте / И.Ф. Бэлза // Данте Алигьери: pro et contra, антологии. Т. 2 / Сост., вступ. ст. М.С. Самариной, коммент. И.Ю. Шауба, М.С. Самариной, Е. Булучевской. – СПб.: Изд-во РХГА, 2016. – С. 345–370.
160. Венгеров С.А. Александр Добролюбов / С.А. Венгеров // Русская литература XX века. 1890–1910 г. / под ред. С.А. Венгерова, послесл. А.Н. Николюкина. – М.: Республика, 2004. – С. 159–163.
161. Венцлова Т. О мифотворчестве Вячеслава Иванова: «Повесть о Светомире царевиче» / Т. Венцлова // Венцлова Т. Собеседники на пиру: Литературоведческие работы. – М.: Новое литературное обозрение, 2012. – С. 87–105.
162. Веселовский А.Н. Разыскания в области русских духовных стихов / А.Н. Веселовский. – Вып. 1–6. – СПб.: тип. Имп. акад. наук, 1879–1891.
163. Веселовский А.Н. Историческая поэтика / А.Н. Веселовский. – М.: Высшая школа, 1989. – 404 с.
164. Веселовский А.Н. Данте и символическая поэзия католичества / А.Н. Веселовский // Данте Алигьери: pro et contra, антологии. Т. 2 / Сост., вступ. ст. М.С. Самариной, коммент. И.Ю. Шауба, М.С. Самариной, Е. Булучевской. – СПб.: Изд-во РХГА, 2016. – С. 612.
165. Весы. Научно-литературный и критико-библиографический ежемесячник литературы и искусства. – М.: Скорпион. – 1905. – № 5. – 80 с.

166. Виноградов В.В. О языке художественной литературы / В.В. Виноградов. – М.: Гослитиздат, 1959. – 654 с.
167. Виноградов В.В. Проблема авторства и теория стилей / В.В. Виноградов. – М.: Гослитиздат, 1961. – 614 с.
168. Воронцова Е.В. Современное бытование духовных стихов в среде старообрядцев (по материалам полевых исследований на Вятке): дис. ... канд. философ. наук / Е.В. Воронцова. – М., 2015. – 184 с.
169. Восточно-славянские заговоры: Аннотированный библиографический указатель / Сост. Т.А. Агапкина, А.Л. Топорков. – М.: ПРОБЕЛ-2000, 2011. – 172 с.
170. Гарин И. Проклятые поэты. / Гарин И. – М.: ТЕРРА – Кн. клуб, 2003. – 846 с.
171. Гаспаров М.Л. Поэтика «серебряного века» / М.Л. Гаспаров // Русская поэзия серебряного века. 1890–1917. Антология. – М.: Наука, 1993. – С. 5–44.
172. Гаспаров М.Л. Академический авангардизм: природа и культура у позднего Брюсова / М.Л. Гаспаров. – М.: РГГУ, 1995. – 39 с.
173. Гаспаров М.Л. Русский народный стих и его литературные имитации / М.Л. Гаспаров // Гаспаров М.Л. Избранные труды. Т. I. О поэтах. – М.: «Языки русской культуры», 1997. – С. 54–131.
174. Гаспаров М.Л. Русский стих начала XX века в комментариях / М.Л. Гаспаров. – 3-е изд. – М.: КДУ, 2004. – 312 с.
175. Геворкян А.В. О «синтезе искусств»: заметки к теме / А.В. Геворкян // Поэтика русской литературы конца XIX – начала XX в. Динамика жанра. Общие проблемы. Проза. – М.: ИМЛИ РАН, 2009. – С. 211–244.
176. Герасимов Н.И. Предисловие к русскому переводу / Н.И. Герасимов // Буддийские сутты / В пер. с пали проф. Т.У. Рис-Дэвидса, с примеч. и вступ. ст.; Рус. пер. и предисл. Н.И. Герасимова. – М.: Тип. т-ва И.Н. Кушнерев и К°, 1900. – С. 1–59.
177. Гехтман В. «Бедный рыцарь Елены Гуро» и «Tertium Organum» П.Д. Успенского / В. Гехтман // Труды по русской и славянской филологии. Литературоведение. Вып. 1 (Новая серия). – Тарту, 1994. – С. 156–157.
178. Гинзбург Л.Я. О лирике / Л.Я. Гинзбург. – М.: Интрада, 1997. – 415 с.
179. Гиппиус В.В. Александр Добролюбов / В.В. Гиппиус // Русская литература XX века. 1890–1910 г. / под ред. С.А. Венгерова, послесл. А.Н. Николюкина. – М.: Республика, 2004. – С. 163–172.
180. Гиппиус З.Н. Об Александре Добролюбове / З.Н. Гиппиус // Воспоминания о серебряном веке / сост., авт. предисл. и коммент. В. Крейд. – М.: Республика, 1993. – С. 19–20.

181. Гладкова О.В. Притча / О.В. Гладкова // Литературная энциклопедия терминов и понятий / Под ред. А.Н. Николюкина. – М.: НПК «Интелвак», 2001. – С. 808–809.
182. Глухова Е.В. Добролюбов А.М. / Е.В. Глухова // Русская литература конца XIX – начала XX века: библиографический указатель. – М.: ИМЛИ РАН, 2010. – С. 537–540.
183. Глухова Е.В. Андрей Белый — Вячеслав Иванов: концепция духовного пути / Е.В. Глухова // Башня Вячеслава Иванова и культура Серебряного века. – СПб., 2006. – С. 100–132.
184. Грицкевич В.П. Теория и история источниковедения / В.П. Грицкевич, С.Б. Каун, С.Н. Ходин. – Миск: БГУ, 2000. – 220 с.
185. Гришунин А.Л. Исследовательские аспекты текстологии / А.Л. Гришунин. – М.: Наследие, 1998. – 416 с.
186. Гунин И.А. А.М. Добролюбов в 1890-е годы. Жизнь и творчество в контексте раннего русского символизма: дис. ... канд. филол. наук / И.А. Гунин. – Нижний Новгород, 2009. – 289 с.
187. Гуревич Л.Я. История «Северного вестника» / Л.Я. Гуревич // Русская литература XX века. 1890–1910 г. / под ред. С.А. Венгерова, послесл. А.Н. Николюкина. – М.: Республика, 2004. – С. 141–159.
188. Данилевский И.Н. Историческая текстология / И.Н. Данилевский. – М.: Издат. дом Высшей школы экономики, 2018. – 556 с.
189. Добротворский И.М. Люди Божии. Русская секта так называемых духовных христиан / Исслед. э. проф. церков. истории в Казан. ун-те И. Добротворского. – Казань: Унив. тип., 1869. – 200 с.
190. Дурылин С.Н. В своем углу: из старых тетрадей / С.Н. Дурылин; Вступ. ст. Г.Е. Померанцевой; сост. и примеч. Е.И. Любушкиной. – М.: Московский рабочий, 1991. – 334 с.
191. Дурылин С.Н. В своем углу: к 120-летию С.Н. Дурылина, 1886–1954 / С.Н. Дурылин. – М.: Молодая гвардия, 2006. – 878 с.
192. Дурылин С.Н. Александр Добролюбов / С.Н. Дурылин // Дурылин С. Н. Статьи и исследования 1900–1920 годов / Сост., вступ. статья и коммент. А.И. Резниченко, Т.Н. Резвых. – СПб.: Владимир Даль, 2014. – С. 685–735.
193. Дурылин С.Н. Рихард Вагнер и Россия. Вагнер о будущих путях искусства / С.Н. Дурылин // Дурылин С. Н. Статьи и исследования 1900–1920 годов / Сост., вступ. статья и коммент. А.И. Резниченко, Т.Н. Резвых. – СПб.: Владимир Даль, 2014. – С. 70–106.

194. Дурылин С.Н. Церковь невидимого града. Сказание о Граде Китеже / С.Н. Дурылин // Дурылин С. Н. Статьи и исследования 1900–1920 годов / Сост., вступ. статья и коммент. А.И. Резниченко, Т.Н. Резвых. – СПб.: Владимир Даль, 2014. – С. 107–139.
195. Дымов О. Александр Михайлович Добролюбов / О. Дымов // Воспоминания о серебряном веке / Сост., авт. предисл. и коммент. В. Крейд. – М.: Республика, 1993. – С. 21–23.
196. Еремина В.И. Поэтический строй русской народной лирики / В.И. Еремина. – Л.: Наука, 1978. – 184 с.
197. Животные рядом со святыми / авт.-сост. прот. Константин Буфеев. – М.: Изд-во НП МПЦ «Шестодневъ», 2012. – 308 с.
198. Жирмунский В.М. Немецкий романтизм и современная мистика / В.М. Жирмунский. – СПб.: Тип. А.С. Суворина, 1914. – 210 с.
199. Земсков В., Хомчук Н. Есенин и Ширяевец / В.Земсков, Н. Хомчук // Русская литература. – 1962. – № 3. – С. 169–187.
200. Иванов Вяч.И. Две стихии в современном символизме / В.И. Иванов // По звездам. Статьи и афоризмы. – СПб.: Оры, 1909. – С. 247–297.
201. Иванов Вяч.И. Копье Афины / В.И. Иванов // По звездам. Статьи и афоризмы. – СПб.: Оры, 1909. – С. 43–53.
202. Иванов Вяч.И. Кризис индивидуализма / В.И. Иванов // По звездам. Статьи и афоризмы. – СПб.: Оры, 1909. – С. 86–102.
203. Иванов Вяч.И. О веселом ремесле и умном веселии / В.И. Иванов // По звездам. Статьи и афоризмы. – СПб.: Оры, 1909. – С. 220–246.
204. Иванов Вяч.И. Поэт и чернь / В.И. Иванов // По звездам. Статьи и афоризмы. – СПб.: Оры, 1909. – С. 33–42.
205. Иванов Вяч.И. Символика эстетических начал / В.И. Иванов // По звездам. Статьи и афоризмы. – СПб.: Оры, 1909. – С. 21–32.
206. Иванов Вяч.И. Заветы символизма / В.И. Иванов // От символизма до «Октября» / сост. Н.Л. Бродский и Н.П. Сидоров. – М.: Новая Москва, 1924. – С. 75–80.
207. Иванов Вяч.И. Мысли о символизме / В.И. Иванов // От символизма до «Октября» / сост. Н.Л. Бродский и Н.П. Сидоров. – М.: Новая Москва, 1924. – С. 80–85.
208. Иванов Г.В. Стихотворения. Третий Рим. Петербургские зимы. Китайские тени / Г.В. Иванов; сост., послесл., коммент. Н.А. Богомолова. – М.: Книга, 1989. – 574 с.
209. Иванова Е.В. Один из «темных» визитеров / Е.В. Иванова // Прометей. – Вып. 12. – М.: Молодая гвардия, 1980. – С. 303–313.

210. Иванова Е.В. Валерий Брюсов и Александр Добролюбов / Е.В. Иванова // Известия АН СССР. Серия лит. и языка. – М.: Наука, 1981. – Т. 40. – № 3. – С. 255–265.
211. Иванова Е.В. М. Горький и Б.В. Бер / Е.В. Иванова // Горьковские чтения 1984. Материалы конференции «М. Горький и литература XX столетия». – Горький: Волго-Вят. кн. изд-во, 1984. – С. 168–172.
212. Иванова Е.В. Горький и Б.В. Бер / Е.В. Иванова // Горький и его эпоха: Исследования и материалы / АН СССР Ин-т мировой лит. им. А.М. Горького. Вып. 1 / отв. ред. В.А. Бялик. – М.: Наука, 1989. – С. 109–119.
213. Иванова Е.В. Блок в кружке изящной словесности Б.В. Никольского / Е.В. Иванова // Александр Блок. Исследования и материалы / АН СССР, ИРЛИ; отв. ред. Ю.К. Герасимов. – Л.: Наука, 1991. – С. 198–212.
214. Иванова Е.В. Добролюбов Александр Михайлович / Е.В. Иванова // Русские писатели 1800–1917: Биографический словарь. – М., 1992. – Т. 2. – С. 133–135.
215. Иванова Е.В. Неизвестный отзыв о стихах Александра Добролюбова / Е.В. Иванова // «Быть знаменитым некрасиво...»: Пастернаковские чтения. Вып. 1. – М.: Наследие, 1992. – С. 197–202.
216. Иванова Е.В. Александр Добролюбов — загадка своего времени / Е.В. Иванова // Новое литературное обозрение. – № 27. – 1997. – С. 191–236.
217. Иванова Е.В. Слово и музыка в эстетике Александра Добролюбова / Е.В. Иванова // Слово и музыка. Материалы научных конференций памяти А.В. Михайлова. Вып. 2. – М.: Научно-издательский центр «Московская консерватория», 2008. – С. 104–108.
218. Иванов-Разумник Р.В. Русская литература XX в. (1890–1915 гг.) / Р.В. Иванов-Разумник. – Петроград: КОЛОС, 1920. – 38 с.
219. Иезуитова Р.В. Литература второй половины 1820–1830-х годов и фольклор / Р.В. Иезуитова // Русская литература и фольклор / Ред. коллегия: чл.-кор. АН СССР В. Г. Базанов (отв. ред.); АН СССР. Ин-т рус. литературы (Пушкинский дом). – Л.: Наука, 1976. – С. 85–142.
220. Ильюнина Л.А. Московская ассоциация по изучению творчества А. Блока / Л.А. Ильюнина // Александр Блок. Исследования и материалы. – Л.: Наука, 1991. – С. 213–217.
221. Инникова С.А. Тамбовские духоборцы в 60-е годы XVII века / С.А. Инникова // Вестник Тамбовского университета. Серия: Гуманитарные науки. – 1997. – № 1. – С. 39–53.
222. История русской словесности / Сост. А. Галахов. 4-е изд. – СПб.: тип. Глазунова, 1886. – 252 с.

223. Исупов К.Г. Франциск из Ассизи в памяти русской культуры / К.Г. Исупов // Русская философская культура. – СПб.: Университетская книга, 2010. – С. 370–389.
224. Каган М.Д. Голубиная книга / М.Д. Каган // Словарь книжников и книжности Древней Руси. XVII в. / Отв. ред. Д.С. Лихачев. – СПб.: Дмитрий Буланин, 1992. – Ч. 1. – С. 216–219.
225. Каменская А. Теософия и ее веяние в России / А. Каменская // Вестник теософии. – 1911. – № 1. – С. 1–11.
226. Келдыш В.А. Связь времен. Проблемы преемственности в русской литературе конца XIX – начала XX в. / В.А. Келдыш. – М.: Наследие, 1992. – 376 с.
227. Келдыш В.А. О «серебряном веке» русской литературы: Общие закономерности. Проблемы прозы / В.А. Келдыш. – М.: ИМЛИ РАН, 2010. – 512 с.
228. Кирпичников А.И. Духовные песни (стихи). Легенды / А.И. Кирпичников // Галахов А. История русской словесности древней и новой. Т. 1. – Москва: Тип. М.Г. Волчанинова, 1894. – С. 194–281.
229. Книжник И. Цветочки святого Франциска Ассизского. Перевод А.П. Печковского. Со вступительной статьей С.Н. Дурылина. М.: Мусагет, 1913 / И. Книжник // Русская мысль. – 1913. – № 12. – С. 459–460.
230. Кобринский А.А. Разговор через мертвое пространство: Александр Добролюбов в конце 1930-х – начале 1940-х годов / А.А. Кобринский // Вопросы литературы. – 2004. – № 4. – С. 198–217.
231. Кобринский А.А. Приложение. Псалмы «добролюбовцев» / А.А. Кобринский // Ранние символисты: Н. Минский, А. Добролюбов. Стихотворения и поэмы / Вступ. ст., подг. текста, состав, примеч. А. Кобринского и С. Сапожкова (Новая Библиотека поэта). – СПб.: Академический проект, 2005. – С. 571–582.
232. Кобринский А.А. Приложение. Псалмы из архива С.Н. Дурылина / А.А. Кобринский // Ранние символисты: Н. Минский, А. Добролюбов. Стихотворения и поэмы / Вступ. ст., подг. текста, состав, примеч. А. Кобринского и С. Сапожкова (Новая Библиотека поэта). – СПб., 2005. – С. 583–604.
233. Кобринский А.А. Примечания / А.А. Кобринский // Ранние символисты: Н. Минский, А. Добролюбов. Стихотворения и поэмы / Вступ. ст., подг. текста, состав, примеч. А. Кобринского и С. Сапожкова (Новая Библиотека поэта). – СПб.: Академический проект, 2005. – С. 605–659.
234. Кобринский А.А. Александр Добролюбов в романе Георгия Чулкова «Сережа Нестроев» / А.А. Кобринский // Озерная школа: труды пятой Международной летней школы на Карельском перешейке по русской литературе. – СПб., 2009. – С. 43–50.

235. Кобринский А.А. Владимир Гиппиус: правда и поза / А.А. Кобринский // Вячеслав Иванов. Исследования и материалы. Вып. 1. – СПб.: Изд-во Пушкинского Дома, 2010. – С. 549–561.
236. Кобринский А.А. Неопубликованные воспоминания Ирины Святловской об Александре Добролюбе / А.А. Кобринский // Вестник Череповецкого государственного университета. – 2015. – № 4 (65). – С. 84–87.
237. Кобринский А.А. Неизвестное письмо А.М. Добролюбова П.П. Чистякову / А.А. Кобринский // Русская литература. – 2018. – № 3. – С. 181–186.
238. Козьменко М.В. Мир и герой Алексея Ремизова (к проблеме взаимосвязи мировоззрения и поэтики писателя) / М.В. Козьменко // Филологические науки. – 1982. – № 1. – С. 24–29.
239. Козьменко М.В. Алексей Ремизов / М.В. Козьменко // Русская литература рубежа веков (1890-е – начало 1920-х годов). – М.: ИМЛИ РАН, «Наследие», 2001. Кн. 2. – С. 340–380.
240. Колобаева Л.А. Русский символизм / Л.А. Колобаева. – М.: Изд-во Моск. ун-та, 2000. – 294 с.
241. Коневской И.И. К исследованию личности Александра Добролюбова / И.И. Коневской // Добролюбов А.М. Собрание стихов. – М.: Скорпион, 1900. – С. 3–7.
242. Коневской И.И. Об отпевании новой русской поэзии / И.И. Коневской // Критика русского символизма: В 2 т. Т. 1 / Сост., вступ. ст., преамбулы и примеч. Н.А. Богомолова. – М.: АСТ: Олимп, 2002. (Библиотека русской критики). – С. 268–317.
243. Кремнев Б. <Чулков Г.> Александр Добролюбов. Из книги невидимой. М., 1905; Александр Добролюбов. Собрание стихов. М., 1900 / Б. Кремнев // Вопросы жизни. – 1905. – № 6. – С. 242–248.
244. Коновалов Д.Г. Религиозный экстаз в русском мистическом сектантстве. Ч. 1. Вып. 1. Физические явления в картине сектантского экстаза / Д.Г. Коновалов. – Сергиев Посад: Тип. Св-Тр. Сергиевой лавры, 1908. – 257 с.
245. Коробова А.В. Эпические духовные стихи о Страшном Суде: Фольклор. трансформация источников: лит., литург. и иконогр.: диссертация ... кандидата филологических наук: 10.01.09 / А.В. Коробова. – М., 1997. – 174 с.
246. Котляревский С.А. Францисканский орден и римская курия в XIII–XIV веках / С.А. Котляревский. – М.: т-во скоропеч. А.А. Левенсон, 1901. – 389 с.
247. Круглов Ю.Г. Русские обрядовые песни. 2-е изд., испр. и доп. / Ю.Г. Круглов. – М.: Высш. шк., 1989. – 320 с.

248. Кувакин В.А. Религиозная философия в России: Нач. XX века / В.А. Кувакин. – М.: Мысль, 1980. – 309 с.
249. Кузнецова Е.В. Традиции францисканства и странничества в судьбе и творчестве А. Добролюбова / Е.В. Кузнецова // Верхневолжский филологический вестник. – 2021. – № 2 (25). – С. 19–30.
250. Кукулин И.В. Машины зашумевшего времени: как советский монтаж стал методом неофициальной культуры / И.В. Кукулин. – М.: Новое литературное обозрение. – 2015. – 536 с.
251. Куликовский Г.И. Словарь областного олонецкого наречия в его бытовом и этнографическом применении / Собрал на месте и составил Герман Куликовский. – СПб.: Отд. рус. яз. и словесности Имп. Акад. наук, 1898. – 151 с.
252. Курциус Э.Р. Книга как символ / Э.Р. Курциус // Европейская литература и латинское Средневековье. Т. 1. / Пер., комент., Д.С. Колчигина / Под ред. Ф.Б. Успенского. 2-е изд. – М.: Издательский Дом ЯСК, 2021. – С. 440–496.
253. Кутепов К.В. Секты хлыстов и скопцов / К.В. Кутепов. – Казань: Тип. Имп. ун-та, 1882. – 576 с.
254. Лавров А.В. Мифотворчество «аргонавтов» / А.В. Лавров // Миф — фольклор — литература / АН СССР, ИРЛИ; отв. ред. В.Г. Базанов. – Л.: Наука, 1978. – С. 137–170.
255. Лавров А.В. «Собрание стихотворений» — книга из архива Андрея Белого / А.В. Лавров // Лавров А. В. Андрей Белый. Разыскания и этюды. – М., 2007. – С. 70–88.
256. Лавров А.В. Леонид Семенов — корреспондент Андрея Белого / А.В. Лавров // Символисты и другие. Статьи. Разыскания. Публикации. – М.: Новое литературное обозрение, 2015. – С. 426–446.
257. Лавров А.В. Символисты и другие: Статьи. Разыскания. Публикации / А.В. Лавров. – М.: Новое литературное обозрение, 2015. – 768 с.
258. Лазутин С.Г. Поэтика русского фольклора / С.Г. Лазутин. – М.: Высш. школа, 1981. – 221 с.
259. Лейбов Р. «Лирический фрагмент» Тютчева: жанр и контекст / Р. Лейбов. – Тарту: Tartu Ülikooli Kirjastus, 2000. – 139 с.
260. Лекманов О.А. Книга стихов как «большая форма» в русской поэтической культуре начала XX века. О.Э. Мандельштам. «Камень» (1913): Автореф. дис.... канд. филологических наук / О.А. Лекманов. – М., 1995. – 16 с.*

* 18+ О.А. Лекманов признан Минюстом РФ иностранным агентом.

261. Лекманов О.А. Книга стихов как «большая форма» в русской поэтической культуре серебряного века / О.А. Лекманов // Самое главное: о русской литературе XX века. – М.: Роузбад Интерэктив, 2017. – С. 37–53.*
262. Ливанов Ф.В. Раскольники и острожники / Ф.В. Ливанов. – СПб.: Тип. М. Хана, 1872. Т. 3. – 626 с.
263. Лирическая книга в современной научной рецепции: коллективная монография / под ред. О.В. Мирошниковой. – Омск: ОмГПУ, 2008. – 257 с.
264. Литературная энциклопедия терминов и понятий / Под ред. А.Н. Николюкина. – М.: НПК «Интелвак», 2001. – 1600 с.
265. Литературное наследство / Отв. редактор П.И. Лебедев-Полянский; Зав. ред. И.С. Зильберштейн; Зам. ред. М.Б. Храпченко; Т. 27–28: Символизм. Серебряный век. – М.: Жур.-газ. объединение, 1937. – 693 с.
266. Литературное наследство. Т. 85: Валерий Брюсов / АН СССР Ин-т мировой лит. им. А. М. Горького; Ред. А.Н. Дубовиков и Н.А. Трифонов; Ред. и сост. при участии Т.Г. Динесман. – М.: Наука, 1976. – 854 с.
267. Литературное наследство. Том 92: Александр Блок: Новые материалы и исследования. Кн. 4 / АН СССР Ин-т мировой лит. им. А. М. Горького; Отв. ред. И.С. Зильберштейн и Л.М. Розенблюм. – М.: Наука, 1987. – 781 с.
268. Литературно-эстетические концепции в России конца XIX – начала XX века / Б.А. Бялик, В.А. Келдыш, М.Г. Петрова и др.; Отв. ред. Б.А. Бялик. АН СССР Институт мировой литературы им. А.М. Горького. – М.: Наука, 1975. – 416 с.
269. Лихачев Д.С. Сергей Радонежский и Франциск Ассизский / Д.С. Лихачев // Наука и религия. – 1992. – № 1. – С. 8–10.
270. Лихачев Д.С. Текстология: на материале рус. лит. X–XVII вв. / Д.С. Лихачев при участии А.А. Алексеева и А.Г. Боброва. 3 изд., перераб. и доп. – СПб.: Алтейя, 2001. – 758 с.
271. Лосев А.Ф. Диалектика мифа / А.Ф. Лосев. – М.: Академический проект, 2008. – 303 с.
272. Лотман Ю.М. Декабрист в повседневной жизни (Бытовое поведение как историко-психологическая категория) / Ю.М. Лотман // Литературное наследие декабристов. – Л., 1975. – С. 26–77.
273. Лотман Ю.М. Текст в тексте / Ю.М. Лотман // Труды по знаковым системам. Текст в тексте. Т. 14. (Ученые записки Тартуского гос. ун-та. Вып. 567). – 1981. – С. 3–18.

* 18+ О.А. Лекманов признан Минюстом РФ иностранным агентом.

274. Лотман Ю.М., Успенский Б.А. Миф — имя — культура / Ю.М. Лотман // Избранные статьи в 3 т. Т. 1. Статьи по семиотике и топологии культуры. — Таллин: Александра, 1992. — С. 58–75.
275. Лотман Ю.М. Поэтика бытового поведения в русской культуре XVIII в. / Ю.М. Лотман // История и типология русской культуры. — СПб.: «Искусство-СПБ», 2002. — С. 233–254.
276. Лурье Я.С. Беседа трех святителей / Я.С. Лурье // Словарь книжников и книжности Древней Руси. Вторая половина XIV–XVI в. — Л.: Наука, 1988. Ч. 1. Вып. 2. — С. 89–93.
277. Львов В. <Рогачевский В.Л.> Александр Добролюбов. Из книги невидимой / В. Львов // Образование. — СПб.: Тип. Б.М. Вольфа, 1905. — № 8. — С. 91–94.
278. Магомедова Д.М. Александр Блок «Нечаянная радость» (Источники заглавия и структура сборника) / Д.М. Магомедова // А. Блок и основные тенденции развития литературы начала XX века: Блоковский сборник VII. — Тарту. — 1986. — С. 48–61.
279. Магомедова Д.М. Автобиографический миф в творчестве А. Блока / Д.М. Магомедова. — М.: Мартин, 1997. — 224 с.
280. Магомедова Д. М. О жанровом принципе циклизации «книги стихов» на рубеже XIX–XX вв. / Д.М. Магомедова // Европейский лирический цикл: Историческое и сравнительное изучение / Материалы международной научной конференции, Москва-Переделкино, 15–17 ноября 2001 г. — М., 2003. — С. 183–196.
281. Максимов Д.Е. Идея пути в поэтическом сознании Ал. Блока / Д.Е. Максимов // Максимов Д.Е. Поэзия и проза Ал. Блока. — Л.: Сов. писатель. Ленингр. отд-ние., 1975. — С. 6–143
282. Максимов Д.Е. Идея пути в поэтическом мире Ал. Блока / Д.Е. Максимов // Поэзия и проза Александра Блока. — Л.: Советский писатель, 1981. — С. 6–151.
283. Маслов А.Л. Калики переходящие на Руси и их напевы: Ист. справка и мелодико-технический анализ (1905 г.) / А.Л. Маслов // Русская мысль о музыкальном фольклоре: Материалы и документы / вст. ст., сост. и коммент. П.А. Вульфиуса. — М.: Музыка, 1979 б. — С. 279–290.
284. Матюшин М. Русские кубофутуристы / М. Матюшин // Русский футуризм: Стихи. Статьи. Воспоминания / Сост. В.Н. Терёхина, А. П. Зименков. — СПб.: ООО «Полиграф», 2009. — С. 483–508.
285. Махов А.Е. Фрагмент / А.Е. Махов // Литературная энциклопедия терминов и понятий / Под ред. А.Н. Николюкина. — М.: НПК «Интелвак», 2001. — С. 1152–1153.
286. Махов А.Е. Реальность романтизма. Очерки духовного быта Европы на рубеже XVIII–XIX веков / А.Е. Махов. — Тула: Аквариус, 2017. — 305 с.

287. М. Добролюбова. Отрывки из дневника и писем / Публикация С. Бураго // Collegium, Киев. – 1993. – № 1. – С. 118–131.
288. Мелетинский Е.М. Поэтика мифа / Е.М. Мелетинский. 4-е изд., репр. – М.: Вост. лит., 2006. – 406 с.
289. Мельников П.И. Белые голуби // П.И. Мельников. Полн. собр. соч. – СПб.: Тип. Т-ва М.О. Вольфа, 1909. – Т. VI. – С. 203–278.
290. Мельников П.И. Тайные секты// П.И. Мельников. Полн. собр. соч. – СПб.: Тип. Т-ва М.О. Вольфа, 1909. – Т. VI. – С. 279–353.
291. Мельникова Е.А. «Воображаемая книга»: очерки по истории фольклора о книгах и чтении в России / Е.А. Мельникова. – СПб.: Изд-во Европейского ун-та в Санкт-Петербурге, 2011. – 182 с.
292. Мин Н. <Минский Н.М.> Обращенный эстет / Н. Мин // Рассвет. – 1905. – № 82. – 31 мая.
293. Минц З.Г. О некоторых «неомифологических» текстах в творчестве русских символистов / З.Г. Минц // Блоковский сборник III. Творчество А.А.Блока и русская культура XX века. – Тарту, 1979. – С. 76–120.
294. Минц З.Г. «Забытая цитата» в поэтике русского постсимволизма / З.Г. Минц // Поэтика русского символизма. – СПб.: Искусство-СПБ, 2004. – С. 327–338.
295. Минц З.Г. К изучению периода «кризиса символизма» (1907–1910) / З.Г. Минц // Поэтика русского символизма. – СПб.: Искусство-СПБ, 2004. – С. 207–223.
296. Минц З.Г. Об эволюции русского символизма. К постановке вопроса: тезисы / З.Г. Минц // Поэтика русского символизма. – СПб.: Искусство-СПБ, 2004. – С. 175–189.
297. Минц З.Г. Понятие текста и символистская эстетика / З.Г. Минц // Поэтика русского символизма. – СПб.: Искусство-СПБ, 2004. – С. 97–102.
298. Мирошникова О.В. Итоговая книга в поэзии последней трети XIX века: архитектура и жанровая динамика / О.В. Мирошникова. – Омск: ОмГУ, 2004. – 339 с.
299. Молочников В.А. Свет и тени. Воспоминания о моем приближении к Толстому / В.А. Молочников // Толстой и о Толстом: Новые материалы / Главная наука Наркомпроса; Труды Толстовского музея. – М., 1927. – Сб. 3. – С. 55–128.
300. Мочульский В.Н. Историко-литературный анализ стиха о Голубиной книге. Исследование / В.Н. Мочульский. – Варшава: В тип. Михаила Земкевича, 1887. – 256 с.
301. Мочульский К.В. Александр Добролюбов / К.В. Мочульский // Новый журнал. – Нью-Йорк, 1953. – № 32. – С. 137–148.

302. Мурашова Н.С. Историография термина «Духовный стих» / Н.С. Мурашова // Известия ПГУ им. В.Г. Белинского. – 2012. – № 27. – С. 338–342.
303. Мурашова Н.С. Терминологические вариации понятия «Духовный стих» в исполнительской среде / Н.С. Мурашова // Знание. Понимание. Умение. – 2013. – № 2. – С. 194–199.
304. Мурашова Н.С. Принципы систематизации духовных стихов / Н.С. Мурашова // Вестник Челябинской государственной академии культуры и искусств. – 2015. – № 3 (43). – С. 69–76.
305. Мурашова Н.С. Методологические подходы к изучению старообрядческого духовного стиха / Н.С. Мурашова // Вестник славянских культур. – 2016. – № 4. – С. 71–84.
306. Мурашова Н.С. Старообрядческий духовный стих в контексте культурно-исторической эволюции внебогослужебного духовного пения: дис. ... доктора культурологи / Н.С. Мурашова. – Новосибирск, 2020. 418 с.
307. Мяло К.Г. Космогонические образы мира: между Западом и Востоком / К.Г. Мяло // Культура, человек и картина мира. – М., 1987. – С. 227–261.
308. Неизвестные письма Александра Добролюбова 1930-х годов / Публ. А. Кобринского // На рубеже двух столетий: сборник в честь 60-летия Александра Васильевича Лаврова. – М.: Новое литературное обозрение, 2009. – С. 317–323.
309. Неклюдов С.Ю. Движение и дорога в фольклоре / С.Ю. Неклюдов // Die Welt der Slaven. – 2007. – Т. 52. – № 2. – С. 206–222.
310. Нива Ж. Русский символизм / Ж. Нива // История русской литературы. XX век. Серебряный век. – М.: Прогресс-Литера, 1995. – С. 73–106.
311. Никитина С.Е. Устная народная культура и языковое сознание / С.Е. Никитина; РАН, Ин-т языкознания. – М.: Наука, 1993. – 187 с.
312. Никольская Т.Н. Тема мистического сектантства в русской поэзии 1920-х годов / Т.Н. Никольская // Авангард и окрестности. – СПб.: Изд-во Ивана Лимбаха, 2002. – С. 161–172.
313. Обзор преподавания наук в императорском С.-Петербургском университете на осеннее и весеннее полугодия 1895–1896 года. – СПб.: Типо-литография Б.М. Вольфа, 1895. – 127 с.
314. Обзор преподавания наук в императорском С.-Петербургском университете на осеннее и весеннее полугодия 1896–1897 года. – СПб.: Типо-литография Б.М. Вольфа, 1896. – 135 с.

315. Обзорение преподавания наук в императорском С.-Петербургском университете на осеннее и весеннее полугодия 1897–1898 года. – СПб.: Типо-литография Б.М. Вольфа, 1897. – 142 с.
316. Образы св. Франциска в России. Антология. – СПб.: Центр гуманитарных инициатив, 2024. – 798 с.
317. Орлицкий Ю.Б. Традиции духовного стиха в русской литературе Серебряного века / Ю.Б. Орлицкий // Христианское миссионерство как феномен истории и культуры. – Пермь, 1997. – Т. 2. – С. 204–223.
318. Орлицкий Ю.Б. На грани стиха и прозы (русское версе) / Ю.Б. Орлицкий // Арион. – 1999. – № 1. – С. 40–50.
319. Орлицкий Ю.Б. Стих и проза в русской литературе / Ю.Б. Орлицкий. – М.: РГГУ, 2002. – 680 с.
320. Орлицкий Ю.Б. Динамика стиха и прозы в русской словесности / Ю.Б. Орлицкий. – М.: РГГУ, 2008. – 845 с.
321. Пайман А. История русского символизма / А. Пайман; Пер. с англ. В.В. Исакович. – М.: Республика: Лаком-Кн., 1998. – 413 с.
322. Панченко А.А. Исследования в области народного православия. Деревенские святыни Северо-Запада России / А.А. Панченко. – СПб: Алетейя, 1998. – 319 с.
323. Панченко А.А. Христовщина и скопчество: фольклор и традиционная культура русских мистических сект / А.А. Панченко. – М.: ОГИ, 2004. – 541 с.
324. Паперный В. Поэтика русского символизма / В. Паперный // Андрей Белый. Публикации. Исследования. – М.: ИМЛИ РАН, 2002. – С. 152–168.
325. Петрова С.А. «Поэтическая философия» Александра Добролюбова / С.А. Петрова // Русская литература. – 2007. – № 4. – С. 139–142.
326. Петрова С.А. Поэзия Александра Добролюбова (к проблеме творческой индивидуальности): дис. ... канд. филол. наук / С.А. Петрова. – СПб., 2008. – 199 с.
327. Пигин А.В. Видения потустороннего мира в рукописной традиции XVIII–XX вв. / А.В. Пигин // Труды Отдела древнерусской литературы. – СПб., 1997. – Т. 50. – С. 551–557.
328. Пигин А.В. Видения потустороннего мира в русской рукописной книжности / А.В. Пигин. – СПб.: Дмитрий Буланин, 2006. – 430 с.
329. Пименова Э.К. Франциск Ассизский. Его жизнь и общественная деятельность / Э.К. Пименова. – СПб.: Ф. Павленков, 1896. – 77 с.
330. Плотин. О познающих Ипостасях и о том, что по ту сторону / Плотин // Пятая Эннеада. – СПб.: Изд-во Олега Абышко, 2005. – С. 59–100.

331. Плотин. О том, что умопостигаемые вне сущие не вне Ума, и о благе / Плотин // Пятая Эннеада. – СПб.: Изд-во Олега Абышко, 2005. – С. 136–164.
332. Плюханова М.Б. О национальных средствах самоопределения личности: самосакрализация, самосожжение, плавание на корабле / М.Б. Плюханова // Из истории русской культуры. Т. III (XVII – начало XVIII века). – М.: Школа «Языки русской культуры», 1996. – С. 380–459.
333. Полонский В.В. Мифопоэтика и динамика жанра в русской литературе конца XIX – начала XX века / В.В. Полонский. – М.: Наука, 2008. – 288 с.
334. Полонский В.В. Между традицией и модернизмом. Русская литература рубежа XX–XXI веков: история, поэтика, контекст / В.В. Полонский. – М.: ИМЛИ РАН, 2011. – 471 с.
335. Потебня А.А. 1. О некоторых символах в славянской народной поэзии; 2. О связи некоторых представлений в языке; 3. О Купальских огнях и сродных с ними представлениях; 4. О доле и сродных с нею существах. / А.А. Потебня. – 2-е изд. – Харьков: Изд. М.В. Потебня, 1914. – 243 с.
336. Поэтика: словарь актуальных терминов и понятий / гл. науч. ред. Н.Д. Тамарченко. – М.: Изд-во Кулагиной, Intrada, 2008. – 358 с.
337. Поярков Н. Ал. Добролюбов / Н. Поярков // Поэты наших дней (критические этюды). – М.: Тип. И.Н. Холчев и К°, 1907. – С. 8–19.
338. Правдина И.С. Формирование лирической трилогии / И.С. Правдина // Александр Блок. Новые материалы и исследования. Кн. 4. Литературное наследство. Т. 92. – М., 1987. – С. 620–635.
339. Пропп В.Я. Морфология (волшебной) сказки. Исторические корни волшебной сказки / В.Я. Пропп; коммент. Е.М. Мелетинского, А.Ф. Рафаевой; сост., науч. ред., текстол. коммент. И.В. Пешкова. – М.: Лабиринт, 1998. – 511 с.
340. Прохоров Е.И. Атрибуция / Е.И. Прохоров // Литературная энциклопедия терминов и понятий / Под ред. А.Н. Николюкина. – М.: НПК «Интелвак», 2001. – С. 63.
341. Пругавин А.С. Раскол вверху: Очерки религиозных исканий в привилегированной среде / А.С. Пругавин. – СПб.: Общественная польза, 1909. – 266 с.
342. Пругавин А.С. А.М. Добролюбов и его последователи (Декадент-сектант. Молчальники. Подвижники) / А.С. Пругавин // Неприемлющие мира. Очерки религиозных исканий. М.: Задруга, 1918. С. 143–180.
343. Рейсер С.А. Основы текстологии / С.А. Рейсер. – Изд. 2-е. – Л.: Просвещение, 1978. – 176 с.

344. Рис-Дэвидс Т.У. Вступительная статья / Т.У. Рис-Дэвис // Буддийские сутты / В пер. с пали проф. Рис-Дэвидса, с примеч. и вступ. ст.; Рус. пер. и предисл. Н.И. Герасимова. – М.: Тип. т-ва И.Н. Кушнерев и К°, 1900. – С. 59–86.
345. Робинсон А.Н. Аввакум и Епифаний. К истории общения двух писателей / А.Н. Робинсон // Труды отдела древнерусской литературы. – М., Л.: АН СССР, 1958. – С. 391–403.
346. Рождественский Т.С. Объяснительный словарь / Т.С. Рождественский // Песни русских сектантов мистиков: сб., сост. Т.С. Рождественским и М. И. Успенским. – СПб.: Тип. П.П. Сойкина, 1912. – С. 11–55.
347. Розанов В.В. Апокалипсическая секта: (хлысты и скопцы) / В.В. Розанов. – СПб.: Тип. Ф. Вайсберга и П. Гершунина, 1914. – 207 с.
348. Русская лирика: маленькая антология от Ломоносова до Пастернака / Сост. Д. Святополк-Мирский; вступ. ст. Г.П. Струве. – New York: Russica publ., 1979. – 211 с.
349. Рыбников П.Н. Объяснение непонятных и областных слов, встречающихся в сборнике / П.Н. Рыбников // Песни, собранные П.Н. Рыбниковым: Ч. 1–4. – М.: Тип. А. Семена, 1864. Ч. 3.
350. Рыкунина Ю.А. Два письма Вл.В. Гиппиуса А.М. Добролюбову 1898 года / Ю.А. Рыкунина // Русская литература. – 2015. – № 2. – С. 187–192.
351. Рыкунина Ю.А. «Вы всегда шли от жизни к Богу»: из черновых записей Владимира Гиппиуса / Ю.А. Рыкунина // Литературный факт. – 2017. – № 4. – С. 202–207.
352. Рыкунина Ю.А. К биографии Владимира Гиппиуса / Ю.А. Рыкунина // Литературный факт. – 2020. – № 1 (15). – С. 193–212.
353. Сабатье П. Жизнь Франциска Ассизского / П. Сабатье; Пер. с фр. – М.: Посредник, 1895. – 354 с.
354. Самарина М.С. Франциск Ассизский и его наследие. От истоков к современности / М.С. Самарина. – СПб.: Изд-во Санкт-Петербургского университета, 2008. – 176 с.
355. Сарычев В.А. Феномен русского модернизма. Религия. Эстетика. Творчество жизни / В.А. Сарычев. – 2-е издание. – М.: ФЛИНТА, 2018. – 702 с.
356. Свешникова Е.П. Франциск Ассизский / Рассказано Е. Свешниковой. – М.: Посредник, 1886. – 36 с.
357. Святловский Г.Е. Добролюбова Мария / Г.Е. Святловский // Русские писатели 1800–1917. Биографический словарь. Т. 2. – М., 1995. – С. 134–135.
358. Святловский Г.Е., Терентьев-Катанский А.П. Добролюбов Александр Михайлович / Г.Е. Святловский // Русские писатели XX века. Библиографический указатель в 2-х тт. Т. 1. – М., 1998. – С. 429–432.

359. Святловский Г.Е. «...Сестра Петербурга»: (Крупицы жизни Марии Добролюбовой) / Г.Е. Святловский. – СПб.: НЦЗДК им. Добролюбовых, 2002. – 112 с.
360. Святловский Г.Е. «...И путь держу на твой магнит»: (Последний поиск по следам Александра Добролюбова) / Г.Е. Святловский // Вопросы литературы. – 2004. – № 4. – С. 198–218.
361. Святополк-Мирский Д.П. История русской литературы с древнейших времен по 1925 год / Д.П. Святополк-Мирский; пер. с англ. Р. Зерновой. – Новосибирск: Свиньин и сыновья, 2005. – 964 с.
362. Селиванов Ф.М. Русские народные духовные стихи / Ф.М. Селиванов. – Йошкар-Ола: Марийский государственный университет, 1995. – 160 с.
363. Серегина Н.С., Никитина С. Е. Духовные стихи / Н.С. Серегина, С.Е. Никитина // Православная энциклопедия. – М.: Церковно-науч. центр «Православная энцикл.», 2007. Т. 16. – С. 424–428.
364. Скоропанова И.С. «Вакуумные» тексты русских неоавангардистов / И.С. Скоропанова // Стих. Проза. Поэтика: Сб. статей в честь 60-летия Ю.Б. Орлицкого. – New York: Ailoros Publishing, 2012. – С. 369–378.
365. Словарь говоров Русского Севера / Ур. гос. ун-т им. А.М. Горького; под ред. А.К. Матвеева. Т. 1–7. – Екатеринбург: Изд-во Ур. ун-та. 2001–2011. – 358 с.
366. Словарь областного вологодского наречия: по рукописи П.А. Дилакторского, 1902 г. / Изд. подгот.: А.И. Левичкин и С.А. Мызников. – СПб.: Наука, 2006. – 677 с.
367. Служаева О.О. Стратегии анонимности художественного высказывания в творчестве Александра Добролюбова // Вестник Волжского университета имени В.Н. Татищева. – 2017. – Т. 2, № 3. – С. 119–131.
368. Служаева О.О. Александр Добролюбов на пути к всевышнему братству, или что значит не быть Львом Толстым // Вопросы литературы. – 2018. – № 2. – С. 127–156.
369. Служаева О.О. Книга как жанр (на материале сборника А.М. Добролюбова «Из книги невидимой») // Litera. – 2020. – № 7. – С. 35–60.
370. Служаева О.О. К вопросу атрибуции духовных песен А.М. Добролюбова // Современное педагогическое образование. – 2024. – № 8. – С. 260–265.
371. Смирнов Вс. Сектантство / Вс. Смирнов // Миссионерское обозрение. – 1915. – № 9. – С. 126–137.
372. Смирнов И.П. Смысл как таковой / И.П. Смирнов. – СПб.: Академический проект, 2001. – 342 с.

373. Смирнова Н.Н. Незавершаемое произведение как теоретико-литературная проблема: на материале фрагментарно-эссеистической прозы в России конца XIX – первой четверти XX вв.: дис. ... доктора филол. наук / Н.Н. Смирнова. – М., 2021. – 331 с.
374. Смирнова Н.Н. Фрагмент и незавершаемое произведение: замысел, чтение / Н.Н. Смирнова. – М.: Канон-плюс, 2023. – 287 с.
375. Соколова В.К. Весенне-летние календарные обряды русских, украинцев и белорусов XIX – начало XX в. / В.К. Соколова. – М.: Наука, 1979. – 293 с.
376. Соловьев В. Оправдание добра / В. Соловьев; Отв. ред. О.А. Платонов. – М.: Институт русской цивилизации, Алгоритм, 2012. – 656 с.
377. Список профессоров и преподавателей историко-филологического факультета имп. бывшего Петербургского, ныне Петроградского университета с 1819 года. – Пг., 1916. – 63 с.
378. Тарасенков А.К. Русские поэты XX в. 1900–1955. Библиография / А.К. Тарасенков. – М.: Сов. писатель., 1966. – 486 с.
379. Тименчик Р.Д. Александр Добролюбов / Р.Д. Тименчик // Родник. – Рига. – 1987. – № 9. – С. 39–40.
380. Титаренко С.Д. От архетипа — к мифу. Башня как символическая форма у Вяч. Иванова и К. Г. Юнга / С.Д. Титаренко // Башня Вячеслава Иванова и культура Серебряного века: сборник статей. – СПб.: Филологич. фак-т СПбГУ, 2006. – С. 235–277.
381. Топорков А.Л. Голубиная книга из грозовой тучи: Небесный стих о том, отчего в мире правды нет / А.Л. Топорков // Родина. – 2001. – № 4. – С. 22–25.
382. Топорков А.Л. Духовные стихи в русской литературе первой трети XX века / А.Л. Топорков // Русская литература. – 2015. – № 1. – С. 5–29.
383. Топоров В.Н. «Голубиная книга» и «К плоти»: состав мира и его распад / В.Н. Топоров // Этнолингвистика текста. Семиотик малых форм фольклора. I. Тезисы и предварительные материалы к симпозиуму. – М.: Институт славяноведения и балканистики АН СССР, 1988. – С. 169–174.
384. Топоров В.Н. Миф. Ритуал. Символ. Образ: Исследования в области мифопоэтического. Избранное / В.Н. Топоров. – М.: Издательская группа «Прогресс»-«Культура», 1995. – 624 с.
385. Тушев А.Н. Л.Н. Толстой и А. М. Добролюбов как критики цивилизации и искусства / А.Н. Тушев // Уч. зап. Казанского ун-та. Сер. Гуманитарные науки. – 2016. – № 1. – С. 183–189.

386. Тынянов Ю.Н. Вопрос о Тютчеве / Ю.Н. Тынянов // Поэтика. История литературы. Кино. – М.: Наука, 1977. – С. 38–54.
387. Федоровская Н.А. Духовный стих в русской культуре: дис. ... доктора искусствоведения / Н.А. Федоровская. – Владивосток, 2010. – 390 с.
388. Федотов Г.П. Стихи духовные (русская народная вера по духовным стихам) / Г.П. Федотов. – М.: Гнозис, 1991. – 192 с.
389. Федотова Н.Ф. Русский примитивизм и духовное христианство / Н.Ф. Федотова // Ученые записки Казанского государственного университета. Серия: Гуманитарные науки. – 2009. – Т. 151. – № 3. – С. 76–82.
390. Федотова Н.Ф. Эстетика примитивизма: религиозный компонент / Н.Ф. Федотова // Вопросы культурологии. – 2009. – № 7. – С. 89–92.
391. Федотова Н.Ф. Франциск Ассизский и Александр Добролюбов, или опрощенство как культурная традиция / Н.Ф. Федотова // Известия высших учебных заведений. Серия: Гуманитарные науки. – 2014. – Т. 5. – № 3. – С. 197–201.
392. Хабермас Ю. Модерн — незавершенный проект / Ю. Хабермас / Вопросы философии. – 1992. – № 4. – С. 40–52.
393. Ханзен-Леве А.А. Русское сектантство и его отражение в литературе русского модернизма / А.А. Ханзен-Леве // Русская литература и религия. – Новосибирск: Наука, 1997. – С. 153–226.
394. Ханзен-Леве А.А. Русский символизм. Система поэтических мотивов. Ранний символизм / А.А. Ханзен-Леве; Пер. с нем. С. Бромерло, А.Ц. Масевича и А.Е. Барзаха. – СПб.: Академический проект, 1999. – 512 с.
395. Ханзен-Леве А.А. Русский символизм. Система поэтических мотивов. Мифопоэтический символизм. Космическая символика / А.А. Ханзен-Леве; Пер. с нем. М. Ю. Некрасова. – СПб.: Академический проект, 2003. – 816 с.
396. Хатямова М.А. Формы литературной саморефлексии в русской прозе первой трети XX века / М.А. Хатямова. – М.: Языки славянской культуры, 2008. – 326 с.
397. Ходасевич В. Русская поэзия: обзор / В. Ходасевич // В. И. Иванов: pro et contra, антология. Т. 1. – СПб.: РХГА, 2016. – С. 291–293.
398. Чулков Г. Александр Добролюбов / Г. Чулков // Покрывало Изида. – М.: Золотое руно, 1909.
399. Чулков Г. Хилая совесть / Г. Чулков // Русские ведомости. – 1918. – № 33. – 10 марта.
- 400.

401. Шахадат Ш. Искусство жизни: Жизнь как предмет эстетического отношения в русской культуре XVI–XX веков / Ш. Шахдат; пер. с нем. А.И. Жеребина. – М.: Новое литературное обозрение, 2017. – 440 с.
402. Шевырев С.П. О первых поэтах Италии, предшествовавших Данту / С.П. Шевырев // Журнал Министерства Народного Просвещения. – 1837. – № 3.
403. Шлегель Ф. Конец статьи «О Лессинге» / Ф. Шлегель // Эстетика. Философия. Критика. Т. 1. – М.: Искусство, 1983. – С. 423–431.
404. Шляпкин И.А. История литературы / И.А. Шляпкин. – СПб.: Лит. Б. Наймана, 1902. – 388 с.
405. Шляпкин И.А. История русской словесности (прогр. унив. курса с подроб. библиогр.) / И.А. Шляпкин. – СПб.: Тип. Б.М. Вольфа, 1913. – 67 с.
406. Щепанская Т.Б. Культура дороги в русской мифоритуальной традиции XIX – XX вв. / Т.Б. Щепанская. – М.: «Индрик», 2003. – 528 с.
407. Эндер З. История рукописи неизданного произведения Елены Гуро «Бедный рыцарь» / З. Эндер // Guro, Elena: Selected Prose and Poetry. – Stockholm. 1988. – P. 111–130.
408. Эткинд А.М. Содом и Психея: Очерки интеллектуальной истории Серебряного века / А.М. Эткинд. – М.: ИЦ-Гарант, 1996. – 413 с.*
409. Эткинд А.М. Хлыст: Секты, литература и революция / А.М. Эткинд. – Изд. 2-е, сокр. – М.: Новое литературное обозрение, 2013. – 644 с.*
410. Grossman J.D. Aleksandr Dobroljubov and the Invisible Book / J.D. Grossman // Добролюбов А. М. Из книги Невидимой. – Berkeley, 1983 (Modern Russian Literature and Culture. Studies and Texts. Vol. 11). – P. 7–25.
411. Grossman J.D. Aleksandr Dobroljubov: the Making of a Decadent / J.D. Grossman // Добролюбов А.М. Сочинения: Natura naturans. Natura naturata. Собрание стихов. Из альманахов «Северные цветы» на 1901, 1902, 1903 гг. – Berkeley, 1981 (Modern Russian Literature and Culture. Studies and Texts. Vol. 10). – P. 7–18.
412. Kobrinsky A.A. Aleksandr Dobroliubov in Finland: A Letter to Vasilii Gippius / A.A. Kobrinsky // Russian Literature. – 2012. – No. 2. – P. 207–215.
413. Stone J. The institutions of Russian modernism: conceptualizing, publishing, and reading symbolism / J. Stone. – Evanston: Northwestern university press, 2017. – 304 p.

* 18+ А.М. Эткинд признан Минюстом РФ иностранным агентом

* 18+ А.М. Эткинд признан Минюстом РФ иностранным агентом

